Колдовские миры

Галина Гончарова

Азъ есмь Софья
Тень за троном

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Семнадцатый век. В Европе гремят войны. Объявляются незаконнорожденные королевские сыновья, вспыхивают восстания, заключаются союзы и династические браки. Яд, подкуп, интриги… В ход идет все. Чья умелая рука руководит событиями? Кто она – та, что стоит за троном русского государя Алексея Алексеевича? Проклятая царевна, серый кардинал, божье провидение или просто любящая женщина, которая надеется дождаться с войны брата и мужа, защитить страну и возвеличить Русь?

Время покажет. А пока царевна Софья, а вернее, та, кто вот уже второй десяток лет живет и правит под ее личиной, использует на благо государства Российского знания века двадцать первого и обязательно выстоит!

- Галина Гончарова
  - 1677 год
  - Лето 1677 года
  - Сентябрь 1676 года
  - Октябрь 1676 года
  - 1679 год
  - 1680 год
  - 1681 год
  - 1682 год. Зима
  - 1683 год
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29

Галина Гончарова
Азъ есмь Софья. Тень за троном

Корона ранит лоб, и кровь
течет по коже.
Терновые шипы, впиваясь в
кожу лба,
Забыться не дадут. Ведь
роскошь мимолетна,
А жизнь всегда права, и
власть всегда мертва.
Венец на голове – награда
или кара?
Кому – предел мечты, кому
– кошмар и ад.
В грязи, в войне, в крови, где
счастье – это мара,
И никому не рад, и ничему не
рад.
Душа кричит в тисках, но
кто ее услышит?
Ты примешь этот груз,
останешься собой.
Отдашь взамен любовь,
надежду, счастье, веру,
И в никуда уйдешь с
поднятой головой.

1677 год

Софья прищурилась, решительно заскользила пером по бумаге. Нравится ли, не нравится – иногда приходится сотрудничать с врагами и лгать друзьям. Хотя какие друзья в политике? В гадюшнике их куда как больше…

Своими поступками она подставляет Михайло. Ну и Марфу, конечно. С другой стороны – кому еще нужна сильная Польша? Полякам?

Безусловно!

А Софья предпочла бы видеть ее частью России – в будущем. Сателлитом, другом, союзником – но в составе одной страны.

Веник – он только в связке сильный, а прутья по одному легко переломаешь. Там, в двадцатом веке, она искренне удивлялась: как люди этого не понимают? Их детям ведь жить в слабой стране. А это – грустно. Бродячую собаку каждый пнет, а поди обидь собачью стаю? Отдача замучает.

И сейчас Софья писала Гуссейну-паше. Великому визирю султана Сулеймана. Не под своим именем, конечно. Писал якобы царь Алексей Алексеевич. И он потом даже прочитает это письмо, как и Ваня. Вот от них Софья ничего не таила. Ну… почти.

Софья договаривалась о будущем.

Торговать, воевать…

Никто ж не думает, что Руси дадут жить спокойно? Это сейчас в Европе небольшие волнения. Людовик бузит, с испанцами Нидерланды делит, а вот как поделит – так и посмотрит повнимательнее по сторонам, так и ручки еще куда-нибудь протянет. Он из тех людей, кто имеющимся не удовлетворяется, ему все больше и больше нужно. А еще у нее есть планы на кое-кого из европейских монархов. И это тоже не останется незамеченным.

Софье вовсе не хотелось, чтобы ее – или брата, или мужа – постигла судьба Елены Глинской. Яд. Уберечься можно, но проще сделать так, чтобы травили не тебя, а для тебя. Или создать такую обстановку, когда европейцам не до травли будет – хвост бы из капкана вытащить.

У Гуссейна-паши, напротив, имелись свои интересы.

Пальцы царевны на миг тронули Коран. В золотом узорном переплете, изукрашенном камнями. Кто сказал, что в эти времена шифров не знали?

Вот закончит письмо, еще раз перепишет, с братом поговорит и примется шифровать. Один из самых простых и в то же время убийственных способов шифра – книжный. Выбираешь букву,

строку, страницу и пишешь три числа. Просто?

Так это в двадцать первом веке было бы просто. Там компьютеры водятся и программы. А здесь и сейчас – расшифровать почти невозможно. Нужна та самая книга, которая побывала в руках кодировщика. Или ее точная копия.

В эпоху рукописных книг?

Ха!

Хотя у Софьи и у Гуссейна-паши такие книги были. Коран, конечно.

Богохульство?

Да никогда! Неужто Аллах оскорбится на своих детей за маленькую военную хитрость? Гуссейн-паша заверял, что существуют только две копии, и Софья ему верила. Но даже если больше – так что же? В турок, которые договорятся с Леопольдом или Людовиком и пойдут вместе на Русь, верилось плохо. То есть вообще никак. Гуссейн-паша был весьма и весьма неглуп.

Ему хотелось остаться визирем. На султанское место не метил, слишком ступенька скользкая. Для этого нужны победы, а вот с ними у Османов – небогато. Сначала Польша. Ну, за ту султан Мехмед расплатился. Потом Крым – там турки хоть и не участвовали, и Софья все сделала, чтобы никто лишний раз не пострадал, но… все ж таки плевок на самолюбие. Сколько лет Крым был татарским, а тут верных псов разогнали.

Русские, конечно, право имели. И силу, что в политике почти одно и то же. Но у Гуссейна-то янычары! У него народное недовольство! У него нехватка денег… Короче, паше позарез нужна война. И – победоносная.

А куда идти?

Не на Русь же! Далеко, холодно и пока до богатых городов доберешься – все склянешь. Стало быть, надо идти в Европу. И вот тут Гуссейну нужны все союзники, которых только можно разыскать.

Русский царь?

Почему бы нет? Им-то доступно куда как больше, чем мусульманам в Европе.

А потому сначала полунамеками, а потом с помощью специального шифра согласовывались важные вещи. Куда идти, кто пойдет, что делать будем…

И за изящными строчками на пергаменте Софья видела хищника. Хитрого и жестокого паука, который и выпил бы ее, да вот беда – не дотянется. А потому можно муху взять и в союзники. Пусть загонит для него других мух! А потом, когда-нибудь потом…

Софья не возражала.

На это «потом» у нее были свои планы. А сможет ли она переиграть визиря, зависит от простого фактора. Вырастить преемников. Это ведь не на одно поколение, это больше чем на сотню лет! И в Османской империи с этим делом плохо, каждый последующий султан у них тряпичнее предыдущего. Или так не говорят? Но что делать, если Селим Первый был Великим, а нынешнего можно назвать в лучшем случае гаремным? Раньше собака вертела хвостом, то бишь султан гаремом, а теперь хвост собакой – и кухарка управляет государством.

Вот Софье и надо сделать так, чтобы на Руси ни хвостов, ни собак на троне не случалось. Пусть звучит легко, да только турки уже с этим не справились. А пока… Пусть османы и русские пройдут пару лет в одной упряжке, потерпим.

Итак…

Священная Римская Империя.

Вена.

Софья злобно ухмыльнулась. Вена, говорите? А мы проверим, насколько смертелен для вашей империи удар в вену.

Вот!

* * *

– Сколько турок?!

Леопольд был бледен как никогда.

– Около ста двадцати тысяч, ваше величество.

– Мне доносили лишь о восьмидесяти?!

– Ваше величество, как оказалось, это не все части. Есть еще моряки под предводительством паши Мезоморте. И венгры…

– Венгры?!

– Да, ваше величество. Вы же знаете…

О, Леопольд знал. Священная Римская Империя просто мечтала развалиться на отдельные составляющие. То есть Венгрия мечтала, а Австрии этого решительно не хотелось. Ишь ты, свободу им… А не перебьются? Давить и давить негодяев!

Чем и занимался Леопольд, а до того и остальные императоры.

В итоге государство не вылезало из бунтов и заговоров.

– Твари!

– Да, ваше величество. Но дошли слухи…

– Слухи?!

– Ваше величество, наши люди сообщили, что Сулейман обещал Текели свою поддержку. А еще его поддержат…

– Знаю! Это все?

– Да, ваше величество.

– Как скоро они будут здесь?

– Движутся достаточно медленно, трудности со снабжением, но думаю, месяца через три придут под наши стены.

– Пошел вон!

Секретарь мгновенно повиновался. Оставшись один, Леопольд плеснул вина в кубок, медленно выцедил и вдруг швырнул драгоценную вещицу в стену. Несколько капель выплеснулись на обивку, кубок покатился, зазвенел, но никто не прибежал на шум. Оно и понятно: когда правитель в гневе, лучше под горячую руку не попадаться.

Сто. Двадцать. Тысяч.

Даже одних людей – это много. Очень много. У него и половины не наберется, да и та рассеяна по стране. И не всем можно верить. И вооружены османы очень неплохо, уж не хуже его войск.

А есть еще и флот. И Мезоморте… Проклятая тварь! Отступник, место которого на костре. Некогда венецианский дворянин, сейчас же – принявший мусульманство выродок, алжирский бей, который уничтожает христиан с особым удовольствием!

Сын дьявола!

Так вот и понимаешь, что Святая Инквизиция – это полезно. Сожгли бы мерзавца – и хлопот бы не было. Но…

Леопольд был далеко не глуп. Осознавал, что флотоводцев, подобных Мезоморте, у него просто нет. Никто справиться не сможет. Разве что задавить числом. Но… где взять то число? Чтобы оно было, надо как следует всыпать османам на берегу, а тут… Деньги есть, но наемники – не совсем то. Нужны союзники. Львы, а не шакалы.

На губах Леопольда зазмеилась улыбка. Союзники? Он помог русским и полякам с Критом. Пусть они отплатят ему сейчас! Пришлют войска, орудия, помощь, пока еще есть время. Но пришлют ли?

А на кого еще можно рассчитывать? Франция? Испания? Англия? Им не до того. Старина Роули глуп, как тот самый королевский жеребец. Его братец не лучше, Людовик себе на уме, к тому же на короткой ноге с Турцией. Да и испанцы… сейчас они все делят, раздирают на части Нидерланды. И раздерут-таки… Но войска оттуда не уберут. И ему не помогут. Своя рубашка ближе к телу.

Португальцы?

У них неплохой флот. Можно попробовать. Найдется, что предложить взамен.

Чуть успокоившись, его величество позвал секретаря и принялся диктовать письма. Потом их отправят со срочными гонцами, чтобы к адресатам они попали не через месяц, а как можно скорее. И пусть только попробуют не ответить!

Особенно положительно!

* * *

– Все-таки стоит ли ему помогать?

Алексей сомневался – и тому были причины. Уж сколько Леопольд тянул кота за хвост… ей-ей, самое терпеливое животное взбунтовалось бы. А русские к таковым не принадлежали. Хотя письмо было вполне определенным. Полупросьба-полутребование о помощи. Жить котику хотелось – и с целой шкуркой.

– Помогать-то стоит, но опосредованно, – задумчиво произнесла Софья. Она, как обычно, грызла кончик пера. Задумалась, смотрела в окно.

– Казна новой войны не выдержит, имеющееся бы разгрести. – Ваня был категоричен.

– Если полезем – обязательно потом ответ схлопочем. В Крыму, например. Нет, Соня, не сдался нам этот паразит, нечего ему помогать…

– А я считаю, мальчики, что вы не правы, – Софья сплюнула кусок пера и посмотрела серьезнее. – Надо просто затребовать с него подходящую цену за помощь.

– И какую же?

– Невесту. Федю женим, остался Ванятка и девочки. Теперь надо Ваньке невесту найти, пока та свободна. Еще свободна.

– Ага, много он нам помог?

– Э, нет. Сейчас мы будем требовать с него определенную девушку. Даже еще не девушку, Алеша.

– Не понял?

– Я смотрю на все королевские дома Европы и не вижу никого, достойного нашей семьи. Пожалуй, кроме одного варианта. Но ей сейчас восемь лет.

– Соня, а почему не младенец?

– Лешка, а что тебя не устраивает? Сейчас замуж выдают рано, надо бы, кстати, принять указ, чтобы не раньше пятнадцати! Какое количество девчонок от ранних родов гибнет – уму непостижимо!

– Ты не растекайся мыслью…

– Ладно, буду краткой. Есть одна невеста, которая мне пока что нравится. И как невеста, и как приданое. А что мала… нам ли

жаловаться? Ванька тоже не старик.

– Ванька, Федя… А про меня ты подумала?

– А ты еще не нагулялся, великий государь? Думаешь, я ни про кого не знаю? Про Татьяну, Ирину, Марусю…

Братец смущаться и не подумал.

– И что? Кто-то мной недоволен?

– Все довольны, – усмехнулась Софья. – С детьми бережешься?

– А то ж. Мои дети появятся только в законном браке. А вот с кем…

– Ульрика-Элеонора Датская.

– Это кто?

– Милая умная девочка. Не слишком красива, ну да с лица воду не пить. Зато здорова. Датская принцесса. Она вообще-то с Карлом Шведским помолвлена, но у них пока войны… можем перехватить.

– Думаешь, стоит?

Перо подверглось очередному обгрызанию.

– Не знаю, Алешенька. Понимаешь, у тебя должны быть дети. И лучше – скорее. У батюшки к этому времени уже были… Мы все смертны, и надобно наследников воспитывать и учить. Других нет, разве что на той же Изабелле тебя женить, но это ж сколько ждать придется! А Ульрика хотя бы не дура. Ей, между прочим, с Леопольдом помолвку предлагали.

– И?

– Поменять Карла на Леопольда. Отказалась.

– Приедет – и начнет тут интриги крутить…

– Окоротим, – пообещала Соня.

– А хоть портрет ее есть? Хоть что-то?

– Алеша, что-то есть, но…

Лист бумаги, выложенный на стол, воображение не потрясал. Самым выдающимся на портрете девушки был нос.

– Там, между прочим, и свободный принц есть. Георг Датский.

– Та-ак…

– Предлагаю обменяться. Они нам Ульрику, мы им Катеньку.

– Думаешь?

– Чего тут думать? О приданом сговоримся… Вы более-менее в одном возрасте, сумеешь произвести впечатление – получишь девчонку. А с Катериной я поработаю. Пошлем посольство?

– Что собой представляет этот Георг?

– Пустое место. Тень отца. Ум там весь достался его старшему брату Кристиану.

– И ты хочешь такого Катюшке?

– Умной жене хватит. Справится.

– И у нас останутся – кто?

– Марья. Феодосия. Володя. Наташа.

– Ах да, еще Ванечка. Так кого ты для него выбрала?

– Изабеллу Луизу де Бейру.

– Кто такая?

– Дочь Педру. Португальский король из династии Браганса.

– Сонь, вроде бы ее с Савойским пытаются сговорить? – Иван знал, о ком идет речь, но как хорошую партию не рассматривал.

– Разберемся. Если Леопольд влезет – договориться сможем.

– Думаешь?

– Они с Савойским кузены. К тому же, если Виктор на ней женится, станет консортом, пока у малышки не появится брат. А его родителям это не нравится.

– Кому б понравилось. Погоди, так она одна – наследница?

– Пока да. Но у Педру молодая жена, так что можно рассчитывать на появление наследника. Пусть старается лучше.

– Соня, не то чтобы я был против, но неужели никого больше найти нельзя?

Софья вздохнула. Потерла лоб рукой и печально посмотрела на брата.

– Боюсь, милый братец, что это – окончательные варианты. Европейки нам не подходят, особенно взрослые. Для них нормально не мыться, собирать вшей на возлюбленном, гадить где попало, хоть в углу дворца, заводить любовников… Между прочим, считается очень немодным, если муж и жена любят друг друга. Просто вульгарным. Вот стадо любовников и отряд любовниц – это элегантно. И венерические заболевания – тоже.

– Спасибо. Я понял.

Алексея аж передернуло.

– Дания все-таки рядом, не настолько они там дикие. А Изабелла… пусть Белла. Неглупа, по моим данным. Ее развивают, все-таки предстоит стать королевой, пока нет братьев. С ней занимаются, ее воспитывают. И в то же время – она еще молода. Если выписать сюда – будет хорошая жена для Ванюшки.

– Будет ли хорошая жена у меня?

– Лешенька, не знаю. Но если Ульрика-Элеонора тебя полюбит… Мы сможем привить ей элементарное. Да хотя бы чистоплотность. Сможем! Я очень надеюсь сделать из нее еще одну опору для трона.

Алексей кивнул. Что-что, а за чистоту Софья боролась львицей. До того дошло, что в трактирах и кабаках стали предлагать таз с водой – руки вымыть! В самых дорогих трактирах в эту воду еще и для запаха что-либо добавляли.

Модно! Этак омыть руки, сесть за стол, встать из-за стола, вновь омыть руки – все не о штаны вытирать!

– Полюбит ли?

– А ты постарайся. Мы поможем, чем сможем, но ведь и ты не в огороде найден? О твоих талантах я от девушек наслышана…

– Ох и лиса ты, Соня.

– Алешенька, так ведь тут все просто. Чтобы девушка в такого, как ты, влюбилась – ни ума, ни таланта не надобно. Ты в зеркало-то погляди: красавец, умница, государь… чего еще?

– Не знаю. Соня, а если так получится, что не срастется?

– Ты, Ванечка, Володя. Неуж не подберем пары? Да и на этих двоих свет клином не сошелся. На крайний случай есть еще пара вариантов, но больно они… Спиной ты к такой жене повернуться не сможешь.

– Логично. Ладно, будем договариваться с Леопольдом. Он подписывает для нас договор, Изабелла выезжает к нам, а войска выступают к ним?

– Примерно так.

– Это по Ваниной жене. А я…

– А ты едешь свататься. То есть сначала зашлем послов, и быстро. А потом и сам съездишь. Чай, не переломимся.

– Бояре вой поднимут. Не по чину…

– Побольше повоют – поменьше поболеют. Управимся.

Софья перевела дух. Осторожно так. Алешка вроде бы ничего не заподозрил – и слава богу. Но… она действительно собиралась сама подобрать ему жену. *Правильную*.

Семья – это упряжка из двух лошадей, и тянуть они должны в одну сторону. Вот как они с Ванечкой. Ему интересны финансы, ей – политика, а если в одну упряжку впрягли коня и трепетную лань, дело кончится сдохшим от перенапряга конем и радостно ускакавшей к иным жеребцам ланью. О чем не худо бы и мужчинам помнить.

Ей не нужно, чтобы Алешка отвлекался на проблемы в семье. А вот если жена брата возьмет на себя что-то из разрастающихся обязанностей – хорошо. Ульрика-Элеонора не красотка, но не глупа, по отзывам людей. А это – главное. А еще – не честолюбива. То есть вообще. Не дал ей Бог когтей и клыков, не в отца пошла. Если что – пусть Алексей ей хоть детей сделает. Ну и по землям там посмотрим, что с приданым. И Ване была бы невеста на славу. Куракин очень положительно о фамилии Браганса отзывался. Опять же, про эту династию Софья как-то слышала. На экскурсии, в Лиссабоне. И что приятно – фамильной шизофренией или лошадиной, простите, габсбургской губой они не отягощены. Уже много! Жаль, что больше не слушала, а стоило

тогда не хлопать ушами!

Но знать бы, где падать!

Софья вообще считала, что истории в школах уделяется недопустимо малое время. Теперь…

Раньше-то она на математику налегала, физику, химию, языки учила… Хотя это и сейчас пригодилось.

– А что получит Михайло? Ему же предстоит участвовать?

Софья тряхнула головой, отвлекаясь от посторонних мыслей.

– Конечно получит. Как раз откусит у турок кусок земли по Днестру. Он-то с турками мира не заключал, те просто вымелись, разбитые. Вот и сквитается. Наши и его войска под командованием Яна Собесского отправятся на помощь, но не все, далеко не все. Кое-кто пойдет в другую сторону. Под командованием пана Лянцкоронского.

– Ежи уже просился его отпустить?

– Просился.

– Отпустишь?

– Бася уже отпустила, – пожала плечами Софья. – Понимает, что долго ротмистр при ней не высидит. Орла в клетке не удержишь, так что пусть съездит. С Яном.

– Не к полякам?

– На родину ему пока нельзя. Езерковские до сих пор бесятся, Марфа мне отписала.

– Давно писала-то? – заинтересовался Ванечка. – Только про Езерковских?

Софья кивнула на стол, заваленный бумагами.

– Потом возьмешь, почитаешь. У вас переписка серьезная, деловая, а у нас что? Сплетни бабские…

– Соня, уши надеру, – пригрозил Алексей.

Царевна пожала плечами с невинным видом.

– Ну ладно… оно и пришло-то с час назад, я просто сказать не успела. Марфа пишет, что дети живы-здоровы, что муж доволен и счастлив, что паны шипят, но терпят. Их, конечно, слегка прижали, но им же и способы заработка предоставляют. Казна даже помогает самым бедным. С тем чтобы они лет за десять ссуду выплатили и дальше только налоги отдавали. Так что пока вроде не бунтуют, плюс еще методика пауков в банке действует. Несколько десятков панов сейчас междоусобицами заняты, им не до короля.

– Это хорошо. А еще?

– Езерковские до сих пор недовольны, недавно одним меньше стало. Вздумал, дурак, Елену задеть. Высказался, что не стоило бы подстилок в приличное-то общество тащить…

– Дура-ак… – согласно протянул Ваня.

– Собесский его, конечно, нашинковал что твою капусту. За любимую женщину-от, почти жену…

– Жену?

– Ян поговаривает о женитьбе. Правда, пока, после Марии, не решается еще…

– Тьфу, стерва, – сплюнул Алексей. Видел он пани Собесскую. Хороша, конечно, Маша, да и слава богу, что не наша.

Софья усмехнулась. Да уж. Сколько труда стоило свести Марию с Голицыным. Хорошо хоть мужчина опытным «бабоукладчиком» оказался: такого наплел, что дама не только уши – что угодно развесила. Софья бы и сама… Хотя нет. Для ее века Голицын квалификацией не вышел.

А вот для Марии в самый раз оказалось. Целый спектакль тогда в Дьяково разыграли. С восхищенными охами, вздохами, цветами, попыткой побега и, разумеется, с вознаграждением верного рыцаря. Тем самым способом.

Мало того – пришлось ему даму брюхатить, что тоже составило определенную проблему: Мария ведь ребенка не хотела. Но в итоге все удалось. Подменили ей все противозачаточные на витаминки – и получили приплод.

Сейчас ребенок, которого назвали Константином, воспитывался в подходящей приемной семье, а сама Мария Луиза под именем сестры Прасковьи обживала отдаленный сибирский монастырь. Там ей и предстояло оставаться до смерти, хоть и с минимальным комфортом. Пусть на прополку овощей ее не погонят, но и за стены не выпустят. Ори, не ори…

Конечно, Мария была католичкой, а монастырь – православным, но Софье на это было наплевать. Не впервые монастыри использовались как тюрьмы для высокопоставленных дам, ой не впервые. А куда еще? В ссылках бегут, в монастыре же… алгоритм отработан. Имени – и то за стенами не узнают. Постриг Мария не приняла, но чтобы замаливать грехи, его и не требовалось. Не отправлять же ее обратно в Польшу, где она может сбежать, еще и мстить начать? Ни к чему такие развлечения. Ни Яну, ни Михайле. Сибирь – это надежно, а главное – далеко.

Вины за собой Софья не чувствовала. Пусть потом с нее за это спросят.

– Будем надеяться, следующая пани Собесская будет уже наша.

– Тебе, сестренка, дай волю, ты всей Европой таким образом управлять будешь.

Софья фыркнула:

– Таким – не буду. У них там сифилис гуляет, и вши стадами

бродят, а мы – народ чистоплотный. И порядочный. Ладно, давайте прикинем, что можно дать с собой войскам, какие новинки?

– Да никаких, – пожал плечами Алексей.

– Почему? – удивилась Соня.

– Жалко.

– Эм-м-м…

Софье тоже было жалко. А людей не жальче? Алексей понял ее правильно.

– Соня, а зачем? Брать крепости нам там не надо, только обороняться, а в обороне динамит так уж не нужен.

– Тоже верно.

– И греческий огонь на суше ни к чему, а на море не мы воевать будем.

– Да какая там война на море? У них же морских границ нет? У Священной Римской?

– И что? Это кому-то мешает высаживать войска на берег? Перевозить фураж, оружие?

Не мешало. Никогда.

– Так что… отдавать греческий огонь в другие руки не будем, а сами не воюем – вот и не надо. Ни к чему раскрывать секреты.

– Думаешь, никто еще не знает?

– Думаю, мало кого интересует, что тут у нас происходит. Дикая Русь и все такое. Но нам это лишь на пользу. Нечего светить свои военные новинки в Европе.

Софья понимала. И все же, все же…

– Хоть пушки им дать нормальные?

– Пушки, пищали, тут я согласен. Но ни динамит, ни греческий огонь. И своих ребят туда посылать не позволю!

– Алеша…

– Соня. Я сказал – нет.

Софья вздохнула.

Ну и ладно. Вообще-то она и не собиралась, но… Брату сегодня и так досталось с женитьбой, теперь ему надо показать, кто тут главный. И разумеется – он.

А говорить, что она давно уже распорядилась отобрать оружие, а химические новинки в Европу отправлять так и так не станет, – ни к чему.

Молчу, молчу…

* * *

Эдмунд Галлей бросил на стойку несколько медных монет.

Трактирщик посмотрел на них презрительным взглядом, но потом сгреб медяки в ладонь и молча налил эля.

Юноше было откровенно грустно и тоскливо. Ну да, он опубликовал свою работу об орбитах планет и описал в ней неравенство Юпитера и Сатурна. И ведь он прав! У одной планеты скорость все время увеличивалась, у второй уменьшалась…

Но почему вдруг работа вызвала такую негативную реакцию?!

Над ним смеялись… пусть не в лицо, но за спиной – да! Мол, как это так?! Ежели одна планета все время ускоряется, а вторая замедляется, то почему они еще летают по тем же орбитам? Почему одна из них не рухнула на землю, а вторая не улетела?

Он знал, кто именно смеется, ему любезно пересказывали шуточки, в травле участвовали, казалось, все, от студентов до профессоров. И особенно усердствовал мистер Джон Флемстид. Еще бы, первый королевский астроном, молитвенник на тонких ножках! Пастор, брюзга и зануда, который не терпел конкуренции. А Галлей знал, что он более умен и талантлив! Но – увы.

Он бы отстаивал свои теории, но его попросту не слышали! Не слушали!

Даже отец прислал письмо, в котором сообщил, что своим поведением Эдмунд позорит семью! И пока не займется делом – не получит больше ни пенса! Легко ли это услышать в неполные двадцать один год?!

Ох тяжко…

А он-то надеялся, если работа будет принята благосклонно, попробовать заинтересовать Королевское Общество своим проектом, хотел съездить на остров Святой Елены… Но куда уж там.

– Вы позволите, господин?

Эдмунд мрачно поднял глаза от кружки.

Рядом с его столом стоял молодой человек, пожалуй, чуть постарше Эдмунда. Располагающее лицо, светлые волосы, голубые глаза, улыбка такая… хорошая. Да и одет достаточно дорого, это сын торговца мог определить. Дорогая шерсть, покрой камзола, великолепное оружие, неброская отделка плаща и шляпы – вроде бы ничего вычурного или бросающегося в глаза, но в таком виде и к королю пожаловать можно. Разве что парика нет. И украшений.

Странно, ну да мало ли у кого какие привычки.

– Присаживайтесь, сэр.

Мужчины какое-то время сидели молча, приглядывались друг к другу, но первым молчание нарушил незнакомец.

– Я заказал обед. Не соблаговолите составить мне компанию,

господин Галлей?

– Позвольте? – удивился Эдмунд. – Но мы не знакомы…

– Это верно, мы не представлены, но все же я вас знаю. И, увидев, не смог не подойти. Разве я могу не выразить свое восхищение вашим талантом астронома?

– Простите, господин…

– Джон Свамп, к вашим услугам.

– Джон… Свамп?

– Это очень приблизительный перевод моей фамилии. На родине меня зовут *Иван Болотин*, но в Англии мое имя можно произнести именно так.

– Ивь… ан Боль… оть… ин… – Эдмунд попробовал произнести непривычное имя и внутренне поморщился. Язык сломаешь!

Юноша весело улыбнулся.

– Чтобы избежать таких проблем, можете называть меня Джоном. Должен сказать, у вас потрясающие знания. И я специально приезжал в Оксфорд за вашей книгой. Господин Исак очень просил привезти в университет экземпляр. А лучше – несколько.

– Господин Исак? Университет?

Голова у Эдмунда пошла кругом. Джон достал экземпляр его книги.

– Исак Ньютон, разумеется. Ректор Университета Государева.

– Государева?

– Государя Алексея Алексеевича Романова. Русского царя.

Эдмунд кивнул. Да, теперь все стало на свои места. И верно… Ходили слухи, что на Руси создали Университет, но просвещенные люди над этим больше подсмеивались. Ну на что способны эти варвары? У них же там вечные морозы, холода… Какая там наука?

Но вот сидит Джон, держит его книгу и что-то говорит.

Не доведенное до конца исследование? Углубить и расширить выводы? И кое-что обобщить? Ну-ка…

Минут через десять Галлей был уже увлечен настолько, что едва не принялся писать вином, случайно обмакнув перо в кубок вместо чернильницы. А спустя еще два часа договорился с новым другом до того, что собрался отправляться на Русь.

К черту ли ту Святую Елену?! Стоял остров – и еще постоит, не потонет! Зато на Руси он сможет пообщаться с господином Исаком, да и другие ученые, которых называл Джон, также были известны и интересны…

Съездить ли на Русь?!

Конечно съездить! Тем более русский король оплачивает все

расходы, взамен прося господина Галлея только прочитать курс лекций по астрономии в Университете. И – да: обязательно изложить свою теорию о движении планет.

Кто ж откажется?

Ваня смотрел на пьяненького англичанина чуть насмешливо. Вот ведь что хмельное с человеком делает, даже с самым лучшим. И верно, хорошо царевич у них в школе сделал. Хоть раз – да каждый из учеников должен был напиться впьянь, до свинского состояния. Посмотреть на себя такого и понять, где мера и почему пить не стоит. Никто и не пил. Разве что вот так, когда надобно… и то Иван умудрялся половину под стол лить.

Вот и еще один человек присоединится к Университету. Царевна Софья очень хотела его видеть. Даже настаивала, говоря, что он умница, и если его не загубят, то Галлей станет великим астрономом. Вот Ваня и подсуетился.

Натравить людей на Галлея было несложно – никто не любит молодых, ранних и умных. Это не Русь, тут талантливых давят ровно клопов. Ну а потом доверительный разговор, чуть внимания, много алкоголя – и контракт подписан.

Эдмунд Галлей обязался приехать на Русь и прочитать курс лекций. А уж уезжать он и сам не захочет. Никто еще не захотел. Даже несмотря на то что на Руси не было театров и не устраивали балов, ученые не стремились обратно в Европу. Большинству из них нужно спокойно работать – и у них имелось все необходимое. Место, деньги, помощники… Любая, даже самая безумная идея могла воплотиться. Что еще надо настоящему фанатику науки? И где в Европе можно найти место, в котором можно работать спокойно, не отвлекаясь на дрязги? Где твои лекции слушают с восторгом?

Не уедет.

Никто еще по доброй воле с Руси не уезжал.

* * *

– Соня, кто такой Имре Текели?

Софья задумалась. В мозгу зашелестели незримые листы картотеки, собранной за долгие годы и неустанно пополняемой.

Венгрия – Леопольд – Текели – Дракула – Ракоци…

– Да, был такой. Сын Штефана Текели, венгра, который бунтовал против Леопольда. Вроде как бежал в Трансильванию, чтобы не отсекли ненужное. Пытается стать достойным преемником Ракоци, но куда ему. А что случилось, Алешенька?

– Читай. Грамотка тут пришла…

Софья ловко поймала пергаментный свиток со здоровущей печатью, развернула, вчиталась.

Латынь она отлично знала, как и любой образованный человек. Выучила. Пришлось.

В самых вежливых и изящных выражениях господин Текели сообщал, что вот он, мечтая о независимости Великой Венгрии… так, ну, бла-бла-бла пропустим… одним словом, человек мечтает о власти и славе. А – шиш.

Кусок авторитета, хоть и незначительный, он себе отгрыз, как говорится, на *энтузазизьме*. Опять же, *куруцей* на свою сторону привлекает. А куда потом?

Как говорится, для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. Где деньги, Зин?

В Трансильвании, которую со времен Дракулы обдирали так, что, ей-ей, вампиры казались бы благом? В Венгрии, кою обдирали Священноримские правители? В Румынии? Что-то подсказывало Софье, что, выбирая между вампирами и сборщиками налогов, народ выбрал бы первых. Гемоглобин-то восстановим, а вот денег – нет! Вообще нет.

Нигде нет.

Короче – кризис экономики. Эх, и тут от них не скрыться…

И что там дальше?

Ну, может, конечно, гражданин Имре прогнуться под великую Турцию. Принять мусульманство и даже обрезание сделать – вдруг денюжку дадут? Но народ будет недоволен. То есть растопчут в мгновение ока. Танком переедут. Слоном боевым перейдут. Вот почему в Трансильвании не любят турок? Странный вопрос…

А может и прогнуться под Русь-матушку.

Но нужен ли этот кусок на Руси?

У Софьи руки чесались замахнуться на великую державу и вообще сваять Советский Союз, назвав его другим именем. Что поделать – она росла и жила в то время, когда СССР был великой империей, а при словах «русские идут» правители остальных держав начинали вздрагивать и мелко креститься.

Но сейчас ей не потянуть.

Ни ей, ни Лешке, ни Руси, что самое важное.

А вот Михайле Трансильвания очень удачно придется. Отгрызть бы Молдавию – это хотя бы реально…

Но всю Венгрию?

Трансильвания идет в комплекте с Венгрией, а той независимости еще долго не добиться. Сил не хватит, зато вот гордости – с лихвой. И получается грустно. Отколоться от Австрии – можно. Но Леопольд тут же пригонит обратно. Палкой,

для пущей доходчивости. Найти кого-то достаточно сильного? Поляки сильны, но венгры искренне считают, что они более родовиты. Может, так оно и есть. Кстати, историю Венгрии Софья не знала вообще, да и не важно это было. Не лягут они под поляков. А вот как насчет братской помощи? Или вассалитета?

Хочется им независимости? Пусть Имре будет независимым, пусть! Но под покровительством Великой Польши! А что? У них и границы общие, и из Крыма можно снабжение наладить, опять же, русские в войне если и будут участвовать – то только под польским флагом.

Софья совсем по-детски хихикнула, вспомнив про боевых летчиков Ли Си Цинов и Ван Ю Шинов. А что? Будут бравые поляки Иванов, Петров и Сидоров под командованием пана Володыевского. Как вы яхту назовете, так ее и в политике примут.

Паны, опять же, будут заинтересованы, а то нельзя все время повышать давление в котле. Рано или поздно может сорвать крышку, а еще одной войны на Руси не надобно. Пусть лучше Польша пока остается дружественным государством, а потом, если повезет, объединятся две страны. Только вот с браками – не надо.

Сыты по горло коронованными идиотами и прочей генетической швалью. Не-ет, и при своей жизни она родословную портить не даст, и потомкам завещает. Пусть на все изжоги идут, пусть хоть детей от жен подменяют на детей от любовниц, но на троне не должно быть генетически дефектных царей. Надо бы еще основы генетики изложить сэру Исаку – кто там у него сейчас этим занимается?

Много Софья рассказать не могла, но ведь сейчас и это малое неизвестно. И вообще, главное знать, куда копать, а как копать, какой лопатой…

Она знает *что*.

Ученые найдут – *как*.

Но это потом, потом. А покамест… Надобно узнать точнее, что там происходит.

Софья решительно принялась строчить указания осведомителям.

* * *

Илона Зриньи смотрела в будущее с тоской. Да еще с какой. Легко, ой как легко жить, когда тебе пятнадцать, когда ты весела и беззаботна. Легко жить и под крылом сильного и умного мужа, любить его, рожать детей и каждый день молить Бога, чтобы дал

еще денек. Хоть один, потому что Ференц был Ракоци. До последней капли крови, до мозга костей… и рано или поздно его должны были убить. Как ее отца, как деда…

Она понимала это, понимал и Ференц – и вместо того, чтобы позволить жене превратиться в нежную и трепетную лилию, растил злую колючку. Пусть – роза. Но с шипами, а не с цветами.

Легко умереть вместе с тем, кого любишь. А вот сохранить все, что есть у него, преумножить, передать детям…

Она – сможет?

Были, были у нее сомнения. Иногда и самая сильная женщина может позволить себе минуту слабости, плача навзрыд там, где ее никто не увидит, кроме птиц. На западной башне замка.

Ференц, ох, Ферек… зачем, за что, как же так…

Вопроса «кто?» она не задавала. Ни на минуту не задавала с тех пор, как у мужа начались боли и они заподозрили яд. Леопольд, кто же еще?! Габсбурги, будьте вы прокляты!!!

Род Ракоци древний и сильный, и Илона подозревала, что мужа отравили не просто так. Если бы Ферек скликал народ под свои знамена – встали бы и стар и млад. А кто еще кроме него?

Некому… И Ферека нет.

Из горла непроизвольно вырвалось рыдание. Теперь надо отнять у нее сына, сделать из него марионетку – и она будет плясать под ниточки императора…

Не отдам!!!

Руки сжались в кулаки. Людям не отдам, смерти не отдам… Женщина кусала подушку, чтобы младенец не слышал ее рыданий. А выть хотелось…

Я справлюсь.

Я выдержу…

Кто бы мог подумать, что в этой красивой черноволосой женщине будет столько внутренней силы? Все, что есть у нее, жизнь, честь и душу, отдала бы Илона за свободу родной страны. Кровь позволила по капле выцедить. Отец, мать, деды и прадеды мечтали о свободе. Свободе от Римской Империи, от Габсбургов… за что и платили кровью.

Даже не за дела, за мечты. Леопольд, а до него и множество других императоров, ревниво охранял свои владения, выжигая даже намек на крамолу. Ни один заговор пока еще не увенчался успехом, ни один…

Все погибали.

Прадеды и прабабки, деды, отец, мать, теперь вот муж… скосит ли ее неумолимая коса? Илона подозревала, что да. Но пока она еще жива! Она будет, видит бог, она станет бороться до

последнего! Пусть не она увидит свободную Венгрию, пусть ее дети и внуки, но они доживут! Свобода будет гореть у них в крови, равно как и у нее.

Свобода…

В зал Илона спустится спокойная. Как и всегда после смерти мужа, в траурном уборе. Займется делами, будет говорить, улыбаться, выслушивать людей с их бедами, проверять отчеты управляющих, разгонять воронье, слетевшееся в замок…

Родственники, родственники… и откуда только эти твари выползают?! Где они были, когда Ферек пытался найти помощь?! Где они были, когда он умирал от яда?!

Где?!

Зато сейчас выползли из нор, жала выпустили, зашипели, что те гадюки…

Помогут они… Ага, помогут, как же!

Илона боялась.

За себя, за младенца, за дочь… за свою землю и своих людей. А помощи ждать неоткуда. И двигалась неодолимой волной турецкая армия, и… что же будет?!

Страшно.

* * *

– Ваше высочество!

– Сеньорита Изабелла!

Голоса гувернанток разносились по саду, буквально раздирая воздух. Девочка поморщилась, но из укрытия не вылезла. Нет уж! Надоели! Опять будут танцами мучить! А неохота… она бы лучше сейчас поиграла с любимой собачкой. Вот кстати…

– Кики…

Подзывать малыша приходилось шепотом. Услышат еще…

Но песик почему-то не шел.

– Ваше высочество…

Шепот был также очень тихим. Изабелла обернулась и увидела девушку. Та тоже пряталась за кустами, держа на руках предателя Кики. Крохотный песик породы бишон фризе, которого почесывали за ушками, выглядел абсолютно счастливым. Девочка прищурилась, вспоминая.

Где же она ее видела? Нет, не упомнить… Дворец короля хоть и не был проходным двором, но запомнить всех просто нет возможности.

– Сеньорита…

– Меня зовут Анита, я кузина русского посла. Идемте, ваше

высочество, а то сейчас эта стая чаек до нас доберется.

– Куда?

– Спрячемся от них?

Белле того и хотелось, так что, пригибаясь и оглядываясь, она последовала за девушкой. Несколько минут плутаний в саду – и они вышли к симпатичной беседке, заросшей виноградом так, что и входа не видно было.

– Ваше высочество?

Изабелла первой скользнула внутрь. Тихо, спокойно, а главное – ни одной фрейлины. Девушка, войдя вслед за принцессой, вручила ей Кики – и осталась стоять у входа. Изабелла подумала, а потом указала на подушку.

– Присаживайтесь, сеньорита Анита.

– Благодарю, ваше высочество.

Та ловко скользнула на подушки.

– Расскажите о Руси? Правда, что там постоянно темнота и холода? Говорят, там такие морозы, что птицы на лету замерзают?

Анита улыбнулась:

– Что вы, ваше высочество! У нас есть и зима, и лето…

Через два часа они выбрались из беседки, чтобы разойтись в разные стороны.

И вновь встретиться немного позднее. Изабелла хвасталась своим Кики, и Анита рассказала, что на Руси разводят и дрессируют хорьков. Даже сказала, что у нее с собой есть питомец. И – самое главное – обещала принести его и показать! А если принцессе понравится – то и подарить.

Поскольку фрейлины наверняка не дали бы спокойно поиграть с экзотической зверушкой, конечно, первая встреча должна была состояться подальше от этого… престарелого курятника, как ехидно выразилась новая знакомая. Да и послушать еще о Руси хотелось. Да, конечно, Изабелла в жизни там не побывает, но… интересно же!

Анита, она же Анна Перышкина, одна из Софьиных воспитанниц, только усмехалась. У нее было другое мнение на этот счет. Не побывает?

Ой не зарекайся…

Царевна Софья уже прислала записочку, так что Изабеллу надо потихоньку заинтересовать Русью. Пусть та станет для девочки страной сказок. Тогда и поездка пройдет спокойнее, да и начальная обработка…

А вообще – насколько ж умна царевна! Глядя на девочку, Анна понимала, что из нее получится хорошая королева. Неглупая, любопытная, ясноглазая – от такой хорошие дети

будут. А если ее еще мыться приучить да к здоровой пище…

Хорек, между прочим, был одним из дюжины, которую привезли с собой – и был специально приучен не жрать тухлятину, как ни маскируй. Скоро Изабелла начнет отказываться от плохой воды и пищи, мотивируя тем, что такое даже Рикки не ест! А вы человека накормить хотите?

Еще хорек был умен, спал на подушке рядом с человеком, ластился, чтобы его погладили, без устали играл с бумажкой и отлично ловил крыс и мышей. Скоро, очень скоро экзотическая игрушка займет свое место рядом с принцессой.

А дальше – больше. Сложен только первый шаг.

Сколько времени пришлось выслеживать девочку! Больше месяца! Но что такое удача? Это – труд. Девяносто процентов труда, и уж десять можно оставить на стечение обстоятельств. Так говорила царевна, и Анна принимала эту истину всей душой. Давно ли она была воровкой и пряталась по подворотням?

Сейчас она доверенное лицо царевны, и прятаться приходится уже во дворцах. Роскошное платье, драгоценности, кружева и золото…

Но работа-то привычная!

Стоит ли упоминать, что на следующий день принцесса потихоньку удрала в беседку, откуда и вернулась с роскошным хорьком на плече.

Конечно, Кики ревновал, но недолго. Хорек, существо чрезвычайно активное и любопытное, быстро научился играть с собачкой – и теперь они служили неиссякаемым источником забав для всех фрейлин принцессы, да и для нее самой. А Анита все рассказывала и рассказывала девочке о Руси. И все больше любопытства было в глазах Изабеллы.

Софья была бы довольна.

* * *

Получив письмо от польского короля, Леопольд изволил огневаться.

Как?!

Эти варвары… эти однодневки… этот схизматик ему еще и условия ставит?! Справедливости ради условия ставил русский царь, но все-таки! Он император Священной Римской Империи, его поддерживает Папа Римский, он один из самых…

И турки стоят у него на пороге. Одному не отбиться.

Польша?

Придут они или не придут – вопрос. Но коли он сейчас

русскому царю откажет – можно не сомневаться, что поляки дома останутся. А зачем им воевать идти? У них сейчас и дома весело и интересно. В Польше было… сложное настроение, иначе и не скажешь.

Паны – та еще вольница, укротить которую пока еще не мог ни один король. Михайло не стал бы исключением: или отравили бы, или зарезали, или еще чего… Но звезды решили для разнообразия сложиться очень удачно.

Сначала тягостная война с Русью, в которой много кого вырезали. Потом победная война с Турцией, в ходе которой Михайло приобрел верные войска, а паны на полгодика так и вовсе прижухли – народ бы их на части порвал за государя. Мало того – еще и успешный поход в Крым, в который отправилась часть недовольных, и далеко не все вернулись. Да и Ян Собесский короля поддерживал. Тоже… сила.

А противовеса этим двоим пока не находилось.

Может, и нашелся бы кто, да на то время надобно. А еще деньги и вдохновитель. И пока…

К тому же, как опытный интриган, Леопольд мог распознать схожую работу – и видел, как словно исподволь стравливаются панские кланы, как ссорятся соседи, как корона съедает то одного, то другого, оставаясь вроде ни при чем…

В другое время он бы помог с огромным удовольствием, да еще себе кусочек отгрыз от поляков, немаленький такой. Только вот сейчас, при смычке Польши с Русью, если его вмешательство обнаружат – это станет самоубийством.

И так много кто на него зубы точит.

Но не отдавать же этому варвару принцессу? Да и Педру… Безусловно, ему договориться куда как легче, но…

Эти варвары!!!

И массивная золотая чернильница таки полетела в стену, пятная дорогую, с золотым же тиснением алую кожу обивки.

Впрочем, перебесившись, Леопольд стал соображать намного лучше. И вызванный им секретарь послушно застрочил письмо под диктовку господина.

Невесту хотите?

Так вы сами от нее откажетесь! А пока – милости ждем на помощь!

* * *

Ульрика вышивала. Сие занятие приличное и принцессе подобающее. Щебетали дамы, рассказывали какие-то истории –

она не слушала. Она размышляла о своем.

Карл…

Высокий стройный юноша с грустным собачьим взором, коего она видела два раза в жизни. Ее нареченный. Жених… Король Швеции, Готов и Вендов.

Один раз она видела его, когда брат отдавал ее руку Карлу. Второй раз – тем же вечером на балу. Карл пригласил ее на танец, кружил, говорил заученные комплименты, а глаза были… равнодушными.

Увы.

Ульрика отлично понимала, что она – не красавица. Но разве мало другого? Доброй души? Сердца? Порядочности и преданности? Неужели блестящие глаза и высокая грудь той же Мари (принцесса с легкой неприязнью покосилась на фрейлину, но тут же устыдилась: Мари ведь не виновата ни в своей красоте, ни в некрасивости Ульрики) в глазах мужчин перевешивают все остальное?

Ульрика понимала, что ее брак будет политическим – и готова была отдать свою руку и свою преданность мужу. Но… Сможет ли? Карл сейчас – враг. Швеция воюет с Данией. А что делать ей, как быть? Предавать брата или жениха?

Ульрика не знала. Тем более что брата она любила, а жениха – нет. И вряд ли Карл сможет завоевать ее любовь. Верность – да. Но сердце ее навек останется пустым и холодным. И думать об этом больно.

– Оставьте нас.

Кристиан незамеченным вошел в покои, жестом остановил сестру, которая намеревалась склониться в реверансе.

– Сиди, сестра. Я пришел поговорить.

Дамы поспешно выходили из комнаты. Ульрика не глядя могла бы сказать, у кого из них что-то было с братом. Кто стрелял глазками, кто смотрел с надеждой. Наконец за последней плотно закрылась дверь, и Кристиан даже проверил ее. Вернулся к сестре, и только тогда она заговорила:

– Да, мой дорогой брат?

– Сегодня я получил письмо от русского государя. Нам обещана помощь в войне со Швецией, если мы отдадим ему руку нашей принцессы.

Ульрика замерла, словно заяц в тени филина.

– Но…

– Да. Я так решил.

Ульрика сжала руки.

– Но брат мой…

Кристиан покровительственно улыбнулся, погладил ее по

судорожно сжатым пальцам. «Ах, сестренка, власть вымораживает все лучшее в человеке, но я не настолько еще король, чтобы пожертвовать тобой».

– Сидите и слушайте, сестра. Русь недалеко, я не отдаю вас замуж в совершенно чужую страну. Русский государь молод, кажется, он всего на пару лет старше вас. Карл же младше вас на четыре года. Это не имеет значения в политике, но мне хотелось бы счастья для сестры.

А для себя – поддержки могущественного соседа, в союзе с которым можно оторвать хоро-оший кусок от Швеции.

– Или вы будете утверждать, что любите Карла?

Ульрика пожала плечами. Посмотрела в лицо брату и высказалась честно, как и всегда:

– Нет, брат мой. Мне он безразличен.

– Я так и думал, что все эти слезы о верности клятвам и вашей любви – не более чем предлог для отказа Леопольду.

Ульрика усмехнулась:

– Верно, брат. И все же… Не стоит меня за это осуждать?

– Поверь, сестра, если бы мне было выгодно… но Леопольд стар, он далеко и слава его… м-да. Ладно, не будем о грустном. Кроме того, Георгу предлагают русскую принцессу в жены. Катрин… ее имя Катрин.

– Ваше величество, возможно, у вас есть портреты?

Портреты были.

С одного улыбался красавец, равного которому Ульрика еще не видела. Веселая улыбка, шапка золотых кудрей, шальные синие глаза…

И сердце кольнула холодная иголочка. Она-то самая обычная. Разве ему такая нужна? Рядом с ним должна быть другая, совсем другая. Высокая, черноволосая, с сияющими глазами. А она – что она? Никакая…

– А второй?

На втором портрете, миниатюре размером с ладошку, была нарисована также красавица. Светловолосая, синеглазая, с обворожительной улыбкой.

– Принцесса Катерина.

Иголочка кольнула еще раз. Брат и сестра были похожи даже на портрете, значит, сильно живописец не приврал. Приукрасить-то – обычное дело. Но не здесь.

Ульрика не знала, что Софья распорядилась писать портреты с натуры, не льстя и не приукрашивая, и одного художника даже выгнали за излишнюю льстивость. Лучше не очаровываться, чем разочароваться.

Не приняла она во внимание и законы генетики.

Близкородственное скрещивание царских династий, браки с двоюродными и троюродными сестрами давали печальную картину. Узкие плечи, нездоровые лица… Романовы пока еще не испортили себе ни внешность, ни наследственность, выбирая в жены не тех, кого надо, а тех, кто молод, здоров и красив. Что Алексей Михайлович в молодости был красавцем, что жена его до смерти все взгляды приковывала.

Смешно сказать, но больше всего, наверное, не повезло царевне Софье, у которой черты родителей соединились в нечто достаточно неприметное. А вот остальные дети унаследовали выразительные черты матери и краски отца. Глаза, кудри…

– Но ты же…

– Георг женится на англичанке, как и планировали. Это брак выгодный, не стоит упускать. А вот тебя можно и выдать замуж. Мир скрепим, договор подпишем.

– И как…

Голос изменил девушке, дрогнул, сорвался.

– Я отпишу, что согласен. И предварительно обговорим… всякое. А через три месяца…

– Это же так мало!

– Почему же? Тряпок тебе не хватит? Так на Руси иная мода, твои платья там и на занавески не сгодятся.

Ульрика поникла.

И верно, иная.

И жизнь там иная, и требовать от нее будут иного, и языка она не знает, и… брату это глубоко безразлично! Он уже все решил! А ей остается только подчиняться – даже через слезы.

Брат чуть приобнял сестру за плечи.

– Не падай духом, малышка. Я обещал отцу позаботиться о тебе, и я это сделаю. Алексей Алексеевич неплохой человек и государь. Он уже выиграл несколько войн. К тому же он рано остался без родителей, как и мы с тобой. А у Карла, если помнишь, сейчас заправляют мать и канцлер. Вряд ли ты найдешь с ними общий язык. Да и наша с ними война не прибавит тебе популярности.

Ульрика помнила. Карл был пока еще несовершеннолетним. Но…

Страшно.

А кому бы не было, на ее-то месте? Ошибешься в выборе – и конец, это ведь не лошадь на ярмарке, это на всю жизнь. А тут даже не ты – за тебя все уже решили и выбрали.

– Правду ли говорят, что на Руси женщинам из терема выходить нельзя? Только в церковь да на кладбище?

– А ты об этом с будущим мужем переговори. Верю, он умный

человек и достойный.

Ульрика поникла головой. Брат-то верил. А как быть ей? Хотя что от нее сейчас зависит? Она может только соглашаться с его решением…

* * *

– Приветствую вас, герр Пфальц.

У стоящего на пороге было приятное, но незапоминающееся лицо, светлые волосы, светлые глаза. Вежливая улыбка – и прекрасные манеры. И все же…

Людвиг Пфальц оглядел мужчину пристальнее.

– Я тоже рад вас видеть, герр…

– Визель. Якоб Визель, к вашим услугам.

– Вы…

– Я из Нидерландов. Мой родной город Амстердам.

Людвиг чуть успокоился. Это все объясняло: и легкий, едва уловимый акцент, и внешность, и налет чего-то чуждого. Под тяжкой лапой Людовика Нидерланды стонали – и люди бежали оттуда. В том числе и в Вену.

– Сочувствую вам. Эти французы…

Мужчина поддержал разговор, посетовал, что стало совершенно невозможно ни жить, ни торговать из-за этой войны, рассказал, как чума забрала жизнь его жены, а он с сыновьями вынужден был уехать.

Людвиг кивал, поддакивал и все больше расслаблялся. И чего он вначале нервничал? Хороший же человек пришел! Хотя времена нынче тяжелые…

Постепенно на столе появились и бутылка вина, и кое-какая закуска, и мужчины наконец перешли к делу.

– Добрые люди рассказали, что вы хотите уехать, но не можете найти покупателя на дом. А я покинул родину не с пустыми руками…

– Мой дом дорого стоит.

Что верно, то верно. Людвиг давно хотел перебраться к детям поближе, но и продать родовое гнездо… Не за маленькие же деньги продавать уютный особнячок в Вене? Конечно, соседи шипят, что дом старый, что стоит вплотную к стене, в таком закоулке, что не каждый увидит, что крышу давно перекрывать пора, что…

Это они точно из злобы да зависти.

Вот и ждал герр Пфальц *своего* покупателя. Который поймет и оценит. А заодно даст настоящую цену за родовое гнездо

Пфальцев.

И – дождался.

Вся запрошенная сумма была выплачена чистым золотом и в тот же день положена в банк. А вскоре и застучали по мостовой копыта коня, увозящего своего хозяина от ворот города. Ни на секунду не пришло ему в голову, что мужчина сей – не тот, за кого себя выдает.

Отчего ж не тот?

Человек хороший, уважительный… русский? Да что вы! Известно же, что там дикие варвары живут, они и нормальной одежды-то не носят, какие-то шубы и шапки! Конечно, он не русский.

Покупатель же…

Якоб Визель, он же Яков Вилкин, был более чем доволен. Домик отвечал всем требованиям. И стоит рядом со стеной, и место удобное, и подвал глубокий – впрочем, есть еще время и углубить его, и сделать из домика настоящую мину.

У самого, правда, таких талантов не было, ну да и не надобно. Зато с ним два парня из царевичевых воспитанников, они все сделают как надобно. Его же дело маленькое: сопровождать, договариваться. Всем ребята хороши, да вот возраст не тот. А Яков – мужчина уж в возрасте, Ординым-Нащокиным не один десяток лет прослужил. При взгляде на него любой поймет, что не вертопрах перед ним, человек солидный, с положением. И к языкам Яков зело способен, за то еще старым боярином отмечен. А сейчас и царь попросил Яшку лично ему послужить. Так неужто ж мужчина откажется?

Купить дом, пожить в нем, подготовить все надобное…

Скоро, очень скоро на Вену обрушатся турецкие войска.

Надо душевно встретить гостей!

* * *

Письмо Алексей Алексеевич получил. И довольно потер руки.

Кристиан соглашался без раздумий. У него сейчас шла война со Швецией. Так вот, Алексей Алексеевич обещал помочь людьми, оружием – и вообще выступить в сторону Финляндии. Софья ворчала, конечно, денег в казне не было, проекты требовали все больше и больше. Но…

У страны должно быть несколько выходов к морю. Один они уже отвоевали, но далеко не пройдут. Там на страже своих интересов стоит Османская империя и в ближайшие лет десять ее не свалить, а выход к морю нужен уже сейчас, а не когда падет

колосс на глиняных ногах.

Если они получат в свое распоряжение Ревель и Нарву – считай, дорога к финнам будет открыта.

Флот Швеции?

Ха! Да эти даже с датчанами воевать на море не могли по причине его отсутствия. Так что устроиться, закрепиться, построить военные городки – и медленно продвигаться на полуостров.

Швеция, в отличие от Руси, не может позволить себе войну на два фронта. Хотя и Русь сейчас не воюет. Нет их в Европе. И – точка.

Не докажете.

Разве что Катерину вежливо отклоняли: мол, уже другую посватали. Но и тут Алексей особой беды не видел. Найдется, куда сестру пристроить.

Тут проблем не предвиделось.

Хуже обстояло дело с женой для Ванечки. Леопольд, как говаривала сестренка, «скрипя сердцем» соглашался выступить посредником. И для начала требовал денег.

Много.

А лучше – побольше, побольше…

Это-то они предвидели. Небольшой аванс уже готов, а в остальном – утром принцесса, вечером остаток денег. И никак иначе. Не то чтобы на Изабелле свет клином сошелся, но уж больно она была удобна.

Симпатичная – портрет прислали уже давно. Этакая черноволосая и черноглазая малышка с тонким носиком, которая обещала вырасти красавицей.

Неглупая – по отзывам из того же посольства. Остальное – воспитуемо.

Можно жениться и внутри страны?

Можно, кто б спорил. Но он ведь первый, кто вот так роднится. Первый из Романовых. И должен соответствовать. Должен поставить высокую планку, чтобы потом дети не подбирали абы кого. За себя он уверен. Братьям тоже подобрал – не из последних. Не по уму, так хоть по титулу и политическому весу. Но это – он.

А какие у него будут потомки?

Сложный вопрос.

Что Ульрика, что Шан, что Изабелла хороши еще тем, что за ними не стоит клан, не будет кучи родственников вокруг трона, как до сих пор вьются те же Милославские, клянчат деньги, что-то требуют…

И ведь уверены, что он – должен! Причем всем им и по гроб

жизни!

Прислушиваться к советам, оделять милостями, награждать чинами и должностями…

Нет уж!

Обойдетесь, родненькие. Открыто вас задрать не дам, но от двора постепенно отлучу. Там оставлю пару-тройку самых безобидных. А таких, как дядька Илья, дед Иван…

В Крым бы их, к татарам! Так нет же, туда не лезли. Ни один Милославский с ним в поход не пошел, а как победу одержал, так набежали саранчой. Чуть ли не Бахчисарай им подавай в личное владение.

Софья подсказала, как отбиться. Согласиться – и тут же сообщить, что они туда и переедут. На пожизненное пребывание.

И вообще, если у вас земля здесь, зачем вам земля там? Чтобы где-то дела косо шли? Управляющий?! Нет-нет, только личное участие! Только хозяйский пригляд! Либо от всего отказываетесь тут и переезжаете в Крым, либо не тянуть лапки к землям – и останетесь при своих.

Поскольку беседа была приватной – подействовало отлично. И все же, все же…

Не успокоятся. До сих пор ищут подходы к Ванечке, к Феде, даже к Любаве, чтобы через нее влиять на Володю.

Алексей отлично сознавал, что царь-реформатор никому не нужен. Хорошо памятен был ему разговор с сестрой. Они тогда сидели поздно ночью, после казни Хованского, и Алексей смотрел в стену остановившимися глазами, а Софья просто держала его за руку. Была рядом, как всегда, с раннего детства, и одним присутствием разгоняла по углам черные тени. И понимал Алексей – никуда она не уйдет. Они уже вместе…

– Соня, как же тяжко…

– У тебя всегда есть выбор, братик.

– Да неужто?

– Ты можешь царствовать, а можешь править.

Разъяснений не требовалось. Чем это друг от друга отличается, Алексей знал. Можно проводить время в молитвах, постах, охотах и прочих развлечениях. И довериться советникам, да хоть бы и той же Соне. Она справится.

А можно взвалить на себя небо – и надеяться, что не дрогнут руки. Или что рядом встанет кто-то еще.

Одно Алексей знал точно: Софья всегда будет на его стороне, что бы он ни выбрал.

– Могу.

– И если решишься править – будь готов к худшему. При жизни

будут ненавидеть и травить, а после смерти могут и проклясть.

– Только так?

– Не стану врать. Не знаю точно, но подозреваю, что так. Народ не любит, когда что-то меняется. Даже если это к их выгоде. Польза-то там, в будущем, а меняться надо уже здесь и сейчас. Так что… Тебя будут ненавидеть, пытаться убить, подложить кого-нибудь в постель, разбить наш союз…

– Соня, как же мне жалко иногда, что ты – моя сестра. Ей-ей, будь мы хоть чуть дальше – женился б не глядя!

– Ты бы меня и не узнал никогда, – усмехнулась Софья. – Кто бы меня к царевичу подпустил? Нет уж. Мы тебе принцессу найдем, не менее. Хочешь?

Алексей не знал. А чего он хочет? Что ему нужно? Впрягаться ли в этот воз? Рисковать ли? А впрочем, знал он уже ответ, изначально знал…

– Ты будешь со мной?

– Всегда.

– На Ваньке казна, на мне армия, на тебе дипломаты и бояре… потянем?

– Найдем и других коней.

– Тогда с утра же…

И на лице сестры расцвела улыбка.

– Лешка… с Богом!

Они справляются, но как же тяжело. И женитьба… Так прописано. Царь *не может* жениться по любви. Никак. Да и царевна…

– Соня, а если бы Ваня был другим? Пил, гулял…

– Был бы бесполезен для нас?

– Ну… да. Ты бы тогда?.. – Алексей не договорил, но ведь и так все понятно.

– Алешенька, братик, не знаю. Наверное, нет. Не можем мы себе того позволить. Корона слишком дорого берет с любого из нас.

– И ты бы смогла отказаться? От любимого человека?

– Это было бы очень больно, Алешенька. Но это обратная сторона власти. Нам много дано, но с нас много и спросится.

И, глядя в сумерки, Алексей Алексеевич Романов порадовался, что не любил. Так, как пишут в пьесах, – не любил. Ему было хорошо, приятно, весело, но так, чтобы умереть без любви, – Бог миловал, не иначе.

Что ж, Ульрика так Ульрика. Даже если он не сможет

влюбиться в эту девушку, по крайней мере будет ей верен. Будет беречь как свою жену, уважать, разделять совместные обеды и ужины, делать детей…

Она не поймет, что чего-то не хватает, он не допустит.

А значит…

Перо быстро бежало по пергаменту. Приказ в казначейство. И – список. Драгоценности, меха, кое-что из крымских трофеев… надо произвести впечатление на Кристиана?

Надо!

* * *

Впрочем, не везде к идеям русских варваров отнеслись благосклонно. Сказать, что Педру не понравилась идея сватовства русского царя?

А сколько там было печатных слов?

Лучше уж промолчать. Поскольку печатными были только предлоги. Но и извернуться не получалось. Виктор Савойский (скотина – и вся семья его такая!!!) писал, что опасно болен и считает необходимым освободить принцессу от данного слова. Кой там консорт? Он, бедолажечка, рукой-ногой шевельнуть не может, его всего корежит, опасается, как бы навек парализованным не остаться. И как тут губить жизнь невинному ребенку?

Никак, правильно.

Понятное дело, сам Виктор тут ни при чем. Крутила его мать, умная и хваткая дама, но результат-то один!

Можно бы послать ко двору Людовика, переговорить там. Интересы у Франции и Португалии примерно в одних и тех же областях. Да вот беда, у Людовика пока один сын. И консортом его не отдадут. А принимать какую-то шушеру?

Софья несправедлива к королевским дворам. Там тоже рассматривали внебрачных детей короля как второй сорт. Да, не брак, но и предлагать им брак тоже никому не хотелось. Ублюдок – он и есть ублюдок, а уж как там это красиво называется…

С другой стороны – брат русского государя был не намного лучше. Здоровый, симпатичный, неглупый. Большой плюс. Плюс и то, что коли ему еще детей не даст Бог, царь обещал брата своего отпустить. Пусть Белла правит, а Ивиан (ну хоть имя нормальное – Жуан) будет при ней принцем-консортом.

Но и минусов сколько!

Даже если так прикинуть, где Португалия, а где Русь? Месяца полтора плыть в Архангельск, чуть меньше, недели три, при

хорошей погоде – через владения турок, а уж те своего не упустят. Торговать – неудобно, воевать еще неудобнее, влиять на ребенка – можешь и не мечтать.

И как жить? Грустно…

С другой стороны, это если принцессу отдавать на Русь. А если предложить им прислать принца – сюда?

Хм-м…

Вот при таком раскладе идея выглядела более аппетитной.

Во-первых, принц Жуан – младший брат русского государя, так что могут и отпустить. Известно же, чем меньше братьев рядом с троном, тем он устойчивее. Во-вторых, с ним может прибыть личная гвардия. Это тоже хорошо, усилим свою – русскими. Как ни относись к этим варварам – драться они умеют! И перекупить их не удастся, русский государь об этом позаботится. Наверняка.

Торговать неудобно?

Ничего, купцы справятся. Зато лен, пенька, смола, дерево… да много чего полезного и все по сниженным ценам, как своим и родным. Это ведь правильно! – Глаза Педру довольно замаслились. Выгода…

В-третьих, военная поддержка. Цейлон отвоевывать надо, персюков гонять, турок… да найдется кого! Русская армия, его корабли – развернемся!

А еще есть и турецкое воинство общим числом сто двадцать тысяч человек – и набрали же где-то! – которое сейчас мерным шагом движется к границам Австрии. И у Педру были сильные подозрения, что португальцам отсидеться в стороне не удастся. Леопольд начнет вопиять, Папа Римский начнет давить – и помогать придется. А у него и так негусто… Если русские могут прийти на помощь – пусть придут, а за принцессу еще поторгуемся.

Принцесса опасно больна!

Так и отпишем. Пусть сначала помогут, а уж там посмотрим, выдавать Беллу за русского принца или нет. И на каких условиях…

* * *

– Перевертыш!

Алексей своих чувств и не скрывал, да и Ваня был не менее категоричен.

– Чтоб ему…

С учетом последних событий на политической арене картина

получалась не совсем красивая. Господин Текели слегка пококетничал, уверяя русского государя в своей готовности прогнуться. Даже сильно пококетничал.

Потому что здесь и сейчас перед Софьей лежали известия о передвижении турецких войск – и двигаться они могли только – ТОЛЬКО! – через Венгрию. А значит… лукавите, Имре? Ой лукавите.

Софья размышляла.

– Нужен ли нам этот флюгер?

С одной стороны, русским он пока ничего не обещал, как и они ему. С другой… симптомы политической болезни – налицо. Крутиться оный Текели будет ужом на сковородке, а хорошо ли это для русских?

– Без шакалов воняет, – огрызнулся Алексей. – Сонь, ты же понимаешь, что он сейчас будет балансировать между нами, Леопольдом и турками, пока кто-то не сорвется.

– А если он?..

– Что? Поясни, – попросил Иван.

Напрасно Софья боялась, что муж начнет ограничивать ее свободу. Куда там! Хочешь сидеть до ночи с бумагами – сиди, дорогая. Хочешь мастерские – поехали, место посмотрим. Хочешь… что хочешь – то и сделаем. При этом подкаблучником Ваня не был, это она бы увидела. Просто ее любили – и позволяли, к громадному удовольствию и ее, и Алексея, заниматься тем, что женщине нравится.

Шипела, конечно, свекровь, но в Кремль ей бегать было некогда, а Софья и Ваня, переоборудовав для себя покои, наслаждались семейным уютом. Почти семейным.

– Чтобы начинать такую игру, надо быть очень самонадеянным. Серьезной поддержки у него нет, он сейчас либо пан – либо пропал. Победит Турция – он наместник в Венгрии, а там и кусок Австрии прихватит. Победит Леопольд – Имре таких люлей получит, что на лошади везти придется. А куда везти?

– Думаешь, к нам подастся?

– Или в Колонии. Но до нас ближе, и шансов больше. Вдруг да посочувствуем?

– Накормим, спать уложим, денег дадим, войсками поможем, – ухмыльнулся Алексей.

– Вы абсолютно правы, государь.

– Сонька, нарвешься…

Титулования в обычное время братец не переносил, за этим ему с избытком бояр хватало. Дай волю – всего патокой зальют. Софья это знала, но брата иногда провоцировала. Для проверки.

– Уже боюсь. – Софья получила легкий братский щелчок в лоб

и ухмыльнулась: – Если сотрудничать с Текели – надо подумать, как его ухватить, чтобы не увернулся.

– За самое ценное не выйдет?

Софья отрицательно покачала головой:

– Никаким образом. Вот смотри – там сейчас война начнется. Мясорубка. Ты туда кого отдать хочешь? Катюшку? Манюню? Феодосию? Наталью? Кем рискнем?

Алексей покачал головой.

– Не справятся. Ни девочки не потянут, ни я. Не настолько я король, чтобы хладнокровно сестру – на погибель…

– Именно. И малявки еще сопливы, и Имре… между прочим, обаятельный и привлекательный мужчина в самом расцвете сил. Кого бы мы ни послали – есть опасность… эээ…

– Да ладно, Сонь. Я понял, – Алексей махнул рукой. – Кто кем там вертеть будет – непонятно, а нам нужно накрепко.

– А вот накрепко и не выйдет. Жены нет, детей нет, родителей нет, зацепить его нечем… Если компромат искать – все равно ведь сорвется.

– И нужен ли нам такой ненадежный союзник?

– А что, есть выбор? – Иван иллюзий не питал, работать иногда приходится с такой дрянью…

Ни выбора, ни лишних денег в казне не было. В немалую копеечку влетали посольства, стройки, производства и наука. Впрочем, Софья денег на это не жалела, прекрасно понимая, что все в стране останется.

Но здесь и сейчас она могла предложить альтернативу.

– Недавно умер Ференц Ракоци.

– Ракоци?

– Да. Это старинный род. Между прочим, их владения – чуть ли не восьмая часть Венгрии. Чувствуете?

– Подробности?

– Боролся за независимость. Умер. Был женат на Илоне Зриньи. Оставил двоих детей: дочь Юлиану и сына Ференца. А сейчас наш общий друг Леопольд тянет к детям свои когтистые лапки.

– Что предлагаешь?

– Списаться с их матерью. Она далеко не дура, уж поверьте мне, ребята.

– Хочешь предложить ей…

– Хочу. На что пойдет женщина, чтобы обеспечить престолонаследие для своего сына? Вы лично как думаете?

– Смотря какая женщина, – ухмыльнулся Ванечка. – Ты – да. А вот Любава…

– Я – тоже нет, – фыркнула Софья. – На то Алешка есть, пусть

его дети с короной всю жизнь маются.

– Спасибо, сестренка.

– А наши будут за троном стоять. Поддержкой и опорой. И никак иначе.

Это Софья тоже подчеркивала при каждом возможном случае. Не нужна ей та корона. И даром не нать, и с доплатой не нать! Алешке ее – и все дела!

– Итак, Илона Зриньи?.. – Ваня поспешил разрушить торжественность момента.

– Или Елена, ежели по-нашему. Очень умная женщина, очень хваткая, полагаю, она поймет свою выгоду.

– На таких условиях можно помочь и Имре Текели. Пусть работает. А в нужный момент просто подменить изрядно запачканного князя – на своего? Ты это имеешь в виду?

Софья, все это время глядящая в глаза Алексею, медленно опустила веки.

Именно так. Какой же ты вырос… братик.

* * *

Сулейман небрежным жестом отпустил наложницу и вытянулся на кровати. Тонкий шелк простыней приятно холодил разгоряченную кожу, ледяная вода в стоящем рядом кувшине дарила блаженную прохладу горлу.

Да… скоро войско уйдет в поход. А он вздохнет с облегчением. Все-таки янычары – это… С одной стороны – великолепные воины, умные, сильные, хищные. С другой – войску нужна война. Победоносная. Мехмед проиграл – и где он теперь? Если Сулейман проиграет – он точно узнает, куда попадают после смерти султаны.

А ведь ему тоже придется идти в поход.

Придется переносить тяготы и лишения походной жизни, вести войска… страшновато. Что ж, пока есть время – он будет наслаждаться всем предложенным. От гарема до роскошной одежды. Почему бы нет?

В походе такого уже не будет.

Крохотное облегчение Сулейман чувствовал при мысли о Гуссейн-паше. Кепрюлю Амджазаде Хаджи Гуссейн-паша не так давно стал великим визирем, но уже успел зарекомендовать себя как умный и осторожный человек. И сам на рожон не полезет, и другим не даст. Оно и к лучшему.

Вообще бы воевать не полезли, но положение такое, что, не одержав пару-тройку побед, султан мог легко расстаться с

головой. И на кого нападать?

Русские?

Имело бы место. Но… что они пока получат, разнеся Крым вдребезги и пополам?

Русские там даже обосноваться не успели! Ни рабынь не будет, ни богатой добычи. А вот зубы у казаков очень острые. К тому же…

Неудачное это место – Крым. Для боевых действий неудачное. Султан отлично понимал, что захватить полуостров он сможет, а вот удержать – нет. Да и не совсем то ему было нужно. Татар почти нет, кто там будет жить? Служить заслоном между ним и русскими?

Нет, это не то.

А вот показать зубы дряхлеющей Европе… Стоило, еще как стоило. Провоцировали – получите!

Сулейман в любом случае собирался остаться в выигрыше. Избавиться в походе от части крикунов, а уж потом, медленно, не спеша, реформировать армию, флот, разобраться со взяточничеством… Да много было планов.

Скоро, очень скоро сто двадцать тысяч воинов выдвинутся в поход.

Через Белград – на Дьер и Вену.

* * *

Феодосия Морозова была грустна.

Не радовала ее жизнь, совсем не радовала. Забыла женщина, как волосы на себе рвала после смерти мужа, как над Ванечкой тряслась – вырос сынок. И еще двое подрастают от Матюши, от любимого. Муж управляющим у нее стал, делами ведает, денег Бог послал – за сто лет не потратить, младшие детки здоровы, в грехе они с супругом не живут – тайно венчаны, сын и словечка против не сказал, а все ж беда.

Нет, не такой жены она хотела для сыночка.

Царевна Софья.

Что может любая мать сказать о своей невестке?

Что та забрала у нее сына. Точка.

И ведь верно – забрала. Вот не женился бы Ванечка на царской сестрице, нашел бы себе кого другого…

Феодосия на миг представила, как бы это выглядело. Сынок по-прежнему оставался бы царевым ближником, но возвращался бы по вечерам домой, не ночевал в Кремле, не мотался, может быть, по всей стране за государем или за его сестрицей, а

приходил бы, мать целовал.

Другая бы ему уж и деток родила, а царевна ровно до ста лет жить собирается! Ни словом, ни звуком! Дела брата ей важнее, чем семья! Сын об этом с гордостью говорит, а мать-то слушает с ужасом! Ни вышивать, ни домом заниматься, ни детей рожать – царевна то в Дьяково, то в Новгород, то в Суздаль, то еще куда…

Государь приказывает – она и едет! И Ванечка с ней! Разве ж это нормально для женщины?! И сын с этим мирится, ничего неладного не видит!

Присушила она его, как есть присушила.

– О Ванечке думаешь, сердце мое?

Матюша вошел тихо-тихо, ровно котяра громадный, подкрался сзади, руки на плечи положил, у Феодосии так сердечко трепетом и зашлось! А ведь не молодка уже!

– Да, родной мой.

– А ты не беспокойся за него, мальчик счастлив.

– Да разве ж будет он счастлив? С этой…

– Царевной?

Феодосия прикусила губу, чтобы не сказать лишнего, но муж понял. И покачал головой.

– Ты и сама знаешь, что напраслину на нее возводишь. Она за твоего сына и убьет, и умрет…

– А за брата и того раньше.

– Не за брата, за государя земли Русской. Как и нам надлежит. Только для нас мелкие домашние дела важнее, а Софья все без остатка брату отдает. И Ваня тоже все отдаст ради служения государю. Разве плохо то?

– Я его почти не вижу!

– Вырос мальчик, сердце мое. Вырос. Не ревнуй, у тебя младшие есть. А ему пора уж крылья расправлять и свое гнездо вить.

– Вот и вил бы… здесь! Разве ж плохо? Терем пустой!

– Неуж вы бы с Софьей под одной крышей ужились? – Матвей подсмеивался, но так беззлобно, что женщина и не подумала обидеться.

– Нет. Наверное, нет.

– Терем бы по бревнышку раскатали, знаю я тебя. И царевну знаю – кремень. Не ужились бы вы, огня было бы… А Ваня сгорел бы в нем, что пук соломы. Вы бы душу ему надвое разорвали.

– Я?! Своему сыну?! Никогда!

– Отпусти его, родная. Отпусти. Мальчик вырос.

Матвей не спорил, просто шептал, а Феодосия все сильнее осознавала, что он прав. И отпустить придется.

Может, и не идеальная жена Софья, да ведь любит ее сынок.

И она его тоже любит… Ваня, считай, третий человек в государстве сейчас. Государь к сестре прислушивается да к Ивану!

А все же…

Нет! Нет идеальной невестки для свекрови!

Матвей понял чувства супруги по подрагиванию ноздрей, по сдвинутым бровям, но больше спорить не стал. Феодосия не глупа. Может, Софью она и не полюбит, но гордыню смирит. А где осознание, там и понимание. Где понимание, там и мир будет. Дайте лишь время.

* * *

Император всея Римской Империи Леопольд Первый писал письмо. Скользило перо по дорогому пергаменту, не по бумаге. Хотя и стоило бы…

Кому писать!

Этой твари, которая мутит венгров, подбивает их на беспорядки, даже сумела отколоть кусок его личной территории… этому Текели! Да будь его, Леопольда, воля, болтался бы тот в петле! И самое ему там место было бы!

Но не сейчас…

Не когда к границам его страны идет турецкое войско. Громадное! И… Леопольду было страшно. Он уже не вспоминал, что такое же, даже больше и страшнее, войско двигалось на Польшу – ну так ничего, отбились… но кого волнуют эти варвары? Пусть только попробуют не прийти на помощь!

Негодяи…

Он вежливо писал, что Австрия, конечно, может признать суверенитет – и даже даровать Имре княжеский титул, но… пусть тот подтвердит свою преданность – делом. Например, первым встанет воевать с турками. Не пропустит их через свои земли.

В конце концов, Вашварский мир еще не окончился! Так что… подлость сие! И бесчестие падает не только на головы турок, но и на головы их пособников.

Союзные войска еще не пришли, так что Леопольд хватался за соломинку – и отчетливо понимал, что могут ведь и не успеть.

И вряд ли его что-то спасет.

Германские княжества?

Венеция?

Он писал всем – и отчетливо понимал, что может, еще как может проиграть. А в политике проигрыш не прощается.

* * *

– Ежи!

– Ян!

Ясновельможные паны крепко обнялись, не обращая внимания на разницу в состояниях. Подумаешь – один чуть ли не богаче короля, а второй вынужден жить на Руси, потому что дома ему сейчас будет… тяжко. Главное – воинская дружба, а она их соединила накрепко узами симпатии и взаимного доверия.

– Как дела, друже?

– Пока не жалуюсь. – Ян усмехнулся. – Мы с Еленой недавно повенчались.

– Да что ты! Радость-то какая…

– Только это втайне. В королевской часовне, свидетелями их величества были… Елена непраздна.

– Ян, так это ж замечательно!

– То верно, да мы на войну уходим. Случись со мной что – она пани Собесской останется, не русской девкой. Сам понимаешь.

– Шипят наши гады? То есть паны?

– Шипят.

Ян поморщился, что не укрылось от взгляда Ежи.

– И у меня Бася тож… второго ждем.

– Ну, поздравляю! Как только ты решился ее оставить…

– Она сейчас в Дьяково, не в Кремле. А там царевна Анна всем нынче заправляет. Царевна Софья теперь рядом с братом днюет и ночует, тяжко государю. А вот другие царевны поразъехались. Царевна Анна в Дьяково, царевна Татьяна в Крыму с мужем…

– Вот уж где дело невиданное! Царевна да простой казак, чуть ли не вор…

– Э, нет. Род Разиных – тоже древний. Да и то сказать – необычно уж то было, что царевны замуж повыходили. А коли дала та стена трещину, так уж и не важно, речная ли вода льется, озерная ли… все одно пить можно. Что Ордин-Нащокин, что Разин многое для Руси сделали. Вот и награду получили по заслугам.

– Да…

– Но и тебе ж грех жаловаться? Государь тебя не обижает, вести доходят…

– Скромничать не стану. И верно, войско на мне, границы, крепости ставим, Иероним тебе приветы передает…

– Лянцкоронский? Как он там?

– В Каменце комендантствует. Говорит, краше прежнего город

отстроили. Не жалеешь, что уехать пришлось?

– С Басей? Да хоть небо на землю падай! Никогда не пожалею! Без нее дышать нечем, да и незачем!

– Да, сейчас я тебя понимаю. Знаешь, я бы тоже с Еленой уехал куда-нибудь, ан нельзя. Сына надо растить, врагов воевать…

– Панов приструнять.

– Разбойников гонять.

Мужчины переглянулись и весело расхохотались, отлично понимая, что иногда грань между этими двумя весьма условна. И паны, бывало, на дорогах колобродили.

Отсмеявшись, Ежи стал серьезным.

– Я тебе привел двадцать тысяч войска. Бери и владей.

– У тебя двадцать да у меня пятнадцать…

– А турок?

– Сто двадцать. Тысяч. Не менее двухсот пушек, почти сорок тысяч лошадей, десять тысяч верблюдов, по пятнадцать тысяч волов и мулов…

– Справимся, – Ежи и не сомневался. И не таких видали, а и тех бивали, как говорят на Руси.

– Должны. Обязаны. С тобой государь говорил?

Ежи чуть опустил ресницы.

Говорил. Да еще как говорил.

– Нам нужна не просто победа. Нам нужно…

– Да. Хотя добиться этого будет втрое тяжелее. Победить бы куда как проще было…

Ежи кивнул. Проще, да вот надобно государям иное. А значит – сделаем! Воину не обязательно быть хорошим политиком, но коли уж ты войска водишь – должен уметь многое. В том числе и понимать, к чему приведут победа или поражение.

О чем промолчали?

О том, что победа-то не нужна была ни Руси, ни Польше.

К чему?

Пока турки с австрийцами сцепились, русские могут получше укрепиться и задержаться в Крыму. А поляки – оттяпать себе хоро-оший такой кусок земель, и что важно, удержать их. Не одни, так вторые за помощь расплатятся. Или контрибуцией отдадут.

Война должна пойти взатяг.

Леопольду сие невыгодно?

А кто он, Леопольд? Сват, брат? С ним детей не крестить, Бог миловал. А от тирании Габсбургов половина Европы стонет. Там, Бог даст, и французы помогут. Только вот Австрии или Турции?

Европа медленно превращалась в кипящий котел, и паны

готовы были поспособствовать. Опять же, к своей выгоде.

Между прочим, где война – там трофеи. Где трофеи – там бунтов поменее, а в Польше это важно. Хоть и любят там Михайлу, хоть и гордятся, а все одно, спесивых дураков не перевести. Вот и пусть они хоть все на войне полягут.

Дурак с возу – волки сдохли!

* * *

– Вот ведь наглость!

– Лешенька, это Папа. То есть самый мощный человечище всея Европы. Глыба, я бы сказала.

Софью ситуация откровенно забавляла, а мальчишки злились.

– Да будь он хоть папой, хоть мамой! Каз-зел!

Софья умилилась интонации, с которой Иван произнес это слово. Вот уж стоит ли ужасаться или смеяться, но кое-какие привычки вылезли здесь. Из двадцать первого века вылезли.

Но ведь и правда – козел!

Его святейшество непорочное, Папа Римский Иннокентий, порядковым номером одиннадцатый, потерял и рамки, и совесть. Хотя вроде бы и Папой стал совсем недавно?

И что обидно-то – мужик неплохой.

Суровый, серьезный, разогнавший всяких родственничков и знакомых, прихлебателей и лизоблюдов. И начавший постепенно закручивать гайки для кардиналов.

Софья одобряла эту его инициативу. А вот другую…

Кеша, в миру вообще Бенедикт Одескальки, еще до своего избрания конфликтовал с Людовиком Французским. И сейчас Король-Солнце пошатывал под ним трон.

Ой пошатывал.

Подумаешь – Папа. Да у нас французские короли таких вертели, как хотели. И не раз вертели!

Ты его отлучишь, а он с войском в гости – и копьем к пузу в качестве аргумента. Случалось, знаете ли. А то, что пару-тройку сотен лет тому назад, так это не важно. Старые традиции – хорошая штука! Всегда вспомнить можно[1].

Опять же, даже вспоминать иногда ни к чему. Турки поработают. А мы либо их поддержим, либо вам ножку подставим – как удобнее будет. Поспособствуем.

Так что Бенедикт в чем-то даже обрадовался.

Вроде бы ситуация сложная. Русский царь при посредстве императора Священной Римской Империи сватается к дочери

португальского короля для своего брата. Совет да любовь?

Ну да…

Так невеста-то католичка. А царь… а он – кто? Православный? Неубедительно. Это почти что и не христианин. Псалмы читают на варварском языке, реформы какие-то проводят, да и к тому же…

Софья не зря старалась. Слухи о ее проклятии поползли что та квашня. Липкие, раздувающиеся, самые разные…

Царевна прокляла иезуитов…

Полоцкий проклял царевну…

Царевна весь орден пообещала раздавить, и царь ее в том поддержал…

Правды там было маловато, ну так откуда ей взяться в слухах и сплетнях? Зато подробностей… чуть ли не до того, что царевна кровь у Симеона из горла пила.

Софья только посмеивалась. Пусть боятся, меньше проблем будет. Хотя основная часть и не боялась. Подумаешь там, дохлый иезуит? А чего это он на эшафоте оказался? Царя убил?

Аа… простите, такое и в цивилизованной Европе не одобряется. Там такого, неодобренного, много. Мытье, учение, цареубийство…

Те слухи доползли до Папы Римского. И сейчас Иннокентий требовал от царевича, во-первых, удалить от себя сестру-ведьму. Во-вторых, пустить на Русь иезуитов. Это – для начала, потом еще что-нибудь попросить можно. А то ведь принцесса пока хворает…

– Соня, ты к этому недостаточно серьезно относишься, – Алеша смотрел задумчиво. – Они ведь… и правда тебя ведьмой считают.

– И пусть считают. В Европу я не поеду, а на Руси меня не достанут. А вот ответить стоит. Знаешь что, братец… а давай-ка мы напишем ответ Кеше?

– Выкладывай! – Иван отлично знал жену и понимал, что такое шкодное выражение лица означает большие неприятности для ее противников.

– Маркиза де Монтеспан. Ля Вуазен. Аббат Гибур.

– И?!

– Черная месса.

– Что?!

– Как?!

Софья усмехнулась, мысленно поблагодарив «Анжелику». К чему тут история, когда эту книгу, наверное, половина России читала, а вторая – фильм смотрела?

– Эта компания служит черные мессы. И проводит их аббат Гибур. Маркиза молится о том, чтобы удержать короля, а чтобы

лучше получилось, приносит в жертву младенцев. Человеческих.

Она пронаблюдала за выражением отвращения на лицах брата и мужа. Ну да, это вам не двадцать первый век, где «толерантность» и «узаконенность», здесь за такое сожгут, будь ты хоть трижды королем. На части разорвут.

– Проходит это дело под чутким руководством Катрин Монвуазен. Или ля Вуазен, как-то так. Можем написать Папе и поинтересоваться, чем ему не угодила я. Тем, что пресекла бесчинства такого же «аббата»?

– Соня, но откуда?..

Алексей лишний раз убедился в гениальности сестры. Царевна невинно пожала плечами:

– Алешенька, ну мы ж не просто так посольства рассылаем?

– Но узнать *такое*?!

– Мы вкладывали дикие суммы в обучение наших людей. Вот тебе и отдача.

Софья даже сильно не лгала. Умолчала лишь о том, что сама дала задание своим ребятам. Указала, кто, что, как… им оставалось только добыть доказательства – эх! Где ты, фотоаппарат?!

Хотя над его аналогом работали в Университете. Камера-обскура, нитрат серебра, кто не баловался фотоделом в Советском Союзе? У Софьи в общаге таких «любителей» десятка два было, они даже у коменданта чулан отвоевали, чтобы фотки проявлять!

Сэр (пусть король английский его титулом и не пожаловал, но Алексей давно возвел ученого в дворянство, а Софья, чтобы польстить, обращалась по титулу его родины) Ньютон воспринял идею с восторгом, как и дряхлый уже Глаубер… Пусть пока получался театр теней, но профили-то были узнаваемы?! Дайте время, мы такое фотодело развернем!

И доказательства были. Показания свидетелей, пара писем… все хранилось у Софьи в отдельном ящичке. Снять копии – и отправлять.

Пусть Кеша подумает над тем, что у него в Европах творится. А Симеона… а вот на это его и спишем. До Руси далековато, то ли он украл, то ли у него украли, но шуба-то была!

А что до иезуитов – да не пускать их сюда, и точка!

– Не пускать – нельзя.

Софья потерла лоб.

– Можно. Но лишь с принцессой. Вот Изабелла приедет – тогда и иезуитов милости просим. А нет, так у нас народ дикий. Мы не католики, мы не гугеноты, мы православные, мы и в морду дать могем. Оглоблей, например.

– Злая ты, Соня, – муж явно шутил. Но все-таки…

– И как ты с ней уживаешься? – Алексей тоже принял озадаченный вид.

Царевна зашипела гадюкой.

– Что? Не нравится?! Вот уйду от вас – и уеду к Людовику! Шикарный мужчина! Отобью его у маркизы, отмою за полгодика – и будет мне счастье. Да какое! Вшивое, блохастое… мечта женщины!

– Да давай я тебе здесь блох со вшами насобираю, – от доброй души предложил братик. – Или тебе заграничные нужны?

– Уууу… злыдни. Так пишем?

– Пишем!

* * *

Илона Зриньи молча смотрела на мужчину напротив. А Имре, наоборот, излагал свои соображения.

То есть они у них были одни на двоих.

У него есть люди. У Илоны – земли и деньги. Ему нужно преумножить, ей – сохранить. У него нет детей, у нее двое, и если она сейчас не выйдет замуж, то может получить в придачу к детям опекуна. Или их вообще могут отнять. Официально она подданная Леопольда, а как тот относится к дочери Зриньи, родственнице Франкопанов и жене Ракоци… ну, для него хуже только сочетание «жена Вельзевула, родственница Люцифера и дочь Сатаны».

И то – вряд ли.

Сейчас Леопольд занят войной с Турцией. Да, пока гром еще не грянул, но недобрый ветер уже веет над Священной Римской Империей. Туркам надо больше времени, чтобы собраться и прийти, потому что их – громадье. Более ста тысяч.

И в этой круговерти у них есть шанс на успешный заговор. Сбросить с себя ярмо ненавистного австрийца…

В чем состоит его предложение?

Илона выходит за него замуж. И они объединяют силы, средства… То, что ей сорок лет, а он на четырнадцать лет моложе, как раз не страшно. Подумаешь, проблема? Им же не любиться, а сражаться вместе. Хотя даже сейчас вы весьма привлекательны… нет?

Ну, нет так нет. Храните верность умершему мужу, госпожа, принуждать вас никто не будет. Мне не вы нужны, а свобода моей страны.

Ну и корона в перспективе.

Поможете?

Илона честно попросила время на размышления, и Имре Текели отбыл восвояси. Ненадолго, на месяц, не более. Впрочем, Илона не обольщалась, это только первая ласточка. И самая хищная.

Любовь?

Да о чем вы говорите?! Когда в политике было место для этого чувства?!

Но и соглашаться?..

Выживет ли Ферек при таком предприимчивом отчиме? Все-таки наследник Ракоци, единственный, прямой… и не умрет ли через некоторое время сама Илона? У нее ведь дочь. Стоит

Юлиане вырасти до подходящего возраста – и ее матери можно устраивать случайное падение. С лестницы, например.

Страшно.

Очень страшно.

А еще родня давит, а еще… да много чего – еще. Хорошо хоть свекровь убралась вслед за мужем, эта стервь сейчас бы всех с ума свела. Не любила Илона свою родственницу, Софию Батори, и вполне взаимно.

Какое бы решение приняла вдова – непонятно, ибо на второй неделе ее размышлений в ворота замка тихонько постучался бродячий менестрель. И был впущен. Даже задержался на несколько дней. Пел, показывал фокусы, рассказывал интересные истории, слегка, не переходя определенных границ, тискал служанку, сумел рассмешить даже Илону, вытащив из уха коменданта замка Паланок роскошную алую розу.

А на третий день Илона столкнулась с ним на башне. В своем любимом месте, где сидела ночами, размышляя о дальнейшей судьбе.

Что она думала в тот миг?

Враг?

Подослали?

Убийца?!

Мысль взметнулась, накрывая волной паники, Илона схватилась за кинжал, но тут же услышала тихий голос:

– Прошу вас, госпожа, я безоружен. Я послан к вам от русского царя. Вот, возьмите?

Илона покачала головой – и тогда менестрель принялся расшнуровывать ворот рубахи. Как-то вывернул ее, подпорол – и на холодные каменные плиты пола лег конверт из тонкой кожи.

– Письмо и доказательство внутри. Я удаляюсь, госпожа.

Илона отступила от выхода – и темная тень исчезла. И только тогда женщина осознала, что говорили на латыни. И как?! Она готова была поклясться, что ее собеседник получил блестящее образование! Это была не простонародная мусорная латынь – нет! Он говорил так, словно учился где-нибудь в колледже.

Иезуиты?

Илона осторожно взяла конверт платком. Вскрывать его сама она не будет, попросит служанку.

Мало ли…

* * *

Конверт оказался без подвоха. Более того, когда его открыли,

из конверта выпало несколько десятков неграненых изумрудов и лист пергамента. И печать. Большая, которую не подделать. Печать русского государя, его герб…

Илона взяла лист в руки, бросила взгляд на текст.

Латынь. С одной стороны. С другой же… русский?

Илона знала девять языков: венгерский, немецкий, хорватский, словацкий, польский, сербский, французский, изучила древнегреческий и латынь, но русский?

Так, немного, пару-тройку слов. Но и этого хватило.

Что ж, посмотрим, что ей пишут?

Первые две строчки она пропустила. Как и полагалось, они были посвящены восхвалениям госпожи замка Паланок, ее красоте и мужеству. Важное начиналось потом.

Алексей Алексеевич писал то, что елеем проливалось на измученную душу матери и вдовы. Осторожно, полунамеками, так, чтобы посторонние мало что поняли. Не называя имен, он писал, что только род Ракоци достоин править Венгрией. И лучше иметь на границе хорошего друга, чем подлого императора. А потому именно сейчас у Илоны удобный момент.

Сама она не победит. Но наверняка есть мужчины, готовые геройствовать во славу ее прекрасных глаз? А уж в остальном… дать денег, войско, оказать поддержку именно сейчас… да, условие будет простым.

Когда на трон сядет законный король Венгрии из рода, овеянного вековой славой, будет подписан мир с Русью. И кое-какие земли отойдут к полякам. Не так много, кстати говоря, Илона и больше бы отдала. Да и в знак мира надо заключить брачный договор. Между кем из ее детей и кем из русских царевен или царевичей – надо еще подумать, но все же обязательно.

Разумеется, это только предварительный проект.

Парень, который принес письмо – один из вернейших царских слуг, так что просьба не обижать его. Все остальное он расскажет, коли спросите.

Илона долго сидела, задумавшись. А потом…

– Позови ко мне менестреля.

Служанка пискнула и умчалась за дверь. Чтобы вернуться через несколько минут с менестрелем, который тут же принялся кланяться и спрашивать, сыграть ли что прекрасной госпоже? Веселое, али грустное, али…

Илона задумалась, потом попросила спеть что-нибудь печальное, и менестрель завел старинную венгерскую песню. А она приглядывалась.

Вот ведь… и не скажешь, что не венгр!

Все, все в нем просто кричит о выходце из простого народа, получившем капельку лоска, но, в общем-то, простоватом и неуклюжем парне. Обильно смазанные воском усы, завитые локоны, горячие темные глаза, рубаха вроде бы и из недешевой материи, но в пятнах и кое-где залатана, запах чеснока, бараньего жира и дешевого благовония, а сапоги не особо хорошие, дрянь сапоги…

Совсем не таким он был на башне.

Откуда что взялось?

Как ему это удается?

Песня следовала за песней, потом Илона жестом отпустила служанок и приказала певцу пройти в ее кабинет. За вознаграждением.

Что тот и сделал.

И даже в кабинете не вышел из роли, пока Илона не бросила резким жестом на стол письмо. Глухо застучали, посыпались изумруды, собранные небрежной рукой.

– Как твое настоящее имя?

– Прокопий, сын Аввакума.

– Мне это ни о чем не говорит.

– Государь хотел послать кого иного, но лучше меня не нашлось, госпожа.

Менестрель разительно изменился. Ничего он не делал, не стирал краску, не принимал поз, не произносил выспренных речей, просто чуть шевельнулся, поменялось выражение лица – и вмиг перед Илоной оказался если и не вельможа, то определенно дворянин. Человек благородного происхождения.

– Какого вы рода?

– Мой отец служит Богу, а сейчас является одним из приближенных государя Русского.

– Он князь?

– Он просто служит Богу.

Прокопий подозревал, что легко не получится. Но и выбора не было. Специалистов его уровня пока человек десять – и все заняты, потому он и отправился в путь. Спешил как мог, менял коней, и только в пяти днях пути от замка Паланок позволил себе измениться. Исчез польский пан, едущий по своим спешным делам, вместо него появился бродячий певец, коих тысячи и десятки тысяч. И прошел в замок как один из множества, не привлек ничьего внимания, поговорил с боярыней, передал письмо… осталось рассказать то, что объяснил ему государь.

Да, вот так вот тоже случается.

Отец всю жизнь посвятил Богу. Сын же…

Оказавшись в Дьяково, дети протопопа принялись учиться. И

на Прокопия быстро обратили внимание, а то как же? Ум, память, отличное физическое развитие, а главное – способность к перевоплощению. Когда устраивали шуточные постановки, представления или нечто подобное, он первым оказывался.

Добавьте к этому непреклонный характер, любовь к родине и фамильное неистовство – что удивляться, что это многообещающее сочетание Софья принялась готовить как разведчика?

Немного их было, человек десять, ну так ведь не количеством берут, а умением!

Имелось у Прокопия и еще одно достойное внимания качество.

– Священник… католик?

– Православный.

– А если я сейчас прикажу заковать вас в цепи и пытать?

Илона спрашивала почти всерьез. Слишком страшно было поверить, слишком неустойчиво было ее положение, слишком…

Мужчина пожал плечами:

– Воля ваша.

– Не боитесь?

– Не то чтобы… вы позволите?

Илона вскинула брови, глядя, как мужчина достает из-за воротника обычную иголку, разве что длинную, хищно отблескивающую металлом, а затем снимает с пояса флягу. Протирает и иглу, и ладонь чем-то бесцветным – и глубоко всаживает острие в руку. Так, что кончик поблескивает металлом через кровь. Игла просто пробивает ладонь.

– Вы…

– Да, госпожа?

И при этом мужчина оставался абсолютно спокоен. Не изменился в лице, ничего, просто улыбался…

– Вам не больно?

– Нас учили терпеть боль, госпожа.

Вообще-то полностью враньем это не было. Просто у Прокопия повышен болевой порог, вот и все. Кстати, как и у его отца.

Он мог и не такое стерпеть, но не раскрывать же фамильный секрет? К тому же в даре были и плюсы, и минусы. Да, Прокопий мог стерпеть боль – и боль серьезную. Но мог и не заметить опасности, пока не станет слишком поздно, и запустить болезнь. Умереть от горячки или истечь кровью, кто знает?

– Вот даже как… И много таких…

– Простите, госпожа, сие дело государево.

Илона медленно кивнула. И вдруг перешла на французский:

– Как я могу быть уверена, что вы не шпион иезуитов?

– Вам мало этого? – короткий кивок на письмо, ответ последовал на великолепном французском, парижский диалект. – Тогда я ничем не могу доказать, что я – русский. Разве что найдется православный священник…

– Отче наш? – теперь Илона говорила по-русски.

И собеседник продолжил говорить, подхватив ее слова. Уже на русском. Привычно перекрестился в нужном месте, закончил молитву и посмотрел на княгиню.

– Я могу кровью и жизнью поклясться, что не подсыл, что иезуитов люблю не более вашего с тех пор, как они убили нашего государя…

– Вот как?

– Государь Алексей Михайлович погиб от подлого яда…

– Я слышала, но…

Теперь разговор велся на немецком, но собеседник словно бы и не замечал смены языков. Был по-прежнему вежлив, улыбался.

И рассказывал.

И Илона видела – не лжет. Да, Прокопий тоже был там. Именно он влетел на площадь вместе с отрядом Ежи Володыевского, не мог ведь он пропустить такое?! Именно он убил одного из крикунов – и видел все. И как говорила царевна Софья, и остальное…

– До меня доходили слухи…

К концу второго часа беседы Илона поняла – ей действительно не лгут. Просто прислать официальное посольство – это нарушить хрупкое равновесие и дать возможность вмешаться врагам. А так…

Да ничего и не было.

И никого не было.

Наутро Прокопий ушел из замка. Письмо княгини Ракоци было надежно спрятано так, что пришлось бы всю одежду распустить по ниточке, чтобы найти его. Он доставит на Русь ответ.

А на словах передаст, что Илона Зриньи согласна.

Утопающий и за гадюку схватится, а предложение русского царя… Даже если в нем и содержится яд – так выбора все равно нет. Не Леопольд же?

Фу…

* * *

Китайская принцесса была премиленькой. Ничего не

скажешь. Этакая статуэточка: гладкие черные волосы, крохотная ножка, раскосые глаза, набеленное лицо…

Федя смотрел ошалелыми глазами, пока Алексей не наступил ему на ногу. Только тогда очнулся.

И потянулось…

Ритуальные речи, расшаркивания, заверения в своей нежнейшей и крепчайшей дружбе, согласование времени свадьбы…

У Шан все это время стреляла глазками в Федора, но молчала. Софья так и не решила, нравится китаянке парень или нет. Разный тип лиц, разная мимика, даже недолгий общежитский опыт не помог.

Но намного больше Соне не понравились другие взгляды. На Алексея.

Да, царь. Да, хорош собой, на троне, весь в золоте и вообще – величие прет. Но казалось Соне, что взгляды юной китаянки далеки от восхищенных. Скорее, они… расчетливые?

Алексей Алексеевич наконец предложил отправить принцессу со евнухи и служанки на женскую половину Кремля – и пусть отдохнут с дороги. Там все устроено для них…

Софья дала девочке прийти в себя примерно три часа, а потом появилась на пороге. За это время она уже успела выслушать доклад от своих девушек. Малявка капризничала, кричала на прислугу и одну из служанок даже стукнула. Не русских, нет, исключительно своих, но – симптомчики…

Избалованная стервочка?

Возможно.

А работать все равно придется. И жениться, и в постель ложиться… будем надеяться, перерастет. Или – нет? Но тогда… Софья мысленно пожала плечами.

Смерть женщины родами, особенно если не первыми-вторыми, а пятыми-шестыми, удивления не вызовет. А до той поры…

Софья скользнула в комнату и прищурилась на малявку. Та сидела перед зеркалом, а евнух ей расчесывал волосы. Девочка заметила новое лицо почти сразу и недовольно чирикнула на китайском.

Переводчик был не нужен; зная о визите малышки, Софья позаботилась о языке.

– Говорите ли вы по-русски, государыня?

Сама Софья могла сказать примерно с десяток предложений на китайском. Например, это. Могла кое-что понять, но разговаривать свободно?

Нет, не могла.

– Почему… ты… не поклон?!

Малявка с трудом подбирала слова, но от сердца у Софьи чуть отлегло. Если девчушка пытается учить язык новой родины, это уже неплохо? Хотя бы неглупа и понимает, что жить-то ей здесь? Можно будет наладить контакт?

– Мое имя Софья. Я царевна.

Ну, по-китайски вышло «принцесса», но для У Шан подошло. Малявка опустила голову.

– Царевна? Ты… жена царь?

– Мой брат – русский государь. Я пришла помочь.

– Помочь чем?

Диалог выходил пока корявым, но Софья уже ставила малышке плюсы. Да, на нижестоящих та отыграется, безусловно. Но на равных зубки не покажет. Хотя бы пока не разберется.

Плохое качество для руководителя, много спеси. Но ей и не нужна У Шан в качестве руководителя. Она – гарант договора. И если окажется достаточно умна, чтобы видеть скрытое, проживет долго.

– Размещение. Слуги. Одежда.

– У меня все есть. Благода… дарить…

– Русская одежда. – Софья провела руками по своей юбке, словно демонстрируя наряд. У Шан невольно заинтересовалась. Да, это не китайский халат-ханьфу, а ведь носить придется. И как она будет выглядеть в подобном наряде?

– Посмо… треть?

– Примерить?

На «примерить» малявка тоже согласилась. А Софья смогла наблюдать, как та общается с портными.

Настроение колебалось с отметки «ниже плинтуса» до отметки «подвал». Так, навскидку, она понимала, что У Шан достаточно хитра, чтобы преклоняться перед высшими, но на низших… Живет, живет в Китае принцип курятника. И гласит: подсиди высшего, спихни ближнего, нагадь на низшего. Вот девчонка сейчас его и применяет. И будет пресмыкаться перед Софьей, пока не появится шанс ударить царевну в спину. Запросто.

Да уж, свинью они Федьке подложили…

* * *

Софья не ошибалась.

У Шан проводила царевну жестким и холодным взглядом, благо видеть это та уже не могла.

Царевна.

Сестра государя и сестра ее будущего мужа. Имеет влияние, определенно. Китайские гаремы – отличная школа жизни. Среди евнухов, которые преследовали свои цели, среди братьев и сестер от наложниц, в атмосфере постоянного соперничества и вражды вырастали ядовитые цветы.

У Шан была одним из них.

Отравленная сладким ядом, который лился в уши с младенчества, она мечтала лишь об одном, жаждала и алкала власти всей душой, ибо этого хотели окружающие ее.

Кто правит в Китае?

Отнюдь не император. В большинстве случаев власть принадлежала гаремным евнухам, как бы ни печально это звучало. Они правили через жен, наложниц, возлюбленных, устраняли неугодных и возвышали тех, кто необходим.

У Шан с детства знала, что ей придется бороться против чужих, куда бы она ни попала. Потому что а кто – ее? Брат, мать, несколько доверенных евнухов… Все. Остальные – враги. Их надо либо уничтожить, либо подчинить, либо сломать и сделать своими инструментами. А в борьбе хороши все средства. От слов до яда и кинжала. И то, что ей пришлось отправляться на Русь, ничего не поменяло в отношении девочки к жизни.

Более того – она была оскорблена.

Она – сестра императора! И достойна не меньшего! Даже более того, она должна была бы стать женой самого императора русских, а вместо этого ей предлагают брата? Младшего? Всего лишь?

Это уже оскорбление!

Конечно, они все страшные, круглоглазые, противные, с шерстью на теле, но тяжесть короны помогла бы вынести тяжесть брака. Она стала бы хорошей императрицей, определенно.

Над ухом склонился приближенный евнух, зашептал, что ему удалось узнать.

А вот это интересно, и очень даже…

Император не женат. Невеста есть, но детей пока нет. И если У Шан родит раньше, чем у императора появятся дети… Кто знает, как повернется? К тому же, если у него никого не родится, ее муж станет следующим императором после брата. Тоже очень неплохо.

По губам малышки скользнула злая усмешечка. Тут есть на что рассчитывать. Надо посмотреть на мужа – насколько он управляем? Выйти замуж, обжиться, приглядеть союзников, найти рычаги воздействия, а потом начинать свою игру. Рожать она сможет где-то через год, к тому времени муж должен есть у нее с

руки.

У нее!

Не у родных!

У Шан сможет этого добиться, еще как сможет! А потом…

Ну, кто сказал, что жены братьев – вечны? Или что императрица сможет родить мужу наследника? Или что долго проживет сам император? Мы еще посмотрим, еще подумаем, что принесет больше выгоды. Но У Шан должна стать императрицей.

Тсаритсей, как говорят в этом варварском месте.

Кто и достоин, если не она?

* * *

Нельзя сказать, что устремления У Шан стали загадкой для Софьи. Деталей она не знала, но о примерном ходе мыслей догадывалась, о чем и побеседовала с Алексеем. Незамедлительно, ибо в таких делах промедление – не просто смерть. Она еще долгая и мучительная. И гибель всего сделанного.

– Лешенька, эта малышка может стать… проблемной.

– В чем?

К таким заявлениям Алексей легкомысленно не относился.

Семья – это сила. Это твоя кровь, твой тыл, люди, которые закроют твою спину. Все, что может внести в семью разлад, должно выпалываться немедленно. Это не Дуняшка, которая сейчас обживает Картли. Это жена царевича. Следующего в линии престолонаследия. И случись что… да, именно так. Понятно, кто может стать царицей.

Умирать, в том числе и бездетным, Алексей не планировал, но отец ведь тоже не планировал, нет? Ульрика-Элеонора еще не приехала, они еще не поженились, детей пока нет…

– Она неглупа, но спесива до крайности. Горда, жестока, свято уверена, что первый после Бога – ее брат, а вторая – она. И ей нужен не Федя. Ей нужна власть.

– Да ей лет-то…

– Лешенька, а сколько? Двенадцать? Через год она станет женщиной, еще через два – матерью, у восточных женщин это быстро. И не захочет трона для своих детей? И власти той, кто стоит за троном, – для себя? Ее так воспитали. Мы ставим на первое место нашу родину, наш народ, а У Шан? Себя, и только себя.

Рефреном прозвучало – вспомни Османов. У них закат империи начался с того же самого. Великолепная Роксолана,

власть… и каковы потомки?

– Хм-м-м… Что ты предлагаешь?

– Воспитать не удастся. Вряд ли.

– По возрасту?

– По сложившимся убеждениям. Человек никогда не откажется от идеи, что он стоит над всеми. Слишком приятно это выглядит и звучит. Я, конечно, попытаюсь, но без серьезной ломки тут ничего не получится.

– Попробуй, Сонечка. А пока – твои предложения?

– Противозачаточные средства. В обязательном рационе.

– На кухне распорядишься?

– Да. Начнем с этого – и продолжим, помолясь. Евнухов вернуть на родину, объяснив, что у нас они остаться могут, но только в монастыре. И подальше, где-нибудь в районе Архангельска. Еще скопцов в Кремле нам не хватало! Ее служанок отправить куда-нибудь, окружить девчонку своими людьми. Чтобы не плела интриг. Письма вскрывать, сам понимаешь…

– Не жестко? Ты вообще малышку не переоцениваешь? Соплячка ведь, а ты словно к войне готовишься?

Софья задавила ехидное фырканье усилием воли.

Милый братик, я вообще в три года с тобой работать начала. Да, я случай особый, но меня, в отличие от У Шан, не мотивировали так жестко на власть. А для нее это – воздух.

– Лешенька, а сколько нам было, когда Долгоруков…

Напоминание подействовало. Алексей медленно кивнул.

– Да, Соня. Действуй. Феде скажем?

– Поговорить с ним надо. Но не до конца. Все-таки это его жена… будет.

– Найди ему кого-нибудь?

Софья уже перебрала в уме картотеку. Федю она, конечно, тоже девственником не оставила, еще год назад им заинтересовалась милая девушка Федора, но раньше у девушек не было задания привязать царевича к себе. Наоборот, многое оставляли для жены. Сейчас же…

Она знает, кто ему нравится, какой тип женщин. Вот и пусть у него будут и жена, и любовница. Две семьи. Одна явная, а вторая тайная. И дети будут сначала в тайной семье.

Цинично?

А наплевать.

Особенной любовью к своему семейству Софья так и не прониклась. Ради Алексея она бы кого угодно зубами загрызла, ради своего обожаемого Ванечки Морозова – тоже, но и только. Остальные Романовы рассматривались как удобный и удачный ресурс. Их можно было холить, лелеять, ценить, учить… любить?

В рамках симпатии.

Жив – хорошо. Умрет – жалко. Не больше и не меньше. Инструмент для использования, и чем меньше они об этом подозревают, тем для них же лучше.

Иногда Софья задумывалась, чудовище она или нет. Но чаще приходила к выводу, что чудовище – штука полезная. Главное, чтобы кормили вовремя и натравливали на кого надо. А остальное – к попам. Они любой грех отпустят, работа такая.

Так что Алексей Алексеевич получил нежную улыбку.

– Какой же ты умный, Алешенька. Я завтра же займусь.

Судя по улыбке брата, он тоже так считал. Конечно умный. Глупые цари в соборе лежат. Ровненько…

* * *

Илона говорила и улыбалась. Спокойно и загадочно, словно древняя икона. Имре Текели ушам своим не верил.

– Да, я выйду за вас замуж, Имре. Это будет взаимовыгодный договор. Вы получаете мою полную поддержку в том случае, если сами поддержите русского государя. Хотя вы и так хотели это сделать.

– Д-да.

– Наша земля должна быть свободной. Мои прадеды всю жизнь для этого отдали, отец голову сложил, мать… – Илона махнула рукой. Не было на земле венгерской того, кто не осведомлен о доблести рода Зринских, но напомнить стоило, ох как стоило.

Не Имре ей честь оказывает – она ему руку протягивает. С такой женой, как она, с поддержкой родов Ракоци, Батори, Зриньи… горы свернуть можно. Вот и пусть сворачивает их…

Для ее сына.

Ради маленького Ферека Илона убьет, украдет, головой в петлю влезет.

И – да. Более детей у нее не будет. О чем ее будущему мужу, будь он хоть листовым золотом покрыт в три слоя, знать не обязательно. Первым был у нее Ференц Ракоци – единственным в сердце и останется.

А еще Имре не знал о том, что обдумывала Илона. Русский государь намекнул, что лучшие узы – брачные. И у него есть и брат подходящего возраста, и сестра. Равно его устроят и Ференц, и Юлиана, когда войдут в возраст. Но лет пять у княгини есть подумать.

Илона собиралась серьезно подумать.

Отдать дочь на Русь?

Возможно.

Сыну невесту взять?

Правитель, которого русский государь поддерживает, – это сила. Вот Михайло Корибут женился на сестре русского государя, так Алексей Алексеевич ему и войну выиграть помог, и потом, когда Крым воевать пригласил, поляки без добычи не остались.

Домой довольные вернулись, телеги добра привезли.

Ферек или Юлиана?

Юлиана или Ферек?

И то и другое было одинаково привлекательно. Но это потом, потом… Хоть и была Илона женщиной, но сейчас надобно было стать в первую очередь княгиней.

– Сулейман идет на нашу землю с громадным войском. Что вы хотите сделать?

– Поеду к нему. Поклонюсь в ноги.

– Мы пропустим его через наши земли.

– Да. Я помогу провизией, помогу людьми, коли понадобится, но взамен – когда они завоюют эти земли, пусть признают наше право! Это наша земля! И она должна быть свободна! Достаточно нас угнетали императоры!

Илона только вздохнула про себя.

Мальчишка, какой же мальчишка… Пусть так! Сколько раз она видела эти же огни в глазах своего мужа? Сколько раз молилась, протирая коленями пол в часовне? Спасти, сохранить… Не уберегла.

Постараемся уберечь этого.

Пусть живет Имре, чтобы смог жить Ферек.

Илона и не знала, сколь хороша была в этот момент. Тяжелые черные косы, синие тени под темными громадными глазами, нежные губы – и не скажешь, что четвертый десяток разменяла эта красивая и потрясающе сильная женщина. И Имре сейчас смотрел на нее не только как на союзника.

Не было у Текели недостатка в женщинах. Пальцами щелкни – любая прибежит. Но не эта.

И ворочалось в глубине души нечто новое… Не только союзника он видел в Илоне. Еще и красавицу, которую хотел бы видеть рядом. Своей видеть. Черные волосы, разметавшиеся по своей подушке, рукой гладить, губы нежные целовать, в глазах огонь зрить…

Только вот кто он, а кто она?

Пусть он Текели, да ее-то кровь благородней и древнее. И все же…

Почему бы и не попытаться?

Он ни к чему ее принуждать не будет, не насильник. Но рано или поздно она к нему сама придет. Он подождет. Он терпеливый…

* * *

Татьяна встала перед иконой на колени, перекрестилась быстро, двоеперстно, как привыкла. Хотя кто б ее за то ругал? Добрые девушки в приюте так и объяснили: Бог-то остался, а вот как молиться ему… ну, пока решаем, как правильно, да единый канон вводим – вот отсюда и потрясения. А ты, главное, верь.

Ему-то, поди, все равно, сколь часто кланяются, он нас все равно любит. Все мы дети и внуки его, все от его крови, от Адама и Евы – неуж он на нашу глупость разгневается?

Татьяна и верила, что не разгневается.

Освободили ж ее из плена? И от плохого брака отговорили. И мужа нашли хорошего… Вот и благодарила она сейчас Бога за все. И искренне просила здоровья для царской семьи. А для кого ж еще?

Кабы не пошел Алексей Алексеевич войной на Крым!

Кабы не подумала добрая царевна Ирина о тех, кто возвращаться будет!

Кабы не учила царевна Софья девушек, чтобы они помогали…

Кабы не затеял государь-батюшка строить Канал… так случайно она и с Кириллом познакомилась. Только-только тогда от боли сердечной отошла. Ефима от нее прогнали.

Таня аж поежилась, вспомнив, как гневался тот, когда отказала она. А потом улыбнулась краешками губ. Пусть и неприятно вспоминать, но и… есть за что собой гордиться!

После памятного разговора с Ксенией пришла она к той второй раз через два дня. Подумав. И решила отказать Ефиму, да боялась. Плен – он ведь даром не проходит… привыкаешь бояться.

Тогда-то Ксения и предложила: мол, ты с ним говори, а я рядом спрячусь. Верь мне, одну не оставлю. Таня и поговорила. Честно спросила про жену, про детей… и где по молчанию, где по взгляду поняла – верно все.

Не лгали ей.

Не она Ефиму нужна, не Танюшка со светлыми косами, а пара крепких рук да детородное чрево. И как жить тогда?

В плену быстро приучаешься видеть, что у кого на уме, малейший наклон головы подмечаешь, малейшую тень в глазах – от того и жизнь твоя зависит.

Ефим, конечно, бушевал. Ногами топал, ругался грязно, объяснял, что никто ее более не возьмет, он и то ей милость оказал, но тут уж Таня тоже озлилась. И объяснила, что Христос блудницей не побрезговал. А она не блудница, да и Ефим не Христос.

Вот!

Кто знает, что бы сделал озленный мужчина, не прибудь на подмогу Ксения. Ровно мимо проходила, дверью стукнула, обернувшегося крикуна гневным взглядом обожгла, да таким, что мигом заледенел жених неудавшийся. Спросила, надобен ли Тане более этот разговор, – и увела. А Ефиму холодно заметила, дескать, любой, кто оскорбляет женщину, лишний раз доказывает, что он не мужчина.

Больше Таня Ефима не видела – и век бы не видеть!

А спустя месяц заторопилась из монастыря куда-то и ее подружка Ксения. Вот тогда Таня и набралась храбрости. Попросилась с ней, хоть бы и служанкой, а Ксения возьми да и согласись.

Таня не знала, что это решение обдумывали несколько царевниных девушек. И что согласились все. Надо было брать таких Танюшек в новую для них жизнь, надо приучать к людям. А пока серьезных заданий от царевны не предвиделось, можно и потренироваться.

На кого чаще всего внимания не обращают?

Да на слуг.

Кого не стесняются, не видят, о ком не задумываются?

Царевна своим девушкам сотни раз о том говорила – и Ксения такой ошибки не совершала.

Татьяна была ее глазами, ее голосом и разглашала только то, что выгодно было Ксении. К тому ж девушка была красива и неглупа. Рано или поздно Ксюша отпустит ее замуж. И ее муж, семья будут благодарны государю.

Мало?

Так это капля в море. Здесь капля, там брызги, и наберется уже озеро. А из озер выходят реки, чтобы прийти к морю. Не бывать на Руси тем, кто царем недоволен. Не бывать бунтам! Это их дом, они тут живут… кому понравится, когда бардак в доме?

Ну да это дела государственные, а для Танюшки важнее, что Ксению отправили на Канал. Съездить да кому-то письмецо передать.

Вот, пока ехали, и разговорилась Таня с веселым парнем. Кирилл так и объяснил. Он хоть и из купеческих детей, да младший из восьми. Либо на побегушках у братьев быть, либо свое дело начинать, а только не приспособлен он к торговле.

Думал, куда податься, и решил.

Почему бы и не Канал?

Отработает здесь три года, дом получит, на землю осядет – и сделает то, что хотел. Постоялый двор откроет. И – да, коли Танюшка согласится с ним быть, лучшего ему и не надобно будет.

Ксения об этих планах быстро узнала. Переговорила с Кириллом, подумала – и пообещала Тане поговорить еще кое с кем. Пусть сразу строится. Она ему грамотку от царя добудет. Но заезжать в гости будет. И коли узнает, что Танюшку в чем обижают…

Кирилл даже не обиделся тогда. Только рассмеялся. Мол, чаще заезжайте, а то детишкам крестная мама понадобится.

Вот тогда и поняла Таня, что улыбнулось над ней солнышко. И молилась сейчас за всех и сразу. А когда перекрестилась последний раз, повернула голову и обнаружила чуть позади себя Ксению, которая тоже молилась. И крестилась пусть тремя пальцами, да разве важно то? Важна душа человеческая да вера в Бога. Остальное же от Лукавого.

Заговорили подруги только на выходе из церкви.

– Ну как, готова? Завтра уже замужней вечер встретишь.

– Ох, Ксюшенька, волнуюсь я…

– А не надобно волноваться. Кирилл знает все, это не Ефим. Да, у него ни кола ни двора, ну так поможем, чем можем. Главное, что любит он тебя – и вот такую как есть принял. И обижать не будет, у меня глаз наметан.

– А коли не разрешат ему…

– Разрешат. Постоялый двор держать дело сложное, не каждому под силу. А вот он справится. Деньгами на первых порах поможем, потом отдаст…

– Ксюша… ведь есть у меня деньги.

Рука подруги крепко сжала плечо Татьяны.

– Забудь о том. Поняла?

Таня кивнула. Ксения жестко смотрела ей в глаза.

– Это – твое. На крайний случай, на черный день, на детей… коли твой мужчина тебя обеспечить не сможет – не надобен такой. И знать ему о твоих деньгах ни к чему. Не для того ты из Крыма их везла, берегла, прятала…

Таня аж задохнулась от удивления.

– Ты знала?!

Ксения лишь пожала плечами:

– И что?

– И меня не выгнали?!

Не отняли деньги, не сказали устраивать свою жизнь самой, не… таких «не» набиралось очень много. А выходило так, что

Тане позволили иметь свои тайны – и даже не сочли нужным указать на ложь.

– Танечка, ты свободный человек. Почему ты должна делиться с теми, кто пока не заслужил твоего доверия? Мы же не родные, вот и не лезли в чужую душу. Ты должна была решить, кто мы тебе.

Таня несколько минут молчала. А потом крепко-крепко обняла Ксению.

– Родная ты мне. Сестра…

Ксения успокаивала девушку, гладя по светлым косам. И вовсе даже она не плакала. Ни капельки.

Все у этой Танечки будет хорошо. Поженятся они с Кириллом, трактир держать будут, детей нарожают. А она к ним будет заезжать, крестной матерью деткам станет – и каждый раз об одном и том же думать будет.

Сколько по Руси таких Танечек?!

Сколько тех, кому войны жизнь изуродовали?! Плен, издевательства…

Вот так и поймешь, что никакую цену заплатить не жалко, лишь бы не было на Руси более такого зла.

* * *

Педру смотрел на письмо русского государя. И невольно сравнивал его с письмом Виктора Савойского. И как-то…

Пусть первый и православный, то есть почти нехристь, пусть второй и католик. Первый за тридевять земель отсюда, второй рядом… И что?!

А все равно сравнение не в пользу Виктора!

От того пока еще никакой пользы, кроме отговорок, не было. А русский государь прямым текстом писал, что на Руси есть то, что необходимо Педру. Дерево для строительства кораблей, лен, пенька… можно строить корабли прямо там, на месте. А вот матросов не хватает. Но ежели они породнятся, то это можно будет решить келейно?

Одно величество строит корабли, второе (пусть пока еще не величество, но не важно, на ком корона, важно, у кого власть) предоставляет команды плюс обучает русских моряков. У Португалии есть колонии, а у Руси – средства, которые помогут их удержать.

Да и помолвка пока не брак. Пусть Иван приедет в Португалию, познакомится с будущим тестем? А потом Изабелла на Русь, познакомится с родней.

Где они будут жить?

Ежели в Португалии, то вот тут его величество настаивает на своих людях в окружении обоих. Слишком часты эпидемии, и ему совершенно не хочется терять близких. Если на Руси… тут и вовсе говорить не о чем.

Сам себе Педру мог признаться: предложения крайне привлекательны. Опасно, конечно, но… может, рискнуть?

Согласиться?

А с Леопольда тоже потребовать… да уж найдется, что именно.

Пусть Португалия и независима уж сколько лет, а все одно – династия Браганса… нет! Не второго сорта! Но ей-ей, не посмел бы Савойский такие номера с Эскуриалом откалывать!

Может, и согласиться?

А мальчишка пусть приедет. Посмотрим на него, подумаем… глядишь, ежели он в католичество перейдет… ну, это надо с падре поговорить.

Да!

Иезуиты!

Орден, который мало кто одобрял, но отрицать их силу не стоило.

Надо поговорить с падре Мигелем. Про кровавую русскую царевну только глухой не слышал – и то догадывался. И Педру вовсе не хотелось спровоцировать виток войны, ежели мальчишку тут отравят или еще что. Надо, надо поговорить, и коли Святой Престол не против, так может, и…

А Леопольд пусть поработает.

Педру зловредно ухмыльнулся. Почему-то в Португалии очень не любили Священную Римскую Империю.

Странно, с чего бы это?

* * *

– Ваня, ты не хочешь съездить в Португалию?

Мальчишка с изумлением поглядел на брата.

– Зачем?

– За невестой.

– Что?!

– Вот, погляди на портрет!

Иван Алексеевич послушно оглядел миниатюру. Ну… что тут скажешь?

Если художник польстил – девчонка симпатичная. Если нет – она просто красавица.

Алексей Алексеевич угадал мысли брата.

– Это наш человек рисовал. Так что не приукрашено.

– Красивая.

– Вот. К тому же принцесса. Наследница Португальская.

– Так сам бы на ней и женился!

Ну, сначала мальчишка обязательно отпихиваться будет, чай не щенок – принцесса. Но были у Алексея аргументы, были.

– Вань, ты подумай. Куда я с Руси? Мне ее не отдадут, им консорт нужен.

– Приживал, в смысле? Не поеду.

– Балбес. Ты что думаешь – я бы так с братом поступил?

– Если государственная необходимость диктует – еще как!

С первого взгляда крыть было нечем. Но Алексей улыбнулся – и выложил на стол еще один портрет.

– А это моя невеста.

Ульрика-Элеонора понравилась Ивану куда как меньше.

– Ну и… цапля.

И верно, мосластая, длинноносая…

– А выхода у меня нет. Приедет – женюсь. Тебе же принцессу предлагают, а ты кобенишься. Да симпатичную, неглупую, может, и королеву в перспективе. Не вы, так ваши дети в Португалии сесть могут.

– Да не хочу я никуда ехать! Я на Руси жить хочу, наукой заниматься, Лешка, ты хоть знаешь, что мы тут с сэром Исаком придумали?

– Узнаю, когда доделаете.

– А до той поры тебя ничего не интересует?

– Благо Руси. Тебя оно не интересует? Нравится быть царевичем? Вкусно есть, мягко спать, заниматься наукой, делать что захочешь? Так изволь отрабатывать. Не просто так тебе все дано, в нагрузку еще и венец приложен. Пусть царевичев, так я от тебя и не требую, сколько от себя!

– Требуешь… Только бы приживала из меня сделать!

В синих романовских глазах стояли слезы, но жестокий Алексей только брату по лбу и постучал.

– Ванька, что за чушь ты несешь? Консорт – не приживалка. Ты таким же правителем будешь.

– Только ночным.

– Научили тебя думать на свою голову.

– Прикажешь горшком притвориться?

– Нет, подумать в другую сторону. Португалия нам как союзник жизненно необходима.

– Прямо уж?

– У них есть то, что нужно нам. Моряки, колонии, опыт,

связи.

– У нас их мало?

– Столько мы пока не наработали.

– Лешка, а может…

– Вань, уши надеру. Как в детстве.

Иван пожал плечами, понимая, что слезами и соплями толку не добьешься, надо приводить логические доводы, а их-то и не было. Угроза была серьезная, но…

– Чего ты от меня хочешь?

– Помолвки с Изабеллой. Едешь в Португалию, производишь хорошее впечатление, уговариваешь девчонку и ее отца. Мне нужно, чтобы вы жили на два дома. И здесь – и там.

– А мое мнение тебя не интересует?

– Более чем интересует. На тебя будет возложена еще одна обязанность. Сейчас многие ученые подвергаются гонениям из-за своей веры. На Руси же…

– Ты хочешь…

– Чтобы ты их приглашал к нам. Жить, работать, учить других. Сможешь?

– Да.

– Это не так просто. Надо ведь разобраться, кто действительно знает и желает заниматься наукой, а кто… лжеученый. Правда сможешь?

Ваня пожал плечами.

Сможет ли?

– Надо попробовать.

– Вот так к этому и относись. Ты едешь не ради девчонки, а ради науки. Ну и заодно уж…

– Лешка, хорошо, что ты – государь.

– Поменяемся? И местами, и невестами?

Ответ Ивана был точно не научным. Зато – от всей души.

* * *

– Какими силами мы располагаем?

Алексей посмотрел на сестру.

– Так. Ну, казаки у нас сейчас в Сибири. Двадцать тысяч мы отправили на помощь Леопольду. Еще двадцать тысяч сейчас в Крыму. Значит, где-то еще тысяч пятнадцать-двадцать можно выдернуть без ущерба для Руси.

– С чем я останусь на Москве?

– Тысяч пять тут будет. Стрельцов я всех заберу с собой, бунтовать будет некому.

– Обрадовал. Ты ж и Ваню заберешь. А мне тогда спать вовсе не придется.

– Соня, ты же знаешь…

Знала. Слишком хорошо парни дополняли друг друга. Горячий и подвижный Алексей – и спокойный рассудительный Ванечка. И хотела бы оставить мужа дома, да не выйдет. Сам не останется. Друзья…

Замысел у Алексея Алексеевича был прост.

Сейчас Дания сражается со Швецией.

Ну и почему бы не помочь хорошему делу? Коли с одной стороны датчане ударят, а с другой Русь подключится – не сносить шведам головы. У него, у Алексея, оправдание – он невесту себе отвоевывает, мировая общественность поймет и одобрит.

А он себе под шумок оторвет выход к морю. А то и финнов потеснит – и неплохо так потеснит. Что он теряет?

Деньги и еще раз деньги.

В некоторые проекты они просто водой уходили. Но пока… пока Софье удавалось сводить бюджет даже с прибылью.

Очень помогли две победоносные войны. Если сейчас будет третья…

Да не в третьей дело! А в том, что на три стороны!

Ладно, казаки на Амуре больше развлекаются, чем серьезно воюют. Для снабжения им и Строганова с лихвой хватает – и тот не жадничает. Ему ж трофеи несут… Да и в Крыму тоже все налаживается, там сейчас ни нападений, ни бунтов ждать не придется. От кого бы? Когда все турки под Вену ушли?

Но с одной стороны они идут на помощь Леопольду. А вторая часть войск идет совершенно в другую сторону.

– Лешка, если вы там завязнете или не победите – мы точно прогорим. Денег решительно нет.

– Война должна быть молниеносной?

– Да. Не осаждайте крепости по году, не стойте по месяцу в городах. Дойти, победить и вернуться.

– Другого ты не мыслишь? – поддразнил жену Иван, – а вдруг не мы, а нас?

– Если рискнете проиграть – отдам вас в плен. Пусть кормят, пока бюджет не восполним.

– Злюка.

Софья показала брату язык. Пусть не по-царски, зато от всей души.

– Кстати, ты почто Соковнина обидела, змеюка подколодная?

Софья прищурилась. В глазах вспыхнули злые огоньки.

– Хватило совести жаловаться?

– А то ж!

Софья насмешливо фыркнула. Оный Соковнин, Федор Прокофьевич, давно у нее как бельмо на глазу был. После Матвеева. Щуку-то съели, да зубы остались. Если его брат, Алексей Прокофьевич, отторжения не вызывал – пусть не гений, но и не подлец, – то Федор…

– А кто пытался Володеньке в дядьки какого-то полоумного пьянчужку пристроить? Он что думал – Любава без защиты и помощи останется? Или просто дураком хотел мальчика вырастить?

– Что там за пьянчужка?

– Некто Никита Зотов. Дьяк, пьянь безмозглая…

– Может, не знал он?

– Весь мир знал, а он не знал? Да ко мне Адриан быстрее молнии прилетел, лишь бы я не прогневалась!

– О как! – подивился Иван. В эти дела он даже не вникал. – А ты?

– А я его вызвала и строго объяснила, что коли еще раз он хоть на десять метров к Любаве подойдет…

– Им займется Ромодановский, на предмет связей с почившим Матвеевым и почившим же Хованским. Мало ли, вдруг не все заговоры раскрылись? А это явный заговор – вырастить ребенка тупым! А вдруг что? Отправишь его за границу, так там вши со смеху передохнут!

– Он мне тут клялся и божился, что невиновен.

Алексей явно посмеивался. Его устраивала ситуация, при которой Софья была страшной и злой, и вообще – чуть ли не штатным кремлевским чудовищем, а он – милым и добрым царем. Хотя, как отлично знал Иван, жалости у брата с сестрой на обоих чайной ложечкой не зачерпнуть было.

– Вот и прекрасно. Пусть бы Ромодановскому доказал, – фыркнула Софья без особого настроения.

– Тому докажешь, как же!

Если Григорий Ромодановский отлично себя чувствовал в Крыму, то его родственник Федор Юрьевич нашел себя в Москве. И люди дрожали от его фамилии, зная, что страшнее врага не было и не будет у тех, кто на законную власть умышляет.

При этом Федор был умен, хитер, понимал, где надобно остановиться, но если уж его спускали с цепи…

– Кстати, а что у нас с Любавой?

– Пока еще в трауре, но я думаю, это на полгода-год, – отчиталась Софья. – Она молодая здоровая женщина, так что надобно кого-нибудь приглядеть, чтобы не было скандала в благородном семействе.

Алексей кивнул.

Ну да. Хочешь хорошую команду – следи за всеми факторами. В том числе и за удовлетворенностью всех ее членов. Женщина без мужчины дуреет и звереет, мужчина без женщины бросается на первую же попавшуюся девку. Вот чтобы этого не произошло, надо работать.

Пока получалось неплохо.

– И кого ты хочешь для Любавы?

– Да Ваську Голицына. А что?

Ваня зашипел не хуже кота.

– Вот еще!

Соня фыркнула. Почему-то ее муж не любил Василия Голицына. А что она может сделать? Сказано же – любовник! Вот и притворяемся. Так ведь ничего больше и не было, кроме притворства!

– Почему нет? Разыграем как по нотам. Получил у меня отставку, с болью в сердце переметнулся ко вдовствующей царице – что еще надобно? Он женат, она вдова… а как мужик он неплох, девочки хвалят. Опять же, остается в царской семье, через кого-то другого сливать информацию не придется.

– А ты у нас останешься без штатного любовника? Непорядок, – нахмурился Алексей.

Иван показал ему кулак. Государь обозрел представленное и фыркнул.

– Неубедительно.

– Поживу годик без любовников. Кстати, лучше пусть Васечка подсуетится, чем Сильвестр.

– Кто?

– Медведев, мальчики, Медведев.

Что Алексей, что Ваня вспомнили монаха не сразу.

– А что с ним не так?

– Да лезет он всюду без мыла. Особенно туда, куда не пускают, – поморщилась Софья.

И верно, оный монашек пытался пролезть в эксклюзивные наставники то к Катьке, то к Машке, то к Феодосии – зачем?! Вился вокруг Любавы, словно пытаясь зацепиться при дворе… не влюбился же?

Смешно!

– Да тут таких десять на дюжину, – хохотнул Иван.

– Таких, да других. Сам понимаешь, бояре наши к власти тянутся, а все ж понимают, что царевна в жены им не достанется. А этот… Такое ощущение, что ему без любовницы царских кровей жизнь не мила.

– А к тебе не…

– Дражайший супруг, ко мне даже Васечка Голицын при всем его геройстве – не, – съязвила Софья. – Как он признался на конюшне в доверительной беседе с одной из своих любовниц, от моего взгляда у него только волосы дыбом встают, а остальное – опускается.

– Плеть по нему плачет, – рыкнул Алексей.

– Нет уж. Пусть Любаву обхаживает. А вот Медведев…

– Да сдай ты его Ромодановскому – и вся недолга!

Софья подумала…

– Может, все-таки в фиктивные любовники?

– Слишком умен, чтобы мы его удержали на цепи, – не согласился Иван. – Ученик Полоцкого, как-никак. Мы можем сильно подставить кого-то из своих людей, попытавшись использовать его.

– Да, проще взять, все вытряхнуть, а потом в расход, – согласился Алексей. – Приказ подписать?

– Пиши…

Софье того и надо было. На Медведева у нее уже с полгода клыки отросли, но пусть брат считает, что решение принял он. Так-то…

* * *

Ульрика-Элеонора рассматривала милые девичьи безделушки.

Ее детство, ее радости.

Любимый некогда перламутровый гребень, медальон с прядью маминых волос, резная миниатюра из кости, засушенная роза (об этом даже не думать), тетрадка со стихами…

Взять с собой?

Почему бы и нет.

Она знала, что происходит с покоями уехавших принцесс.

Конечно, никого сюда не поселят, но… они словно бы умрут. Она и раньше это видела.

Когда из покоев уходит человек, из них словно бы душа уходит. Что-то, что делает солнечный свет теплым, заставляет занавеси приветственно шевелиться, а фарфоровые фигурки улыбаться.

– Рика?

Ульрика радостно обернулась навстречу брату.

Георга она любила. Пусть он был мягким и уступчивым, пусть. Но зато он был теплым и домашним. И любил сестру. Разве этого мало? Для королевской семьи так и с избытком.

– Братик! Посидишь со мной?

Георг послушно опустился на софу.

– Кристиан словно с ума сошел. За Карла он тебя так быстро не выдавал замуж!

– Это верно. Но этот брак выгоден нашей стране.

– И все же вы могли бы хоть познакомиться. А не так, словно наспех! Куда нам торопиться?

Ульрика вздохнула.

Милый братик…

Любит, переживает, заботится… а все ж выбора нет. И не было никогда. Судьба любой принцессы – быть сговоренной с наибольшей выгодой для страны, она это с детства знала. Вот и…

– Ты ведь будешь сопровождать меня к жениху?

– Обязательно, малышка. И Кристиан тоже будет.

– Он еще не знает, будет или нет. Все же у нас война…

Георг взмахнул рукой:

– Война, налоги, деньги, законы… как же все это… Рика, я тебе искренне желаю, чтобы твой муж не был таким занудой!

– Спасибо, братик.

Что-то подсказывало Ульрике, что – увы. Пожелание не сбудется.

* * *

Папа Римский Иннокентий, в миру некогда Бенедикт Одескальки, русского гонца не задержал. Наоборот.

Отношения между Святым Престолом и Русью были сложными издавна. Но… На словах, больше на словах. Русь далеко, так что в гости в Рим никто не приходил, войска не приводил, ничего сильно не требовал, соответственно, и обид не было. От той же Франции куда как больше гадостей ждать можно, да она и ближе. Конечно, далекая страна Русь – поле непаханое для священников, но там же холодно! И медведи! И далеко…

Причин много.

Так что когда Иннокентий получил первое письмо, он поступил по старому принципу. Проси больше, чтобы получить хоть что-то. Что согласен дать русский государь в обмен на невесту для своего брата? Славословия пропустим и обязательную часть тоже. А вот и собственно известия. Итак?

Письмо шарахнуло по глазам почти с первых строчек. Да так, что свиток спланировал на стол из внезапно ослабевших пальцев. Русский государь соглашался, что у него напряженные отношения с орденом иезуитов. И сожалел, что Его Святейшество введен в

заблуждение.

Сестра – ведьма?

Да никогда и ни за что! Просто так получилось, что когда иезуит Симеон Полоцкий (воистину пятно на белой рясе этого достойного ордена) отравил государя, в столице была только она. А потому пришлось ей и власть брать в свои руки, и судить, и казнить… бедная девушка, у нее не было выбора. Но если это преступление – так казнить за него надо было кучу народа. В Англии была королева, которая вообще сама правила и никто ее за то ведьмой не объявлял. И Анна Австрийская была регентом после смерти мужа, если искать ближе. И ничего, не ведьма.

А что Полоцкого казнили – будь ты хоть трижды иезуит, а царя травить нельзя, никак нельзя. Поэтому… если Ваше Святейшество пожелает – можно отправить иезуитов на Русь. Но за их целостность русский государь отвечать не будет. Люди злы, сначала раздерут на сорок кусочков, а потом спросят, как звать.

Да и… а чего – мы?

У Людовика XIV при дворе вообще черные мессы проводятся – и кем?! Его метрессой, почти женой, маркизой де Монтеспан, о том вся Франция знает. И ничего, все терпят! Хотя там и младенцев в жертву приносят, и кровь детскую пьют, а уж что с козами проделывают – сказать страшно. А там иезуитов что блох на собаке.

И чем они занимаются?

Мы на Руси знаем, что творится, а они у себя под носом не видят?

Так что простите, Ваше Святейшество. Мы, конечно, согласны на многое, но… народ-с. Не поймет ведь. Никак не поймет. Может, вы сначала с этой проблемой разберетесь? А потом и поговорим об отправке миссионеров на Русь? Или там о переходе в католичество? Мы, может, и не католики, зато и черных месс у нас не проводят. И ведьм не ловят – потому как нету.

Несколько минут Иннокентий просто тупо перечитывал письмо. Фамилии врезались в глаза – и отмахнуться от них было нельзя.

Катрин Монвуазен.

Аббат (АББАТ!!!) Гибур.

Папа вздохнул и вызвал секретаря.

С этим делом надо было разбираться – и жестко. Если русский государь не солгал (а он не идиот – лгать Святому Престолу), последствия будут ужасны.

Но пусть этот вулкан извергнется под чутким Папским руководством, чем всех потом зальет лавой возмущения и негодования. Есть, есть еще время отмежеваться от этого ужаса и

жестоко осудить причастных!

* * *

Соня сидела на подоконнике и смотрела в окно. Было тоскливо.

Завтра брат уезжает. И муж уезжает. А на ее плечи опять гранитной плитой свалится власть. Тяжкая, кровавая, ненужная… Горела б она ясным пламенем!

А надо, надо…

Теплые руки обняли за плечи, губы коснулись шеи.

– Сонюшка?

Софья со вздохом прислонилась к груди мужа.

– Тоскливо мне, Ванечка. Все понимаю, что вы идете воевать, а я остаюсь на хозяйстве, знаю, что судьба такая, а все ж…

– Мне без тебя тоже жизнь не в радость.

Софья вздохнула. И за что ей выпало такое счастье? Ваня умен, красив, любит ее, не возражает против ее участия в государственных делах и даже сам помогает по мере сил. Разве мало?

Иногда она себя даже свиньей ощущала. Потому что не могла ответить ему чувствами той же силы и накала. Боялась…

Чего уж там – дьявольски боялась потерять и его, и Алексея. И прятала все в себе. Как раньше, в Древней Греции уродовали слишком совершенные творения, чтобы Боги не позавидовали. Вот и сейчас…

Пусть Боги подумают, что ее чувства не столь сильны. Пусть Алеша и Ванечка в очередной раз вернутся домой!

– Любимый мой…

– Мать сегодня рыдала, вернуться живым упрашивала. Грустит, что детей у нас нет.

По губам Софьи скользнула злобная усмешка, благо муж не видел. Ваня скромно умолчал про некрасивые Феодосьины намеки на ее, Софьи, бесплодие. Хотя вот уж чего не было…

Предохранялась – это было и есть. И будет, а то ж! Первые дети нового поколения Романовых должны появиться у Алексея. Марфа и Дунька, которая уже была в тягости, не в зачет. И бабы, и невесть где, и мужья у них не русские. Права их детей на престол если и будут рассматриваться, то в последнюю очередь. Разве что вырастет один из потомков – и пройдется по миру новым Наполеоном. Но такому подчиняться не зазорно, умный человек был, хоть и с бзиками насчет одеколона. Эх, хорошо все-таки, что у русских своеобразное отношение к Франции. Когда у

Софьи еще в той жизни деньги появились, она первым делом не в Турцию поехала. Во Францию. И Володя водил жену по Лувру, Версалю, рассказывал, показывал…

Вспомнить сейчас его истории труда не составляло.

Софья убрала ухмылку и повернулась к мужу. Поцеловала.

– Ванечка, обещаю. Будут у нас дети. Вот Алешка женится, и будем мы с его женой ходить, пузами трясти. Потом еще и вместе воспитывать, чтобы как мы Алешкина опора, так и наши дети были его детям поддержкой.

– А если раньше получатся?

– На то воля Божья, – Софья улыбнулась. – Ты знаешь, детей я хочу. Двоих. Или троих…

– Сонь, хотя бы штук пять!

– А рожать кому? Мне примера матери хватило!

– Ну, не два ж десятка рожать? А пять – хорошее, красивое число.

– Я подумаю, – не стала спорить Софья. – Особенно если ты постараешься.

Намек был понят. Софью сгребли в охапку и унесли на кровать.

Стараться.

Ну и правильно, с мужем надо прощаться как следует. Пусть увозит с собой не ее тоску, а приятные воспоминания. Ох, Ванечка…

* * *

Томас фон Вирнинген сидел в редакции газеты. Редакция – это, конечно, слово громкое, но свой домик у газеты был – и не такой уж маленький. Добротный, почти в центре Гамбурга, каменный…

Да-да, сидел и грустил.

С аппетитами Людовика, знаете ли! Это раньше он к ганзейскому союзу руки не протягивал. А сейчас… чует сердце Томаса, как только сожрут Нидерланды, так и до них руки дойдут. И конец вольностям и свободам. Эх-х…

Если бы был жив Вильгельм!

И все же газета продолжала выходить, пусть не каждый день, но пока он еще жив, будет жить и его детище!

Скрипнула дверь.

– Вы позволите?

Томас внимательно посмотрел на вошедшего. Молодой, явно дворянин из небогатых… Шевалье? Возможно.

Француз? Да, похоже на то.

И что ему тут нужно?

– Господин фон Вирнинген, я пришел к вам с новостью.

Это мгновенно заставило газетчика насторожить ушки, встрепенуться, словно полковая лошадь на звук боевой трубы. Новости? Где, где, где новости?!

Мужчина без спроса присел, огляделся – и с самым заговорщическим видом поинтересовался:

– Вы слышали о черных мессах?

Томас дернулся, словно его ткнули шилом. Огляделся.

Нет, рядом никого нет, никто не услышит. Но…

– Вы сумасшедший?

Мужчина придвинулся поближе.

– Я бежал из Франции из-за того, *что* узнал. За мной охотятся, меня хотят убить. И я решил рассказать обо всем. Когда эта тайна выплывет наружу, полетят головы.

– Чьи?

Томас, сам не зная об этом, был газетчиком до мозга костей – то есть за новость он готов был продать те самые кости. И даже сам бы извлек их. А тут – такое?!

– Приближенных к его величеству. Королю-Солнцу.

Томас схватил перо и пергамент.

– Говорите же!

– Его величество, возможно, и не знает, что его метресса, мадам де Монтеспан, в надежде вернуть его любовь…

Томас писал и в глубине души понимал, что перед ним сидит его бессмертие. Тот, кто напишет об этом… Это будет словно наводнение! Оно захлестнет всю Европу. А Нидерланды получат передышку в войне. Людовику точно будет не до них. Да и ганзейский союз сможет выторговать себе еще время, почему бы нет?

Кровавые обряды, жертвоприношения, тайны Лувра…

– Вы понимаете, что если это ложь…

– Это не ложь. Расследование уже ведется, но ла Рейни не может добраться до всех. А я… я случайно… Моя любовница служила у Монвуазен, и я однажды перепил и уснул. А потом проснулся не вовремя и услышал.

Томас слушал – и словно вживую перед его глазами вставала комната и спящий мужчина. И женщина, сговаривающаяся о покупке младенца. Мужчина понял, что дело нечисто, и начал следить. Да, вначале он думал, чем бы поживиться. Но потом – о, потом ему просто захотелось жить. Но было поздно.

Его заметили.

Пришлось спешно бежать из Франции, жить под чужим

именем, но вчера его опять попытались отравить. И он решился…

– Вам нужны деньги? Укрытие?

– Деньги – я не отказался бы. Укрытие – нет. Меня будут искать рядом с вами, а потому я сегодня же сяду на корабль – и будь что будет.

– Могу посоветовать корабль…

– Советуйте.

После ухода мужчины Томас потер руки и бросился к наборщикам.

Писать статью?!

Да такое сразу набирать надо!

И в выпуск!

Пока остановить не успели!

* * *

Сильвестр Медведев взял перо, повертел его в руках. Отложил в сторону и выдохнул. Не шло ничего в голову. Последнее время ему было неуютно в Дьяково.

А какие надежды он питал когда-то!

Более десяти лет назад его, молодого еще парня, пригласили для обучения царевича Алексея… Как трепетал он тогда, встречаясь с самим Симеоном Полоцким!

И какой горечью отозвалась в нем неудача.

Не гож.

Симеон до сих пор не знал, что это решение приняла царевна Софья. Когда ее тетка Татьяна увлеклась смазливым монахом, Соня решила удалить того от двора – и не многое потеряла. Подумаешь – счастье? Да таких красноречивых да смазливых по миру хоть пучками вяжи. Позднее, намного позднее Сильвестра пристроил ко двору Симеон Полоцкий. Он же помог Сильвестру попасть к царевичу Алексею.

И как же больно было Сильвестру лишиться учителя. Как разрывалось сердце от тоски и горечи! Ни на минуту, ни на секунду не поверил астролог, что учитель виновен. Его могли оболгать, обмануть – да что угодно! Но чтобы он сам отравил государя?!

Никогда!

Бред!

И конечно, когда после казни Симеона его нашли иезуиты, Сильвестр не ответил отказом. Он мстил? Просто сводил счеты?

Он и сам не знал, но, рассказывая о том, чему бывал свидетелем, пытаясь подобраться поближе к царской семье, по

капле вливая яд то в одни, то в другие уши, утолял грызущее чувство ненависти внутри себя.

Не поняли? Не оценили?! Так другие нашлись! И побольше вас заплатят.

И вы – заплатите.

Но все же…

Последнее время Сильвестр нюхом чувствовал – не то. Вроде и улыбались ему, как прежде, и запретов не было, и вдовствующая царица его принимала ласково, но что-то в глубине души просто кричало: БЕГИ!!!

Видимо, он устал. Отдохнуть бы… На богомолье, что ли, съездить? Сеть он раскинул хорошую, широкую, какое-то время и без него поработают, а он вернется, соберет все сведения да и понесет своим хозяевам в клювике.

Поделом вам, твари романовские!

Скрипнула дверь.

Сильвестр обернулся – и вежливо улыбнулся. Встал, склонился в полупоклоне. В его покои быстрым резким шагом вошла царевна Софья. Да не одна, а еще с четырьмя казаками.

– Государыня?

Всем видом он словно спрашивал, чем может быть полезен. Но в ответ получил ледяную улыбку.

– Твоя служба закончена, Медведев.

На плечах сомкнулись жесткие цепкие руки – не стряхнешь, не вырвешься. Софья прошлась по его покоям, словно по своим. Усмехнулась, отбросила носком сапожка ковер с пола.

– Этого к Ромодановскому, а мне достать все из тайника. И здесь есть еще один тайник, в спальне. Его тоже вытряхнуть, но осторожно. Мало ли – иезуитская шкура.

Сильвестр забился в руках у казаков. Двое держали его, один ощупывал тайник, второй направился в спальню. Сильвестр понимал, что надо бы оправдываться, спорить, просить… язык не поворачивался под взглядом темных глаз.

Царевна знала все. Явно знала.

Но откуда?!

Как?!

Видимо, такое изумление было на его лице, что царевна соизволила… поиздеваться над противником?

– Я давно все знаю. Но раньше ты не хотел сбежать и был удобен. Я столько информации через тебя слила – приятно припомнить. – Ухмылка на губах царевны была змеиной, иначе не скажешь. – Но сейчас ты перешел границы дозволенного. Любава была последней каплей.

И Сильвестр с ужасом понял, что он… что его…

– Ты знала?!

– Конечно. А ты думал, что ученику подлеца Полоцкого позволено остаться без пригляда? – Красивые губки сжались в брезгливой гримасе.

– Не смей так! – задохнулся от ненависти Сильвестр.

Софья передернула плечами.

– К Ромодановскому.

Казаки поволокли астролога по лестнице, не обращая внимания ни на крики, ни на попытки вырваться. Софья продолжила обследовать его покои.

Пошпионил? Пора и на дыбе повисеть.

Поговорку про кататься и саночки еще никто не отменял.

* * *

Его величество Людовик XIV, христианнейший Король-Солнце был недоволен.

Даже не так.

Его величество был *настолько* недоволен, что, ей-ей, желание провалиться под землю испытывали даже деревья в парке. Увы: придворные о таком счастье даже мечтать не могли и только молились, чтобы гроза прошла мимо.

А она грянула.

Да какая! С воем и грохотом!

Какая тварь слила в мир информацию о черных мессах – бог весть, но ухватились за нее и руками и ногами. Германские княжества – потому что терпеть не могли Людовика; англичане – по причине вечной нелюбви к французам; голландцы – ну, те понятно; Испания – еще бы! А ведь казалось: сколько раз воевали… французы с испанцами, испанцы – с французами… Почти родными стали – и так полоскать грязное белье французского двора. Какое низкое испанское коварство!

Неизвестно, сколько в грязной волне сплетен было правды, а сколько лжи, но…

Ла Рейни потирал руки.

Катрин Монвуазен едва удалось спасти от разъяренной толпы, заточив в Бастилию, а вот особой стойкостью дама не отличалась, вмиг заложив всех. И кого знала, и кого не знала. И имена звучали такие…

Герцог де Вивонн и его жена, племянница покойного кардинала Мазарини (кардинала!!!), графиня де Суассон, маршал Люксембург и самое страшное.

Мадам де Монтеспан.

Да-да, Атенаис де Монтеспан, официальная метресса короля и мать его детей!

Королева злорадно ухмылялась, предусмотрительно отвернувшись к стене. Атенаис бросилась в ноги королю, но… О, это страшное слово из двух букв, которое искорежило больше судеб, чем все остальные слова. Если бы как-то удалось замять это дело! Затоптать костер! Успокоить народ!

Бесполезно!

Газеты, памфлеты, сплетни…

Парижане остановили карету маршала Люксембургского и едва не разорвали его на клочки – сумел удрать. А слугам его так не посчастливилось.

Кто-то умело нагнетал истерику. Что во Франции, что в остальных странах. Кричали о Дьяволе, о детских жертвоприношениях, о том, что подобное марает трон, что тот, кто это прикрывает, как бы не сам соучастник…

Король бесновался, но имена-то появлялись! И иногда верный ла Рейни не знал того, о чем писали газеты и сплетничали люди!

Полиция сбилась с ног, но… Накрыли пару типографий – и только. Что могли сказать мастера? Пришел мужчина, дал текст, дал денег…

Внешность?

Да вроде как из крестьян. В одном случае темный, во втором светлый, то с усами, то с бородкой, то гладко выбритый… найти эту гадину (гадов?!) не представлялось возможным.

Даже узнать, *кого* искать!

Да и…

Людовик, конечно, гневался, орал, топал ногами и швырялся кубками, но Николя ла Рейни не выгонял. Понимал, что лучше никого не найти. А тот… Почему-то королевскому цепному псу не нравились ни отравители, ни черные мессы. И его бы воля – он бы весь этот гадюшник вычистил. Огнем и каленым железом. Так что сплетников искали. Ну… как приказали. Приказали – искать, вот искать и будут. А найти начальство не приказывало, никак нет.

И Lettres de cachet[2] тут никак не помогут. Кого вписывать-то будем?

Людовик гневался.

Европа тихо злорадствовала.

Папа Римский писал, что не может оставить своим вниманием такой кошмар, что преступления французского двора вопиют к небу, а потому к Людовику направлены доверенные люди, кои и будут бороться с нечистью! Сатанист – это ж… хуже твари и не будет! И не было! Если церковь кое-как могла пощадить вольнодумца или еретика – да, и такое случалось, – то

сатанистов жгли всегда и везде. Без разговоров. И надо сказать, на Руси это полностью одобряли.

Атенаис де Монтеспан также рыдала и вопияла, целуя туфли короля и умоляя о пощаде. Она ж это не просто так, она из любви! Просто хотела, чтобы король не лишал ее своего внимания, а он был так холоден, так недоступен и жестокосерден…

Доступный и мягкосердечный Людовик посоветовал, пока еще есть возможность, срочно постричься в монахини. Каша заваривалась такая, что, возможно, и он не сможет спасти фаворитку. Памятна Фронда, ой памятна. Детские впечатления были настолько сильны, что Людовик никогда не забывал оглядываться на народ. И сейчас видел – ярость ищет выхода. А потому – да. Пришлось и смирить гнев, ответив Папе, что присылайте ваших людей, и…

Вот куда бы отправить Атенаис?

В глушь? В поместье?

Так ведь не доедет. После того как толпа разнесла в клочья и подожгла дом маркизы, самым безопасным местом для нее стал Лувр. И лучше – у короля под кроватью. Люди бесились, обвиняя маркизу в том, что та приносила в жертву их детей, – и остановить толпу было невозможно.

Конечно, одна идея Людовику в голову пришла. Но тут же была вырублена на корню. Его величеству подумалось выдать одну из дочерей маркизы замуж на Русь, а маркиза пусть съездит с ней… годика на два. Ладно, ради такого он даже приданое даст… неплохое. Даже породнится с этими варварами. На что не пойдешь ради любимой женщины… насколько это возможно для короля любимой?

Иван Борисович Троекуров только ухмыльнулся, когда Людовик его вызвал. Кланялся, конечно, со всей почтительностью, но когда речь зашла о браке…

– Уж простите, ваше величество, но я на себя такую ношу не возьму. У нас на Руси сатанистов зело не любят. Раздерут на тысячу клочьев и дофину, и мать ее – ага, вот именно, мать ее, – и всех защитников, – никто и помешать не успеет. А мы потом виноваты останемся? Никак такое нельзя делать! Мне государь голову снимет!

И стоял на том что твой баран.

Нет, нельзя, убьют и глазом не моргнут.

Людовик, конечно, взбеленился, но что он мог сделать с русским послом? Единственное – выставить из Франции. С заявлением – мы очень недовольны. И видеть вас больше не желаем.

Напугал ежика голым афедроном.

Ну недоволен – твои трудности. Видеть не желаешь? И не увидишь. Троекурову эта ля белль Франс давно уж поперек всех мест встала. Так что выгоняешь – и ладненько. Домой поедем.

А кто и останется…

Троекуров, правда, всех подробностей не знал. Но был уверен, что вот этот скандал с черными мессами спровоцировали царевичевы воспитанники. Которые хоть и приехали с посольством, но уже давно «как бы отбыли» домой. А на самом деле расселились по Парижу и окрестностям и принялись заниматься своими прямыми обязанностями.

Сбор информации, вброс новостей, вербовка нужных людей… да много чего интересного! Иван Борисович и половины не знал. И – не лез.

Сие дело царское, а наше – конверт принять, конверт отдать – и тут же забыть. Меньше знаешь – дольше жив. Так что собраться – и домой! Русь-матушка, родина любимая, как же боярин соскучился!

Домой…

* * *

Покачиваясь в беседке на спине слона (между прочим, подарок, требующий беспрестанной заботы и ухода), султан Сулейман держал совет с Гуссейном-пашой. Ну не дано ему было лихо ездить верхом. Не учили такому в заточении, а потом и поздно было учиться. Оттого и предпочитал султан паланкин или беседку.

Позади остался Белград и войско держало путь на Буду и Пешт. Благо пока они еще принадлежали Османам! Оттуда можно будет осмотреться, пополнить запасы – и ударить. Куда?

По Вене, разумеется. Сердцу Австрии.

Кто овладеет Веной – овладеет и Священной Римской Империей. И Габсбурги будут сломлены. Хотя нет – это уже мечты. Этих одной Веной не возьмешь, но вот влияния и сил у них значительно поубавится. И хорошо.

В то же время Сулейману стало известно, что на помощь Леопольду пришли войска под командованием Яна Собесского. Да, того самого Собесского, который разбил уже Мехмеда, который отстоял Польшу, который…

У которого серьезный боевой опыт.

А вот сам Сулейман…

Султан нервничал и злился, Гуссейн-паша успокаивал

господина, заверяя, что все будет хорошо, что возьмут они эту Вену…

Не успокаивало.

Больше сотни лет османы обламывали клыки о стены Вены. А сейчас… сейчас от успеха зависела судьба Сулеймана. Сама жизнь его! Янычарам было не впервой менять неугодного султана. К тому же многое не на его стороне.

Скорость? Невозможно передвигаться быстро с таким количеством человек.

Снабжение? Хоть и наладили его кое-как по рекам, по Дунаю, в подражание Сулейману Великолепному, а все одно – иногда не хватало самого необходимого. Хотя организовано все достаточно грамотно. Суда, разведка, охрана… теряли не больше одного корабля из десятка. Но и того жалко было!

Не приходилось ждать и подкрепления.

Мало того – как бы русские не ударили в спину там, в Крыму!

Хотя Гуссейн-паша и уверял господина, что не ударят, спокоен Сулейман не был.

А зря.

Если бы мог увидеть русского государя – быстро поменял бы мнение.

* * *

– Кристиан сначала хотел, чтобы я приехал за невестой, но потом передумал.

– Ну да. За невестой и Воин Афанасьевич съездит. Да и царевна Анна рада будет проехаться, а тебе надобно войско вести.

Ваня Морозов сладко зевнул. Выспаться пока не получалось. Самое тяжелое время – начало похода. Это потом все пойдет как по маслу, но в самом начале, когда только повернулись шестеренки, со скрипом и скрежетом двигая тяжелую машину войны…

– Вот и пусть она меня дома подождет. Заодно Соня к ней приглядится, хоть отмоет…

– Да ладно тебе, не все ж они там недомытые…

– Тебе легко говорить. У тебя – Соня, а у меня кто будет? Ты портрет Ульрики видел? Такой нос Бог семерым нес…

– Злой ты… Вдруг там душа прекрасна?

– В постели душа не видна, там на другое смотрят. А мне даже изменять ей нельзя будет. Хотя бы до рождения троих-четверых детей.

– Это корона.

– Чтоб ее черти побрали, – ругнулся Алексей. И тут же перекрестился, покачал головой. На самом деле он так не думал, но ведь легче от этого не будет?

Корона часто заменяет монарху и красоту жены, и доброту матери. Да и вообще – все родственные отношения меняются на этот золотой венец. Но… не хотелось ведь! Хочется-то жить, любить, радоваться! А даже невесту самостоятельно выбрать нельзя.

Грустные размышления оборвал Ваня:

– Давай еще раз поглядим карту?

– Давай. Сейчас мы направляемся к Нотебургу.

– Он же Орешек.

– Именно. Вообще это наш город был, так что пора шведам отдать его обратно. Попользовался – свободен.

Ваня поддержал друга залихватским кивком.

– Потом нас ждет Нарва.

– Ревель и Рига. А когда захватим Лифляндию и Эстляндию, можно будет уже и на Выборг пойти.

– И пусть Карл разрывается, воюя на два фронта.

Алексей отбросил с лица золотую прядь.

– Пусть повоюет. У меня, знаешь ли, мечта: присоединить к нам финнов.

– Не слишком ли велик кусок будет?

– В самый раз. Пока в Европе свары – нам милое дело вперед идти.

Ваня пожал плечами:

– Присоединить мало, надобно еще удержать. Отстроиться, закрепиться… где там города можно строить?

– У финнов. Или напротив Ревеля… не знаю пока. Нам этот выход в море как воздух нужен. А шведы… перебьются!

– Если атакуем и все сделаем быстро – шансы у нас весьма неплохие. Есть динамит, есть греческий огонь…

– Для Карла это окажется сюрпризом. Лишь бы у него такового для нас не оказалось.

Лицо Алексея заострилось. Сейчас он казался лет на десять старше своего возраста. Война! Кто ее считает веселой? Разве только тот, кто там не бывал.

Отговаривать друга Иван и не собирался. Софья быстро приучила их к своему мировоззрению. Если Руси что-то нужно, оно ей и должно принадлежать. А чье оно было до того…

Крым же взяли! Избавили Русь от такого гнойника, что страшно сказать! Хватит с нас татарских набегов и прочих пакостей от «добрых соседей». Натерпелись. Сколько русского ни зли, а конец веревочке будет, да такой, что вы ж на ней, гады, и

повеситесь!

Теперь надо приобрести выход к северным морям. Как долго можно гнобить торговлю на Руси? Перекупать у купцов задешево, продавать втридорога… перебьются шведы, ой как перебьются! Попили русской кровушки?

Хватит!

Армии медленно передвигались по карте. Кто победит, было пока неизвестно, но в одном не сомневались государи.

Лик Европы необратимо изменится.

Лето 1677 года

Воин Афанасьевич честь по чести приветствовал датского принца Георга, раскланялся, проговорил все, что по чину надобно, – и с поклоном выслушал ответную речь.

Да, вот так вот.

Датчане сопровождали принцессу до границы, а уж тут, на Руси, он ее обязан встретить да приветить, покамест государь воюет.

А кому ж еще?

Царевнам невместно, царевичи все заняты, Федор в Соловецкий монастырь отпросился съездить, Иван в Португалию собирается, Володя дите пока…

А он все ж таки государев дядька, причем в самом прямом смысле, на тетке государевой женат, дети подрастают… Жаль, отец его сорванцов не видит, вот уж кто счастлив был бы.

Приятные мысли о жене оборвались, когда в комнату вошла принцесса. Воин Афанасьевич хоть и был опытным придворным, а все ж порадовался, что борода, да шапка высокая, да золота много – на первый-то миг оно от лица отвлекает. А на лице том читалась, наверное, жалость.

Ульрика-Элеонора была откровенно некрасива. Костлява, длинноноса, тоща что та жердь… Единственно красивым в ее внешности были глаза. Огромные, ясные, искристые, глубокого темно-серого цвета, они сияли собственным светом доброй души и казались почти черными. И по тому, как говорила она, как двигалась, улыбалась, Воин Афанасьевич распознал в ней умного человека.

А вот сильного ли?

Будет, будет еще время присмотреться, но покамест впечатления сильной и несгибаемой она не производила. Мягкая, добрая, ранимая, очень уязвимая, несмотря на то что росла во дворцах. Бывает же такое чудо! А может, оно и к лучшему? Меньше скандалов в семье будет?

Тут он мог только пожать плечами. Алексей Алексеевич умен, да ведь спать ему с этой девушкой. Со всей ее некрасивостью. И как? А коли любовница у него заведется? Да еще и детей принесет?

Ох, не хотелось бы. Ни к чему на Руси новые бунты. А ведь всем известно, что за своего ребенка любая баба – зверь. Что хочешь сделает и глотку перегрызет. А эта…

Ни единой крамольной мысли не отражалось на лице Воина Афанасьевича, когда тот дарил драгоценные подарки, приглашал

дорогих гостей на Русь, извинялся, что государь-де в походе, потому как договоренности с вашим же братом, да-с, его величеством Кристианом, призывают его под знамена…

Уж не обессудьте, гости дорогие, не побрезгуйте нашим гостеприимством…

Все эти игры были хорошо знакомы участникам и шли словно по маслу. Все знали свое место и свои роли в пьесе. Ульрика также разглядывала боярина. И грустно вздыхала про себя.

Не понравилась.

Да, глупой принцессу никто не назвал бы. Она знала, что очень хороши у нее руки и плечи, что у нее густые волосы… Но все равно, не будь она королевской дочерью и сестрой, мало бы кто обратил на нее внимание. Она привыкла и смирилась, будучи неглупой. Но все равно – царапало по сердцу…

А как-то ее еще будущий муж примет? Жениться – одно, а любить? Будет ли у нее хоть иллюзия семьи? Доверия, уважения?

Ульрике было страшновато.

Один Георг был доволен. Ему уже пообещали охоту, подарили сокола, и сейчас они с боярином обсуждали какую-то особо прочную сталь, из которой лили на Руси пистоли. Мужские игрушки.

* * *

– Сколько им осталось?

– Дней десять пути.

Ежи Володыевский был спокоен. Ну, турки. И что? Видывали, еще и не таких видывали! И колошматили их в хвост и в гриву, да так, что бежали, тапки теряя! Пяти лет не прошло, как били они это войско на границе Польши.

Ян Собесский тоже был спокоен. Чай, на чужой земле воюет, не на своей. А вот кого снедала тревога, так это Леопольда. Император расхаживал по кабинету как тигр в клетке, блестя глазами.

– Их много, слишком много! Вы справитесь?

– На то Божья воля, ваше величество.

А то чья же? Ежи спрятал в усах усмешку. Божья воля, то верно, а озвучил ее государь Алексей Алексеевич.

– Бить будем, постараемся выбить отсюда, но войск у нас мало, ой мало.

Леопольд недовольно сморщил нос.

Мало?! И что?! Он и так предоставил всех, кого только можно! Целых десять тысяч человек! Ополченцев еще пять тысяч.

Немного, конечно, но и сами они пришли не большим числом. А Польшу обороняли – и того не было!

– Я приказал рушить дома за чертой города. Вену они взять не должны, но под стенами могут простоять долго. И чем дольше, тем лучше. До зимы, например.

Поляки переглянулись. Да, если турки не возьмут Вену до зимы, у них начнутся бо-ольшие проблемы. Поди прокорми такую армию да фураж достань!

– Народ послушался. Они верят вам, государь.

– Да, мой народ верит мне. Но есть и те, кто не выдержит тягот осады.

– Примерно тысяч шестьдесят, – кивнул герцог Мельфи.

Раймондо Монтекукколи, назначенный недавно военным комендантом Вены, подходил к делу серьезно. Пушки были проверены и пристреляны, пушкарей гоняли в хвост и в гриву, склады спешно заполнялись…

– Я временно переберусь в Линц вместе с беженцами.

Леопольд объявил о своем решении и ожидаемо увидел на лицах военных облегчение. Все-таки воевать лучше, когда никто высокопоставленный над душой не стоит. Пусть едет.

Леопольд считал так же.

Трусом император не был. Просто искренне полагал, что его жизнь намного ценнее, чем жизни и обычных горожан, и поляков, и русских… Да и вообще – кого можно сравнить с ним? Он император! А эти… быдло и есть быдло. Бабы таких еще не одну сотню нарожают, а вот он…

Император – и этим все сказано. Единственный, уникальный и незаменимый, вот!

Не ожидают же они, что император подвергнет свою жизнь опасности, словно простой солдат? А если с ним что-то случится, кому тогда командовать? Кто тогда будет принимать решения, на чьи плечи ляжет тяжесть Империи?

У него даже детей покамест нет, дочери не в счет! Жена хоть и беременна, но будет ли сын? И вообще – сделать ребенка мало, надо его еще вырастить императором. А это – время, силы, и, конечно, он должен оставаться в живых! Так что самому Леопольду его решение казалось весьма осознанным и взвешенным. А уж что там кто будет о нем думать…

Солнце не волнует, о чем размышляют червяки.

* * *

– Сколько ж можно?! Сидим тут, что в клетке!

Девушка, которая расхаживала по комнате, была красива. Синие глаза, темные волосы… Впрочем, две другие ей не уступали. Романовская кровь. Три царевны – Катерина, девятнадцати лет от роду, Мария, семнадцати, и Феодосия, пятнадцати, были хорошими подругами. Сдружились на почве неприязни к старшей своей сестре Софье и были верными союзницами. Понимали, что она сейчас больше брата властна в их судьбе, не любили, злились, завидовали – много чего было. И свобода ее, и супруг – Иван Морозов, и характер, и любовь брата…

Стерва, одно слово! Гадина!

И что самое печальное – умная. Это девочки уже могли оценить и понимали, что Софья заслуживает уважения. От понимания становилось еще горше.

– Кать, а что тебя не устраивает? – Мария была более разумна, чем сестра. Вот Катюшка отличалась более импульсивным характером, а Феодосия свой пока вообще еще не проявляла: мала. – Мы не просто так сидим! Нас учат, к замужеству готовят…

– Вот! А если я замуж не хочу?!

– А кто тебе мешает? Иди в монастырь, чай двери не закроют.

Катя топнула ножкой в дорогом сафьяновом башмачке. Жемчуга на нем было нашито столько, что три семьи год кормить хватило бы.

– Машка, ты не понимаешь? Я хочу замуж, но за того, кого сама выберу! А не Сонька! Не Алешка! Вот!

Мария прищурилась. Катерина была самой неистовой из сестер; Феодосия – самой внушаемой и податливой, Мария же предпочитала слушать и помалкивать. Или подзуживать, как сейчас.

– Кать, а мы сумеем правильно выбрать?

– А что мы – глупее Соньки? Она вот вышла замуж за своего боярина – и живет с ним, не жалуется. Да и тетки…

Катерина не подозревала, что мысли эти были аккуратно вложены в красивую головку неким Сильвестром Медведевым, и возмущалась вполне искренне. Сестры переглянулись.

– Ну… прислушивается-то Алеша не к нам, а к ней.

– Это несправедливо! Гадко!

– Кать, а что ты в делах государственных понимаешь-то? – Феодосия не насмешничала, но серьезность была хуже крапивы. И то сказать, учили их на совесть, а вот в текущие дела все ж не посвящали.

– Да уж научилась бы, чай, не хуже Соньки, – буркнула царевна, но, видя, что сестры ее не поддерживают, с размаху

упала в кресло. – Да пес бы с ними, с делами государственными! Но почему и в сердечных делах воли нам нет?

– А ты забыла, что тетка Анна рассказывала? Что раньше царевнам вообще одна дорога была. В монастырь – и все. Или сиди век девкой, в тереме чахни!

– Ты еще вспомни, что при Адаме с Евой было, – сморщила нос Катерина. – Отсталые мы. Вот в Европах царевны и на балах танцуют, и на охоту выезжают! А мы сидим, что те сомы под корягой, мхом покрываемся. Сначала здесь, а потом у мужа в тереме…

– А то и мужа б у тебя не было.

Мария вполне логично отвечала сестре, но безуспешно. Переубедить царевну Екатерину так и не удалось. Та была твердо уверена, что царевны обязаны выходить замуж по любви. Или хотя бы, как в просвещенной Европе, иметь аманта[3]. Это же *модно*!

Жаль только, что Софья – как собака на сене. Ей можно, а остальным царевнам нельзя! Где справедливость?!

Полоцкий хоть и поплатился жизнью за свою наглость, но трудился не зря.

* * *

– Мой повелитель, Перх… порф… Перхтолсдорфе.

Сулейман прищурился на стены города. Ну… так себе. Перед его войском смотрится и вовсе неутешительно. Янычарам – на два часа штурма, и горожане это отлично понимают.

– Прикажи объявить, что если они сдадут город – мы их не тронем. А если нет… я сровняю его с землей, а жителей обращу в рабство.

Гуссейн-паша почтительно поклонился и ускакал.

Спустя пять минут заиграли трубы, забили барабаны, к воротам города поскакали всадники. Ну а там – все понятно. Бургомистр на стене уверял, что стены города высоки, а боевой дух народа крепок как никогда. Сломался на третьем обещании лично его после взятия города растянуть промеж четырех кольев, вспороть живот и насыпать в рану крупной соли. Потому как жизнь одного даже янычара в сто раз ценнее жизни всякой христианской собаки!

Проняло несчастного чуть ли не до мокрых штанов. Так, что почти вымаливал обещание безопасности. И ключи от города сам вынес, на золотом подносе. И кланялся поминутно, и дрожал… А потел и вонял так, что едва лошади не шарахались.

Сулейман милостиво принял ключи, чувствуя даже какое-то удовольствие. Так-то! Кто бы ожидал от бывшего узника?

Янычарам строго-настрого запретили идти в город. Туда был отправлен личный отряд Гассана-паши, и Сулейман признал это мудрым.

Чего уж там – вольница янычарская, она хороша. Сильная, дикая, хищная. Но это как пантеру на сворке водить. Рано или поздно, тебя ли, кого другого, а грызанет. А они сюда пришли надолго. Сулейману очень хотелось верить, что надолго. Взять Вену, оторвать себе кусок Австрии… ну там дальше – как получится. А для этого нельзя оставлять в тылу пожары и ненависть. Их должны… пусть не поддерживать, как не поддерживают их те же валахи, но руку и плеть хозяина они знать обязаны. Это Сулейман обговорил с визирем в первую очередь.

Когда сменяется господин – крестьянин продолжает пахать. А когда его начинают жечь, резать, грабить – крестьянин либо бежит, либо оскаливает зубы ровно та крыса и вцепляется в ногу.

Сулеймана это не устраивало. Ему не нужна была вымершая земля. Подданные – вот кто принесет золото. А для этого их надо беречь. С зарезанной овцы шерсти не получишь.

Войска Сулеймана простояли под Перхтолсдорфе еще несколько дней, согласовывая все и утрясая. Была, конечно, и пара скользких моментов, когда десяток янычар решили погулять по городу, как они это обычно делали – с весельем, грабежом, насилием. А что?

Их же город!

Сдался?

Терпи!

Впрочем, ничем хорошим для буянов это не закончилось. Гуссейн-паша, недолго думая, распорядился повесить негодяев за ноги на воротах. Не из сострадания к жителям города, отнюдь. Но турки пришли сюда основательно. И уходить не собирались. К чему восстанавливать против себя мирное население?

Сулейман полностью согласился с решением своего визиря. Янычары хоть и были недовольны, но впереди лежала Вена. Что рядом с ней этот убогий городок? Стоит ли нарушать приказы не из-за богатой добычи, а просто – чтобы их нарушить?

Два дня спустя Сулейман назначил пашу Селима комендантом города, оставил в нем небольшой отряд янычар и отправился дальше.

Его ждала Вена.

* * *

– Государыня, извольте прочитать?

На стол Софье, которую никому и в голову не приходило называть боярыней, легла небольшая стопка бумаг. Сравнительно небольшая рядом с тем, что уже его загромождало.

– Федор Юрьевич, это что?

Вопрос был далеко не праздным, учитывая, сколько еще надо было сегодня сделать.

– Да пришел тут ко мне один человечишка, Никитка Татищев… – С тех пор, как Ромодановский обрел власть, прошло уже достаточно времени. Он успел изучить характер царевны и был уверен, что сначала его хотя бы выслушают, а уж потом будут карать и миловать. И не особенно торопился, рассказывая обстоятельно. – Бросился в ноги, умолять стал. По его мнению, надобно нам на Исети железоделательный завод ставить.

– Исеть, – Софья прищурилась, вспоминая школьную географию. Ну да, в ее времени на Исети стоял Екатеринбург, а здесь и сейчас… Петра же нет, значит, и Екатерины не будет, и кто ее там валяет по обозам – не важно. А вот город бы построить хорошо. Только вот Софья убей не помнила, с чего началось его строительство. С завода? – Знаю я такую речку. Что за завод?

– Крупный. Четыре домны хочет поставить, сорок молотов, клянется, что до двухсот тысяч пудов железа выдать сможет, ежели в год. Да и разного: сталь, проволоку, жесть…[4]

Софья прищурилась с явным сомнением.

– А не больно ли приятные условия?

– Клянется, что все сделано будет. Голову в заклад ставить готов…

– Толку-то с его головы, – поморщилась царевна. – А это, я так понимаю, сколько чего нужно и что он сможет выдать?

Ромодановский кивнул, глядя, как тонкая женская рука разворачивает бумаги.

– Та-ак… Руда рядом, лес рядом, вода есть, движущая сила обеспечена. – Софья задумчиво крутила кончик косы. – Да и цены получатся неплохие. Казне вроде как должна быть выгода, да и себя Никита не забыл… Коли пуд железа казне обойдется в двадцать копеек, так все равно оно сорок стоит, а в Архангельске так и все шестьдесят. Но тут еще доставка, хотя по реке оно всяко легче. Волоки построить, дороги улучшить… вот что, Федор Юрьевич… Ты мне эти бумаги оставь, я еще подумаю над ними.

– Слушаюсь, государыня.

– С братом посоветуюсь, как он решит…

Ромодановский привычно спрятал улыбку в густой бороде. Будучи в царском «ближнем круге», он знал, как это будет выглядеть. Царевна отдаст бумаги мужу, тот посчитает, выгодно

сие или нет, потом государю доложат, и коли он одобрит – быть заводу.

Людей подберут, чтобы приглядели за Никиткой. Может, и сам он этим займется, да и развернется строительство. А что? Смотрел он сию записку, дело там изложено. И неглупо, и толково, и вообще… Стоит ли по чужбинам железо прикупать, коли его на месте сделать можно?

Богата Русь, а вот руки рабочие приложить и некому…

Ромодановский как в воду глядел. Спустя две недели Никита Татищев был удостоен аудиенции у государя, пожалован деньгами, людьми – и отправлен в Сибирь. Строить завод, разведывать дальше месторождения и умножать богатство земли Русской. Если человек хочет работать – кто ж ему препятствия строить будет? Быть заводу на реке Исеть, а с него потихоньку и строительство города началось. Только вот не Екатеринбурга.

Иван-города.

* * *

– Мерзавцы! Негодяи!

Леопольд, узнав о сдаче Перхтолсдорфе, потерял самообладание. Метался по кабинету, швырялся разными предметами. Секретарь от страха залез под стол, да так и сидел там.

Леопольд не думал о том, что сам сбежал в Линц от турецкой угрозы. О том, что Перхтолсдорфе турецкие войска смели бы, ровно траву косой. О том, что жертва их была бы бесполезна – врага бы и на неделю не задержали, и на чуть не ослабили. Не те силы, не те таланты… А жизни лишились бы все горожане.

Это ему в голову не приходило, нет. А что пришло?

Предатели, сволочи, клятвопреступники! Если турецкие войска удастся отбить, градоправителю придется весьма и весьма солоно. Чужие не повесят, так свои обезглавят. Но удастся ли?

Леопольд потому и бесился, что понимал: его императорство висит на волоске.

* * *

– Будет очень сложно. Все ли готово?

– Практически все.

Алексей и Иван сидели над картами.

Нотебург. Крепость, которая когда-то звалась Орешком и

принадлежала русским. Крепость, которую было чертовски трудно взять. Ну да ничего, попользовался вражина землей русской, пора и честь знать. А за аренду с него взять – кровью возьмем.

Крепость стояла на острове, в истоке Невы. То есть даже подобраться, даже переправиться…

– Что пишет Ерофей?

Ерофей, один из царевичевых воспитанников, еще когда был отправлен с важной миссией. Надобно было обеспечить достаточное количество кораблей на реке Неве. А как иначе? Шведы там как у себя дома. Переправляться, когда эти стервятники рядом кружат?

Самоубийство.

Зато у Алексея имелось достаточное количество кораблей в Азове. Как больших, так и мелких, вроде турецких фелюг или казачьих чаек. Вот последние-то и были потребны на холодной реке. Но как их доставить?

Казалось нереально, пока не стали считать над картой. План оформился в слова, подсчеты, письма – благо кампания планировалась заранее, за год, время было. Как и любое важное дело. Например, выбор царицы. Не впопыхах же таким заниматься?

Единственным достойным решением признали Большой Волок[5].

Проложить его из Белого моря до Онежского озера – воистину каторжный труд. Но люди были, деньги были, а потому строительство началось за два месяца до выхода Алексея с войском из Москвы. Строили двумя группами, обе по пять тысяч человек, продвигались навстречу друг другу.

Северный участок – протяженностью в девяносто четыре версты. Кроме дороги строились временная пристань на мысе Вардегорский Белого моря и сухопутный участок до деревни Вожмосалма на берегу Выгозера. Южный участок – чуть поболее восьмидесяти верст. И все это время Ерофей отчитывался государю.

Шведы волноваться не должны. Ну куда пойдет Алексей Алексеевич с его полностью сухопутными войсками? Ан нет, и войска были не такими уж сухопутными, и планы – оч-чень крупными. Скоро, очень скоро начнется переброска кораблей в Онежское озеро. Тут главное подгадать так, чтобы никто не успел ничего предпринять.

Шведы-от там почитай сто лет сидят, опыта у них всяко побольше.

– Волок готов. Так что отпишу – пусть перебрасывает

потихоньку корабли.

Иван усмехнулся:

– Помнишь, как мы это задумали?

Алексей помнил. Как сманивали англичан, как строили верфи – сопливым мальчишкой был тогда. Век бы ничего такого не придумал… но придумал же?! Сейчас и не упомнить, как идея возникла, а вот поди ж ты, где взялась.

– Команды у нас тоже хорошие, подготовленные. Если возьмем Орешек – будет у него водный гарнизон. Всю Неву до устья вычистим.

– Шведы тоже не лаптем щи хлебают.

– Кристиан намедни отписал, что они шведов бьют в хвост и гриву, только перья летят. Те отступают, не до нас им будет.

– Дай бог.

Ваня посмотрел на стол.

– Ну что – пишем Ерофею?

Скрипит перо по пергаменту. Медленно, неотвратимо… Чаши весов раскачиваются все быстрее и быстрее.

* * *

– Дон Хуан?

Софья размышляла над пергаментом. Было время, было и желание. По Испании она мало чего помнила из той, прошлой жизни. Разве что бои быков. Но еще отчетливо помнила, что Габсбурги закончились на каком-то Карле. И вроде бы как во времена того самого Людовика.

Тот это оный Карл или нет?

В пользу того самого говорили печальные донесения шпионов. В свои двенадцать лет ребенок был развит, дай бог, лет на пять. И это еще очень, очень много. Наследственный сифилис – это вам не фунт изюма, особенно в отсутствие антибиотиков. Там и размягчение мозга, и эпилепсия, и дистрофия… папа уже того-с. Мама, в отсутствие папы, еще одного наследника не сделает. Размножится ли этот конкретный? Не факт.

Но… А что она теряет?

Если это – последний Габсбург, значит, она кругом права. Если же нет… в худшем случае они приобретут талантливого полководца и умного мужчину. Дона Хуана Хосе Австрийского. Единственного признанного бастарда короля Филиппа Четвертого. Так-то ублюдков король нарожал весьма и весьма много, штук тридцать, что ли, но этого и признал, и выделил из всех, и даже даровал титул Князя морей.

Есть ли возможность заманить его на Русь?

Есть. Не добром, так волоком, вот уж такие мелочи Софью совершенно не смущали.

Цель?

Получение здорового (ну хотя бы относительно здорового) потомства с кровью Габсбургов. И желательно без сифилиса. А даст двоих-троих детей в законном браке – и может проваливать обратно в Испанию. Вот тут Софья даже и не задумывалась. Захочет человек остаться – к делу приспособим. Нет?

Пусть проваливает ко всем чертям, в рай еще никого за уши не тянули!

– Сидишь, малышка?

Тетка Анна скользнула в кабинет. Софья подняла усталые глаза и послала ей нежную улыбку. Мало кому она разрешала такие вольности. Но царевне Анне? Этой можно все. Не билась бы тогда царевна за двоих малышей, не быть и Софье в живых.

– Думаю, тетушка.

– О чем же?

– Да есть тут один носитель королевской крови. Вот хорошо его к нам на Русь заполучить, да чтобы он тут свое семя и оставил.

– А что потом?

– Потом, тетушка… брат его младший, что ныне на троне испанском – одно слово, что законный, все остальное и плевка не стоит. Десять лет проживет – уже чудом будет. А у нас и наследник готов!

– По себе ли дерево рубить будем, Сонюшка?

Блеснули в полуулыбке-полуоскале белые зубы. И в этот миг Софья вдруг очень напомнила тетке… Степана Разина! Ей-ей, не знала бы, что не родня, точно в его отцовство поверила. У него такой же хищный вид иногда бывал. И откуда что вылезло?

– А что нам той Европы? Ее за десять лет так потреплют, что дай дороги. А мы осильнеем, закрепимся, поддержку получим. И в нужный момент карту-то на стол и выложим. Испания – страна сильная, у них и колонии, и корабли, и много чего хорошего. Нам еще сотню лет до того расти… что б и не попользоваться?

– На чужом-то горе?

– Не я безумных королей на трон сажала, не мне и ответ держать.

– А сколь старшему брату лет-то? И на ком ты его женить хочешь?

– А вот лет ему почти пятьдесят.

– А сможет ли…

– Любовницы довольны. Авось и жена довольна останется.

– Тогда и жена ему нужна хоть и молодая, да не слишком. И чтоб плодовитая, чтобы сразу рожать могла…

– Где ж я ему такую царевну возьму? – Софья скривила губы. – Так и о Дуньке пожалеешь.

– Она мне недавно отписывала. Счастлива, дочь у нее родилась, теперь следующего хотят. Дочку Тамарой крестили.

– Отлично. Я про Катюшку думала, да мала она. Девятнадцать лет – и пятьдесят? Про Машку и речи нет… Тетя, кто у нас еще из царских родственниц?

– Думать надобно, Сонюшка. Из Милославских кого приискать?

– Перебьются, пиявицы ненасытные. Хотя невеста полбеды, жениха бы сюда вытащить. Да и сестренки… надобно посмотреть, если которой власть важнее окажется, так и замужеству быть.

Анна пожала плечами:

– Может, и стоит тогда попробовать. А сможем ли?

– Чтобы я – да не смогла?

– Ох и самоуверенна ты, Сонюшка. А я ведь с тобой о другом поговорить хотела.

– О чем же, тетушка?

– Да о семье твоей. Сколь ты Ивана вокруг пальчика-то водить будешь?

– Я надеюсь, ты мне сейчас не про любовника скажешь?

Анна фыркнула. Об отношениях Софьи и Голицына она была отлично осведомлена. Как и о том, что окажись Васька в одной постели с Софьей – венцом его карьеры стало бы креститься и молиться. А на большее ловелас вряд ли был бы способен. Запугала его Софья до дрожи в коленках.

– Нет. О другом тебе скажу. Детей вам надобно.

– Надобно, тетя. Да нельзя пока.

– Вот как? А почему ж?

– Чтобы у Алешки первыми дети родились. Им править.

– А твои тут при чем? По женской линии трон не перейдет, сама знаешь. Да и ты уж не царевна, а боярыня Морозова.

– Знаю. Но тут другое. Мы с Иваном во дворце живем, мы все время при Алеше, у власти. Нам она не нужна, правил бы братик счастливо… а дети мои такое испытание выдержат?

Анна задумалась.

И верно, Софью уже звали Про́клятой царевной. А еще – царской тенью. Вспоминали великую старицу Марфу, кою и монастырь от власти не отвратил. И ежели ее дети…

– Ты братоубийства боишься?

Сказала – и словно оледенела. Страшное то дело, но Софья-то какова?! Нет еще детей, а она в них уже усомнилась?

– Боюсь, тетя. – Софью это и не пугало ничуть. – Алексей силен. Федя слабее, Ванечка, считай, не наш уже, Володя пока место чистое, что еще напишем на нем? Какие у нас дети получатся? Бог весть. А я хочу, чтобы старшими в выводке были Алешкины. Чтобы верховодили, чтобы команду себе собирал его сын, как когда-то Алеша меня нашел с Ванечкой…

– Не далеко ли ты загадываешь?

– Нет, тетя, – и вот тут темные глаза блеснули сталью, холодом, стужей от них по комнате повеяло. – Мало править. Мало царствовать. Мало царство свое крепить, надобно его еще в достойные руки передать. Которые все твое нажитое и сохранят, и преумножат. Купцы – и то о сем пекутся. А ведь на нас не лавка с ситцем, от нас судьбы людские зависят. Не угадаем – кровь прольется. Али тебе Смута не памятна?

– Страшный ты человек, Соня.

Царевна закрыла лицо руками, вздохнула – и словно постарела за тот миг на десять лет. Не девчонка сидела перед Анной Михайловной, ровесница. Или и того старше?

– Пусть страшный, тетя. Пусть потом осудят, пусть грязью закидают – все равно все сделаю, чтобы Русь стояла. Понадобится – сама под кого угодно лягу. Понадобится – казню, куплю, войной пойду… перед Богом я сама отвечу. А уж с детьми-то подождать пару лет – дело и вовсе не сложное.

– Травы пьешь?

– И это тоже. И дни считаю, чтобы опасные пропустить. И уксусом пользуюсь. В гареме таких тайн много, ты же с Лейлой сама говорила, знаешь.

– Знаю.

– Страшно мне, тетя. Словно по ниточке над пропастью, да с грузом за плечами. Очень страшно.

Что могла сделать царевна Анна?

Только одно. Подойти и обнять племянницу. Крепко-крепко, как обнимала ее в детстве. И зашептать что-то глупое и ласковое. О том, что все будет хорошо, и справится со всем умничка Сонюшка, и всех плохих мы прогоним, а всем хорошим будет хорошо, и лето будет теплое, и дети будут бегать по траве босиком, и роза в цветнике зацвела…

И проклятая царевна плакала, словно ребенок, выплескивая в истерике и тоску, и усталость, и страх. Завтра она будет сильной. Завтра. Сегодня же… спаси тебя Бог, тетушка Анна. Тетушка?

Или – мама?

* * *

– Ну, каков улов, адмирал?

– Две галеры, боярин!

Павел Мельин недавно пришвартовался у пристани и был радостно встречен Ромодановским. Русские уже заполонили Азовское море, чувствовали себя в нем спокойно и свободно. Да и Черное постепенно осваивали. Пусть пока и ходили вдоль берега, чтобы чуть что – нырнуть под защиту своих пушек, пусть не слишком опытны были команды, но это ж нарабатывается. Зато все корабли оснащены пушками и имеют четкий наказ туркам в плен не сдаваться.

Да и не собирались. Сколько порассказали бывшие галерные рабы – русские теперь зубами глотки турецкие готовы рвать были, лишь бы не попасть в полон. Да и не надо тех сражений. Научиться бы, сработаться, чай, дело новое, незнакомое…

А вот турки иногда пробовали русские кораблики на зуб.

По зубам же и получали, ну а официально… Был кораблик – да утоп. Неизбежные на море случайности, как тут еще скажешь?

А нечего на торговцев нападать!

– А народу там сколько?

– Да с сотню турок. Пристроишь?

– Как не пристроить! Дорога известная!

На Русь, на Канал, а про выкуп забудьте. Сами-то вы не слишком милосердны к христианам были, вот теперь вам те слезки и отольются.

– Есть ли с Руси новости?

– А то ж! Государь наш шведов воевать отправился.

– Шведов… – С этими Поль Мелье не сталкивался, но… – От нас чего надобно?

– Чего надобно, того я пошлю. Деньгами, сам понимаешь. Война их в три горла жрет.

– А корабли?

– Пока вы туда дойдете, аккурат война кончится.

Давно уж боярин и адмирал перешли «на ты», оценив друг друга по достоинству.

– Ты все равно государю отпиши. Коли понадобится, все мы как один…

– Отписал уж. Вояки…

– А ворчишь чего?

– Да Митька тоже просился в войско, едва отговорил…

Поль мудро промолчал о том, что боярин и гордится приемным сыном, и боится за него – сам грешен.

– Хороший сын у тебя, боярин.

– Знаю. А вот ты покамест не знаешь, что он в твой дом зачастил…

– И зачем?

– Да уж не ради латыни. Дочь твоя ему нравится…

– Вот даже как? Ну… Дело, конечно, молодое, но ты учти, что за блуд я ему…

– То он и сам понимает. Не знаю, чем уж у них закончится, но глядишь… и посватаемся?

Поль ухмыльнулся:

– Рад буду, боярин.

Вот так и врастают в чужую землю. Корнями крепятся, семьями, детьми, внуками, для коих русский уже родным будет. Два-три поколения – и окончательно обрусеют Мельины.

* * *

Двадцать второго июня турки подошли к Вене.

Со стен на них спокойно смотрели комендант города герцог Мельфи и пан Володыевский. Яна не было. У него войска-то – сплошь кавалерия, а от таких за стенами толку чуть. Пришлось отойти подальше. Ударят, когда момент придет.

– Много их…

– И не таких видали, а и тех бивали, – на русский лад пожал плечами Ежи.

Маленький рыцарь чувствовал себя спокойным. Вот в Каменце – там да, там другое дело. За спиной была Бася, земля родная, там костьми лечь стоило. А тут что? Политические интересы?

Ну-ну…

Да сожри турки ту Вену три раза и все три поперек, у Ежи не заболит.

Затрубили трубы, и вперед выехал турок в расшитых золотом одеждах. Помахал белым флагом, вызывая на переговоры.

Герцог вздохнул и направился к воротам. Обязанности…

Хотя что там будет, наперед знал. Предложат сдаться, дело житейское. Он, конечно, предложение отвергнет, потому как его император за такое повесит, словно последнего вора.

А потом…

Потом останется только молиться Богу и почаще заряжать пушки.

Ежи остался на стене. Сощуренными глазами оглядывал окрестности. Постройки вокруг Вены снесли, чтобы облегчить работу ее защитникам. Попробуют турки волной накатиться – и расстреливать их будут что ту волну. Безжалостно и каждой пулей в цель. Только и они не дураки. Апроши рыть будут,

траншеи ладить, редуты…

Могут, конечно, ринуться на приступ, чай, их двести тысяч тут будет. И взять крепость могли бы при таком раскладе. Да только это им несвойственно. Тогда ж, почитай, каждый пятый в землю ляжет. Куда им, собакам…

Внизу что-то отвечал комендант Вены. Потом парламентер развернулся и поскакал обратно.

Осада началась.

* * *

Приходилось ли вам приговаривать к казни свою любовницу? Мать своих детей? Просто любимую женщину?

Нет?

Тогда не понять вам страданий Короля-Солнца. А у него было оч-чень плохое предчувствие. Посланцы от Папы Римского прибыли более двух недель назад и торчали у короля, как гвоздь в неудобьсказуемом месте. Им-то что?

Сказано – искать и хватать, вот они и будут. Допрашивать с применением истинно христианских методов (дыба, вода, огонь), увещевать (вода, огонь, дыба), доискиваться правды…

Под эти поиски попало уже человек двадцать придворных, в том числе и герцог де Вивонн. А где герцог, там и его сестра.

Атенаис пока не трогали, но Людовик почти кожей ощущал свое бессилие. Рано или поздно, так или иначе… не будут ее покрывать. Не те людишки!

А скандал разгорелся шумный!

Его имя полощут на всю Европу, особенно голландцы стараются, словно не понимают, что Нидерландам будет только лучше под его милостивым владычеством! Ежели так дальше пойдет, второй Фронды не миновать.

Кто-то людишек подогревает, но кто? Зачем?!

Мысли были печальными.

– Мой друг, вы позволите?

В комнату скользнула темная тень.

Франсуаза Скаррон, маркиза де Ментенон. Она одна из первых согласилась побеседовать с посланниками Папы, она настаивала, что дети все равно невинны, в чем бы там ни подозревали их мать, она защищала малышек словно львица – и Людовик был ей благодарен. А еще она была достаточно симпатична. И – умна.

С ней можно было поговорить обо всем. Она кожей чуяла королевское настроение, и все чаще Людовик задумывался: где

были его глаза? Рядом такая женщина, а он соблазнился на золотые кудри Атенаис.

Или та его правда приворожила?

– Мы рады видеть вас, Франсуаза.

Его величество благосклонно кивнул. Маркиза присела в глубоком реверансе, чуть улыбнулась. Короля невольно царапнуло простое закрытое платье, убранные в узел волосы – ничего общего с веселой легкомысленной Атенаис. И все же…

Франсуаза была красива. Темные волосы, темные глаза, нежная мраморная кожа – недаром когда-то ее прозвали «прекрасной индианкой». А когда к красоте добавляются ум и внутренняя сила, женщину можно опасаться. Или просто – опасаться за свое сердце?

– Что-то не так с детьми?

– Ваше величество, я боюсь за них. Толпы осаждают мой дом. Пусть малышей сейчас там нет, но… это страшно. Люди кидаются грязью, кричат такое, что страшно повторить…

– Я пошлю войска, чтобы разогнать этих тварей.

– Гнев людской так просто не остудить, ваше величество. Они требуют маркизу де Монтеспан – и рано или поздно ее получат.

Людовик и сам это отлично знал. Но…

– Маркиза, вы понимаете, сколько значила для меня Атенаис.

Франсуаза не позволила себе улыбнуться, хотя отметила это важное «значила». Людовик уже отрекся от своей любовницы. На расправу он ее не выдаст, но…

– Народ настроен к ней очень… холодно. Вы сами помните Лекюера…

Помнил ли Людовик? Да, он не забыл священника, который отказался дать мадам де Монтеспан отпущение грехов. Еще и высказался в весьма нелицеприятных выражениях. Конечно, Великолепная Атенаис бросилась жаловаться возлюбленному, священника строго наказали, а толку?

Как люди ее не любили, так и продолжали, а теперь вообще возненавидели.

– Я не могу отдать ее на расправу, маркиза.

– Но этого и не надо, ваше величество. Есть ведь решение, которое устроит все стороны? И я не верю, что вы, с вашим блестящим умом, до сих пор его не приняли. Хотя, конечно, это безумно тяжело. Я вам так сочувствую, сир, просто безумно…

Судя по бараньему взгляду короля, решения он в упор не видел. Но не признаваться же?

– Какое бы решение я ни принял, маркиза все равно будет мертва…

Хоть суди сам, хоть отдай святошам – результат один.

– Ваше величество, но «мертва» и «мертва для мира» – это все-таки вещи разные? И дети смогут ее навещать, и вы проявите свое милосердие. А монастырь можно выбрать… подходящий?

Франсуаза смотрела невинно. А до Людовика доходило.

И то верно, монахиня – уже не человек. И позором на ее детей это не ляжет! Не будет Атенаис, будет сестра… Мария, например. Где-нибудь в глуши, там, где птица лишний раз не пролетает? И на него уже позор не падет, он не станет закрывать королевским именем чернокнижницу. И…

Какая же умница Франсуаза. Не зря он ей детей доверил!

– Вы правы, маркиза. И монастырь уже выбран.

Франсуаза присела в реверансе.

– Я и не сомневаюсь в вашей мудрости, сир. Так я могу объяснить это детям? Что их мама, в ужасе от подозрений, решила очистить свое имя единственным возможным путем и уйти от мира, чтобы на них не пало пятно подозрений?

– Да, разумеется.

– Благодарю вас, сир! Вы так добры…

Людовик галантно распрощался с дамой и вернулся к делам. Но сейчас ему было уже намного спокойнее. Скандал, конечно, разразится, но королевскую фамилию не затронет, а это уже отлично!

Умничка мадам де Ментенон.

Надо будет чаще с ней общаться. И как он ее раньше не заметил?

Франсуаза тоже была довольна. Ей удалось натолкнуть короля на хорошую мысль и устранить с дороги одно из главных препятствий. Она была так близко от трона, так близко от Людовика! Казалось, руку протяни! А вот воспользоваться властью не могла. Атенаис порвала бы горло любому, заподозрив в покушении на ее право или место. Сейчас же…

Интересно, какой монастырь выберет для любовницы его величество?

Франсуаза оценила бы иронию, знай она, что Людовик подумывает о парижском монастыре кармелиток, в котором уже жила его бывшая любовница Луиза де Лавальер. А что? Короля дамы уже делили, в соседних покоях уже жили, теперь будут делить иного жениха. Вечного.

Королю, хоть он и звался Милосердным, был свойствен легкий моральный садизм.

Увы…

* * *

Осада Вены проходила спокойно и даже как-то буднично. Турки подкапывались под стены, сверху их обстреливали, но методы противодействия были давно известны, так что сильного ущерба нехристям нанести не удавалось. Так, потрепать нервы.

Для обеих сторон в осаде были и свои плюсы – и свои минусы.

Плюс для австрийцев – выигранное время, невзятый город, недокорм в турецкой армии, да и союзники могут подойти в любой момент. Минусы? Так у них тоже нервы не железные, людей намного меньше, и припасов решительно не хватает. Продлись осада полгода – сапоги варить придется.

Плюс для турок – минимальный расход людей, все-таки регулярной армии оставалось не так и много, поражение в Польше янычарам на пользу не пошло. Минус – то же время. Поди прокорми такую толпень? А еще животные… фураж никто не отменял.

Сложная ситуация. Но пока обе стороны тянули время.

Тем временем собиралось Воинство Священной Лиги. Священная Римская Империя отжалела аж сорок тысяч войска. Венецианская республика на пару с Мальтой – двадцать. Поляки были представлены Яном Собесским. Слали письма и к русским, но царь отговаривался. Мол, мы как только, так и сразу… а брачный договор уже подписан? Ах, нет еще?

Ну, тогда извините. Утром деньги – вечером стулья. Намеки, что так договор никогда и не подпишут, русских тоже не пугали: люди целее будут. Тем более что Алексей Алексеевич ушел в поход, а царевна Софья торговаться умела. В ее фирме без частичной предоплаты не работали, и триста лет, отмотанных назад, на ее мнение никак не повлияли. Знаем мы таких… котов Леопольдов. Сначала попользуется, а потом лапками разведет: «Денег нету, ребята, давайте жить дружно?» И что? Заказывать его киллеру?

Всех не перестреляешь.

Так что император, скрежеща зубами, писал в Эскуриал и в Португалию. Дело двигалось, но с таким скрипом… Турки двигались намного быстрее. Ян выступил бы под стены Вены, если бы ему не ударили в спину.

Дело в том, что турецкая армия была громадна. Двести тысяч – это много, очень много. И всей толпой идти не могла. Была растянута-рассеяна вдоль коммуникаций. Но несколько отрядов, в которые, кстати, входили и остатки татарской конницы, мечтающие поквитаться за польский и крымский разгромы, шли достаточно быстро. А еще были валахи, венгры и молдаване под командованием Имре Текели. Им идти было куда как ближе.

Габсбургов они терпеть не могли, а потому согласились на предложение турецкого султана.

Сулейман спешил к Вене, а войска Имре продвигались тихо, вдоль польских границ. И в нужный момент – ударили. Легкие, мобильные, конные и оружные. Мало того что они ударили – еще, вот кошмар-то, вот беспорядок, начались опять волнения в Чехии. Еще не высохла там кровь, пролитая во время Тридцатилетней войны.

Чего уж говорить – в начале века там было более двух с половиной миллионов людей. Сейчас – не более восьмисот тысяч. И оставшиеся не хотели поквитаться? За свою свободу? За навязанных на шею иезуитов? Да там стоило только спичку поднести – и полыхнуло.

Имре и поднес.

И в тылу у Леопольда вспыхнула самая страшная война – партизанская.

Войска Имре передвигались по землям Чехии невозбранно, их встречали с радостью, а провожали с грустью. Тем более дисциплину Текели установил железную. И то сказать – не было у него в войске наемников с большой дороги, коим бы пограбить и потешиться. Люди Ракоци, люди Зринских, люди самого Текели, валахи – все, кто сам натерпелся от Габсбургов.

Солдат Леопольда давили, травили, выцеливали из дубрав и рощ – одним словом, им в спину стрелял каждый куст. А потому необходимая помощь к осажденной Вене просто не пришла. Леопольд вынужден был бросить часть союзных войск под командованием Яна Собесского на усмирение бунтующей провинции – иначе рисковал остаться аккурат с одной Веной.

Ян не возражал, ему вовсе не хотелось класть своих людей за чужие интересы. А вот погоняться за негодяями, которые мутят народ?

О, это сколько угодно!

Так и получилось, что под стены Вены вышло совместное австрийско-венецианское войско под командованием графа Эрнста фон Шатермберга.

Но птицы летят быстрее, чем идут войска.

* * *

– Готовы ли царские покои?

Софья носилась по Кремлю ураганом. Вот-вот должна приехать Ульрика-Элеонора, а у них еще тут крокодил не ловился!

– Да все готово, Сонюшка. Успокойся.

Тетка Анна, которая надзирала за приготовлениями, смотрела ласково.

– Да я и не беспокоилась.

Соня немножко лгала.

На правах свекрови ее сегодня уже помучила боярыня Морозова, выговаривала за бесплодие.

Не брюхата ли ты, невестушка? Нет? А коли что с Ванечкой случится, род без наследника по твоей вине останется… может, ты и вообще бесплодна?

Долго Софья слушать ее не стала, но осадочек никуда не делся.

У Шан опять же…

Да, девушка полностью покорна и мила, но… гадюки – они тоже тихие и милые. И тенденция в поведении малявки была весьма неприятна.

Пять истерик за последние двенадцать дней. Можно понять девчонку – осталась без служанок и евнухов, которых вежливо отослали на родину… Ну как – отослали? Уехать они точно уехали. А вот куда доедут?

В зависимости от политической ориентации данного персонажа. Вот евнухов точно надо передавить, большую часть, а служанок можно и оставить. Поживут в Дьяково, а там и к делу пристроим. Язык преподавать или еще что полезное… Замуж выдадим.

У Шан оказалась окружена русскими и принялась действовать.

Слезы, крики, скандалы… Все прекращалось в присутствии Федора. Братец гладил невесту по голове и чувствовал себя большим и сильным рыцарем. А как еще, если девушка (пусть девочка, но надолго ли) бросается тебе со слезами на шею, лепечет что-то благодарное, затихает в твоих руках…

Так и озлишься, что воспитывала в братьях ответственность.

Любовница пока помогала отвлечь Федю, но У Шан настроилась на долговременную осаду. Активно изучала язык, интересовалась христианской верой, перенимала обычаи – так что боярыни были в восторге.

Тетки радовались – мол, помощница будет.

А Софья видела другое.

Долговременную интригу. Не привыкать этой девочке, она среди таких росла. Она будет выжидать и год, и два, и пять лет – и ударит. Рано или поздно, но в уязвимое место.

У вас паранойя?

Это еще не значит, что за вами никто не следит.

Возможно, Софья преувеличивала возможности малявки, но все, все в ней кричало о том, что в царскую семью вползла змея. И избавиться сейчас от нее нет никакой возможности, нужна хотя бы пара наследников.

Что остается?

Терпеть и ждать. И искать противовесы. В виде Ульрики-Элеоноры. Еще не приехавшая принцесса уже обречена на дружбу с Софьей. Хороша ли она, плоха ли – царская семья должна быть безупречна. Приятно и то, что на стороне Софьи играет время. У Шан пока рожать детей не может, а вот Ульрика – вполне. И воспитывать своих детей надо в нужном духе. Да и у китаянки детей заберут сразу после рождения.

Конечно, девушка будет сопротивляться, кто бы спорил. Но… традиция. Такая приятная и нужная штука! Или даже без традиций – отправить их с Федей куда-нибудь по делам, а ребенка оставить с кормилицами. Не тащить же малыша в дальние дали без всяких условий?

Ладно. Время что-нибудь придумать еще есть.

Эх, сложно это.

Так что Софья готовилась к приему очередной невестки и просчитывала последствия. Вариантов было много. Ульрика окажется еще одной У Шан, Ульрика окажется неким вариантом Любавы, Ульрика окажется редкостной стервой…

Царевне заранее было грустно, а доставалось окружающим.

* * *

– Мой повелитель, позволено ли будет мне…

Сулейман раздраженно махнул рукой. Гуссейн-паша тут же отбросил льстивый тон и заговорил деловито и серьезно.

– На подкрепление выступило около пятидесяти тысяч человек. Чуть поболее, но все равно много. И скоро они будут здесь. Тогда исход боя станет… сомнительным.

Сулейман кивнул. Глупцом он не был, книг тоже прочитал достаточно, а потому понимал: как только придет войско, они окажутся в печальном положении. Бить их будут и из города, и за городом. Его братец так и попал – в Каменце. А тут вот сам Сулейман может оказаться в ловушке.

И что делать?

– Дозволено ли будет скудоумному…

– Гуссейн!

– Мой повелитель, я бы советовал сейчас собрать войска в единый кулак и пойти на штурм. У нас достаточно людей и

пушек, мы возьмем город в два дня.

– А сколько при этом потеряем?

– Не менее четверти.

– Вот видишь…

– Неужели моему повелителю так угодны янычары?

Угодны ли?

Спору нет, сила они хорошая. Но неуправляемая настолько, что Сулейман бы их кому хочешь сбыл. Еще и приплатил бы. А тут…

В глазах мужчины мелькнуло понимание.

– Ты предлагаешь…

– Мой повелитель, я не смею…

Глаза Сулеймана стали холодными, и Гуссейн-паша поклонился.

Да, именно это он и предлагает. Начать обстрел, под прикрытием послать на стены янычар, пусть полягут одни, но по их телам пройдут другие. Вена богата, добыча будет королевской.

К тому же – будем честны – повелителю ведь не угодно двигаться далее и воевать всю жизнь? Австрии вполне хватит, можно будет даже дать кусочки свободы тем, кто изнывал под игом Леопольда. Пусть верят в своих богов, пусть ставят храмы… Опять же, можно назначить род Текели вассальным правителем и выдать ему ярлык…

Мозаика складывалась легко. Дело было за последним кусочком – взять Вену. Потери будут громадными? Так что ж! Пусть будут. Или – не громадными?

Последние слова визиря медом пролились на сердце султана.

– Правда ли это?

– Я готов отвечать своей седой головой, мой повелитель. Если завтра не… я сам выпью яд!

Сулейман решился.

– Завтра с утра начнется штурм.

Гуссейн-паша поклонился, пряча в глазах хитрые искорки.

* * *

И штурм начался.

Более всего Вена походила на шестиконечную звезду. С одной стороны в крепость втекал ручей Вин, с другой ее прикрывал дунайский канал, но оттуда нападений и не было. К чему?

Куда как удобнее обстрелять крепость с той стороны, где ручей не мешал поближе подтащить пушки. А вот приступ начался, наоборот, со стороны ручья. Переправиться через него не

так сложно, но укрепления там поменьше. Толщина стен Вены вообще кое-где доходила до двух метров. Шансы были, и очень хорошие.

Герцог Мельфи метался по стене, стараясь разорваться, но быть везде. Под обстрелом, чтобы подбодрить людей, с той стороны, где турки словно сумасшедшие лезли на стену…

На них скидывали бревна, лили кипяток, слышались крики и стоны раненых и умирающих, но останавливаться ни одна из сторон не собиралась.

Приказ султана был прост и понятен: умри, но не отступи. Да и некуда отступать-то! Сзади янычар поддерживал пушечный огонь, так что дезертиров могли просто пристрелить свои.

Пушек у турецкого войска хватало, так что двусторонняя атака была весьма и весьма неприятна. Отвлечешься с одной стороны – там под прикрытием пушек подберутся да взорвут ее. Отвлечешься с другой – так там или взорвут, или залезут…

Ежи Володыевский меланхолично отметил, что атака идет по всем правилам, и понадеялся, что уцелеет. Будь что будет, но от пуль прятаться он не станет. Иначе Басе в глаза посмотреть не сможет.

Но этого и не потребовалось.

Про домик у стены, купленный чуть ли не полгода назад, Ежи не знал. И про планы государя – тоже.

Кто б ему доверился, зная почти болезненную порядочность шляхтича?

А вот покупателям только и осталось, что углубить подвал домика, доведя его почти до стены, заложить в подкоп побольше черного пороха, добавив для верности еще и динамита, – и в нужный момент поджечь фитиль.

Какой момент нужный?

Так все согласовано с Гуссейном-пашой.

Недаром переписывались Алексей Алексеевич и великий визирь Гуссейн-паша. Не султан, нет, ни к чему султану входить в такие мелочи. А вот Гуссейн-паша интересовался, и сильно. Взятием Крыма. Сведениями, полученными от бежавших татар… И приходил к выводу, что есть у русских какое-то оружие. Что-то такое – точно есть.

Что?

Да кто ж такие секреты раскрывает?

Но, дав полунамеками понять, что войска Великого султана будут искать себе новую цель не на Руси, Гуссейн-паша получил понимание и одобрение со стороны царя. Переписка завязалась оживленнее, и паша намекнул, что, может быть, русских тоже позовут воевать супостата.

Алексей Алексеевич ответил в том смысле, что обязательно позовут, но кто там супостатом будет – еще больший вопрос.

Слово за слово, письмо за грамотку – так и завязалась гроздь союзничества.

Гуссейну-паше не нужна была Русь. Далеко и холодно. А вот Австрия, Венеция… самый раз!

Алексей Алексеевич сначала сомневался, но Софья заметила, что в политике врагов нет. Союзников тоже. Есть инструменты и есть те, кто их использует. Не хочешь стать первым? Учись быть вторым.

Понятное дело, что Гуссейн-паша собирается нашими руками решить какие-то свои проблемы. Работа у человека такая. Визирем вообще жить несладко. С одной стороны – вечно недовольный народ, с другой – такой же султан. И хорошо, если султан хоть неглупый. А то…

Так что переписка продолжилась к обоюдному удовольствию, и уже под Веной Гуссейн-паша получил письмо от одного из «троянских коньков». Мол, вы штурм начните, а мы для вас вот эти ворота-то и откроем.

Выкуп?

Наши отряды отпустите без выкупа, сами понимаете. Остальных хоть с кашей ешьте.

Жестоко?

А вот не нравились почему-то русским подданные Леопольда. Смотрят, как на тварь, слова сквозь зубы цедят, свято уверены, что «рюсски отшень глюп…». Ну так и не обессудьте, сами напросились.

Взрыв?

Ну и взрыв, и что? На войне всякое бывает, может, это турки постарались. Это у них надобно спрашивать. А коли не верите, ищите чудаковатого голландца Якоба Визеля, пусть отчитывается.

Найти не можете?

Бывает.

И «Якоб Визель», и его «сыновья», сменив внешность и переодевшись, направились в другой дом, также купленный на царские деньги. Только тот уж никто не подорвет.

Тяжко это было.

Даже царевичевым воспитанникам – тяжко. Почитай, год прожить в чужой стране, говорить, как они, думать, как они, двойной жизнью жить, предательство готовить…

Хотя это кому предательство, а кому и триумф.

Леопольду они ничем не обязаны, а вот государь их из сточной канавы достал, отмыл, выучил – так что ж они, добром за добро ему не отплатят?

Мысль о том, что они предают христианский город в руки мусульман, то есть нехристей, мужчин тоже не посещала. Что нехристи, что католики. Разве Якоб иногда переживал по этому поводу, но стоило ему пройтись по улицам Вены – и турки начинали казаться меньшим злом. Не дай бог Москве такой стать!

Так что один из «троянских коньков» поджег фитиль – и ушел. Кто там будет обращать внимание на мальчишку на улицах города? Особенно когда войско что есть сил отбивает штурм турецких янычар, а те лезут словно обезумевшие…

А через пятнадцать минут и громыхнуло.

Да как!

Часть стены просто осыпалась наружу – и в образовавшийся пролом через пару минут хлынула волна турок.

Не янычары, нет.

Один из отборных полков, который жалко бросать на стены. Это не тупое пушечное мясо, сюда Гуссейн-паша чуть ли не лично каждого человечка подбирал. Вот их и поставил ждать, пока стена рухнет от взрыва. Остальное было делом техники: расширить пролом, ворваться внутрь и начать резню. Жестокую и беспощадную.

С этой минуты итог боя был предрешен. Ни одна крепость не выдержит предательства.

* * *

Сулейман въезжал в Вену победителем.

Не важно, что победа была предрешена заранее и обеспечена предательством. Важно другое: Вена лежит у ног покорной одалиской. Да, при штурме полегло более тридцати тысяч человек. Но янычар не так жалко.

– Кто командовал обороной?

– Герцог Мельфи, мой повелитель.

Герцога, увы, живым взять не удалось. Сопротивлялся до последнего, чуть ли не зубами глотки рвал, а потом захрипел, за сердце схватился…

Убить смогли бы, а вот откачать – не было специалистов, не ходят лекари на штурм крепостей.

Ежи Володыевского одолели хитростью. И самого лихого фехтовальщика можно окружить да сеть набросить.

Теперь маленький рыцарь сверкал глазами, а Гуссейн-паша сортировал пленников.

Кого – на выкуп.

Кого – на рабские рынки.

Кого – вообще гнать за стену.

Последнее – стариков, крестьян, которых по причине страхолюдства не удалось бы и слепому продать…

Ежи, кстати, о готовящемся предательстве не знал, и сообщать ему никто не собирался. Слишком непредсказуемой могла быть его реакция. Вплоть до отъезда в родимые края. А к чему лишаться такого кадра?

А потому…

Уже ночь пала, когда к загону с пленниками пришел Гуссейн-паша. Вену отдали на ночь янычарам – и сейчас оттуда доносились крики и хохот. Там резали, грабили, насиловали, а воины могли только сжимать кулаки. Но что они сделают? Они проиграли. Бежать из рабского загона можно, но кому ты поможешь? Свою бы шкуру спасти…

Тем неожиданней для Ежи было то, что его вытащили из загона и повели к шатру великого визиря. Султан праздновал, а Гуссейн-паша работал. Там вежливо показали саблю и объяснили, что при малейшей попытке напасть неверный лишится головы с помощью этого полезного предмета.

Ежи в ответ образно послал своих охранников в пеший эротический тур, был оборван затрещиной и впихнут в шатер с напутствием: «язык отрежу».

Языка было жалко. Но и кланяться Ежи не собирался. Впрочем, визирь и не требовал. Кивнул слугам, так что Ежи быстро усадили на ковер и подвинули поближе чашу с вином, чтобы шляхтич мог дотянуться связанными руками.

– Пейте, ясновельможный пан. Я рад, что вы живы.

Ежи так удивился, что послушно поднес чашу к губам. И верно – вино. Гуссейн-паша наблюдал за ним с легкой улыбкой.

– Правоверные это не пьют, но вам сейчас надо. Вы целы?

– Да, вполне. Зачем вы меня позвали сюда?

– Вы служите русскому государю. А мы ему не враги.

– Зато моей родине вы враги! Никогда не забуду, как горел Каменец! – Ежи сверкнул глазами.

– Это хотел сделать султан Мехмед, за что и поплатился. Жизнью. Разве этого мало?

Ежи задрал голову, намекая, что вообще-то да! Мало! Вот коли бы всех султанов перевешать, да лучше с визирями…

Гуссейн-паша наблюдал за мужчиной с легкой улыбкой. Воин, что тут скажешь? Не политик, не дипломат – воин. И хорош на своем месте, просто не надо его нагружать излишними сложностями жизни.

– Вы сейчас пойдете и разыщете по загонам всех своих людей. А через несколько дней мы вас отпустим с условием никогда не

возвращаться на эту землю.

– Что?!

Ежи был искренне удивлен. Как так?! Так не бывает!

Ему и в голову не приходило, что Гуссейн-паша сейчас отрабатывает полученный аванс. Вену взял?

Оплати!

– Мы вернем вам коней и оружие. Но вы уедете на родину. Здесь не ваша война.

Вот эти слова отозвались в Ежи медным колоколом. Что верно, то верно. Не их. Где были все эти австрияки, когда на польскую землю враг пришел? Ни один не помог, ни одного не коснулось – и голову не повернули!

Подумаешь – поляки. Пусть их воюют, лишь бы до нас не добрались! И не пришел бы Ежи сюда воевать, кабы не приказ государя. Надобно было кого послать на подмогу – почему бы и не Ежи.

– Я дам вам фирман повелителя, с которым вы пройдете мимо наших войск.

– Султан приказал…

– Да. Он тоже не хочет ссориться с русским львом. Два великих государя легче договорятся между собой, чем с трусливым шакалом, который бросил людей и сбежал, пряча свою вонючую шкуру. Ваш государь воевал сам – и султан оценил его храбрость.

Ежи тонул в восточной патоке, но главное понял.

Их отпускают. Можно ехать домой и жаловаться государю. Алексей Алексеевич поймет. А коли нет – повинную голову и меч не сечет.

Но… повинную ли?

– Вы нас просто отпускаете?

– Не просто так, нет. Вы погостите у нас около месяца. Этого будет достаточно, чтобы передать письмо вашему государю и получить ответ.

– Ах, вот оно как… за выкуп, значит?

Гуссейн-паша спрятал улыбку.

Ни к чему Ежи Володыевскому знать о переговорах между ним и русским государем. Султану – Вену. Русскому – его людей.

Но – *репутация*.

Русские не могут позволить себе ввязываться в свары с Австрией, никак не могут. А потому Гуссейном-пашой уже пущен слух, что крепость в нужный момент взорвали его люди. Что русский государь выкупит свои войска из плена за дорогую цену. Султан знает, этого достаточно.

Конечно, никакого выкупа не будет. Но привезти его –

привезут. Слухи пойдут, что и требуется. И Ежи уедет домой, к своей семье… о чем это он?

– Мой друг остается здесь. Я не могу его бросить.

– Пан Собесский. О, он блистательный воин. Но вы ошибаетесь. Скоро он тоже вернется на родину.

Ежи не верил, но и крыть было нечем. Тем более визирь непрозрачно намекал, что рыцарь в ответе за своих людей, что присягу он не приносил Леопольду и служить ему не обязан, что коли он тут голову сложит во имя неясно чего – русский государь не одобрит. И вообще… Коли так, отправьте гонца, пусть принесет вам ответ государя?

На последнее Ежи, конечно, не согласился. И провести ночь в шатре визиря – тоже. Отправился обратно в наспех устроенные загоны. Утром он пойдет искать своих людей. Если этим нехристям можно верить.

Можно ли?

* * *

– А ну навались!

– Еще раз!

– Ух, е…

Государева дорога была сбита в рекордные сроки и полностью оправдывала не родившуюся еще поговорку про дороги и дураков. Да и как не оправдать? Пройти из Архангельска Белым морем в Онежскую губу, оттуда волоком в Выгозеро, потом в Онежское озеро, да и по Свири в Ладогу… Тут люди нужны, и люди – особые. Те, кто с деревом, с кораблем отродясь знается.

Но даже с такими – каторга.

Строили наспех, кое-как. Дерево сырое, тащить тяжко, то одно, то другое ломается, несколько десятков человек уже эту дорогу полили своей кровью. Пара смертельно, остальные – так, по мелочи. Государевы деньги тут не утешают. Они хоть и обещаны уже, но здоровье-то кто вернет?

Корабли разобрали на части – и тащат. Кое-где едва ли не на руках. Люди идут сами. Кто-то падает, кто-то матерится, но идут.

Потому что Орешек разгрызать надобно. Эти две крепости – Нотебург и Ниеншанц – как кость в горле на реке Неве. И надобно это сейчас делать, покамест войска шведские связаны войной с Кристианом. Там и флот сейчас, а на Неве – так, остаточки.

Если ударить в спину, можно много людских жизней сберечь.

Подло?

В войне сие слово неуместно. Десанты на наш берег высаживать, да селения русские разорять – не подло? А шведы частенько этим грешили, пользуясь тем, что не до них русским государям.

Вот за это Алексей отца очень корил, хоть вслух и не высказывался. Соня знала…

Толку, что Алексей Михайлович сына хотел королем польским сделать? Тоже – король! Морда чистая, а зад в навозе! Польшу воюем, а чтобы оборотиться да посмотреть, кто твои тылы разоряет, да о людях позаботиться…

На юге сейчас хоть жить начали, а то существовали от набега до набега. Теперь вот еще шведов вразумить и финнов – и можно будет жить спокойно.

Вот уж каких планов себе не ставил Алексей Алексеевич, так это постоянно воевать. Колоссы – они часто на глиняных ногах стоят. А ему нужно крепкое государство, кое он в наследство детям и оставит. Пусть не сильно Русь землями прирастет, да те, что он примучит, крепко за его руку держаться будут.

С тем он войско на Нотебург и вел.

– Государь, дозволишь ли пред твои светлые очи гонца допустить?

Иван поблескивал голубыми глазами весело и хитро. Алексей сдвинул брови.

– Ванька… откуда гонец?

– А с Ладожского озера.

– И ты молчишь?

– Докладываю, вон гонец.

Иван кивнул в сторону запыленного парня, который кое-как держался в седле. Алексей Алексеевич сделал царственный жест кистью, разрешая допустить. Тем более что, приглядевшись, узнал одного из своих «воспитанников». Как же его зовут… Антип? Да, кажется, Антип.

Обстановка была походная, так что останавливать войско, чтобы соблюсти приличия, Алексей Алексеевич не стал. Принял пакет, не слезая с коня, распечатал и быстро проглядел несколько строчек, наспех нацарапанных на пергаменте.

– Отлично! Молодец, Антип!

Парень аж расцвел, рассыпавшись в благодарностях. Как же! Государь его имя помнит!

– На словах Ерофей ничего передать не просил?

– Государь, лодок собрали достаточное количество, корабли будут на реке дней через пятнадцать. Лестницы заготовлены, фашины навязаны. Все будет исполнено по вашему приказу.

Дней через пятнадцать… Алексей прикинул, где будет его

войско, и кивнул. Должны успеть, причем почти одновременно. А это важно.

В «корабельной команде» воинов почти нет. Мастера – да. Моряки – да! Но на земле они воевать не обучены. Вот на море – там довелось и походить, и чужие корабли попугать. Чай, уже десять лет его личному флоту, хватило за это время приключений.

А шведы не дураки.

Понимают, что как только русские корабли коснутся вод Невы – им можно топиться всем составом. А потому попробуют устроить диверсию. Поджечь суда, порубить или угнать в плен людей. Вот чтобы этого не произошло, нужно его войско.

– Шведы пока не волнуются?

Все ж таки волок – не игрушка. Строить его тяжко, и шум стоит большой. А места те не безлюдные. Охотники, рыбаки… Достаточно одного, кто заметит и донесет, и будет их ждать теплая встреча.

– Ероха… ох, то есть Ерофей просил передать, что троих пришлось убить. Охотники. Хотели было живьем взять, да те не дались. А уйти дать никак нельзя было.

– Молодцы. Благодарю за службу, Антип. Ты сегодня поешь, отоспись, а через день опять тебя пошлю с письмом.

– Повинуюсь, государь!

Алексей Алексеевич похлопал парня по плечу и повернулся к Ивану:

– Что скажешь?

– Натиск, напор, согласованность – и мы победим. – Ванька улыбался задорно и весело. – И вообще, Бог за нас – так кто против нас?

Алексей вздохнул.

Да, за нас. Но… на Бога надейся, а пушки отливай. И думай, как расставить. А то ведь стены Орешка они не пробьют, да и… Чертова крепость стоит на острове! Что заметно усложняет штурм.

Ничего. Они с Иваном еще не раз посидят с картой, они прикинут, как лучше. Главное, ядер хватит. А то у него появилась интересная идея, которую он и собирался проверить вечером.

Главное богатство – люди, их беречь надо. А ядра…

Соберем потом!

* * *

Слово, хоть и нехристь, Гуссейн-паша сдержал. На

следующий день Ежи уже отбирал своих людей по загонам. Впрочем, сразу их не отпустили. У султана было много забот и без некоего пана Володыевского. Принять трофеи, подсчитать, укрепить стены Вены… Вообще ситуация складывалась сложная.

Вену султан взял, но чтобы идти дальше, сил не хватало. Большая часть регулярной янычарской армии была просто выбита в войнах. Часть – в Польше, часть уже здесь. И еще б полегли, да взрыв помог: осажденные просто руки опустили. Что толку спихивать янычар со стены, когда в другом месте они строем входят?

Тем не менее от янычар осталась едва ли половина. С этими силами можно удержать Вену, но идти дальше? А куда? Навстречу войскам Лиги? Или попробовать взять Линц? Захватить Леопольда? Извините, дураков нет. У них конница, и много, а у султана ее маловато. Опять же, они здесь дома, а турки пока еще нет. Разобьют как пить дать. А это не нужно ни Гуссейну-паше, ни султану.

К тому же…

Захват Вены – это уже не война, это политика. Если европейцы не начнут отвоевывать ее обратно, Гуссейн-паша даст себе бороду сбрить. Всю Европу поднимут – ну, кого смогут. И в это тяжелое время нечего здесь делать ни султану, ни его верному визирю.

Так что…

Комендантом Вены останется Сары Сулейман-паша. Ишь, выдумал? А то Гуссейн не знает, кто метит на его место и заигрывает с янычарами? Все знает старый волк из семьи Кепрюлю. У Сулеймана-паши еще зубки не выросли – на старших скалиться.

Пусть держит город что есть сил.

Под его командованием остается и войско. Все его победы будут победами султана и его верного визиря, а поражения – поражениями глупого Сулеймана-паши, который саблю-то не знает, с какого конца в руки брать. А тем временем, избавив Османскую империю от смутьянов, можно сделать многое.

Реорганизовать чиновников. Перешерстить армию – где это видано, что должности за деньги покупаются? Это у нечестивых христианских собак так принято, а османы себе такого позволить не могут! Тем более султану там и монетки не перепадает.

Сформировать новые корпуса, которые не будут бунтовать, как янычары.

Опасно?

Кто б спорил.

Гуссейн-паша подозревал, что не умрет своей смертью. Но…

Власть всем нужна для разных целей. Кто-то наслаждается ею, как дорогим вином – и как люди, пьющие эту отраву, запрещенную Аллахом, они больны. Власть, как вино, разъедает и подтачивает разум человека.

Кто-то стремится к власти ради богатства, которое она приносит с собой.

Но и это не нужно Гуссейну-паше, семья Кепрюлю и так богата. Ему власть нужна ради родной страны. Он видел, что, если так пойдет и дальше, Турция рухнет на колени под натиском Европы, – и не хотел родине этой судьбы.

Пусть его проклянут при жизни!

Потомки поймут и восславят его после смерти!

А потому – русский отряд отделить и потихоньку, когда султан направится домой, освободить. Дать фирман и пусть убираются.

И отписать русскому государю.

Два льва должны дружить, чтобы их не заели шакалы.

Можно бы и Людовику отписать тоже – хоть и коварен сей христианский король, а только происходящее и ему выгодно. Чем дольше затянется война, тем спокойнее в Турции, тем громче шум в Европе. А он под этот шум себе что-то из германских княжеств приберет, он может.

Но поделится. Пусть только попробует не поделиться.

Гуссейн-паша планировал длительные интриги и усмехался. Ему повезло вдвойне – с двумя государями. Один хочет жить и не мешает своему верному визирю тянуть страну из ямы. Второй хочет, чтобы жила его страна – и в это время их цели совпадают. Русь сейчас османам не угроза и долго угрозой не будет.

А там – кто знает?

* * *

– Государь.

Посол Руси в далекой Португалии, боярин Федор Федорович Куракин, склонился в низком поклоне. Европейское платье и завитые парики он не носил, но высокая шапка тоже мела пол не хуже мушкетерской шляпы с перьями.

А что ж и не поклониться? Ежели миссия его, кажется, успехом увенчивается?

Педру смотрел вполне благосклонно.

За время пребывания Куракина при его дворе он уже убедился, что мужчина сей умный и обстоятельный. И даже пару раз соблаговолил побеседовать с русским послом.

Умен, очень себе на уме, с характером. Сам в европейское платье одевается, и жену с дочерьми ко двору вывозил, но никакой излишней галантности им не дозволял. Ни множества кавалеров, ни любовников, хоть поползновения и были. Но как-то… рассосалось.

Может быть, потому, что и посол, и вся его семья были весьма остры на язык, хотя и безукоризненно вежливы? Таких задеть – что на ежа усесться: иголки потом долго вытаскивать будешь. Да и случай был, когда один маркиз решил дочку посла в темный уголок утащить… разумеется, с самыми благородными намерениями! Он бы потом женился, честь по чести, в чем и клялся, когда из него кинжал вытаскивали. Ибо девушка на протянутую к ее персям руку ответила ударом. Не смертельным, но три месяца маркиз провалялся бревнышком.

Скандал был, но не сильный. И посол, и его дочь настаивали, что на Руси так и поступают с насильниками. Ах, это галантное ухаживание было? Когда тебя затаскивают в темный угол и лапать начинают? Простите, не разобралась. Глупая девка, что тут скажешь!

С тех пор ни одной попытки, кстати, не было.

Политес посол знал, разве что за дамами не ухаживал, блюдя верность жене, ну и привычки у него были странные. Чего только стоила одна баня! Ладно еще знаменитые римские термы. А это? Педру доносили: строение крохотное, жар адский, выдержать его невозможно, а русские знай вениками себя нахлестывают. Плоть умерщвляют?

Не иначе.

И все же…

– Вы поедете на родину, князь. И повезете мой ответ вашему государю.

Куракин опять низко поклонился.

– Я согласен выдать Изабеллу Луизу за вашего царевича Жуана. Здесь изложены мои условия. И вы можете с ними ознакомиться.

Как ни выдержан был Куракин, а внутри медные трубы запели радостно! Победа!

ПОБЕДА!!!

На свадьбу согласился – и на их условия согласится. Тут главное барьер сломать, а там уж…

Глубокий поклон, чтобы король не заметил хищного блеска глаз.

– Дозволено ли будет мне, государь, сделать это сей же час?

– Даже сию минуту. Вы можете взять наши предложения и удалиться.

Что Федор и сделал, кланяясь, расхваливая на все лады мудрость его высочества и всячески изображая восторг. Хотя и изображать сильно не приходилось.

Победа…

Восторг его чуть поумерился дома, в белокаменном здании посольства. Победа-то, да, она победа. Но поторговаться еще придется. Плюсы – помолвка будет заключена в ближайшее время, а брак – когда невесте стукнет пятнадцать лет. Минус – Ивану придется жить здесь. Он будет объявлен консортом, что неплохо. Но придется перейти в католичество. Приданое? Ну, тут вопросы скорее имущественные, чем территориальные. Общих-то территорий нет.

Русские будут поставлять лес, пеньку и прочее по хорошим (для португальцев) ценам, но у русских купцов будет право беспошлинной торговли в португальских колониях. К тому же военная поддержка Португалии против внешних врагов…

Одним словом, в этом виде договор был невыгоден для Руси.

Ничего. Поправим. Самое главное-то уже сделано! Они уже согласились на брак принцессы с православным! А там, с Божьей помощью, и по условиям их чуток подвинем.

Государь будет доволен.

* * *

Теплым летним днем, уже за полдень, кортеж принцессы Ульрики-Элеоноры Датской вступал в Москву Златоглавую. Вступал покамест тихо и спокойно. Не к лицу устраивать пышные торжества в городе, когда государь вдали воюет, так и беду накликать можно. А потому – тихо приехала, тихо проехала в Кремль, никто, кроме вездесущих уличных мальчишек, и не заметил…

Зато заметила царевна Софья.

Встречали принцессу всей царской семьей. Почти всей – потому что вот горе-то, вот беда, У Шан вынуждена поехать в монастырь, в паломничество. А вы как думали? Помолвка еще не свадьба, а свадьба может быть только с православной. А как ею стать?

А вот так вот! Пожить в монастыре, правила изучить, веру христианскую душой принять… Тут высокое происхождение не подмога, скорее – помеха. К Богу-то в паланкине не въедешь.

Федор хотел было поехать с невестой, но удалось остановить. Протопоп Аввакум – не только движущая сила, факт. Он еще и тормозящая, когда надобно. Федора удалось притормозить

вопросом – ты, отрок, под стенками женского монастыря лагерем встанешь али как? Сестру одну на государстве бросишь?

Второй аргумент был не очень убедителен. Федор давно понял, что Софья не только с государством – с упряжкой чертей справится, коли надо будет. Но и первый… стоило только представить себе всеобщий смех – и ехать с У Шан уже расхотелось.

А потому Ульрику-Элеонору встречала небольшая делегация.

Царские тетки – Анна и Ирина, которая временно приехала сюда из Новгорода. Царские братья – Федор, Иван и Владимир. Царские сестры – Софья, Мария, Катерина, Феодосия. Маленькую Наташеньку таскать во двор не стали – нечего ребенка мучить. Любава тоже осталась с дочерью.

Ну и куда ж без бояр, стольников, постельничьих и прочей дворцовой шушеры? Проще, кажется, тараканов вывести, чем этих прихлебателей. Вроде бы и не жалует Алексей чинами да золотом за то, что ему вовремя на глаза попались, а все одно – старые привычки так не искоренишь.

Софья пристально вглядывалась в окно кареты. Какая она – Ульрика? Что удастся сделать с ее помощью? *Что можно сделать из нее?*

Оружие? Орудие? Союзницу? Врага?

Сама Софья предусмотрительно вперед не лезла – в этот раз. Пусть Воин Афанасьевич представляет датчан, пусть Федя их принимает по всей форме – она покамест со стороны посмотрит. Как царская сестра.

Софья знала, что у датчан наверняка есть о ней сведения. Но…

Немного игры жизнь не испортит. Да и церемония приветствия на царевича рассчитана, не на царевну. Пусть бояре грызутся, пусть Федя себя взрослым лишний раз почувствует, а она просто посмотрит.

И посмотрела.

Георг Софье не показался. Никак. Одутловатое, несмотря на молодость, лицо, пышный парик, избыточно красные губы – и только-то. А в остальном – самое выдающееся на его лице – нос. Больше там ничего нет. Ни ума, ни решительности, ни отваги… просто – ничего. Скука и пресыщенность. И священная уверенность в том, что ему все должны. Просто по праву рождения.

М-да, такого и в Англию отдать не жалко, пусть наглам кровь портит.

Кажется, о том же подумала и Катерина, потому что больно ткнула Софью кулачком в бок. Хорошо хоть, незаметно.

– И ты мне *это* предлагала?

– Цыц, малявка. Зато он дрессируется легко.

– Им ворон пугать можно!

– Тобой тоже, так что не обольщайся, – срезала Софья сестру. – И помолчи, а то неприлично.

Катенька засопела, но Софья отлично знала, что вечером в ее покои вломятся сестрички со скандалом. И если его повернуть в нужную сторону…

Чем хорош у Катерины характер – коли ей намекнуть на несовершенство, она в лепешку разобьется, а доведет все до идеала. Вот и ладненько, а то кто-то последнее время к булочкам пристрастился, а о танцах забывать начал. А это женскому здоровью не на пользу. А Машка за старшей вьюном тянется. В результате следующий месяц девчушки будут делом заняты.

Эх, сговаривать их надо…

Наконец из кареты вышла Ульрика-Элеонора.

Софья проглотила матерное выражение и подумала, что брак будет счастливым, но без любовниц не обойдемся.

Никак.

Не красавица?

Ну, мягко говоря.

Даже бояре притихли. Нос длинный, волосы непонятного цвета – под париком не разглядишь, белила-румяна в комплекте… авось там оспин нет?

Зубы… нет, зубы вроде как все целы.

Платье…

Да уж, Петра за эти абажуры с рюшечками, кои он на Русь притащил, стоило всеми венерическими заразить, какие Европа знала. Корсет, кринолин, грудь наружу, зад назад, обручи топорщатся, руки голые, зато оборки всю грязь метут…

Надо будет девчонку лекарям показать. Софья отлично помнила экскурсии в музей, еще в средней школе. И как объясняли, убыток аристократии наступил еще и от естественных причин. Мамаши утягивали себя корсетом так, что внутренние органы вообще функционировали наполовину. А что родится от такой больной? У которой сколиоз, лордоз, кифоз и черт его знает, что еще? Кишечник переплющен, печень в легкие ушла, матка, наоборот, в малый таз съехала и чудом наружу не вывалилась?

Неаппетитно?

А зато чистая правда[6].

И помолчите, ради бога, за экологически чистую косметику на основе сурьмы, ртути и свинца! Там же отравы – не на одного ребенка, а на взвод солдат! И все наверчено на несчастной

соплюшке.

Отмывать, переодевать, осматривать… выбора нет. А то вон бояре как косятся. Кто помладше – те еще более-менее, а старики сейчас плюнут, да и рявкнут – мол, срамота!

Нет уж, лучше нормальный сарафан, чем вот это.

Постепенно очередь дошла и до представлений. И по тому, как на нее посмотрели Георг и Ульрика, Софья чуть перевела дух.

Георгу явно все было безразлично. Подумаешь там, русская царевна. Разве что на Катеньку посмотрел внимательнее, знал планы русских. Но – прости. Прозевал царевну, будешь жить с английской жа… то есть, конечно же, леди.

А вот Ульрика вгляделась серьезно. Словно что-то искала в лице Софьи. И царевна не стала разочаровывать девушку – улыбнулась. На лице Ульрики дрогнули, чуть расслабляясь, уголки сжатых в улыбке губ, и Софья перевела дух.

Неглупа. Слава богу – не дурочка! Узнала, куда едет и кто какую роль играет. И явно настроена на мирные переговоры.

Ф-ф-ф-фу-у-у-у-у-у, камень с плеч.

Ладно. Сейчас небольшой прием в честь приезда будущей царицы, скромный пир, где можно присмотреться к гостям повнимательнее – и отдыхать. А уж потом…

Софья знала, что завтра с утра она придет в покои Ульрики-Элеоноры. Для Георга уже составлено богатое меню из праздников и развлечений, охот и поездок, а вот с девочкой надо серьезно работать. Не оставлять же ее в таком виде?

Да Алешке все устрицы мира не помогут!

* * *

Сам Алексей в этот момент о невесте не думал. Они с Иваном сидели над картой Нотебурга, который упорно именовали Орешком. А что? Кем был построен, тем и будет жить!

– Что у нас есть?

– Остров. На котором пушки не установишь, – Ваня привычно играл роль «адвоката дьявола», подвергая все слова друга жестокой критике.

Невместно сие?

А как еще хорошие идеи-то отточить?

– Но рядом у нас есть еще островки. Да и река тут узка. Новыми – дострелим.

– А стен не пробьем. Разве что с кораблей стрелять?

– Корабли нам и так понадобятся, для перевозки людей. Да и не те у нас пушки. Нет, Вань, корабли тут не выход. Батарею надобно на островках располагать, и оттуда уже стрелять.

– А стены как? Подрывать? Шведы на это смотреть коровьими глазами не будут. Они раньше заряд взорвут, чем ты его заложишь.

– Нет. Я о другом думал. Вот смотри, коли правильно пушки установить, то все ядра будут попадать прямиком в крепость.

– Та-ак… а сможем?

– Не первый раз воюем, опыт есть. И надобно не с дурика лупить, а целиться по башням.

– Ну-ка, подробнее?

– У нас семь башен. Наугольная, Погребная. Пасторская, Воротная, Королевская, Колокольная, Княжая. Вот и надобно нам стрелять до упора, сосредотачивая огонь на них. Часа по два-три на каждой.

– Так рухнут же… Лешка! Ты гений!

– Я знаю, – улыбка царя была откровенно кошачьей. – Если правильно поставить пушки – лупить будем прицельно по башням, но даже если кто не дострелит или перестрелит, ядра все равно будут попадать в крепость. А если повезет – развалим им верхний боевой ход, да и часть артиллерии угробим!

– А еще лишим защиты стрелков и завалим оставшиеся внизу пушки! Пусть выходят и чистят амбразуры сколь им влезет!

– У нас-то пушки дальше добивают. Отстреливаться они будут, ну да потерпим. Недолго.

– Батареи придется ночью перевозить и ночью собирать.

– И за одну ночь мы не успеем.

– Кораблями отвлекать шведов будем, пусть ядра тратят. Переговоры начнем.

– Думаешь, сдадутся? – Сам царь в это не верил. Ну вот ни на капельку Невской воды.

– Думаю, захотят время потянуть, нет? Понадеются, что им из Выборга на помощь придут али с Нарвы.

– Потому нам стоять долго и нельзя. Захватили, гарнизон оставили – и вперед! Ниеншанц мне тоже надобен! А потом шведы утрутся. Две крепости мои, на реке корабли – мои, пока они прежнее влияние восстановят – много водички утечет.

– Нам бы потом тут еще пару крепостей отстроить.

– Будут деньги – будет стройка. Сам знаешь, мы в эту войну вложились…

– И не только в эту.

Ване ли не знать, когда половина счетных листов через его руки проходила. И больше бы повисло, но Софья придала в помощь царевичевых воспитанников, и дело двигалось все легче.

Иван такого слова не знал, но для царя он был и личным бухгалтером, и ревизором, жестко проверяя все траты и находя воров. А сам воровать… Он не воровал. Ему это было просто неинтересно, да и не нужно. К чему?

И так богат – за семь жизней не потратить. Да и Соня не одобрит.

– Сколь там гарнизона?

– Человек семьсот. И пушек в достатке.

– Справимся.

– Еще как. И пойдем дальше воевать шведов. Мне нужна Русь, на которой люди будут жить, а не выживать от набега к набегу. Моим детям ею править… вы-то скоро озаботитесь?

– Сам сначала ожени, а потом уж чужих детей считай, – отшутился Иван.

– Куда я денусь… Надо. Царский венец, шапка Мономаха. Почему я не родился крестьянином?

Вопрос был чисто риторическим, так что Иван предпочел вернуться к карте и потыкать грифелем.

– Сюда будешь пушки ставить?

– Вот сюда и сюда…

Обсуждение затянулось до поздней ночи, но друзья принимали это как должное. Там, где чужими жизнями будет оплачена любая твоя ошибка, – никакого времени на планирование не жалко. Люди – вот главный ресурс.

Остальное – мелочи.

* * *

Людовик с отвращением смотрел на Великолепную Атенаис. Да, в кои-то веки он не хотел эту женщину. Сейчас она его… бесила одним своим существованием! Своей гордостью, заносчивостью, да просто тем, что подставила его! И даже не раскаивается, это-то он видит! Изображает скорбь, и талантливо изображает, но не раскаивается.

– Сир, я счастлива…

– Прекратите, маркиза, – оборвал король.

Атенаис изумленно замолчала. Никогда еще Луи не говорил с ней так. Смотрел раздраженно-досадливо, словно на… мелкое насекомое, которое осмелилось осквернить его корону.

– Сегодня к нам прибыл папский легат. Он требует выдать вас.

Атенаис не смогла справиться с собой. Ахнула, поднесла руку к горлу. Жемчугов на этом горле хватило бы корабль построить. Может, даже и не один.

– Сир…

– Я сказал ему, что это невозможно.

– Благодарю вас, сир!

Вот теперь Атенаис искренне упала высокородному возлюбленному в ноги. Чего ей хотелось меньше всего – так это оказаться в жадных руках папского легата. Знала, чем кончится. Допросят, выпотрошат как рыбу – и она будет гнить в какой-нибудь темнице, где у тюремщика и соломы не допросишься.

Как она могла быть такой неосмотрительной?!

Но ля Вуазен обещала… и может быть, даже сдержала обещание? Ведь король ее не отдает? Может, она ему еще дорога?! Огонь любви еще не погас в сердце монарха?!

Увы, подняв голову, Атенаис увидела тот же безразличный взгляд.

– Мы не отдадим мать своих детей в руки Папы Римского, – произнес Людовик. – Но мы отдадим ее в руки Бога.

ЧТО?!

Женщина замерла. Не ослышалась ли?!

Но как…

– Сегодня вы будете сопровождены в один из монастырей, настоятельница которого абсолютно предана короне. Там вы будете жить в уединенной келье, а впоследствии примете постриг.

– Ваше величество!!! Смилуйтесь!!!

Вопль, вырвавшийся из груди Атенаис, слышали, наверное, в Гаскони. Он растрогал бы даже крокодила, но у того было сердце. У короля же – только власть.

– Вы знаете нашу волю, маркиза.

Атенаис еще пыталась цепляться за ноги любовника, умолять, что-то лепетать, но…

Бесполезно. Вошедшие в кабинет люди ла Рейни подхватили ее, словно тюк с грязным бельем, и поволокли к закрытой карете. Карьера Великолепной Атенаис закончилась полным провалом.

Сам же Людовик, не в силах оставаться бесстрастным, вышел из кабинета и пошел по галерее. Куда? Зачем? Королю все-таки было больно. Ради власти он сегодня вырвал с корнем из сердца дорогую ему женщину – и внутри словно рана истекала кровью.

Больно…

И все же он будет улыбаться. Будет задавать балы и никому не покажет своей слабости. А рана… рана зарастет, как всегда. Сердца иногда разбиваются и болят. Но слава богу, стучать они не перестают!

Людовик Четырнадцатый стоял и смотрел на парк Версаля. И в душе его разливалось умиротворение. Атенаис будет жива, пусть даже и не рядом с ним. А он…

– Анжелика! – раздался чей-то веселый голос. – Вас зовет герцогиня Елизавета!

– Иду!

Людовик чуть внимательнее вгляделся в обладательницу ангельского голоса. Юна и невероятно прелестна. Блондинка, очень светлая, с громадными голубыми глазами… у кузины Лизелотты водятся такие птички? Пожалуй, надо навестить ее. Атенаис… да. Больно. Но сердце тогда и податливее на новую любовь, когда еще не остыло от старой.

Не так ли?

* * *

Ульрика провела ночь плохо. Кровать была не такой, перина недостаточно пышной, в окна проникал свет, от лампадки пахло… одним словом – новое место во всей красе.

И – нервы.

Как-то принцессу еще примут на Руси? А жить здесь. Детей рожать, детей растить…

Страшно.

Фрейлины сказать по этому поводу ничего не могли. Даже не знали, оставят их здесь или прикажут убираться домой. Возможны оба варианта.

Так что девушки переживали за себя.

А поутру, когда Ульрика проснулась и как раз собиралась заняться туалетом, в спальню постучали. И вошла одна из

русских девушек.

– Государыня Софья принять просит.

На датском она говорила как на родном – безупречно. Всего четыре слова, но у Ульрики сердце захолонуло.

– Проси.

Поправила пеньюар, встала – и поклонилась той, которую за глаза называли «тень за троном». Кристиан рассказывал, что русский государь прислушивается к сестре и она при его дворе на особом положении. Предупреждал Ульрику не ссориться – и принцесса вняла словам.

Вчера она плохо разглядела царевну и ждала этакой… бой-бабы? Или ледяной принцессы? Кого-то жестокого, подавляющего, холодного… А вместо этого на пороге комнаты возникла невысокая темноволосая женщина в простом платье, улыбнулась и ответила поклоном на ее приветствие.

– Рада видеть вас, сестра. Вы позволите называть вас так, Ульрика? Ведь скоро нам предстоит стать сестрами.

Ее датский был не безупречен, но вполне хорош. Ульрика уставилась на Софью, как баран на новые ворота. И это – женщина, которой пугают? Прóклятая царевна?! Да она и на царевну-то не похожа! Слишком молода и хороша собой, слишком улыбчива, слишком…

Не похожа!

– Да, разумеется. Я буду счастлива… сестра?

– Меня можно называть сестрой, можно – Соней. Родные меня так называют, – сообщила девушка.

И это она вскрыла горло иезуиту и пила его кровь? Невозможно поверить!

– Со-ония… – попробовала Ульрика на вкус новое имя.

– Я позволила себе побеспокоить вас с утра пораньше, чтобы предложить кое-что новое. – Софья взяла Ульрику за руку, вполне естественно усадила на кушетку у окна (чисто автоматически – лицом к свету). – Я вчера подумала, сестра, что у вас нет русской одежды, а ваша не совсем подходит к нашим обычаям…

– О да!

Ульрика кивнула. Она тоже заметила, как кривились вчера бояре. Старались не показывать, но смотрели… как на девку продажную! Разные моды, разные народы… что вы хотите, если во Франции, например, вырез должен открывать грудь чуть ли не до сосков, а тут выйдешь так на улицу – потом не отмоешься. Срамота.

– И я хотела тебе предложить побеседовать с нашими швеями.

Ульрика едва не расплакалась от облегчения. Она-то ждала,

что ей придется добиваться, требовать, просить, а ей сейчас предлагали помощь. Вряд ли бескорыстно. Но… не стоит плевать в протянутую ладонь, не так ли?

– Я буду очень признательна, Сония.

– Я позову девушек?

– Да, пожалуйста!

Что Софья и сделала. А сама наблюдала за примеркой, оценивала, делала выводы… где еще можно и распознать женщину, как не в магазине? Ну, в это время – у портного? Есть ли у нее вкус, транжира она или нет, умеет ли себя подать, насколько кокетлива, насколько настроена кружить головы мужчинам и многое другое.

Пока Ульрике были выставлены средние оценки. Вроде бы вкус есть, но подать себя не умеет. Не транжира, но и не скряга, все в меру. Со слугами вежлива, но без панибратства.

Но внешность!

Длинный нос, конечно… челкой его, что ли, попробовать замаскировать? Или прической попышнее? Фигурка-то вроде как ничего, есть и талия, и остальные места вполне округлые…

Надо подать брату невесту так, чтобы он хоть годик после свадьбы налево не бегал.

* * *

Брат в это время был занят. Штурмовал Орешек.

Часть пушек была установлена на кораблях, часть перевезли на островки – и с утра ударили что есть ядер. Лезть на остров никто не собирался. Под шведские-то пушки? Еще не хватало! Нет уж, сначала своими пройдемся… И на Нотебург обрушился огненный ад.

Откуда?

Да отовсюду. Алексей Алексеевич, совместно с ближниками, нашел почти идеальное решение. Были взяты несколько судов. С них убрали все, что мешало: мачты, весла, лишний такелаж, зато само судно обильно закрыли мокрыми кожами. Установили пушки с одной стороны, а с другой, чтобы не было крена, уложили балласт. Более того, вдоль борта с пушками устроили еще одну переборку, и промежуток между ними забили глиной, смешанной с камнями. Получилась этакая разновидность естественной брони, очень удобно.

Сами по себе, конечно, эти суда идти не могли, но их буксировали более мелкие суденышки. Довели до места, поставили на якорь – и ушли. И стреляйте сколько угодно.

Чем и занялись русские, дав понять шведам, что их время ушло.

Ядра летели, казалось, со всех сторон, пушкари не жалели пороха, причем, по приказу государя, не били просто по крепости – куда полетит, туда и попадет. Нет! Били четко по башням. Сначала по Погребной и Наугольной, потом – по Воротной и Княжей… Каждая башня оказывалась в перекрестье огня – и последствия были разными.

Например, прясло между Наугольной и Воротной башней попросту обрушилось, погребая под собой часть шведских пушек, так, что с этой стороны крепость стала практически безопасна. Между Наугольной и Погребной башней было чуть получше, но верхнюю площадку разнесли и там. И разносили со всех сторон. Шведы бы вытащили пушки, они бы разобрали завалы, но под непрерывным, неумолчным огнем?

Самоубийц в крепости не имелось.

И такая обработка продолжалась почти шесть часов, в течение которых русские только палили, даже и не думая подводить корабли и высаживать десант. Еще не хватало! Ядра мастера отольют, а людей не вернешь!

Когда стих огонь на одном из участков стены, шведы таки попробовали что-то сделать. То ли разобрать завал, то ли пострелять по врагу… еще пары залпов хватило, чтобы вразумить самых воинственных.

На штурм русские войска пошли примерно в три часа дня.

* * *

– Смотри, Петь, как их! А вот еще бы туда же!

– Думаешь, рухнет?

– Ставлю грош, что рухнет.

– Два, что выдержит.

– Принято.

Мужчины в любом возрасте – мальчишки. А если приходится ждать своего момента, а твои товарищи в это время дерутся… ладно, пусть не дерутся, а просто обстреливают крепость, но все-таки!

И как тут усидеть спокойно?

Вот и бились об заклад двое приятелей-стрельцов, Петр да Ерофей, ожидая, пока настанет их время. Идти на лодках и кораблях на штурм, крепость брать… кто тут лучше стрельцов будет?

И Петр, и Ерофей были как раз из тех, кто в приснопамятном

бунте участия не принимал. Надо сказать, не по политической позиции, а просто – у Петра именины были, ну они с Ерофеем и загуляли немного. А как проспались – так им и дурно стало. Пока они по кабакам гуляли, иезуиты царя отравили да еще людишек на бунт подбили. Парням не нагорело, даже полк их не расформировали, но… неприятно.

И не украл, и не украли, но была там какая-то история. Вроде как и не виноваты, а и правыми до конца не оказались. Ну да ладно, на войне много чего сглаживается. Опять же, Алексей Алексеевич себя зарекомендовал как хороший полководец, из тех, что людей бережет… Вот мужики и не злились.

Наоборот – драться собирались не за страх, а за совесть.

Государь сказал, что первым десяти, кто в крепость ворвется, медаль именную пожалует и деньгами не обидит. Да и на пушки людей не гнал. Так – воевать можно. Так – правильно.

Но наконец отгремели выстрелы – и стало непривычно тихо. Поднялась и опустилась рука с красным платком.

На штурм!

Крепость молчала. Молчала, пока гребли к ней так, что весла трещали, молчала, когда высаживались, – то ли не могли поверить, что обстрел кончился, то ли храбрость по штанам собирали…

Впрочем, последнее предположение не оправдалось. Потому что шаг, другой, третий – и тут из крепости ударили ружейные выстрелы. Охнул, хватаясь за плечо, Ерофей. Из-под пальцев проступило красное… Петр выругался черными словами и бросился вперед. Ах вы, твари! В наших стрелять?! Да мы вас сейчас как слизь по камням размажем!

И размазывали, и рвались вперед, через завалы, рискуя сломать ноги, под огнем, не кланяясь пулям – на штурм!

Это русская крепость! Ее русский князь Юрий ставил!

И они пришли обратно, и не уйдут…

И шведы дрогнули.

Эти выстрелы были последней попыткой сопротивления, о большем не помышлял уже никто. Ни камни на людей сбрасывать, ни кипяток лить – не с чего было это делать. Просто – не с чего. Массированный артиллерийский огонь привел крепость в небоеспособное состояние, лишив большинства площадок для стрелков, да и самих стрелков – тоже.

Чудом уцелевший комендант попробовал поднять выживших в атаку, но…

Страшная это штука – кинжальный артиллерийский огонь. Пусть полноценным огнем Софья это не назвала бы, скорее, его прадедушкой, но люди-то в это время и того не знали! И не

видели ранее!

Так что боевого духа у гарнизона не осталось. Вообще.

А уж когда русские ответили на их выстрелы – своими…

Петр ударил одного шведа прикладом, сбил с ног другого, выхватил саблю и полоснул третьего, отбрасывая бесполезную сейчас пищаль. И – врукопашную, чуть ли не зубами в глотку врагу вцепиться, выгрызть победу…

Покр-рошу, твар-ри!

В число десяти первых он не попал – увлекся дракой. Но и так государь их отряд отметил, похвалил и пообещал деньгами пожаловать по возвращении домой. Ну и сейчас чуточку малую из полковой казны выдадут.

Ерофей оставался в Нотебурге, которому отныне и навечно зваться Орешком. Как и все, кто был ранен, кому требовались покой и уход. Пусть отдыхают да шведов гоняют. Из-за них крепость разрушить пришлось – вот пусть пленные теперь завалы разбирают, крепость восстанавливают, чинят, что могут…

А войска государя Алексея Алексеевича отправляются брать Ниеншанц.

* * *

– Турки взяли Вену!!! Взяли! Вену!!!

Илона всегда была красива. Но сейчас, когда свершилась, пусть частично, ее месть – сейчас она была невероятна. Она просто сияла изнутри, как драгоценный черный бриллиант. Да так, что даже ее люди замирали восхищенно и провожали госпожу глазами.

Как же она была счастлива!

Хоть кто-то отомстил за нее проклятым Габсбургам!

Имре писал быстро, но самое главное в письме было.

Илона поняла так, что турки уходить не будут, а будут держать город сколь смогут. Леопольд пока сбежал в Линц и сидит там. Вот бы на него нашлась какая-нибудь благородная рука. Вроде той, что оборвала жизнь Эдуарда Второго в замке Беркли или Генриха Четвертого на улице Ферронри.

Илона понимала, что это вряд ли осуществимо, но помечтать-то можно? Леопольду, значит, убивать ее супруга разрешено, а ей и подумать – грех? Нет уж, пусть монахи о том плачутся, а она к святым себя не причисляет! Получив удар по левой щеке, правую подставлять не будет!

А теперь надобно прикинуть как лучше.

Отправлять или нет детей на Русь?

Хотя сына можно и при себе оставить. А вот дочь, как залог мирных намерений… она поймет. Она очень умная девочка. Да и безопаснее там, на Руси, ей будет. И кровь, если что, уцелеет.

Леопольду пока будет не до них – и можно попробовать отделиться в исконных границах. Можно… Только вот придется полякам присягать. Или османам?

Илона была неглупа и отчетливо понимала, что долго османы Вену не удержат. Год-два, безусловно, они там простоят.

А пять лет?

Десять?

Нет.

Их вышибут на исходные позиции.

Сейчас Папа Римский начнет шум, все поднимутся – и турки уйдут. А она останется. И Имре – тоже.

Если они будут пособниками турок – о, тут хорошего для себя ждать не придется. Как бы еще не пришлось бежать куда-нибудь в Стамбул. А вот если они отложились на том основании, что император их защитить не может, а польский король смог, так что простите – теперь они его вассалы…

Можно попробовать.

С поляками, за которыми стоит Русь, Леопольд ссориться не будет.

Польские войска и сейчас принимают участие в войне, на стороне Леопольда. Но…

Илона знала, кто такой Ян Собесский.

Да пожелай он – турки давно б с австрийской земли вылетели! С польской же удирали вперед своего визга? Да еще как, трофеев на две армии хватило! И в Крыму он себя проявил! Да и до того еще Ферек собирал о нем информацию, и выходило так, что Ян – гений войны.

А тут поскромничать решил?

Не лезет вперед, не стремится выгнать врага, не наносит внезапных ударов в уязвимые места? Просто охраняет Леопольда и следит, чтобы никто лишний раз не пострадал?

На него это не похоже!

Значит, у него есть приказ – не лезть лишний раз. Не участвовать в войне Михайло Корибут не может, но и участвовать не хочет. Надо писать русскому государю, потому что это только кажется, что год-два – длительное время. Оглянуться не успеешь, как пролетят.

Илона быстро прошлась по замку, зашла в часовню и плотно притворила за собой двери. А потом упала на колени перед Девой Марией.

– Пресвятая Богородица…

Кому еще молиться матери, как не ей?

Защити и оборони моих детей, помоги принять правильное решение, направь меня на истинный путь.

Илоне было страшно, но женщина знала – она шагнет вперед. А что будет дальше?

Помоги мне, Дева Мария…

* * *

Людовик ожидал многого, но не такого. Папский легат был встревожен, хоть и скрывал это по мере сил. Но от Людовика не скроешь. О маркизе вообще почти не говорили. А вот о чем…

Турки взяли Вену. И теперь святое дело каждого христианина – выкинуть их обратно с австрийской земли. Разумеется, его величество тоже пошлет свои войска.

Людовик задумался.

С одной стороны – не было у него лишних войск. Те, что есть, заняты в Нидерландах. Хоть он себе кусок и оторвал, да пережевывать его еще долго придется. Не понравилось почему-то голландцам становиться французами, и бунты шли чуть ли не раз в месяц. То один город, то другой, то замок полыхнет, то отряд пропадет…

А теперь ему надо идти воевать с турками?

Да горел бы тот Леопольд синим пламенем! Пусть с него шкурку сдерут – не жалко! Лично сам Людовик под шумок откусил бы себе еще германских земель или что-то потребовал у Леопольда за помощь. А тут…

Помощь с него требуют, а оплатой будет служить плохая память Папы относительно каких-то грешков маркизы? Э, нет. Так дело не пойдет.

Атенаис, конечно, мать его детей, но и мать плохая, и королю она уже поднадоела, и вообще, если за каждую бабу государством жертвовать – никакой Франции не напасешься.

Так что Людовик заверил легата в своем самом дружеском расположении к Леопольду и сообщил, что будет собирать войска.

Разумеется!

Как только, так сразу!

И всенепременно!

Папой клянусь! Римским!

У него сейчас все, кто есть, – все заняты. Вот он и прикажет подсобрать полк по дальним гарнизонам, сбить тысяч так пять человек в единую силу, вымуштровать – и тогда отправить на

помощь Леопольду. Не отправлять же абы кого? Это даже оскорбительно! Нет! Он готовить солдат будет!

Король выпроводил гостя и подумал, что искусство вечно. Кто скажет, что эти строки неверны? И не важно, что здесь и сейчас речь идет не о нелюбимом женихе, а о благе государства! *Смириться надо вам для вида, но тянуть. Кто время выиграл, все выиграл в итоге…*[7]

И приказал вызвать ла Рейни.

Великолепная Атенаис заболела от тоски и умерла. Как же, разлучили с любимым. Или сначала умерла, а потом заболела. Есть люди, которые исполнят и такой приказ. А тяжесть на сердце?

Переживем.

Забыть маркизу де Монтеспан поможет очаровательная Мария-Анжелика де Скорай де Руссиль.

Прощайте, Великолепная Атенаис.

* * *

Ежи Володыевский чувствовал себя не пленником, но гостем у турок. Непривычное ощущение. С него взяли честное слово, что он не станет бежать и не причинит первым вреда – и практически отпустили на свободу. Отвели шатер, дали слуг, разрешили гулять по городу и лагерю.

Гуссейн-паша (к султану Ежи, естественно, не допустили, не по чину), приказал отделить всех людей пана Володыевского и сообщил, что отправил письмо русскому государю. Вот придет ответ – и поедете на родину. Мы с русским государем не воюем, нам делить нечего. Понимаем, что в стороне он остаться не мог, а потому потребуем выкуп. Его выплатят – и отправляйтесь.

Про вовремя взорванную стену Ежи, конечно, не знал.

Никто не знал, даже турки. Думали разное: от удачного подкопа и мины до агентов визиря в городе. А вот что это были люди русского государя… Гуссейну-паше ни к чему было делиться славой, а Алексею Алексеевичу, напротив, такая слава и даром не нужна. На том и сговорились.

В Линце тоже были люди русского государя, но туда Гуссейн идти сам не хотел. Не надо широко рот открывать, не прожуешь кусок-то. Надо, надо возвращаться домой, устраивать реформы, чтобы Османская империя еще тысячу лет стояла!

Жаль только, что его султану до русского государя далеко. Хоть Сулейман и старается, и умен, а все же… Иногда Гуссейну-паше было грустно. Толковый султан да умный визирь – каких

дел бы они наворотили! Всю Европу подмяли бы!

А так…

Час – дело сделать, да три – султана убедить, да объяснить, да постоянно лизоблюдов пропалывать, чтобы никто другой на Сулеймана не повлиял…

Тяжко.

Конечно, пан Володыевский об этом не знал. Да и ни к чему ему было. Он русскому государю служил честь по чести, и ему тяжело было бы принять вот такую, подлую и тайную войну. А все ж и без нее никуда не денешься.

Чтобы жили такие, как Ежи, должны быть и такие, как Софья, кто не боится замарать руки в крови и грязи. Быть – обязаны. А вот знать о них благородным людям вовсе и ни к чему. И душа болеть не будет.

Так что Ежи ждал отправки на Русь. Как-то там Басенька без него? Как дети? Есть, есть в жизни нечто такое, за что голову сложить не жалко. Но это – защищая семью. А вот так, на чужбине, невесть за чьи интересы…

Нет уж!

Потому и не было у турок проблем с храбрым паном, потому Ежи и не собирался бежать и пробиваться к войскам Леопольда. Ни к чему такие геройства во имя чужой мошны.

Не родину защищаем!

* * *

– Садись и слушай. Завтра вы отправитесь в Португалию.

Иван послушно опустился в кресло. Посмотрел на сестру.

– Сонь, ты думаешь, меня мало учили?

– Ванечка… – Софья прищурилась так, что царевич мигом притих. Вспомнил, как сестра ему в детстве беспощадно драла уши. Не за шалости – за глупость. Шалить-то ты можешь сколь хочешь, а вот жизнью рисковать не смей! Ни своей, ни чужой. А то выдумал – сам, без Глаубера, в лабораторию пролезть! Спасибо, жив остался! – Ты реши, кто ты. Царевич или дурак? Сейчас речь о серьезных делах пойдет, не о том, чему тебя учили. Язык, да этикет, да прочие куншутюки скоморошеские – это одно. То, что наставники говорили, – другое. А есть еще и третий слой. О коем никому, кроме нашей семьи, и знать не надобно.

– А вся ли семья о нем знает? – прищурился в ответ царевич.

Софья взгляд отводить и не подумала.

– Ровно столько, сколько нужно. *Все* ниточки – в руках одного Алексея.

– И моя – тоже?

– Ты не марионетка. А там, куда попадешь, – из тебя попробуют ее сделать. Там ты будешь в сложном положении. Принц-консорт. С одной стороны – страна наша богата. С другой – далеко и в политических играх Европы не участвует. С одной стороны – принц. С другой – всего лишь при королеве. Разумеется, тебя начнут провоцировать, подначивать и всячески перетягивать на свою сторону. Ты это понимаешь?

– Не дурак.

– Ньютон тебя хвалит, да вот беда: ум академический и хитрость житейская – суть вещи разные. А потому… Ты понимаешь, что тебя постараются убить?

– Зачем?

– Потому что ночной король может со временем стать и дневным. Потому что ты будешь влиять на Изабеллу в пользу Руси, а кому это нужно?

– А я буду влиять?

– Надеюсь, ты этот вопрос задал из чувства противоречия? Потому что если по глупости… – Софья нахмурилась. Привычно покусала грифель.

Иван вздохнул.

Ему не нравилась вся эта затея.

Ему не хотелось ехать.

Да видел он всю эту Португалию, и эту Изабеллу, и вообще… страшно сказать – где! Но… Ульрику он тоже видел. И портрет Изабеллы. Так что понимал: ему еще повезло. Могла бы оказаться такая каракатица, что и сказать страшно. А жениться пришлось бы. Отказаться, заупрямиться, поругаться Ивану и в голову не приходило: уж ответственность-то перед своей страной Софья братьям привила. И понимание, что власть дается не для гулянок и воровства, – тоже.

– Извини, Сонь. Просто… тяжко.

– Мне тоже, Ванечка. Но мы должны справиться, чтобы Русь еще десять тысяч лет стояла. Ты же понимаешь…

Иван кивнул. Все он понимал, просто… хорошо, когда в книжках о подвигах читаешь. А когда от тебя жить требуют? А это ведь тоже подвиг – и не разовый. Не так, как в бою, но иногда намного сложнее.

– Что я должен знать? И что делать?

Софья облегченно выдохнула. И положила перед братом небольшой свиток.

– Читай здесь. И учи. Это шифр. Кодовые слова, фразы, знаки – будешь домой письма писать или получать из дома, проверять станешь. Людей я тебе тоже дам, но до конца ни на кого

полагаться нельзя. Мало ли что в дороге случится. Так что будем… учиться.

Очень хотелось сказать – делать из тебя шпиона.

Промолчала.

Пусть Ваня и будет именно что шпионом, но к чему брату такие неблагозвучные ярлыки? Сам разберется со временем.

А того, что Иван начнет работать против Руси, Софья не боялась.

Пусть Педру умен, да вот дураков при его дворе никак не меньше, чем во всех остальных местах. Ивана никогда не примут до конца. *Своим* он не будет. Даже дети его – и то будут ли своими? А значит – Русь, и только Русь. И каждый раз, приезжая на родину, Иван будет чувствовать себя царевичем. Софья позаботится. А там…

А там и Изабеллу удастся на Русь перевезти, кто знает?

Поживем, посмотрим… А пока – учи, Ванечка. Коли ты царевич, так не будь дураком.

* * *

Ниеншанц.

Алексей считал, что ударили они как нельзя более вовремя. Из Швеции доходили вести, что король собирается укреплять крепость, строить стены, копать еще один ров – и тогда все было бы куда как сложнее. Но пока шла война с Данией, Карлу было не до захолустной крепостицы.

Вот и чудненько.

Если Орешек стоял на острове, то Ниеншанц удобно устроился на слиянии Охты и Невы. И простреливал обе реки. Так что атаковать его с кораблей было занятием гиблым. Только по суше.

С другой стороны, разрушать его и не собирались. Так что массированный обстрел, наподобие того, которому подвергли Орешек, был не нужен. Хватит и внезапности.

Из Орешка никто не ушел, так что войска Алексея Алексеевича появились под стенами крепости совершенно неожиданно. Пятьсот человек под командованием воеводы Андрея Языкова прошли вдоль берега Невы, затаились, дождались, пока часть гарнизона, и без того некрупного, окажется за стенами, занятая обычными делами, – и тогда атаковали. Сначала выстрелили из ружей, чтобы положить побольше врагов, а потом бросились на штурм, стараясь производить побольше шума.

Шведы были настолько ошеломлены, что даже не оказали сильного сопротивления. И русские беспрепятственно принялись зачищать пространство под крепостью. Вот в ворота ворваться не успели – жаль. Нашелся кто-то умный, захлопнул, и внутри крепости что есть силы зазвонил-забился колокол.

Языков махнул рукой, приказывая отступить. Ратники быстро дорезали всех драгун, кои подвернулись под руку, – и отступили, таща за собой пленных. Женщин, детей… Дома, в которых жили семьи шведов, частично находились вне крепости.

Ну и…

Андрей Максимович не собирался шантажировать шведов заложниками, это было против всех правил чести, но… лишний козырь на руках? Пусть полежит, авось не залежится.

Из крепости ударили ружья и пушки – и Языков порадовался, что вовремя дал команду. Не ушли бы – куда как больше русских полегло бы. А сейчас – отступили, залегли на хорошем расстоянии и ждали. Ждали, пока крепость не прекратит стрелять и шведы не будут готовы к переговорам. А чтобы быстрее дошло – выставить несколько женщин и детей.

Жестоко? Но ведь убивать или насиловать их никто не собирается. Пусть постоят, пусть их родные в крепости подумают, что их ждет.

Языков понимал, что его силами крепость не возьмешь. И стены велики, и пушек у него десять штук, а в Ниеншанце семьдесят пять, кабы не поболее, и… не надобно ему ту крепость брать. Ошеломить, осадить и задержать до подхода основного корпуса.

Ну а если удастся захватить? Тогда благоволение ему от государя, слава и почет. А то куда это годится? Отец воевал, а сын покамест еще ничем прославиться не успел. Исправляться надобно.

С такими мыслями Языков и прождал пару часов, пока не прекратилась ленивая перестрелка с обеих сторон и над крепостью не метнулся белый платок приглашением на переговоры.

После некоторых согласований под стенами Ниеншанца встретились двое – русский дворянин Языков и шведский комендант Александр Пересветов-Мурат. Бывший русский человек, ныне швед во втором поколении…

Надо ли говорить, что Языков смотрел на коменданта не то чтобы с отвращением, но, безусловно, с легкой неприязнью. Перебежчиков нигде не любили, а отец Александра именно им и был.

Что уж подвигло боярского сына из Ростова перейти на

сторону шведов? Неизвестно, но, учитывая, что королева Кристина внесла его лично в дворянский матрикул, какие-то заслуги у него были.

Наверное.

Первым начал Языков. Они пришли, им и говорить.

– Я хочу предложить вам сдачу в плен.

– Нет.

– Тогда вы обречены. Нас много, стоит нам начать осаду по всем правилам…

– Начинайте. Но поступите, как честный человек. Отпустите женщин и детей.

Языков криво усмехнулся:

– Сыну предателя говорить мне о чести?

Пощечина вышла на славу. На скулах коменданта заалели алые пятна.

– Придержи язык, щенок, или я тебе его вырву.

– Я тебе эти слова напомню, когда войду в Ниеншанц.

Андрей, в отличие от коменданта, головы не терял. На сдачу он и не рассчитывал – экая глупость! Понятно же, что комендант будет выслуживаться что есть сил. Сдать крепость для него смерти подобно. Русские хоть и оценят, да не наградят, а к шведам тогда лучше и не соваться. Так что…

Только бой.

Но…

– Пока я жив, вы, собаки, в крепость не войдете.

– Мы не шведы, мы глотки молча рвем.

– Верните заложников.

– Нет. Им не причинят вреда, но и отпустить их туда, где опасно и стреляют, я не могу. Приказ государя – невинные пострадать не должны. По возможности.

Взгляд Пересветова-Мурата был полон презрения.

– Верить вам…

Языков возвысил голос так, что его было слышно и на стенах.

– Слово русского дворянина, не предателя, что вреда я им не причиню! Если кто решит присоединиться к своей семье – препятствовать не будем, отпустим на все четыре стороны! Но и в крепость безвинных на смерть не верну!

На том и разошлись.

И началась осада.

У Языкова и верно не было с собой пушек, достаточных для разрушения стен. Зато были люди, которые перекрыли все выходы из крепости. И шанцевый инструмент, так что русские принялись копать окопы и траншеи.

Пересветов-Мурат попытался отправить голубя – застрелили.

Гонцов перехватили.

И спокойно и упорно сооружали валы для батарей.

Шведы видели это из крепости, но противодействовать не могли. Их было меньше, к тому же русские, отступая, рушили все, что под руку подвернется. Идти по открытой местности? Заметили бы и убили.

Через шесть дней валы для батарей были готовы. А там и подкрепление подоспело. Корабли с пушками спустились вниз по Неве, причалили вне досягаемости шведов и принялись выгружать орудия.

Языков еще раз предложил коменданту крепости почетную сдачу, опять получил отказ и разрешил начать обстрел. Тем более вести были хорошие. Орешек взят, теперь, коли он успеет расколоть Ниеншанц до подхода основных сил, государь будет весьма доволен.

И Андрей Максимович приказал начинать обстрел.

Надо сказать, тут еще вмешалась судьба. Может, шведы и потрепыхались бы подольше, но Языкову неоправданно повезло. Одно из ядер уже на второй день обстрела попало в пороховой погреб крепости – и громыхнуло так, что даже пушки подпрыгнули.

А спустя какое-то время над Ниеншанцем заколыхался белый флаг.

И снова те же, и снова там же, но на этот раз Языков лучился самодовольством, а вот комендант крепости был белым от ярости.

– Я хочу обсудить условия сдачи.

– Без условий, – отрезал Языков. – Выходите и сдаетесь на милость победителя. Дальше вашу судьбу решит государь.

– Я могу остаться в плену. Но отпустите моих людей.

– Нет.

– Мы можем продолжать сопротивление.

– Не можете. Сколько у вас там осталось пороха? На два выстрела? На три?

– Вам хватит.

– А мы не пойдем на штурм. Я прикажу стрелять и стрелять, пока не размолочу вашу стену в ошметки. А сколько при этом останется от гарнизона – плевать. Государь меня ругать за это не станет.

– Отпустите хотя бы женщин и детей.

Пересветов-Мурат смотрел на русского и понимал, что торга не будет. Да и жизнь у него вряд ли останется после сдачи. Этот человек не лжет, он и правда будет уничтожать. А он…

Он может погибнуть в бою.

А может, и не в бою. Гарнизон – это живые люди, и после таких известий они его просто на штыки поднимут. Запросто.

– Тех, кого мы взяли? Отпустим. Но когда подойдет основной корпус, и они уже не будут представлять опасности.

– Я переговорю со своими людьми. Что их будет ждать в плену?

– Работа. Крепость укреплять надобно.

Вежливые слова, спокойные лица – и глаза. У Языкова – презрительные и жестокие. У Пересветова-Мурата – полные ненависти.

Ровно через шесть часов после этого разговора крепость Ниеншанц выбросила белый флаг.

Шведских воинов выводили, связывали и переписывали. Завтра же их приставят к работе. Копать рвы, укреплять стены… в Ниеншанце отныне стоит русский гарнизон. А называться крепость будет…

Алексей Алексеевич приговорил – Желудем. А что, тоже орешек, тоже грызть потребно. А Бог не выдаст – шведская свинья не съест.

Впереди лежал Выборг.

* * *

– Турки взяли Вену.

– Сонюшка, да ты что?!

Соня весело улыбнулась:

– Божий промысел, тетушка. Что тут скажешь?

– Нехристи! Ужасно! – выдохнула Ульрика-Элеонора.

Софья улыбнулась девушке:

– Конечно, неприятно. Но для меня это значит, что турки не будут разорять наши рубежи. Своя страна мне важнее, чем проблемы Священной Римской Империи.

– А если они пойдут вперед? – Феодосии было искренне любопытно.

– Вряд ли. Сил не хватит.

– А что мы теперь будем делать?

– Ждать пана Ежи из плена и государя с войны.

Ульрика чуть покраснела. Да уж, ждать государя… что-то он еще скажет? С другой стороны, пусть девочка и не красотка, но Софья с Лейлой уже успели над ней неплохо поработать. Сарафан подчеркивал и грудь, и бедра, волосы, отмытые от пудры, оказались пепельно-русыми, нос, конечно, никуда не делся, но правильно выщипанные брови зрительно чуть изменили форму

глаз, и он стал казаться не таким огромным. А так – девочка неплохая. Мягкая, тихая, неглупая… золото будет, а не жена.

А лицо… ну что, ночью все кошки серы, только гладить надо уметь.

Брат Ульрики пропадал то на охотах, то на выездах, а девушка кочевала по Кремлю. От Софьи – к Любаве, Анне, Катерине с Марьей и Феодосией, общалась, училась русскому языку, ну и ее изучали. Пока впечатления были положительными. Ульрика усердно занималась русским, изучала православие, старалась всем понравиться. Но что еще Алексей скажет?

– Бася рада будет, – сбила Софью с мысли Анна.

– Да уж, этим двоим расставаться – хуже ножа. Рика, мы тебя обязательно познакомим. Пани Барбара Володыевская – замечательный человек. Умница, каких поискать. Надо вообще тебя свозить в Дьяково. Алексей там любит бывать, вот и тебе заранее покажем, что к чему.

Ульрика ответила благодарным взглядом.

Вообще в семье русского государя она чувствовала себя очень комфортно. Ждала иголок, неприязни, насмешек, а получила живое участие и дружескую помощь.

Сестренки у него вообще были замечательные. Умные, веселые, красивые. Тетушки отличались заботой. Царевна Ирина, правда, резковата. Но, узнав, сколько она делает для людей, вернувшихся из плена, Ульрика мгновенно простила ей жесткость характера. Тем паче царевна не хотела ее задеть, просто отвечала, как привыкла. Да и царевна Софья оказалась вовсе не страшной. И почему Кристиан отказался от Катеньки для Георга?

Зря…

Ульрика не возражала бы еще ближе породниться. Хорошие они, теплые, душевные…

– Там, наверное, много людей в плен к туркам попадет, – произнесла тетка Анна.

Они сегодня с мужем присутствовали на обеде.

– Они не русские люди, – Софья пожала плечами. – Их судьба в воле их правителя.

– А сколько прекрасного будет уничтожено. Скольких мастеров уведут в плен…

Царевна Софья прищурилась:

– А и верно.

В темноволосой голове незримо для окружающих завертелись колесики. Надо бы отписать визирю. Он мужик умный. Пусть мастерами поделится?

Конечно, на Руси и так неплохо, но почему бы не перевезти еще пару-тройку десятков? Или сотен?

Отпишем Ежи, пусть выкупает там, кого можно, и везет домой. В хозяйстве все пригодится.

* * *

Дон Хуан осмотрел письмо.

Прочитал, пожал плечами, перечитал еще раз.

Если Вы хотите узнать, кто виновен в покушениях на Вашу жизнь, приходите сегодня после захода солнца в дом купца Ортини. Можете взять с собой стражу.

Доброжелатель.

Интересное письмо…

А еще интереснее, откуда этот неизвестный узнал о покушениях? Хуан Хосе как-то объявлений в газеты не давал. А покушения были. Уже два.

Один раз ему пыталась подлить яд любовница. Второй раз натравили шайку бандитов, которых в Италии называют «брави». Девку он чудом поймал за руку, а бандиты… Хуан, между прочим, не просто так получил титул «Князь морей». Он отлично знал, с какой стороны браться за шпагу.

Недооценили.

Решили, что раз ему уже почти пятьдесят, он ни на что и не годен! Ан нет!

Мужчина потянулся, как никогда ощущая каждую клеточку своего тела.

Он еще многим двадцатилетним фору даст! Любовница могла бы подтвердить… хотя сейчас она никому и ничего не подтвердит. А не надо подливать в вино всякую пакость. Особенно стоя напротив окна.

Но – кто?!

Дон Хуан был еще и любопытен, как кот. И, разумеется, собирался сходить, поинтересоваться. А стражу можно с собой взять, окружить дом. Лишним не будет. Арестовать неизвестных всегда успеется.

Так что вечером дон Хуан уже стучал молоточком в дверь. И открыли ему практически сразу.

– Проходите, сеньор. Госпожа ждет вас.

Служанка скользнула куда-то в тень, и благородный дон тут же забыл о ней.

А зря.

Милая девушка, профессионально улыбнувшись и окинув

взглядом улицу, уже знала, сколько людей пришло с гостем, где спряталась часть из них, да и сам гость… Реши она убить его – уже лежал бы трупом.

Дон Хуан прошел в гостиную и вежливо поклонился.

– Сеньора…

Женщина развернулась от окна. Ну, что тут сказать. Не во вкусе благородного дона. Слишком высокая, худая, со впалыми щеками и темными волосами. Густые брови и твердый подбородок дополняют картину. Одета очень просто – так могла бы одеться небогатая горожанка.

Но руки…

Руки – единственное, что выбивается из образа.

Идеально белые, холеные, а камни перстней на тонких пальцах стоят столько, что хватит три таких дома купить.

– Дон Хуан Хосе, я рада видеть вас под этим скромным кровом. Не желаете ли вина? Фруктов? Не бойтесь, у меня нет желания травить вас. Я могу первой сделать глоток из вашего бокала.

Женщина не улыбалась, она была совершенно серьезна.

– Я пришел сюда не пить вино, сеньора. Я пришел сюда из-за письма…

– А я могу назвать вам имя человека, который стоит за вашими… невзгодами. Но могу ли я просить потом о милости?

– Какой, сеньора?

Дон Хуан не позволил усмешке скользнуть по губам. Неужели все так просто? Деньги и еще раз деньги?

– Отнюдь не о деньгах.

Мужчина дернулся, как будто укушенный.

– Сеньора?!

– Вы же думали об этом? Я не нуждаюсь в деньгах. В любой момент к моим услугам казна одного из богатейших домов.

Женщина подняла руку, демонстрируя кольца.

– Моя госпожа щедра к тем, кто верно служит ей.

– Ваша госпожа?

– Это и будет той милостью, о которой я прошу. Когда вы услышите имя – вы смирите ярость и дослушаете меня до конца. И обещайте подумать над ее предложением.

– Чьим?

– Я всего лишь голос, благородный дон. Тень, отражение… меня нет здесь, как и вас скоро не будет. Вы ведь мечтаете о власти.

Дон Хуан прищурился.

– Сеньора?

Рука словно сама легла на кинжал. Женщина словно и не

заметила опасности.

– Сколько вы продержитесь, благородный дон? Вы одиноки. Смерть подстережет вас в глотке воды или на клинке убийцы. И даже дети не оплачут вашу могилу. Не обидно ли вам будет за своего отца? Этого ли он от вас хотел, когда признавал вас, Князь морей?

– Это бессмысленный разговор, сеньора.

– Марианна.

– Простите?

– Вы хотели имя? Вам объяснить, *какая* Марианна? Или – как мать должна реагировать на угрозу своему сыну?

– Что вы об этом знаете?!

– То же, что могли бы узнать и вы, дон Хуан. Ваш отец совершил ошибку, женившись на своей племяннице, но его можно понять. Умер единственный законный сын, нужен был наследник.

– Карлос…

– Болен. Неизлечимо. И здорового потомства не даст, на ком ни жени.

Сейчас женщина была страшна. Она говорила с таким ледяным равнодушием, что у Хуана мурашки по спине побежали.

– Что вы можете об этом знать?

– То, что приказала узнать моя госпожа. Эскуриал вовсе не закрытый котел, варево можно и помешать, и рассмотреть. У вашего сводного брата эпилепсия, у него множество наследственных болезней, он не развивается и править не сможет. Ему сейчас шестнадцать лет, но по уму – не больше семи.

– Он вырастет.

– Не лгите себе.

– Не много ли вы на себя берете, сеньора?!

Дона Хуана стоило бояться, но странная женщина даже и не пошевелилась. Подняла темную бровь, чуть улыбнулась, словно видела перед собой не разъяренного мужчину, а милого котика, потягивающегося на диване.

– Вы уже говорили с его матерью. Вы хотите стать его регентом и править за племянника единовластно, потому что сейчас это занимает много времени. Да и кто, если не вы? Любимец народа, герой, полководец… Сколько пройдет времени, прежде чем бедняжку Карла запрут в монастыре? И народ выкрикнет ваше имя?

– Я так не поступлю!

– Госпожа… Марианна вам никогда не поверит. Она ощутила вкус власти – и вы ей тут не нужны. Кем ей легче править – сыном или вами?

– Она не способна править. Как женщина…

– О, тут вы правы. В большинстве своем женщины править не способны. А вот устранить неугодного родственничка или намекнуть об этом фаворитам… Кто сейчас в ее постели? Де Валенсуэла?

– Вы хорошо осведомлены.

– Да. А потому, если вы станете регентом, вы долго не проживете. Два года назад это началось благодаря уму вашего сводного брата, и закончится теперь только с вашей смертью. Валенсуэла не простит, да и ваша мачеха – тоже.

– Мне не нужно их прощение.

– А что вам нужно? Сильная Испания? Королевство, которое не раздерут на части? Между прочим, у французского Людовика есть все шансы пережить вашего брата. И он своего не упустит.

– Довольно!

– Вот и еще один ваш враг. Зачем ему – вы? Такой умный и сильный, способный поднять Испанию с колен? К чему?

– Клянусь, вы служанка самого дьявола!

– О нет. Так далеко моя госпожа не властна.

– Так кто же она?

Дон Хуан задавал вопрос, чтобы выиграть время, хотя… знал. Уже – знал. Марианна…

Ненавижу.

– Женщина, от имени которой я предлагаю вам решение проблемы. Вы уедете из Испании, поживете несколько лет в другой стране, женитесь, наконец обзаведетесь детьми – это ведь тоже важно. И вернетесь. Когда ваш брат умрет.

– Так что вы мне предлагаете и на каких условиях?

– Условий не ставится. Вы просто соглашаетесь и уезжаете.

– Оставив свою страну на власть взбалмошной женщины?

– Почему такой уж взбалмошной? Ее величество неглупа, вполне способна справиться со знатью. А вот вы… Вы провоцируете недовольных одним своим присутствием.

Продолжая разговаривать, женщина взяла одну из бутылок, стоящих на столе, и протянула дону Хуану.

– Откройте, прошу вас.

Бутылка и верно не открывалась уже давно. Затвердевший сургуч, паутина – такое не подделаешь. Дон Хуан повиновался – и вино наполнило бокал.

Женщина подняла его, спокойно отпила пару глотков.

– Не хотите? Жаль…

Дон Хуан взял со стола второй кубок, наполнил и выпил в несколько глотков. Ему тоже дорого обошелся этот разговор.

– Сеньора… мне тоже жаль. Можете не говорить, кто ваша госпожа. Меня это не волнует. Я не брошу свою родину.

– Вас убьют.

– Возможно.

– Это будет бесполезная смерть. Бесцельная.

– Я постараюсь, чтобы она таковой не стала.

– Мне жаль. – Женщина смотрела загадочно и надменно, как кошка. – Простите, что приходится действовать такими методами.

– Что?!

– Я бы предпочла, чтобы вы ушли со мной добровольно. Не бойтесь, это не яд.

Мужчина вскочил, но странная слабость, быстро охватывая тело, распространилась к ногам. Последним усилием он выхватил шпагу и повалился вперед.

Женщина усмехнулась краешками губ. Взяла в руки его кубок, повертела…

– Наивный… Мог бы и подумать, что не обязательно травить вино, если есть бокал.

Пары капель настойки хватило. Нанести заранее, чтобы высохла и не была заметна. Цвет и вкус вина она сильно не поменяла, а вот свалить с ног – свалила.

Женщина метнулась к двери в комнату.

– Вася!!!

Ровно через минуту в гостиную влетел молодой парень.

– Груз готов.

– Отлично. Не согласился?

– Я с самого начала говорила, что он на это не пойдет.

– Ничего, потом еще благодарить будет.

Парень взвалил на плечи тушку благородного дона и потащил в соседнюю комнату.

Гримировать, переодевать и вообще – укладывать в гроб. А как его еще вывезти из города? Ничего, и вывезем, и на Русь довезем, а там уж пусть государь с ним сам разговаривает. Авось найдут общий язык.

Жалко ведь мужика. Прикончат его тут…

Женщина подошла к зеркалу, достала тонкое полотно и принялась осторожно снимать грим с лица. Если она правильно поняла свою царевну, дон Хуан поедет на Русь. И будет там жить. Она тоже вернется домой рано или поздно, и лучше, чтобы Князь морей ее просто не узнал.

Вроде бы разговор прошел нормально. Теперь, если правильно повести себя в дальнейшем, дон Хуан будет свято уверен, что на него покушалась королева Марианна. Еще и мстить пойдет…

А мы поможем.

Впалые щеки волшебным путем превращались в обычные,

улетела в угол накладка темных волос, высвободив обычные русые пряди, стерлись черные брови, показав светло-коричневые, как и должно быть при таких волосах…

И что самое приятное – даже не солжем. Все равно бы его убрали. И именно ее величество. Мы просто предупредили удар.

Да, и надо подкинуть куда-нибудь труп в одежде дона Хуана. Только выбрать не слишком похожий, чтобы народ не поверил.

Так, на будущее.

* * *

Алексей Алексеевич отчетливо понимал, что долго везение не продлится. Нужно идти вперед – и БЫСТРО! Эстляндия должна лежать у его ног. То есть Нарва, Дерпт, Феллин, Виттенштейн, Везенберг – это основное. А еще – Выборг и Кексхольм.

Так что никуда не денешься, надо драться. Особенно пока Карл не опомнился. Принцип один и тот же: внезапность, скорость, ярость. Пока враг еще там почесывается, мы уже тут победили. Уже и укрепления строим.

И строили.

Краше прежних крепости встанут.

– Итак, мы сейчас здесь, – кончик пера уперся в точку на карте. – Теперь надобно довести дело до конца.

Иван усмехнулся.

Все было обдумано заранее, все было очень серьезно. Под руководством английских корабелов в Архангельске не только купеческие лоханки строились. Хотя назвать это лоханками?

Хорошее дерево, просушенное, все пригнано, подогнано – такие корабли долго служить будут, десятилетиями. Стоило, конечно, дорого. Алексей помнил, как ругалась Софья, заказывая то одно, то другое, а сейчас вот оценил. И слова сестрички, что потом мы этот флот с огнем искать будем, а он – будет. И что строить на века надобно. Не настолько страна богата, чтобы позволить себе говнострой.

Грубо, да правдиво.

И сейчас по Государевой дороге уже без спешки перетаскивали остальные корабли. Не пять штук, а несколько десятков. С избытком хватит.

Погрузить войска – и отправить к Нарве. Взять ее, пока шведы не опомнились. Кристиан пишет, что у них со шведами вялотекущие стычки. Датчане стоят под Мальме, шведы под Ландскруне. Карл рвется вперед, а значит, время дорого.

Удастся ли взять Нарву до подхода подкрепления?

Алексей Алексеевич не знал, но собирался проверить. Сейчас комендантом Нарвы был Герворт фон Фонкен. Что ж, посмотрим, насколько он сможет противостоять русским.

А еще…

Нотебург и Ниеншанц брали без применения динамита и кое-каких технических новинок русской промышленности. А вот Нарву… Просто так ее не возьмешь. Бастионы, толстые стены, двухтысячный гарнизон, пушки числом более сотни, причем не старья, как во взятых крепостях, а новенькие. Нарва – это вам не заштатная крепостица на краю света, это, почитай, ключ ко всей Эстляндии.

Если ее взять, да укрепиться…

Хотя больших планов Алексей Алексеевич не строил.

Ему вполне хватит куска побережья до Ревеля включительно. Ну и Дерпт. Это от Швеции. И кусок Карелии.

Хватит.

Получить, укрепить, отстоять – и жить без войн.

Раньше… ему нравились войны. До первого умирающего. Когда Алексей увидел, как разлетаются кусками разорванные тела, как плещет кровь, что делают ядра, выкашивая ряды солдат…

К чертям такую войну!

Любая война должна идти с минимумом потерь с русской стороны. А потому – отвоевать выходы к морю и успокоиться. Карлу не понравится?

К чертям того Карла!

В буквальном смысле слова! Посмотрим еще, кто ему будет наследовать, а там… война – штука сложная, на ней и убить могут.

Что касается своей смерти… Алексей знал, что может сложить голову так же легко, как и любой солдат. Но в сестру верил. Софья и Русь удержит, и Федора, коли понадобится. Никуда братец не денется, будет прыгать через веревочку как миленький. Так что за свое государство он спокоен.

– Часть войска пойдет пешком. Часть поплывет на кораблях. Думаешь, хватит нам этого полка под Нарвой?

– Думаешь, не хватит? Справимся.

Иван кивнул. Он и не сомневался, но…

Слишком уж неравны силы.

А Алексей… тот свято верил, что все получится. До осени не так далеко, и на зимние квартиры русская армия уже должна встать в Нарве и Дерпте. Остальное – в следующем году.

Сложно?

Это все для будущих поколений.

Соседи должны уяснить, что *с русскими связываться нельзя*. Никогда. Ни при каких условиях. «Русский солдат» должен стать синонимом «непобедимого воина».

Сначала – так.

А время мира положим на то, чтобы Русь стали уважать и в Европе.

– Вань, мы вернемся с победой. Я знаю.

– Да, я тоже знаю… но домой уже хочется.

– По Соне соскучился?

– Можно подумать, ты по ней не скучаешь?

Мужчинам иногда до боли не хватало третьей в их компании. Чтобы Соня встала рядом, откинула за плечо мешающую косу, покусала кончик пера и что-нибудь сказала. И все стало просто и понятно. Сестра ли, жена ли… часть души и сердца. И без нее оно втрое хуже бьется.

И писем – мало.

* * *

– Соня, как ты думаешь, я понравлюсь Алексею?

– Шанс у тебя есть. Ты миловидна. Будешь следить за собой – вдвое лучше станет, – Софья отвлеклась от мыслей об Австрии и посмотрела на Ульрику.

Ну, ничего так. Ни помады, ни белил, ни прочей вредной химии. Румянец на щеках, глаза чуть подкрашены… Сойдет.

Алексей, конечно, та еще привереда, но годика на два его хватит, а там… сделает Ульрике пару-тройку ребятишек, она и не заметит, что муж иногда налево гуляет. Здоровый левак укрепляет брак.

– Страшно мне.

– Ульрика, успокойся. Помолвку расторгать уже никто не будет, поженитесь вы в любом случае. Дальше все от тебя зависит. Ну а мы поможем, чем сможем.

– Вы другие. Совсем другие. Я такого при дворе никогда и не видывала…

Софья фыркнула про себя. Знала б ты, лапа, сколько я тут прополкой занималась, прежде чем что-то получаться начало! Одни Милославские чего стоят! Эх, недаром Гайдай дал Жоржу эту фамилию! Как в воду глядел великий режиссер.

Вслух этого Ульрике сказано не было, Соня перевела разговор на другую тему.

– Ты имя себе еще не выбрала?

Девушке были предоставлены святцы, и последнее время она

сидела, выбирала, кем ей креститься в православие.

– Выбрала. Ульяна.

– Ульяна Иоанновна. Красиво получится. Думаю, дней через десять тебя и покрестим?

– Ты все-таки хочешь, чтобы Ваня? А то, может, Федор? Он старше…

Софья пожала плечами:

– Уля, поверь, у меня есть на то причины. Иван будет в Португалии, а нам нужны тесные связи. Если тебе он крестный отец, это важно. А Федя… есть у меня мнение, что рано или поздно он себя церкви посвятит. Будет у нас еще один Патриарх из Романовых.

– А жена?

Софья пожала плечами:

– Кто знает, как сложится. Просто у меня такое предчувствие, а я им привыкла доверять.

Даже если и не посвятит – Софье откровенно не нравилось, как Федя смотрел на У Шан. Решительно. Как на икону. А там разве что из-под халата чертячьего хвоста не хватает. Ох, не к добру…

Успокоив Ульрику – девчонка должна быть свято уверена, что Софья и за нее, и для нее, и вообще ангел небесный, – Софья вернулась к своим делам.

Так, письмецо из монастыря. Место хорошее, там что хочешь наружу вытянут, перетряхнут и обратно вложат.

У Шан она раскусила правильно. Тянет соплячку к власти, тянет. И Федьку она тянуть будет. Так что роды или двое, а потом – прости, деточка. Я буду долго плакать.

Там посмотрим, что лучше. То ли яда подсыпать, то ли какое медицинское светило на роды пригласить. На них слой грязи такой, что заражения крови долго ждать не придется. Блюментроста вон год пинала, прежде чем тот приучился руки мыть да спиртом протирать. По местным меркам – революционе де профессиональ. Не бывало на Руси такого компота, как говорил один поручик.

А вот теперь – стало.

Но то Блюментрост, он умный. А скажи его европейским коллегам такую ересь?

Париками закидают!

Так что посмотрим.

Письмецо от Илоны Зриньи. Ответ уже и отписан, и отправлен. Вассалами Руси им пока становиться нельзя. И далековато, и общих границ нет. Польше тоже ссориться не стоит. Но вот присягнуть *лично Михайле Корибуту*…

Лучше для гордых венгров и не придумаешь. Конечно, потом Леопольд сильно изобидится, но так то потом, потом. А уж поберечься Михайло сумеет, не первый год замужем, да и на троне не первый… Так что отписываем еще и Марфе, чтобы берегла супруга, он ближайшие лет двадцать живой нужен. А там поглядим, на кого вассалитет перекинуть. О, великий и мудрый Ходжа Насреддин, который сказал про ишака и падишаха! Да славится имя твое во веки веков!

Отдельно письмецо.

Дон Хуан, как легко догадаться, не согласился и теперь едет на Русь грузом 400. А как его еще обозначать? Пленный и ценный. А тут его еще обрабатывать… Надо Катьке свистнуть – пусть готовится. А вот куда Машку пристраивать?

Хм-м…

А ведь идея…

Мир со Швецией заключать надо, вот и выдать ее за Карлушу? Вместо Ульрики? У того, конечно, мать – гадюка, но и Машка кому хочешь три литра яда на макушку сцедит и дальше пойдет. Софьина школа!

Попробовать протолкнуть идею?

Надо намекнуть Алексею, чтобы побольше захватил. Лучше и то, что им не надо. А потом в качестве извинений и Машкиного приданого отдал обратно.

На губах Софьи заиграла коварная улыбка.

А что?

Соседи орусячены, иначе и не скажешь. У Михайлы – русская, в Картли – русская, датчанка есть, китаянка есть, надо теперь еще шведов для полного комплекта. А там поглядим. Кровные узы – они завсегда сильные.

Вообще Софья историю помнила отвратительно. Но то, что сейчас Карлуша Одиннадцатый, а Петр воевал с Двенадцатым… Уж это-то и дети знают. Вопрос!

Что случилось с этим Карлом и долго ли он прожил?

А то ведь можно и войска ввести для помощи вдове, а там… Мирная интеграция – она завсегда полезнее. Списочки составим, кого посадим, кого потравим – и будут шведы русскими подданными. А фамилии и язык… Да они еще сами попросятся русскими стать!

Недаром же большинство национальностей отвечает на вопрос «кто?». *Кто*?

Швед, датчанин, немец…

Какой?

Русский.

Наводит на размышления, верно? Не важно, кто ты. Важно –

какой.

Обдумаем план?

* * *

– Милая, радость у нас!

– Вот как?

Марфа искренне удивилась. Какая радость вдруг случилась?

– Я письмецо получил. Фамилия Ракоци тебе ведь знакома?

– Ференц Ракоци еще мал, чтобы письма писать. Мать его Илона отписать решилась?

– Умничка ты у меня.

Михайло посмотрел на жену с искренней любовью. И красавица: после четырех родов не располнела ни на грамм, кожа по-прежнему бархатистая, волосы черные, глаза – утонуть можно, и умница. Вот с кем бы он так еще поговорил? Советника завел? Или любовницу? Нет уж, лучше гадюк завести, те, может, и не покусают.

– Решилась, да еще как. Предлагает мне личный вассалитет.

– Ох!

Понятное дело, для Марфы сие не новость, Софья еще когда отписала. Но изумление было сыграно на «отлично».

– Соглашаться будешь?

– А и соглашусь. Леопольд, конечно, взбесится, но я туда Яна потихоньку отошлю, пусть новые границы защищает.

– Там и свой герой, кажется, есть. Текели?

– Есть такой. Илона Зриньи за него замуж собирается.

– Сильная связка получится.

– Но полезная. И мы территорией прирастем, и им защита. А там видно будет. Может, и сыну моему присягу принесут. О русских они очень хорошего мнения, а ты, дорогая моя супруга…

– Постараемся их не разочаровать? К тому ж у Илоны вроде как и дети есть. И наши…

– Надобно это бы обдумать.

Муж и жена обменялись нежными улыбками. А после того как Михайло ушел, Марфа быстро набросала записочку Софье. Она не сомневалась, что у той на детей Ракоци есть свои планы. И не хотела ни сорвать их, ни перебежать сестре дорожку. Ни к чему ей такие кошмары.

Да и потом… У нее с Михайлой уже и мальчики есть, и девочки. Как сестра скажет – полезный брачный ресурс. А у Илоны двое детей. Может, поделить их? Одного ребенка на Русь, второго – им? Стерпится – слюбится, потом дети пойдут…

Политика в действии.

* * *

Царевна Софья Алексеевна в это время гостила в Университете, беседовала с Исаком Ньютоном. И рассказывала ему то, что сама помнила о генетике и наследственности. Горох с желтыми цветами, горох с зелеными цветами, цвет глаз, генетические нарушения, близкородственные скрещивания…

Исак слушал очень внимательно, даже и не думая поинтересоваться, а откуда государыня царевна такие вещи знает? Понимал уже, что отговорятся ему старой *Ивановой либереей*, легендарной библиотекой Ивана Грозного, которую никто не видел, и есть подозрения, что никто и не увидит. Уж больно удачно списывать на нее все новые знания.

Кое-что он даже записывал, размышлял, задавал вопросы. И самый простой:

– Государыня, а для чего вы это рассказываете?

– А для того, сэр Исак, чтобы в Университете было и это направление. Вы в курсе, что творится сейчас в Испании? Знаете о трагедии короля Карлоса?

Знал. Об этом только ленивый не знал.

– Я хочу, чтобы в Университете был факультет… пусть несколько человек… которые будут заниматься только этим. Есть же и такие, кто внимателен? Умен, прилежен, но не способен на полет фантазии? Есть наверняка.

Ньютон кивнул, соглашаясь. В науке без таких никак нельзя. Кто-то должен парить в вышине, а кто-то – прилежно регистрировать следы крыльев.

– И пусть ведут Книги, – Софья произнесла это так, что стало ясно – не про обычные книжки говорит. – Хочу, чтобы для каждого государства были составлены справочники. Кто на ком женился, кто с кем породнился, велись родословные, составлялись генеалогические древа… Сие возможно?

– Это каторжная и громадная работа.

– Знаю. Но если ее проделать сейчас, наши потомки смогут избежать многих ошибок.

Исак Ньютон подумал.

А потом уважительно попросил:

– Царевна, а нельзя ли еще раз объяснить про гены и хромосомы?

Софья вздохнула.

Можно. Что помнит – все объяснит. И не надо говорить про

прогрессорство. Она просто изложит материал на уровне седьмого класса средней школы, а уж как его потом применят… Ее имя даже упоминаться не будет, открытие будет принадлежать Исаку Ньютону. И точка.

Но генетика необходима.

* * *

Дон Хуан был не просто в ярости.

Убил бы! Зубами бы разорвал, загрыз заживо! Марианна, сучка…

Это был еще один из самых приличных эпитетов, коими он награждал свою родственницу. Похитители вежливо объяснили, что раз уж он не согласен уехать куда-нибудь к чертовой матери, то…

Рисковать народными волнениями и убивать его мачеха не стала. Просто заплатила, чтобы его увезли. Например, в колонии.

И везли.

То опаивая, то перегружая из сундука в сундук…

Благородный дон пробовал сопротивляться – его просто оглушили. Отказывался от еды – кормили насильно, через воронку. Грамотное похищение – оно тем и отличается от бездарного, что во втором случае можно сбежать. А в первом – лежи и не рыпайся.

При этом о его здоровье заботились. Даже конечности массировали, чтобы те не затекли, и одежду меняли, но…

Сууууука!

Впрочем, вой не вой, сделать дон Хуан не мог ничего. Так что до побережья его доставили совершенно невозбранно, погрузили на корабль – и поплыли. Ругайся не ругайся… Трюм – место такое. Приковали за ногу цепью – и хоть озверей.

Дон Хуан и зверел сколько мог. Но ему вежливо объяснили, что греха на душу ее величество брать не хочет, а потому – жить будешь.

Но ты этому не обрадуешься.

Так что он постарался с максимальной пользой провести время: придумывал новые способы казни для мачехи. Очень мешало одно. Убить хотелось парой сотен разных способов, а на деле получится лишь единожды.

Так что надо приложить фантазию.

* * *

– Ваше величество, мы настаиваем…

Людовик Четырнадцатый тяжко вздохнул. Вытер слезы.

– Оставьте меня, я в печали.

Папский легат сверкнул глазами.

– Если ничего не предпринять, турецкая зараза…

– Да-да, мы обязательно… Я должен прийти в себя. У меня умерла любимая женщина, почти жена, мать моих детей…

Легат проглотил едкие слова о черных мессах и о том, что если бы маркиза (ну очень своевременно) не умерла, королю пришлось бы ее казнить. И интересно, не его ли люди постарались?

Вслух он, конечно, такого не сказал – не идиот же. Но принялся давить как мог.

Увы, закончилось тем, что его величество вытер слезы платком и отправился к себе – меланхолить.

Это – официально.

Неофициально – общаться с турецким послом и уточнять, что входит во взаимовыгодное соглашение? Потому как ему совершенно неохота воевать с турками. А если его еще ласково попросят… да еще и подарок дадут… Например, пошлины понизят или что-нибудь еще предоставят… Как тут не воспользоваться случаем?

Леопольд ему кто?

Да никто. Даже хуже – конкурент за влияние и территории. Так что помогать ему… пусть сидит в Линце и радуется, что его величество туркам не пособляет!

Свою выгоду Людовик видел четко. Знал, что войска ему понадобятся, и не собирался класть их за веру. Нет у него оравы дураков, которую спихнуть бы и порадоваться – уехали! Кончилась эпоха Крестовых походов, кон-чи-лась.

Так что нечего! Его величество страдать изволит! Да еще как! Весь в тоске, весь в печали… Хорошо хоть, Анжелика де Скорай де Руссиль отвлекает. Глупа, конечно, как пробка, но в постели – великолепна! А для бесед и мадам де Ментенон есть. В постель ее не хочется, но вот пообщаться – приятно. Пригласить для беседы?

Да, наверное…

И скорбеть.

Читать доклады ла Рейни, отчеты о допросах – и страдать. Страдания очищают и возвышают душу, к тому же его величеству так к лицу траур…

Анжелика оценит.

* * *

Когда Ежи позвали к Гуссейну-паше, он обрадовался.

Ну наконец-то.

Надоели уже эти турки, слов нет. Да и вообще, тут, в Европе, войска собираются, а попасть на чужую войну Ежи вовсе не хотелось. Сидит он в плену – вот и ладненько. Потом на Русь поедет. Домой, к Басе.

Гуссейн-паша был любезен и обаятелен. Угостил Ежи кофе со сладостями, похвалил еще раз русского государя, который сейчас воюет, и сообщил, что гонец прибыл. Ежи хоть завтра может отправляться со своим отрядом на родину.

Да, и вот еще письма.

Две штуки. Одно – от жены, Басеньки. Второе – от государя. Если храброму воину еще что-то понадобится, пусть только намекнет.

Ежи поблагодарил и отправился к себе. Читать.

Записку от Баси он прочел быстро, зато раз десять. Мало ли что все и с ней, и с детьми в порядке! Зато как приятно читать эти строчки и касаться губами пергамента, коего касалась ее ручка!

Записку от государя – один раз. И задумался.

А потом попросил проводить его к визирю. И вместо объяснений протянул письмо.

Гуссейн-паша прочитал (словно догадываясь, что разговор примет такой оборот, государь писал по-латыни), подумал.

– Да, пожалуй, я могу это разрешить. Ваш государь прислал достаточно денег для выкупа сотни, а то и больше рабов. Так что выбирайте, и я отправлю их с вами на Русь.

Ну, была бы честь предложена. А кто нужен в Дьяково – Ежи знал. Остается выбрать и предложить людям угон в рабство к туркам заменить поездкой на Русь. Лет на пять, до отработки выкупа. Можно – с семьей.

И обрадовать своих людей. Дня через три-четыре они поедут на Русь.

Домой…

* * *

– Скотина такая! Тварь! – Когда бы грязные ругательства не сыпались с королевских уст, все было бы вполне обычно. Но сейчас Кристиан был в гневе.

Доверь идиоту!

Зигфрид фон Бибов сделал все, что мог. Он прорвался внутрь крепости и удержался бы! Но подмога не пришла вовремя, и героя просто изрубили в куски! Это ж надо – осаждали Мальме, а взять

не взяли!

И все из-за этих… г-героев!

Один инициативу вовремя не проявил, второй подкрепления не подвел – и что в итоге? Потеряно время, силы, инициатива, шведы воспрянули духом… А ведь стоило только взять Мальме – и считай, войне конец!

Не взяли.

Теперь остается только отходить к Ландскруне и закрепляться там в надежде, что удастся отстоять город. Но тут были у Кристиана кое-какие идеи, почерпнутые, кстати, из переписки с русским королем. И укрепятся, и постоят… На два фронта шведы войну вести не смогут, никак не смогут. Поэтому датчанам надо просто немножко продержаться.

– Можешь убираться, Руссенштайн! Генералом тебе больше не быть!

Кристиан в ярости швырнул в генерала свою шляпу и вышел из палатки. Холодный воздух чуть умерил ему злости.

Отобьются.

Они сильнее шведов, и позиция у них лучше, ее только правильно использовать надо. Он справится. Должен. А там и от русских весточка придет, Бог даст…

* * *

– Русские?!

Карл Одиннадцатый не принимал их всерьез, чего уж там. Давно не принимал.

– Захвачены Нотебург и Ниеншанц. Русские войска скорым маршем движутся к Нарве и Дерпту.

Рутгер фон Ашеберг смотрел с сочувствием.

– Черт!

Юный король выругался, не стесняясь полководцев. И это в такой момент! Когда вот-вот надо будет идти сражаться… Ландскруне.

Ладно! Здесь и сейчас надо разбить датчан, а уж потом идти вперед. Можно и на русских. Но не оставлять же за спиной Кристиана?

Карл задумался. Он был талантлив, этот юный король. Неглуп, серьезен… Не его вина, что его образованием занимались от случая к случаю.

Даже если здесь и сейчас он разобьет датчан – это мало что изменит. На суше они достаточно сильны, война продлится еще минимум год, а то и два. Они в любой момент могут перебросить

подкрепление в Сконе. И русские…

Воевать на два фронта он не сможет. Физически, финансово… И ресурсов нет, и аристократы… черти б их драли! Значит, надо сесть за стол переговоров.

Не хотелось?

Да еще как!

А если сначала победить, а потом уже попробовать поговорить с Кристианом? Должен ведь тот понять, они даже с его сестрой были помолвлены…

Кстати, расторжение помолвки у Карла сильных эмоций не вызвало, разве что кроме сочувствия к русскому государю. Какова там Ульрика-Элеонора в душе – еще вопрос. А вот портрет… За такое имеет смысл еще и поблагодарить русского государя.

В Карле боролись два желания.

Либо он вступает в схватку, побеждает или проигрывает – и идет на переговоры, либо сейчас посылает гонца.

Победило первое.

Все-таки Карл был еще очень молод.

* * *

Утро четырнадцатого июля тысяча шестьсот семьдесят седьмого года выдалось теплым и ясным. Полководцев это радовало – далеко видно.

Солдат…

А кого интересуют солдаты?

Две армии выстраивались под Ландскруне.

Карл делил свою армию на четыре части и собирался начать наступление.

Кристиану предложили отвести армию с холмов и сесть в засаду, однако он чуть ли не пальцем у виска повертел.

Засада?

В несколько тысяч человек?

Да помилуйте, что за бред?

Засада на то и засада, что никто ее не видит до последнего момента. Найдите же идиота, который не заметит несколько тысяч датчан?! Они протаскаются по холмам, потеряют удобную позицию…

А вот что Кристиан одобрил – так это расставить небольшие секреты на две-три пушки.

Наконец зарокотали барабаны.

Армия шведов двинулась вперед. Но датчане-то стояли на холмах! Атаковать вверх по склону – это вам не по равнине бегать. Особенно под артиллерийским огнем. Армия Кристиана палила и из пушек, и из ружей. Разброс, конечно, был велик, но практически каждая пуля и каждое ядро находили свою цель. При такой-то плотности мишеней!

Конечно, надолго бы шведов это не задержало. Сильнее смутило другое.

Сложно ли найти воду?

Да нет, колодцев везде хватает. Теперь представьте, что вы лезете на холм, который вообще-то глинистый, а тут вам – воду под ноги.

Скользко.

И лезть становится намного сложнее. А с холмов, сверху вниз, поливают пулями, бьют пиками, забрасывают камнями…

Карл в бешенстве сжал подзорную трубу.

– Отступить! В обход!

Идея тоже была неплоха: обойти холмы, на которых закрепились датчане, и атаковать со стороны долины. Авось на две стороны воевать тем будет сложнее?

Успеха идея не получила.

Теперь заговорили спрятанные заблаговременно секреты. Стреляли с обеих сторон, но в кого легче попасть? В шведов, которым, хочешь не хочешь, надо идти вперед и не кланяться пулям? В датчан, у которых было время и укрепиться, и окопаться, и щиты поставить?

Отчаявшись, Карл сам попробовал возглавить атаку. Верхом на коне, с саблей наголо… Из-за холмов ему навстречу вылетела датская кавалерия.

Едва отбился.

К четырем часам вечера шведы откатились на исходные позиции и принялись подсчитывать ущерб. Больше всего досталось ополчению, чуть ли не половина полегла. Но там и понятно: ни опыта, ни сноровки. В остальном же…

Атаковать еще и завтра? С тем же результатом?

Не было у шведов подкрепления, а вот к датчанам оно подойти могло. Карл, при всей своей взбалмошности, дураком никогда не был. А потому просчитал риски и направил посла к Кристиану.

* * *

Война – это кто кого перестреляет? Возможно.

Но! До перестрелки надобно еще дойти и закрепиться на позициях. Алексею хорошо было памятно давнее, детское. Организованные им учения для своих ребят.

УЖАС!

То люди, то телеги, то лошади, то снабжение… В походах он такого уже не допускал, урок оказался очень действенным. Обоз – важная составляющая победы. Это оружие, боеприпасы, питание да просто сухая одежда…

Сейчас войска быстрым маршем двигались к Нарве. Им предстояло с налету взять город, не размениваясь на окопы и обстрелы. Нарва – это вам не Орешек. Там и пушек поболе, и людей, и комендант куда как серьезнее. Фон Фонкен себя зарекомендовал как бравый служака и воин хороший, его голыми руками не возьмешь.

А мы и не голыми…

Динамита у Алексея хватило бы и на Нарву, и на Ревель. Еще и осталось бы. Сейчас эти несколько телег двигались в середине обоза, под тщательным присмотром «троянских коньков».

Бог даст – справятся!

* * *

Сары Сулейман-паша смотрел вслед уходящему султану. А и верно, не будет же Великий султан сидеть в той Вене? Ее захватили, теперь надобно удержать.

Тяжко?

Ну, коли турки до зимы продержатся, легче будет. Там и австрияки уйдут на зимние квартиры. Опять же, французы помогать не намерены, поляки… Там как будет, так и будет, но вроде бы они сейчас другим заняты.

А к стенам Вены идет войско под командованием Эрнста Рюдигера фон Шатермберга. Отобьются ли? Почитай, тысяч десять народу, пушек поболее сотни – Леопольд сильно перепугался…

Ну и пусть. Сары Сулейман и сам не дурак.

Отобьется.

Надобно только по округе провизии запасти да фуража побольше…

Крестьяне?

Да пес с ними, с христианскими собаками! Кого волнуют их жалкие жизнешки? Уж точно не доблестных янычар! Пусть хоть все передохнут – не жалко.

* * *

Кристиан внимательно выслушал посла.

– Мой венценосный брат предлагает переговоры?

– Да, ваше величество.

– Мне нужно подумать…

Шведский посол поклонился, стараясь по возможности сохранить достоинство. Воевать на два фронта шведы и верно не в состоянии. Договариваться – только это и остается.

Чего потребует Кристиан?

Что делать с русскими?

Хотя… договориться бы с датчанами, а уж русских собак они со своей земли вышибут, не в первый раз!

Посол не знал, что между Кристианом и Алексеем существует переписка. Не знал об их договоренностях, планах, замыслах… Общих, уже общих. Русский царь теперь Кристиану не только естественный союзник, но и родственник. Карла ждут неприятные сюрпризы…

* * *

Дон Хуан хоть и был в бешенстве, а к происходящему на палубе прислушивался чутко.

Мало ли…

И момент нападения на корабль не пропустил. Да и сложно было пропустить: стрельба из пушек и в трюме оглушала, кораблик содрогался, дон молился только об одном: выжить. С нападающими он объясниться сможет, но как же обидно будет сдохнуть подобно трюмной крысе!

Ему повезло.

Когда перестрелка прекратилась, крышка трюма поднялась, и в нее просунулась басурманская рожа. Простите – турецкая.

Это не утешило. Признаваться, кто он, – теперь равноценно гибели. Поэтому, когда дона Хуана доставили к командиру небольшой турецкой эскадры из шести галер, он назвался именем близкого друга, маркиза Мануэля Алькансара, и пообещал за себя большой выкуп.

Турок покивал, пообещал подумать, и дон Хуан сменил один трюм на другой. На галере, принадлежащей Селиму-паше. По крайней мере, к галерному веслу не приковали – и то хлеб. Откуда ж было знать, что все это – лишь часть хитроумного плана? Что на абордаж корабль, конечно, брали, но – понарошку. И лежащие в крови трупы после его перегрузки спокойно встали и пошли отмываться. И с турецким пашой была договоренность. Деньги на руки и право беспошлинной торговли на три года.

А он доставит дона Хуана туда, где от него будет польза: в Крым. А уж из Крыма его перевезут на Русь. В результате сей комбинации для дона Хуана русские окажутся спасителями и освободителями. А уж уговорить его принести пользу…

Куда он денется с Руси-матушки?

Обошелся сей план, конечно, дороже чугунного моста, но, по мнению Софьи, на такое денег жалко не было. Дружественная Испания?

Берем!

Уж больно перспективы хороши! Тут и многоходовые комбинации крутить начнешь, и заплатишь сколько надо.

Лишь бы не узнал сам подопытный, а то обидится, расстроится…

Встреча кораблей состоялась в районе Сицилии, а сейчас галеры шли в Стамбул. Оттуда уже в Крым. Не страшно, тем удобнее. Как раз дон Хуан попадет на Русь к зиме, так что до весны остаться придется…

* * *

Карл нервничал.

Кристиан тянул время, выдвигал какие-то немыслимые требования, как мог тормозил переговоры! Шведам-то нужно скоренько договориться – и бодрым маршем отправляться выкидывать русских из Эстляндии.

Ан нет!

И уйти не удастся, могут ударить в спину. И переговоры абы кому не доверишь – Карл доверял только себе.

И время, время…

Сейчас Карл бы с радостью женился – хоть завтра! Лишь бы определиться с договором. Но Кристиан выжидал неведомо чего, требовал кусок земли чуть ли не до Стокгольма, настаивал на контрибуциях, на море бесчинствовали его корабли, губя любую торговлю…

Не война, но и не мир… не пойми что!

Если бы Карл Одиннадцатый играл в шахматы, он сказал бы: патовая ситуация. А уж сколько ей длиться…

* * *

– Какой великолепный бастион! – Иван Морозов смотрел на Нарву чуть иронично. – Восхитительный просто.

Алексей это убеждение разделял. Ему Нарва тоже нравилась. Этакий цветик-шестицветик с бастионами.

– Вот его и…

Обоим очень нравился бастион под гордым названием «Королевский вал». Как бы с намеком.

– Ремонта потом будет…

– Ничего, свое отстраивать, не чужое.

– Лишь бы Карл не появился не вовремя…

– Съезди к Фонкену, предложи почетную сдачу.

Иван пожал плечами:

– Так не согласится же.

– Пусть не соглашается. Предложить мы обязаны.

Впрочем, угадал Иван до точности. Герворт фон Фонкен чувствовал себя неуязвимым за Нарвскими бастионами и пушками, а потому и ответил невежливо. Предложив глупым русским варварам убираться обратно в свои леса и болота.

Иван в ответ лаяться, конечно, не стал, не мужское это дело. Прикинул, как лучше штурмовать, и уехал обратно.

Ночь русское войско провело спокойно.

Утром принялись готовить окопы для якобы обороны от Карла, примерно в двух верстах к западу от реки Наровы. Шведы наблюдали со стен, кричали что-то оскорбительное, но русским было не до них. Пользуясь постройкой как предлогом, русские осмотрели каждый метр нарвских стен, прикинули количество пушек, местечки, где ремонтировали стены, где нет… И остановились-таки не на Королевском бастионе, а на заделанных воротах Виру. Их хоть и заложили камнями, но не так давно, и кладка там потоньше.

И ночью…

* * *

– Осторожнее, индюк неуклюжий!

– Сам гусак!

Шепот был почти неслышен, ребята голов от травы лишний раз не поднимали. Но как не обругать «ползуна» спереди, который случайно попал тебе сапогом по плечу?

Трудно.

И проползти неувиденными и неуслышанными, и протащить с собой взрывчатку. Но опыт уже есть. Это не Азов брать, сейчас-то рука набита.

Шестеро «троянских коньков» тащили три бочонка с динамитом. Скромненькие такие, но их с лихвой хватит, чтобы ворота Виру улетели на другую сторону крепости. А там уж…

Войска-то давно готовы. Они в большинстве своем днем отдыхали, проверяли оружие, а видимость бурной деятельности изображали обозники. А что? Надеть мундиры – и кто их там со стен отличит? Солдаты – не солдаты…

Найти место, облюбованное еще днем, было несложно. И найти, и бочонки положить, и на фитиль искорку высечь – со стены даже и не услышали.

Было что-то?

Али нет? Поблазнилось?

И то сказать – тревожно. Русские отступать не привыкли, а умирать шведам не хотелось. Понятное дело, дезертировать никто не собирался, но жить-то хочется, это естественно!

Алексей Алексеевич стоял вместе с остальными генералами и полковниками. Он сам в крепость не полезет, его дело не саблей махать, а полками командовать.

– Скорее бы…

Иван до боли вглядывался в темень… да разве что увидишь? Словно благоволя русским, ночь так сгустила полог, что в трех

метрах от себя разглядеть ничего не удавалось.

Только гадать можно.

Сейчас ребятам пятьсот метров до крепости.

А сейчас вот триста.

А может, они уже под стенами.

Отче наш, иже еси на небеси… помоги им, Господи, если не на тебя, то на кого и надеяться…

И все равно. Ждали не ждали, а оказалось неожиданностью.

Когда под стеной крепости встал столб огня и земли.

Когда рванул по ушам жуткий грохот.

Когда послышались слабые крики раненых…

Затрубили рога, забили барабаны – и русские бросились вперед.

И над шведской землей разнесся клич, который будет вселять ужас в сердца противника!

– За Русь! За царя! Ур-р-раа!!!

Шведы не успели ничего. Ни собраться, ни ударить из пушек, ни попытаться отразить атаку.

КАК?! Никто не ждал, не бывало такого в военном деле!

Осада ведется совершенно иначе! Копаются рвы, закладываются мины… Защитники крепости пытаются то ли взорвать подкоп, то ли засыпать… В любом случае не меньше месяца!

Не рассчитаны шведские крепости на русский динамит, который уже и доработан, и улучшен. Слишком наглым получился захват. Стену проломило так, что по получившейся насыпи можно было не только взобраться в крепость, но и спуститься…

Что русские и сделали.

Кровь потекла по улицам Нарвы в эту ночь.

Русские старались не убивать всех. Отбросить, оглушить, взять в плен… Царю не нужны лишние смерти, но иногда вспыхивали ожесточенные схватки.

Одна разгорелась у центральной башни, там, где находился комендант.

– Подлецы! Негодяи! Мерзавцы!!!

Герворт фон Фонкен был прекрасным фехтовальщиком. Один на один его живым бы не взяли, но против сети нет приема.

Набросили, сбили с ног и потащили к государю, как диковинную рыбу. А что? Комендант – личность полезная, много чего знать может… Не убивать же сразу? Пусть государь сам решает!

К утру крепость Нарва полностью перешла под контроль русских. Остатки шведского гарнизона увязывали и

переписывали, горожан не трогали, при условии, что те не лезли на улицы. Их черед еще настанет.

Потери шведов в эту ночь составили триста двадцать человек убитыми, около ста пятидесяти было ранено. Потери русских – восемь человек и двенадцать подвернутых ног: так торопились в крепость, что в ров сверзились.

* * *

Фон Фонкен был в ярости. Мягко говоря.

Плевался, вращал глазами, орал, ругался и вообще вел себя как дикий лесной человек, а вовсе даже не благородный.

Алексей и Иван посмотрели на это дело, плюнули да и пошли осматривать свои новые владения. А комендант пусть посидит, поскучает, подумает. Опять же, более пригоден для обработки будет.

Что сказать? Динамит – великая вещь! Взрывчатки, конечно, не пожалели. В дыру в стене могли пройти трое, не особо толкаясь при этом.

– Глаубер – гений, – Иван только головой покачал.

– Еще раз убеждаюсь, что лишние знания лишними не бывают. И лишние ученые тоже. Был он у себя на родине никем и ничем, а тут – расцвел! Такой талант!

– Софья, кстати, говорит, что этим веществом хорошо для разработки рудников пользоваться.

– Умница она у нас…

Мужчины переглянулись, охваченные одним и тем же теплым чувством. Умница. И – у них. В этом-то никто не сомневался.

Вместе с крепостью русским досталось больше сотни пушек, хотя половина из них и старые, большой запас ядер и пороха, неплохие оружейные склады, опять же, казна крепости…

Вполне приличная сумма.

– Местных обдирать будем?

Ваня спрашивал вполне по-деловому, в духе времени. Контрибуция – священное слово!

– Не стоит. Динамит, считай, уже окупили. На премии тоже хватит и еще останется. А грабеж… нет, нужно, чтобы они нас принимали как добрых господ, а не злых хозяев.

Ваня кивнул:

– Пусть так. Куда далее?

– Ревель и Дерпт. Ну и что там по пути будет – мелкие эти городки.

– Если они еще сопротивляться будут.

Ответом была веселая ухмылка.

– На Ревель у нас динамита хватит. А Дерпт…

– Кстати, думаю, шведы нам кого-нибудь пошлют навстречу. Что говорит разведка?

– Встретим, – беззаботно отмахнулся Алексей. – Разведка говорит, что Карл сейчас занят датчанами у Мальме или где-то в тех местах. А здесь… Делагарди?

– Да, пожалуй. Магнус?

– И его скромный такой корпус в тысячу пятьсот человек.

– Может доставить хлопоты.

– Разобьем. Разведка донесет, если он двинется вперед. А пока нам самим идти ему навстречу. Дерпт в руки не прыгнет.

– До осени мы должны освоить Остляндию.

– Не споткнуться бы…

– Да, завязнуть не хочется. Итак, три дня на отдых – и ускоренным маршем вперед.

На Ревель!

* * *

К моменту возвращения государя фон Фонкен уже достиг нужной степени промаринованности. Неизвестность – она неплохо ломает. Поди побеспокойся и о своей судьбе, и о судьбе своей семьи… Поседеешь к вечеру.

Фон Фонкен не поседел, но уважения прибавил.

Алексей с Иваном уселись напротив, прищурились. Первым взял слово боярин Морозов. А что? Государю невместно.

– Поговорим?

– Что с моей семьей?

– Да ничего. Сидят дома, под замком. Караул приставлен на тот случай, если они захотят кому навредить…

– Они?

– Комендант, – глаза Ивана были усталыми, – если ваш сын решит на кого-нибудь напасть, солдаты не будут разбираться. Просто прибьют. А потому – охрана обязательна.

– Что с нами будет?

– Отпустим за выкуп, когда договоримся с Карлом.

– Когда он придет сюда и разобьет вас?

– Вы так в этом уверены?

– И никакие дьявольские хитрости вам не помогут! Я не знаю, что вы сделали со стеной, но против армии чернокнижие бессильно!

Алексей и Иван переглянулись и звонко расхохотались.

– Чернокнижники!

– Потрясающе!

Фон Фонкен понял, что ляпнул что-то не то, и обиженно засопел. Ладно бы – испугались, отрицать начали, ругаться… Но потешаются! Что он – комедиант на ярмарке?!

– Комендант, – наконец просмеялся Иван Морозов, – вы о греческом огне слышали?

– Секрет его утерян – и давно…

– Так на Руси его не теряли. Напротив: нашли, восстановили да улучшили.

Легенда была именно такой.

Не раскрывать же истинное происхождение динамита? Ни в коем случае! Пусть ищут рецепты огня!

Фон Фонкен задумался. Кивнул.

– Понятно… И все равно – вы победили обманом!

– А лучше было бы, если бы мы предприняли штурм? Положили тысячу своих людей, тысячу ваших? Ну, ваших нам и сейчас не слишком жалко, а русских солдат и так мало. Каждый ценен, каждый важен. – Иван Морозов даже и не подумал сердиться.

Как смеялась Софья, правда всегда побеждает. Кто победил, тот и прав. А значит, они правы. Остальное – личные проблемы бывшего коменданта.

Впрочем, тот и сам понял, что глупость сморозил.

– Делагарди вас порвет в клочья!

– Попытается. Безусловно. Вы подали ему весточку?

– Еще вчера шесть голубей отправил.

Мужчины переглянулись.

– А мы сколько перехватили?

– Четырех.

– Сокольничьих выругать, чтобы запомнили. Расслабились тут, – ругнулся Алексей. – Привыкли по охотам скакать!

– Значит, – продолжил Иван, – сейчас Делагарди знает, что мы подошли к Нарве и окапываемся под ней.

Фон Фонкен помедлил, но кивнул. Чего уж теперь…

– Отлично. Пока он получит донесение о нашей победе, пока соберется, пока выступит…

– Мы можем подобрать место, где его бить.

Алексей задумался над картой.

Иван привычно принялся просматривать документы, относящиеся к хозяйству крепости, расспрашивая коменданта о бытовых вопросах. Казна, склады, гарнизон, купцы, дела крепости, что надо ремонтировать, что простоит, запасы, провизия, боеприпасы…

Комендант отвечал, понимая, что с ним сейчас еще по-хорошему. А могли и на дыбу кинуть, и ремней из спины нарезать. По-простому, по-походному.

Алексей думал над картой. И когда коменданта увели, наконец усмехнулся.

– Кажется, я нашел отличное место для встречи с Делагарди.

– Какое?

– Вот тут, неподалеку от Ревеля, есть отличная местность. Холмы, болото…

– Хочешь его туда заманить?

– Почему бы и нет? Нужна победа малой кровью – и быстро. Меня еще дома невеста ждет…

– Которую ты у Карла отбил.

– Не исключаю, что он за это будет благодарен.

– Может, ему замену предложить?

Алексей задумался.

– Катька? Или Машка? Почему нет… Надо Соне отписать.

– Я напишу.

Иван не знал о планах Софьи, иначе точно бы сказал что-нибудь про мужа и жену – одну сатану. Но надо ж пристраивать девчонок?

Надо!

Не за бояр – за королей, между прочим. А что не по великой любви – пусть еще спасибо скажут, что пристроили. При Алексее Михайловиче такое и вообразить нельзя было.

* * *

– Ванечка, ты понял. Пиши.

– Понял я все, Сонюшка. Обещаю…

Провожали царевича всем миром. Научным. Университет, то есть его зародыш, собрался в полном составе. Сэр Исак (сейчас уже, кстати, боярин, царем Алексеем Алексеевичем жалованный) не мог сдержать слез. Даже ехидный Галлей смотрел куда-то в сторону и старался слишком откровенно не шмыгать носом.

Про теток, мамок, нянек, сестер и говорить-то не стоило. Пусть не навсегда, пусть вернется, а все равно – другая страна, другой мир…

Сохранит ли мальчишка себя?

Веру, душу, преданность родине? И тех, кто поопытнее, ломали.

Софья, конечно, подстраховалась почти дюжиной людей в свите брата (знал он только о четырех), ну так ведь и играть не

против глупцов. Один Педру чего стоит!

Но выбор сделан, подарки погружены, предварительные договоренности подписаны, бояре проинструктированы, священники тоже… крестины не грех, пусть даже в католичество. Все равно Ваня останется православным, сколько бы над ним ни махали библиями католики. Вот иезуитов поберечься стоит, но и то – не веры, а интриг.

А еще как там с доном Хуаном?

Из Испании пришла весточка, что дело сделано, но когда он окажется в Крыму? И окажется ли? Доверься туркам… Но теперь уж будь что будет.

Выживет – неплохо.

Умрет? От этого ничего не изменится.

Доплывет до Крыма? Воспользуемся.

Не доплывет? Тоже воспользуемся.

Если вернется в Испанию, найдется кому ему на уши присесть, сам же восстание и поднимет.

Софья понимала, что планов должно быть несколько. Тогда, и только тогда они увенчаются успехом. Не один, так другой, не третий – так четвертый. И каждый надо быть готовой осуществлять.

Время? Силы? Нервы на подготовку?

Плевать! Зато она получит все, что нужно.

Последний раз обнять брата, еще раз напомнить про своих людей – и только пыль столбом.

Софья не заметила, что крестит ему вслед дорогу привычным благословляющим жестом. Сколько ни играй чужими жизнями, а все же любишь, привязываешься, привыкаешь заботиться, чувствуешь себя ответственной…

Как сложно принять, что твой младший братик уже вырос!

* * *

Пели рога, развевались знамена…

Султан Сулейман, наместник Аллаха на земле и Меч Ислама, уходил из Вены. Очень уж удобно получалось.

Шатермберг пока еще не подошел, был занят. Вот беда-то, вот горе, половина войска с поносом свалилась. Жестоким. А не надо абы где припасы закупать! Не просто ж так русские обещали Гуссейну-паше помощь, ой не просто. Продал купец несколько десятков мешков муки, например. Или крупы. А что там еще и посторонняя примесь имеется – да кто вычищать-перебирать будет? Сварили кашу – и жри, солдат!

Точнее и сам Гуссейн-паша не знал, но воевать с русскими не собирался. Сила – это не страшно, сильных много. Но когда к силе прилагается еще и коварство – вот в этом случае свернут в сторону даже львы. С русскими выгодно не воевать, а торговать. И он – будет.

Да, русские захватили Крым, но, правду говоря, что толку от татар? Только рабы? А в остальном – больше жрали да требовали, чем дела делали. Русские, конечно, рабами не торгуют, но – русскими! А сколько на свете других стран?

Не только на его век хватит.

Крым простить можно, тем более что купцам турецким там и почет, и уважение. Товары везут, кое-какие деньги платят, соль розовую к столу султана поставили вовремя, чего от татар в жизни добиться не удавалось… посмотрим, как дальше будет.

Но Веной русские уже часть своего долга оплатили.

Государь Алексей Алексеевич так и намекнул – мол, и взять поможем, и удержать, главное, сами не оплошайте.

Ну, удержать – дело такое, сложное. Но самых бессовестных смутьянов Гуссейн-паша здесь оставил. Пусть на австрияков поорут, авось полегчает.

Да и… раз взятое – это уже почти твое, родное и кровное. Можно и тайники устроить, и тайные ходы… много чего можно. Опять же, с Австрии уже больше рабов получили, чем с Крыма за пять лет. Нет, все не так плохо, вовсе даже хорошо.

А дома он развернется.

Уходили домой и русские.

Ежи Володыевский вез на Русь более двухсот человек разных специальностей. Ткачи, стеклодувы, краснодеревщики… всех и не перечислить. А поскольку выкупал он не только мастеров, но и членов их семей, народу набралось изрядно. Но люди соглашались.

Лучше отработать свой долг на Руси и вернуться домой, чем жить в рабстве у турок. На Руси-то, говорят, христиане живут, только странные. Справа налево крестятся, как неучи какие…

Маленькому рыцарю хотелось поскорее вернуться домой. Да, ему нравилась война. Лететь вперед на коне, побеждать, рубить врага… Но и дом манил к себе.

Жена, дети, школа, в которой он занимал почетное место наставника… Старость?

Скорее, зрелость.

* * *

Софья быстро проглядывала корреспонденцию, когда к ней постучался Федор.

– У Шан вернулась.

И чего ее в этом монастыре до зимы за ногу не привязали? – с раздражением подумала Софья. Хотя такую привяжешь…

– Ты ее встретил?

– Да.

– А от меня что надо?

– Соня, пока Алешки нет, ты ведь главная…

– Это громко сказано.

– Мы просто хотели пожениться пораньше.

Софья почувствовала себя так, словно все зубы разом заболели. Вот ведь… с-стерва. Приехать не успела, а уже за свое.

– А креститься кто будет?

– Она хоть завтра готова.

– А имя?

– Сказала, что ей имя Мария нравится.

– Нравится – пусть крестится, только лучше не Марией, а то от Маш не продохнуть. Пусть другое выберет, чтобы путаницы не было, пусть принимает нашу веру, обычаи… Федя, тут я не возражаю. А вот со свадьбой придется подождать.

– Почему?

– Какая свадьба, когда Алешка воюет? Ты что – хочешь жениться без брата?

– А какая разница? Жить-то нам? И Шан рада будет, ей без меня жизнь не в жизнь…

– Фе-дя…

Когда Софья говорила таким тоном, брат понимал, что лучше помолчать. Уши ему еще были дороги.

– Я не против вашей свадьбы, если ты без сантиментов объяснишь, почему ее выгодно устроить сейчас. Когда царь воюет, и мы все вынуждены экономить. Летом, хотя свадьбы лучше справлять осенью. Да и Алешка обрадуется, если ты его дождешься. Итак?

– Ну… Шан плачет…

– Поплачет – успокоится. Федя, ты не знаешь, что в некоторые периоды девушки в принципе крикливы и плаксивы?

Теперь смутился уже братец.

– Н-ну… знаю.

– Вот. Объясни девочке, что стоит немного потерпеть. Не за конюха замуж идет – за царевича.

– Шан боится… Она здесь совсем одна.

– И она серьезно считает, что после брака станет своей и родной? Федя, милый, это долгий и тяжелый труд.

– Она тебе не нравится?

– Если бы она мне не нравилась – я бы нашла способ расстроить вашу свадьбу. Как договорились, так и переговорили бы. Уж поверь – У Саньгуй не в том положении, чтобы от нашей помощи отказываться. Даже если я его сестру с кашей сварю и съем.

Федя невольно хихикнул:

– Ты можешь.

– Могу. А потому не провоцируйте. Свадьба – осенью, когда вернется Алешка. Федь, уж ты-то понимать должен. Проектов масса, война обходится дорого, закатывать две свадьбы – никакого бюджета не хватит. А так сольем ваши венчания в одно, хоть как-то, да сэкономим.

– Корыстная и расчетливая женщина.

Софья показала брату язык, и Федор удрал за дверь. А царевна разозленно топнула ногой. Чего боится У Шан?

Да того же самого! Сложно ли просчитать?!

Если сейчас что на войне случается с Алешкой, кто ж ее за государя замуж выдаст? Найдут кого попроще. А если она уже будет Федькиной женой… О, тут будущая государыня сможет развернуться.

Что же с ней делать?

Отравить?

Или куда-нибудь отослать?

Посмотрим… жизнь карты выложит, а Софьино дело – ими воспользоваться наилучшим образом. А пока – вызвать девчонок и прочесать поперек шерсти! Почему так плохо занимаются Федором? Он в принципе должен сейчас не думать о невесте! У него должна быть любовь, а он?!

Чем они там занимаются, косами груши околачивают?!

Увы… вместо девушек пришел Василий Голицын.

Нельзя сказать, что Софья отнеслась к нему дружелюбно, но тот уже не пугался ее злого взгляда. Понятно ж все: устала царевна что та тягловая лошадь, вот и злится.

– Что нового?

– Не знаю как сказать, государыня.

Софья смотрела молча. Узнает – объяснит.

– Понимаете, с тех пор, как вы Медведева взяли, они словно… не знаю, как объяснить. Давит как перед грозой!

Софья задумалась, потом кивнула:

– Кажется, понимаю. Что-то назревает, но что – ты сказать не можешь.

– Очень вы им не по нраву.

– Именно я? Не государь?

– Государя женить можно. Или еще что. А вы…

Софья кивнула.

И верно, иезуитам ее любить не за что. Давила и давить будет. Ни к чему нам на Руси иноземные пауки, свой бы гадюшник разогнать чуток.

– А еще я там англичанина видел.

– Какого? Кого?!

Софья резко насторожилась. И по отдельности врагам ее любить не за что, а уж объединившись…

– Не видел, скорее, слышал. Я подъезжал как раз, а он отъезжал. Из возка крикнул трогать, да по-английски.

– Вот как…

Усилим пригляд. Авось и выловим супостата.

– За новости благодарствую. Это все?

– Да, государыня.

Софья чуть усмехнулась. Василию она денег не платила, Голицыны не из бедных. А вот подарками баловала. И сейчас выложила на стол крупный изумруд, хоть в перстень, хоть в серьгу.

Василий принял его с поклоном.

Эта игра устраивала обоих. Понятно же, что шпионить благородному боярину невместно. И плату принимать от женщины – тоже. А так – подарок и подарок. А что не из дешевых – так не крестьянка ж дарит, царевна. В знак милости…

Голицын ушел, а Софья крепко задумалась.

Ну, с иезуитами там все понятно. Им и Ванечкина помолвка – что тот еж поперек шерсти, и ее действия, и то, что на Русь не пускают. А англичанам она где ноги отдавила? Что Георгу вместо англичанки русскую предложила?

Так не согласились ведь…

Или все проще?

У шведов любовь с Людовиком, у англичан – с Данией. Но и те, и другие преследуют свои интересы. На море датчане не хуже англичан, а то и получше будут. Кому выгодна война между двумя странами? Долгая, затяжная…

Да обоим, что Франции, что Англии. Второй так даже выгоднее загнать Данию по максимуму. Сейчас Вильгельма нет, Нидерланды им не конкурент, а вот датчане могут заполнить нишу.

С русской помощью Кристиан может и шведов разгромить, и в торговлю влезть… откажутся русские купцы торговать с кем-то кроме датчан – у англичан целый пласт отвалится.

Софья уже думала над этим вопросом.

А вычислить, кто за Алексеем стоит… разве это сложно? Она

бы вычислила, так что не стоит недооценивать местные спецслужбы.

Надо ждать покушения?

Она и так всегда начеку.

Справится. Должна. Ей еще так много надо сделать…

* * *

Магнус Делагарди русских всерьез не принял. Не привык.

Ну что там может быть серьезного? Пришли, постоят под стенами Нарвы, потом он подойдет со своим корпусом, разгромит – и закажет впредь являться. Хотя эти русские тупые, может сразу и не дойти…

Надо будет кого-нибудь высокопоставленного в плен взять. Например, русского царя. А что? Хорошая добыча… за такое можно и министром сделаться. Да и пожалует король много чего.

Магнус предавался мечтам целых двенадцать дней. А потом прискакал гонец.

– Не может быть!!!

Нарва была захвачена русскими. За одну ночь!

Звучало это полным бредом, но измученные глаза гонца не давали отмахнуться.

– Но там же укрепления, стены…

Магнус сам не верил своим словам.

За одну ночь?!

Даже с учетом того, что ремонт в Нарве только планировали[8], – это было невероятным.

Не такой уж там беззащитный город.

КАК?!

Гонец не мог поведать ничего вразумительного. Якобы русские заложили мину или что-то такое под стену. Но – за одну ночь?! Да что там за мина должна быть?!

Этого гонец, понятное дело, не знал.

Делагарди задумался. Мина, бомба… простите, такого не бывает. Вот во что он готов был поверить более – так это в… предательство! Точно! Наверняка у русских собак был сообщник в крепости, который и впустил их! А стену потом подорвали, чтобы никто не догадался об их подлости и трусости!

Магнус порадовался своей сообразительности.

Итак, русские взяли Нарву и теперь движутся к Дерпту? Надеются, что и там поможет предательство? Ха! Надо выкинуть негодяев из Швеции! Полторы тысячи солдат хватит? Должно хватить. Плюс пушки, плюс кавалерия…

Через два дня корпус Магнуса Делагарди выступил в поход.

* * *

Софья потянулась, отпила еще воды. Кофе хотелось по-страшному. До судорог в мышцах. И то верно – устала. Уж полночь на дворе, а она все сидит за бумагами. А как вы хотели? Мало войну выиграть, важно при этом мир не проиграть. А потому Алексей совершает подвиги на полях сражений, а она – среди писем и бумаг. Эх, как же не хватает Ванечки с его чутьем на финансовые аферы! Пусть он не знает, как это называется, но воровство нюхом чует. Скорее бы мальчишки вернулись.

Кофе?

Опять не уснешь, и сердце биться будет… это ж не суррогат из пакетиков, здесь все натуральное… Софья поборолась с собой еще пару минут и проиграла.

Звякнул колокольчик, возникла на пороге кабинета служанка.

– Чашку кофе мне принеси и перекусить чего…

Та понятливо испарилась, а Софья оглядела фронт работ.

Донесения, доносы, справки, просьбы, требования… от умных до откровенно глупых. Жалоба на дочь окольничьего Свиньина, дескать, в полнолуние на свинье летала и голыми грудями трясла, не иначе волховала, а от дочери окольничьего Суханова из-за того жених ушел. Дескать, дурна ему девка стала. Как есть парня попортили! И это Свиньина, ух, чтоб ей!

Письмо из Архангельска – скоро еще один корабль на воду спустят.

От Строганова – опять будет торговаться. Хорошо, на Урале теперь и царевичевы воспитанники есть, все не без пригляда самодурствует.

От…

– Можно, Сонюшка?

В комнату скользнула царевна Екатерина, зябко переступила ногами в шитых шелком башмачках.

– Можно, чего ж нельзя. Что случилось?

– Да вроде как все в порядке… Соня, а что с моим женихом?

Что с доном Хуаном? Скорее всего, едет.

– Думаю, к зиме тут будет. Хочешь быть испанской королевой?

Катерина вздохнула:

– Сонь, а если я другого люблю?

Софья прищурилась.

– Любишь – или если?

Царевна подумала, потупилась.

– Пока – если. Просто… старый жених-то! Старше батюшки!

Соня пожала плечами:

– И что? Твое дело от него пару детей родить, а потом пусть хоть помирает.

– Сама бы так попробовала! – с неожиданной злобой выпалила Катерина. – Легко тебе говорить, за молодым-то мужем!

– Можешь и вовсе без мужа. Машка согласится, заменить тебя несложно, на край еще и Феодосия есть. А ты сиди, пока плесенью не покроешься.

– Ты-то не покрылась, – прищурилась Катерина.

Софья равнодушно смотрела на сестру. Оправдываться здесь и сейчас было равносильно поражению, как и петь о долге перед родиной. Этот разговор часами вести можно будет. Она об одном, Катерина о втором, а в результате – пустота.

– Так то я, а то ты. Тебе уже сколько, девятнадцать? И так перестарок. Еще пару лет просидишь в тереме – и ни один мужчина не позарится.

– Тетка Анна замуж вышла. И тетка Татьяна.

– Не за царевичей. Титул мы потом даровали. И Степан теперь боярин Разин, с владениями в Крыму, и Ордин-Нащокин род хоть и древний, но если б не старый Афанасий, Анне б такого счастья не видать. И Ване Алексей думает титул князя даровать.

Софья не кривила душой. Народ хорошо запомнил, как пытался сдержать бунт старый Ордин-Нащокин и чего ему это стоило. Жизнью заплатил.

А Степан…

Тоже проблем не возникло. Молодые после свадьбы в Крыму обосновались. Не на глазах – потому и тихо, а то б бояре каждый раз копья ломали.

Кстати, и от Степана письмо есть в этой куче, прочесть надобно… Хоть проглядеть, ответ уж завтра надиктуем.

– Так и мне царевич не надобен.

Нет, это точно неспроста.

– Катька, не крути хвостом. Кто?

– Да нет пока никого!

Врала откровенно топорно. Сейчас ее расколоть или потом задание девочкам дать? Но ведь не докладывали ни о ком… значит, кто-то из своих. Стрельцы, бояре, стольники, у кого есть доступ во дворец… Кто решил таким образом с царской семьей породниться? Интересно-то как…

Ладно, сейчас, в первом часу ночи, Софья точно ее допросить не сможет. Завтра – дело другое.

– С чего ты сегодня поговорить решила?

– А коли завтра уже поздно будет? Я ж не знаю… Сонюшка, ну не выдавай меня за этого старого дона замуж! Ну миленькая!

– А что в том плохого? Королевой станешь!

– Я за любимого замуж хочу! Не абы за кого! Ты-то вот за Ваньку замуж вышла!

– От Вани пользы больше, чем от трех королей.

– Вдруг и от моего мужа тоже будет?!

– Ты его сначала найди, а потом говори.

– Можно подумать, ты согласишься! Ты же всех под свою гребенку ровняешь!

– И кому от этого хуже? Мальчишки женятся, Евдокия замуж вышла, Марфа… думаешь, будь батюшка жив, ты смогла бы из терема выйти? Да никогда! Так и засохла бы бездетной!

– И все равно – несправедливо.

– Катя, я делаю больше вас всех, вместе взятых. Потому мне и привилегий больше. Нравится тебе это, не нравится – я полезнее дома. А ты будешь полезнее в Испании.

– Сонь, ну не хочу я за старика!

– Пока на него ни одна любовница не пожаловалась. И вообще – вопрос не в возрасте, а в умении.

– А я не хочу! Не выйду я за него! Не выйду! Машку предложи! Вот!

Царевна топнула ножкой, подчеркивая серьезность своих слов. Софья смотрела вполне равнодушно. Тоже мне… гордая и непреклонная нашлась.

– Кать, а за кого соберешься? Не маленькая, понимать должна, что коли мы младшую сестру предлагаем, старшая должна быть уже сговорена. Или в монастырь захотелось?

– Скажи, что я сговорена! Что такого?!

– Врать неохота.

– Да ты всегда врешь!

– И где я тебе соврала?

– Не мне! Но…

– А на чужие сплетни нечего и оглядываться, – отбрила Софья.

Оххх, а вот и ОН! Кофе!

Небольшой кофейник, маленькие чашечки из прозрачного фарфора – две штуки, на обеих царевен, рядом на отдельном блюдце сахар, молоко в молочнике, на подносике – несколько булочек, которые так одуряюще пахнут сдобой, ванилью и миндальным орехом, что рот сам слюной наполнился.

И видимо, не только у Софьи. И слова сказать не успела, не то что остановить. А служанка, как назло, поставила поднос ближе к сестре…

Катерина потянулась к кофейнику.

– Можно?

– Разумеется.

Софья искренне рассчитывала, что когда в дело пойдет желудочный сок, голова начнет работать лучше. И у сестры тоже. Да и выспросить у нее, кто это там такой активный, тоже надобно. А за кофейком, да с плюшками…

Катерина тем временем коснулась губами чашки, а потом протянула руку за сдобой и впилась зубами в булочку.

– Вкус… но…

И вдруг схватилась за горло, оседая на пол, разинула рот, словно пытаясь не то закричать, не то вдохнуть, но ничего, ничего не получалось. Софья вскрикнула, отшатнулась на миг, потом бросилась к сестре, упала рядом на колени и замерла в растерянности. Не была Софья реаниматологом, даже не предполагала, что в таких случаях делать. Кричать? Даже и на то воздуха не хватило, словно весь он в единый миг сгустился в легких, оборачиваясь густой стеклянной массой.

Катерина корчилась на полу.

Софья слишком хорошо знала эти признаки.

Видела, как бледнеет лицо, как уходит жизнь из глубоких синих глаз, как запрокидывается девичья головка и медленно падает на пол из разжавшихся пальцев изящная чашечка.

И только когда раздался звон осколков, Софья закричала.

Бросилась к сестре, коснулась шеи, нащупывая дыхание, поднесла к ее губам полированный нож для разрезания писем – все напрасно.

Что бы ни добавили в кофе – действовало оно практически мгновенно.

– Государыня!!!

На крик вбежала служанка и замерла. Примчались стражники…

Софья усилием воли взяла себя в руки. Она оплачет свою сестру. Потом, все потом.

Сначала она прольет кровь убийц на ее могилу.

* * *

Расследование затянулось до утра. Прибыл Ромодановский, но и без него Софья справлялась. Начали со служанки. Но та-то явно была невиновна. Подсыпь она яд в кофе – уже убегала бы за тридевять земель от дворца. Виновна там, невиновна, а кого первого трясти будут?

Девчонка держалась стойко даже под взглядом Ромодановского. Твердила, что просто пришла на кухню и дождалась кофе. А, да. Еще немного полюбезничала с поваром. Но кому ж с того плохо?

И хоть каленым железом ее жгите!

Расследование переместилось на кухню. И вот там обнаружилось нечто интересное. Кофе-то был безвреден. А вот булочки – с добавкой. Цианидом. А что? Крупинки и крупинки, посыпали ими и посыпали, еще и размололи специально, главное, что на сахар похоже…

Тут Софья сама подставилась. Сахар на Руси был продуктом весьма ценным и дорогостоящим, обычно его заменяли медом, но она пару раз позволила себе плюшки и пончики с сахарной пудрой. Ну и… понравилось. Что Ване, что Алешке…

Пристрастились, герои. Она и сама иногда, вот как сейчас… почувствовала бы она? Или нет?

Цианид действует почти мгновенно, запах легко списать на орехи, которыми усыпана булочка, к тому же ночь, она устала, запах кофе сильный, перебивает все остальные…

Могла сейчас и она лежать рядом с Катериной. Точнее – просто она. Лежать.

Но – кто?!

У Шан?

Не успела вернуться – и уже? Софья посмаковала эту версию и откинула в сторону как бредовую. Как бы она так исхитрилась? Невозможно! Тут союзники нужны…

А еще куда-то делся повар. Один из. Младший.

Виноват – или его просто подставил истинный виновник? В любом случае Софью волновал заказчик, а не исполнитель. Вот заказчик – да, когда она до него доберется, эта мразь кровью заплачет. А она – дура!

Расслабилась!

Ох рано.

Видимо, долгоиграющим ядом ее травить не решились, понимали, что и она распознать сумеет, и яд может не подействовать… А цианид – это да. Это сейчас он неизвестный и заморский…

Кстати, а ведь след.

Ромодановский получил описание яда. На Руси им не баловались, тут больше природные токсины в ходу, например, бледные поганки. Тоже крепкая вещь! Хоть и не цианид, а потом не откачаешь.

Задумано отлично. За полночь засиживается из царской семьи она одна, периодически пьет кофе – и да! Любит плюшки!

Какое счастье, что сюда не пришла еще индустрия скелет-моделей! Здесь-то считают, что лучше качаться на волнах любви, чем биться о кости. Потому она себе иногда и позволяет мелкие ночные радости-сладости, потому и повара знают, что можно прислать что-нибудь вкусненькое…

А если бы Лешка не уехал и они полуночничали вместе?

Или с Ванечкой?

Руки сжались в кулаки.

Она найдет того, кто задумал покушение. И травить его будет не цианидом. Катерину жалко до слез. И сестра, и умничка, и…

Софья вспомнила, как мать просила ее беречь младших. Перед смертью просила…

Не справилась. Пусть в одном случае, а не во всех, но – не справилась! Остается только принять к сведению, ввести должность дегустатора и отомстить за Катьку.

Да так, чтобы потом все с опаской перешептывались и оглядывались. Про́клятая царевна, говорите?

Будет вам проклятье!

Фараоны позавидуют!

Кстати, а кто Катеньке голову морочил? Надо бы разобраться, а то еще есть Марья, есть Феодосия, да и Любава вон мелкую воспитывает… И не связаны ли эти две вещи друг с другом? Скажем, Софью травят, под шумок Катерина выходит замуж за кого пожелает, а там и до трона недалеко?

А ведь этот расклад вполне возможен, особенно пока Алексей на войне! Вот Ромодановский допросит всю челядь, а потом будем думать. Вместе с ним думать. Умный же мужик, ему бы в роли Шерлока Холмса цены не было. Не кровь ему подавай, а дело и только дело. Справится. Найдет злоумышленника и на части порвет.

Софья вздохнула.

Поспать?

Куда там спать! Сейчас мелким надо объяснять, что случилось, потом о похоронах распоряжаться… Хотя нет. Последнее свалим на Аввакума, чтобы без дела не ходил, а сама…

Взять, что ли, Машку за косу и обыскать Катины покои?

Вдруг что интересное найдется?

* * *

Дон Хуан потерял представление о времени. В трюме не было ни солнца, ни звезд – ничего, кроме поганого ведра и цепей на

стене. Время словно остановилось.

Молиться?

Хоть и верил Хуан в Бога, как всякий испанец, но молиться предпочитал со шпагой в руках. Такая молитва Богом лучше услышана будет. А потому оставалась ненависть. И – планы мести.

Ненавидел дон свою мачеху. А вот месть… Она будет. И будет сладка. Марианна пошла на это ради власти? Тогда он отберет то, что она ценит больше всего.

Корону и власть.

Пусть официально правит Карл. Но…

Врать ли себе?

При виде сводного брата, непропорционального, уродливого, с большой головой и вытянутым телом, первое, что думалось, – дурная кровь. Только вот – чья? Не отца же…

Марианны. Ее, гадюки…

Еще бы она не боялась! Случись что с Карлом – и дон Хуан имеет все права на корону! Он и его дети. А детей-то нету… Почему, почему он до сих пор не женился?

То родину защищал, то по морям шатался… нет бы жениться и детей завести! Троих или четверых? Пока отец был жив, никто б и слова дурного не сказал. Он хоть и бастард, да признанный! Но все что-то доказывал – кому?!

Если вырвется на свободу – обязательно женится! И детей сделает! Штук пять!

* * *

Когда поздно ночью в Софьину спальню поскреблась одна из доверенных девушек, царевна не разозлилась. Сама их учила, не за страх, а за совесть, так что по пустяку не побеспокоят. А серьезное что…

– Что случилось?

Выслушала доклад и принялась одеваться. Переплела косу, накинула серебром шитый летник и выскочила из опочивальни, спеша туда, где ее помощь нужна была.

К царевне Феодосии.

С первого взгляда стало понятно, что не напрасно ее позвали, ой не напрасно. Феодосия была в истерике. Правда, по полу не каталась, косу не рвала, но сидела ровно каменная. Только слезы текли и текли. А сесть рядом, обнять, утешить, никто и не решился. Не по чину. Царевна ж!

Хорошо хоть услышали да за Софьей сбегали.

Она вздохнула. Присела на кровать рядом с сестренкой, обняла, погладила по худым лопаткам, выступающим под тонкой тканью ночной рубашки.

– Тише, Федосьюшка, тише, маленькая моя, все будет хорошо, все пройдет, боль уйдет…

Софья шептала что-то ласковое, как некогда ей тетка Анна, и с горечью думала, что даже этого толком не умеет! Не дано! Интриги плести, в бумагах разбираться, людьми командовать – да, тут она может. А сестренке-то сейчас не команды, ей просто материнская ласка нужна.

Ох, матушка…

Что ж ты наделала в попытке привязать к себе отца? Была б ты жива, и не рыдала бы сестрица сейчас так отчаянно, словно у нее душа разрывается.

Не меньше часа прошло, прежде чем стихли последние, сухие уже всхлипы. Софья принялась ласково расспрашивать сестренку.

А оказалось все просто.

Феодосия винила себя в смерти Катерины. А то как же? Это ведь они с Машей соглашались во всем со старшей сестрицей, они накрутили себя до небес, они подбили ее идти к Софье, а там уж…

Софья только головой покачала. Вот как объяснить малышке, что нет тут ее вины? Ребенок ведь еще! Пусть в этом возрасте на Руси уже женят, а все равно ведь малявка![9] Тут ведь не годами измеряется, нет. Тут опыт важен, характер, опять же, сколько человек в жизни пережил. А Федоська что пережила?

Смерть родителей?

Так матушку она, почитай, толком и не помнит, а отца не знает. Пожалуй, Софья еще и поболее младшими занималась, чем родители.

Еще-то что?

А ничего больше. Тепличное во многом растение, теремная девушка, да и характер у нее отцовский. Мягкий, трепетный. Машка вот – та другая. Та в дедов-прадедов пошла, не согнешь! Феодосия – словно игрушка плюшевая, всяк ей голову оторвет. Недаром же Феодосия ревет сейчас у нее на плечае, а Машка спит, сопя в две дырочки. Может, и поплачет когда, только никто о том не узнает. Кремень-девка выросла, в отличие от младшенькой.

Софья утешала сестренку, а сама с горечью думала, что ее в расклады включать нельзя. Найти ей хорошего мужа, чтобы прожила малявка жизнь словно за каменной стеной и не заморачивалась сложными вопросами правления и престолонаследия. Чтобы не травил ее никто и не гонял…

Надо.

Недаром она матери обещала о маленьких позаботиться. Катеньку не уберегла, так хоть этой жизнь не поломать. Вот что ей стоило больше внимания девочкам уделять? Тогда бы и подлец Полоцкий к ним в души не пролез, и Катя жива была бы… правда, тогда Софья сейчас лежала бы в гробу, а что творилось бы в Москве?

Она передернулась от представившейся картины.

А кто возьмет власть, если ее здесь не будет?

Федя?

Нет, не способен.

Даже не так. Взять власть он способен, а вот вернуть ее брату – нет. И не допустить розни в семье – тоже. Неглупый, добрый, хороший… но слишком им легко вертеть будут. И настрополят, и науськают, и все, что они с Алешей и Ванечкой уже сделали, по бревнышку размечут.

За У Шан следить буду. Она у меня лишний раз головой не поведет. И за Федором тоже. Чтобы рядом с Москвой его не было.

Вот ведь… Сестру утешаю, а сама о чем думаю? Чудовище, как есть чудовище. Только и выбора нет. Если не я, то кто-то другой подумает. И не так, как я, – сначала о государстве, а потом о себе, а наоборот. Сначала о своем кармане помыслят, потом о государстве, да еще свою шерсть с государственной перепутают, не задумаются. Так что лучше я. Для меня-то многое виднее, с моим опытом…

А кто останется после меня?

Детей надо воспитывать с рождения. И смену себе заранее приглядывать. Обязательно. В сопливом возрасте начинать, пока малышня поперек лавки лежит. И начну. Второй раз ошибок не повторю и Алешке их совершить не дам.

Господи, помоги мне!

* * *

Москва погрузилась в траур. Добрую царевну Екатерину любили. Вся семья Романовых шла за гробом. Плакали, чуть ли не волосы на себе рвали. Ульрика не знала, как быть, идти или ограничиться соболезнованиями, но Софья лично явилась к ней с траурным платьем в руках.

– Ты часть нашей семьи, ты должна.

Лучших слов девушка давно не слышала. Она уже поняла, что для Софьи долг – главная движущая сила. Долг перед семьей, страной… И если она признала Ульрику частью семьи – о, это

дорогого стоит!

– Да, разумеется. Но кто мог…

– Пока неизвестно.

Софья чуть кривила душой.

Да, отравителя еще не нашли. Но про возлюбленного Катерины уже узнали. Князь Петр Григорьевич Львов, изволите ли жаловать. Ничего не скажешь, симпатичный, лет тридцати, неглупый, иначе не взят был бы сначала стряпчим, а потом и стольником, но…

Чего гаду не хватало?!

Власти? Денег?

Голицыну позавидовал?

Сейчас с этим вопросом подробно так разбирался Ромодановский.

Вдумчиво…

Начав с иголок под ногти на ногах и неспешно продвигаясь выше по организму. Так, чтобы клочка целой шкуры не осталось.

Жалела ли Софья мужчину? Да ни минуты! Не лез бы куда не надо – и остался бы цел. А Катя – жива. Если бы она не нервничала, если бы не пришла к сестре… Софья ненавидела это «если». Слишком плохая замена тем, кого не спасли.

Плакали все.

И бояре, и простой народ, и царевны…

Единственный плюс, который Софья нашла в этой истории, – отложенная свадьба с У Шан. Теперь точно никаких поползновений до осени.

Алексею она лично сообщит о своей оплошности. Найдет негодяев – и сообщит. Казнить их сама тоже не будет.

Агентура по Москве зашевелилась, выползали из своих канав воры, прислушивались на папертях нищие, навострили ушки купцы… Софья готова была наградить любого, кто прольет свет на смерть сестры.

Через два дня после похорон разрешилась и эта тайна.

* * *

– Государыня, у меня новости есть. О вашей сестре.

Была бы Софья кошкой – у нее бы хвост дыбом встал от такой новости. Но…

– Какие?

Василий Голицын был бледен и взволнован. Насколько могла судить Софья – непритворно.

– Мне кажется, к этому приложил руку английский посол.

– Вот как? Почему?

– Я недавно был в Немецкой слободе…

Софья поощрила его кивком. Ну, Немецкая слобода, знаем, плавали. Боярин туда регулярно являлся с отчетом. И Медведев бегал… Пока еще было чем. Софья подозревала, что и Голицына уже раскрыли, пора уводить из-под удара, но пока медлила. Не сказать, что она хорошо организовала работу с агентурой, но за ней-то – опыт двадцатого века с его промышленным шпионажем и наработками, а за соперниками… Ну, их опыту на три века меньше.

– И есть у меня там одна девушка…

– Только одна? Василий, разве можно так обижать девушек? – мягко поддразнила Софья. А что делать, если этот поганец на баб действует, как валерьянка на кошек? Ее девушки – и те ведутся. Пусть не все, но многие.

Улыбка была ответом царевне.

– Вы ведь хотели Катеньку с Георгом сговорить…

– Та-ак?

– Вот девушка о том и обмолвилась.

Софья насторожила ушки. Она-то хотела, но откуда девица из Немецкой слободы так осведомлена о ее политике? Кристиан перед ней точно не отчитывался, здесь тоже узнать неоткуда. Вывод?.. Кто-то об этом говорил. И недавно, иначе бы стерлось в памяти, заслонилось.

– И?

– Она убирается в домике одного англичанина. А тот служит Московской компании.

Вот теперь Софье и зашипеть захотелось.

Вот откуда ноги растут?

Вырвем! С корнем!

Что такое Московская компания? Ну, если политкорректно – зародыш колониальной торговли. Если честно – наглая английская обдираловка русских купцов. Это дело постарался прикрыть еще Алексей Михайлович, когда в Англии Карла обезглавили. И неплохо так прикрыл, остаточки хоть англичанам и попадали, но по сравнению с тем, что было, – капля в море.

Потом уже, когда на престол взошел второй Карлуша, приезжал лорд Карлейл, пытался наладить отношения. Естественно, получил отлуп и разобиделся. Да настолько, что от пристального изучения Сибири его спас только добрый характер Алексея Михайловича. Тоже выдумал, ответные подарки возвращать и нос перед царем драть… Быдло английское. Хоть и лорд, а быдло. Ну и не до него просто было. Шестьдесят третий год. Только что Медный бунт отгремел, тут финансовую систему

тянуть надо, а не на идиотов обижаться…

А она не помнит – почему?

Хотя странный вопрос. Ее тогда интересовали Алешка и Дьяково. Или наоборот – Дьяково и Алешка.

А Московскую компанию она зря из вида упустила, додавить надо бы…

– Подробности?

– Да почти нет. Только поговаривают, что у представителя сей компании в гостях недавно интересный человек побывал.

– И кто же?

Улыбка у Василия была такая… как у кота, который сожрал все сливки, поимел всех кошек и твердо знает, что его за это похвалят.

– Некто Эдвард Говард, скромный английский купец.

– Говард?

– Государыня, вы, может, не в курсе, но Карлейлы-то – Говарды. И наследника Карлейла так и зовут. Эдвард Говард…

Софья посмотрела на Голицына.

– Василий… если это правда… слов нет!

– А вы проверьте, государыня. – Наглец ухмылялся, но Софья не злилась. За такое – не жалко.

Доказать, конечно, ничего не удастся, тут и говорить не о чем. Но… картинка-то получается непротиворечивая! Англы, узнав о матримониальных планах Софьи, начинают сильно обижаться. У них самих две девицы на выданье. К тому же на Русь ни одна не сгодилась. А хотелось, ой как хотелось. Это в той истории.

Московская компания жива лишь потому, что на нее не обращают внимания, Алексей Алексеевич успешно воюет уже третью войну, его сестра крепко держит в руках вожжи… а отрави ее сейчас?

Софья представила, что ее нет.

Кто возьмет все в свои руки?

Федька, и к гадалке не ходи. А У Шан…

Софья быстро черканула пару строчек Ромодановскому. Срочно проверить все Федькино окружение. Если откуда и могла стечь информация о сестре, о ее делах, привычках, вкусах – то от него. Девчонки в изоляции, Ванька уехал, Любава тоже с кем попало откровенничать не будет, к тетушкам не подберешься, свекровь вообще не вариант. Сам того не желая, брат мог что-то и сболтнуть… Аввакум постоянно пеняет, что Федька зла в людях не видит…

Дохлопался ушами… б-братец!

В злой умысел или желание Федора свет Алексеевича сесть

на трон Софья и на минуту не поверила. Глупости. Ему этот трон как ежику эпилятор – даром сто лет не сдался. Парень и помыслить не может, чтобы брата предать. А с другой стороны – он не может, так кто еще найдется? Идеалисты опасны. Брата Федя не предаст, а вот для блага родины или семьи много чего сделать может. Это как бомба с часовым механизмом – никогда не знаешь, где рванет.

Софья медленно сняла дорогое кольцо с рубином, протянула Голицыну.

– Если правдой окажется… клянусь – не забуду.

– Вы меня и так своими милостями не забываете, государыня.

– А все же милости много не бывает. Так что подумай – чего желаешь?

– Подумаю, – Васька ухмылялся. – Позволите идти?

– К Ромодановскому зайди, записку ему передай да все, что мне обсказал, – ему расскажи подробно.

Улыбка померкла.

И почему Федора Ромодановского так не любят? Милейшей же души человек! Ему только кота Матроскина не хватает, и будет вылитый дядя Федор!

– Слушаюсь, государыня.

Софья кивнула, лихорадочно набрасывая план.

Англичане?

Ну… что сказать? Не первый раз островитяне пытаются вершить континентальную политику, ой не первый. Но по рукам получат в первый. Если это они – с корнем все грабушки повырывает! Им сильная Русь невыгодна, они ее давили и давить будут, но раньше ответить было некому. А сейчас – есть. И ответ будет страшным, в духе этого века. К черту гуманизм! Поднявшему меч… она его вот туда и вколотит!

По листу пергамента побежала первая строка. Черная, тяжелая, как мысли самой царевны.

Карлейлы?

Вся семья и весь род. Жалости Софья испытывать не собиралась. Надо хорошо вколотить в головы всех нерусских простую истину. Поднявший руку на русского обязан умереть. Быстро и мучительно. А коли это член царской семьи… ладно. Медленно и мучительно.

А то навострились… нет уж. Вы мне еще за Елену Глинскую ответите, за Ивана Грозного с его детьми, за Смуту, а уж про некоего Артура Ди, который крутился возле деда, вообще помолчим. Софья не исключала, что если бы Алешка не оказался в Дьяково, и его бы отравили. Да и у Матвеева жена была англичанкой… не многовато ли совпадений?

Впрочем, отвечать любезностью на любезность и травить Карла или Якова Софья не собиралась. Сами подохнут. Еще и страну до ручки доведут…

О нет.

Получат от всей широкой русской души исполнители – это первое. Идеолог – наверняка не Карл, у того мозгов что у жеребца. И – торговля. Самое нежное, уязвимое и чувствительное место англичан – их кошелек. Вот туда и будем бить. Жестоко. И ногами.

Надо написать проект письма в Португалию – это первое. И… дон Хуан… вы попали! Черта с два вы теперь вырветесь из цепких женских лапок. Кристиан же пусть женит Георга на англичанке, такого короля Англии в самый раз подсунуть. Тряпка и есть.

А мы…

А нам пора запустить в Англию оружие массового поражения.

Миледи Винтер.

* * *

Этот проект Софья готовила уже пять лет. В Дьяково, в строгом секрете, среди своих девушек. Туда и отправилась. Уселась в кресло в своем кабинете, вздохнула мечтательно… Как же хорошо! Вернуться бы в те дни до смерти отца, в тишину и спокойствие, когда самым страшным вопросом было, где взять денег на свои авантюры.

Но не вернешь, ничего не вернешь…

– Вызовите Марию.

Долго ждать не пришлось.

Девушка, которая вошла в кабинет, была… нет, не просто красива. Нечто воздушное, хрупкое и нереальное. Громадные голубые глаза, длиннющие, до пояса, платиновые волосы, белоснежная кожа, тонкие черты лица… и при этом – абсолютное отсутствие моральных принципов. Девушка из сточной канавы во всей своей красе.

Там Машка и родилась, и воспитывалась аж до восьми лет. Потом мать убили, и малявка оказалась перед сложным выбором: продавать себя или воровать. Попробовала воровать, получилось, но плохо. Продавать себя не пробовала, видела результат, жить хотелось. А однажды ее заприметила Софья. Просто шла к заутрене вместе с царевичами – и наткнулась на недетский взгляд голубых глаз. Очень недетский. В сточной канаве рано взрослеют.

Она забрала девчонку, привезла в Дьяково, отмыла и учила вот уже шесть лет. За что и получила горячую благодарность

подзаборницы. А еще… У Машки обнаружились авантюрный характер, полное неуважение авторитетов и стремление к власти. Грех не воспользоваться.

– Государыня?..

Голубые глаза смотрели серьезно и внимательно. Софья кивнула на кресло напротив.

– Располагайся, разговор будет… неприятный.

– Честное слово, это не я, – тут же отперлась нахалка.

– Честное слово – не о том, – передразнила Софья. И получила в ответ дерзкую улыбку.

– А о чем тогда?

– О твоем будущем.

– Слушаю внимательно.

– Очень внимательно, Маша. Сейчас тебе придется выбирать. Или ты остаешься на Руси и рано или поздно мы найдем тебе хорошего мужа… Нет?

Судя по сморщенному носу – точно нет.

– Зато это тихая и спокойная жизнь. Тебе не придется рисковать, спать с разными мужчинами, опасаться яда…

– Уже интересно.

– Нахалка малолетняя, – проворчала Софья, отлично зная, что девчонка не обидится. – Есть второй вариант. Можешь поехать в Англию.

– А там меня кто ждет?

– Английский король.

– Старина Роули?

– Наводила справки?

– Уж это-то нам рассказывают, – обиделась девчонка. – А делать что надо?

– Там сейчас Карл. Потом будет Яков. Твоя задача – крутить ими обоими так, чтобы они чихнуть лишний раз не смели. Понадобится – спать с обоими. Нет – морочить головы. Но чтоб оба тебя обожали до позеленения.

– Задачка не из легких.

– А легкую тебе предлагать и не стоит. Оскорбительно.

Довольная улыбка была ответом Софье.

– Ты – первая среди сверстниц. У тебя лучше всего развито логическое мышление, ты умна, опасна, знаешь языки и не склонна к тихой жизни. Потому я и говорю с тобой. Твоей задачей будет сделать так, чтобы все деньги из английской казны уходили только на тебя. Не на армии, флот, колонии, войны и прочие глупости. На твои прихоти, твои наряды, твои украшения, твои развлечения… А фантазия у тебя богатая, я знаю. Ты много чего придумаешь. Можно должности продавать, можно праздники

устраивать, можно что-то бесполезное строить вроде Версаля.

В голубых глазах загорелся хищный огонек. Клюнула девочка.

– Я не стану тебя просить шпионить. На то будут другие люди, уж поверь. Ты просто должна размотать на мертвые и ненужные проекты всю английскую казну. Чем дольше – тем лучше. Ясно?

– Более чем. С этим я справлюсь.

– Самоуверенность – не порок, но большое свинство.

– А не свинство сидеть на своем островке, который ногтем накрыть можно, и ко всем лезть с указаниями?

– Хм-м… вот и займи короля, чтобы не лез. Ага?

– Будет исполнено, государыня.

– Легенду тебе подготовят. А пока… привыкай к новому имени. Отныне ты Анна Мария де Бейль, миледи Винтер.

– Леди Зима?

– Снегурочка. Скажешь, тебе не идет?

– Привыкну, государыня.

– Практикуйся в английском и французском. Легенда будет примерно такой: ты из Нидерландов, протестантка, дворянка, отец был французом… ну, это ты потом все прочитаешь и выучишь. Карл очень падок на красивых женщин, вот и постарайся, чтобы он не просто обратил на тебя внимание, но и прикипел.

– Я девушка?

– По-моему, до сих пор – да?

– Да.

– Вот и отлично. Умничка, что не размотала себя на кого попало. Девственность – тоже товар. Найдем мы тебе престарелую тетушку, которая вывезет тебя ко двору. И начинай рыдать по погибшим от рук подлых французов или там испанцев, и конкретно коварного Людовика родителям.

Из глаз Марии выкатились две слезинки. Скользнули по мраморным щечкам, потом еще две… и хоть бы нос покраснел! Нет! Рыдала бывшая беспризорница так, что хоть сейчас на большой экран! Красиво, элегантно, изящно… Станиславский сам бы рыдал с ней в обнимку от счастья.

– Ну и последний пряничек. Задание продлится ровно столько, сколько ты сама пожелаешь. Потом вернешься на Русь с другим именем и другой историей жизни. Полагаю, боярыня Мария – это звучит.

– А если не захочу возвращаться?

– Значит, и там поможем. Русские своих не бросают. Романовы – тоже.

И в голубых глазах медленно зажигаются огоньки глубокой

признательности.

Своих…

Этими словами царевна причисляет девчонку к своим людям. А что это значит для бывшей девчонки из канавы… да все! Спокойствие, защищенность, уверенность в будущем. За такое и душу продать не страшно.

Держись, Англия! На свет появилась миледи Винтер – и в этот раз шкуркой Бэкингема тебе не отделаться!

* * *

Роковая для Магнуса Делагарди встреча двух войск произошла на равнине, недалеко от Везенберга. Алексей Алексеевич двигался в сторону Ревеля, так что два войска столкнулись у озера Сурро.

Везенберг сдался без боя – оно и понятно, там населения-то не намного больше, чем войска у русского царя. Так что задерживаться Алексей там не стал.

А вот разведчиков вперед выслал.

Те и донесли, что Магнус с войском уже в пяти днях… трех днях…

Грех было не приготовиться к встрече.

Алексей так и поступил – на свой лад. Два войска «столкнулись на марше», якобы обнаружив друг друга примерно за день пути. И – остановились. Алексей Алексеевич у озера, Магнус – наготове, собираясь напасть.

Логично было бы русскому государю пойти вперед. Но… зачем?

У озера Алексей Алексеевич уже устроился, оборудовал пару «сюрпризов» и покидать выгодную позицию не собирался. Магнусу его надо выгнать?

Милости просим!

А мы подождем, посмотрим…

Или лучше спровоцировать?

Провоцировать Магнуса не понадобилось. Фаворит давно ощущал тревожные покачивания мягкого креслица, и сейчас, когда у него появился такой шанс отличиться, попер в засаду что тот кабан через камыши. То есть сначала-то он прислал гонца…

С предложением сдаться.

Достаточно наглым, с точки зрения Алексея и Ивана. Они тут более чем с десятитысячным войском, с орудиями, уже сколько захватили, сколько отбили, а им, как каким соплякам, предлагают сдаваться? Так и быть, обещают обращаться со всем уважением и вернуть за выкуп?

Хамство какое!

С другой стороны… ну хамство. Но – спровоцированное. Просто Алексей Алексеевич позаботился с помощью своей разведки, чтобы до Магнуса дошла нужная информация. Что у русского государя намного меньше войск, чем в реальности. Раз так в десять.

И получилось ведь!

Правда, пришлось разделить войско и самому выступить в качестве приманки, но овчинка стоила выделки. Магнус видел самое простое. У него больше пушек, больше людей, больше кавалерии – надо бить! Ну и побьем!

Пришлось ответить на ультиматум… невежливо.

До высокого искусства, с которым запорожцы составляли письмо султану, Алексей с Иваном не поднялись. Так, по-простому ответили, что ежели господин Делагарди сдастся – они его вернут после окончания войны. Без всякого выкупа, ибо грех требовать деньги с женщины. Ну а решит воевать – пусть пеняет на себя. Поедет на Русь, изучать язык и обычаи. В частности – этикет и манеры.

Естественно, получив такой ответ, Магнус обиделся. И ранним августовским утром двинулся вперед. Может, кого-то другого он и застал бы врасплох, но не Алексея, для которого разведка уже давно стала ближе отца родного. Так что войска Делагарди встретили в полном строю.

У озера – примерно двести стрелков. То, что у озера они не просто так и за их спинами спрятаны тщательно замаскированные пушки и парочка сюрпризов для лошадей, Делагарди не понял. Далее – пушки. И как-то многовато?

Хотя… старые, мелкокалиберные… Серьезного вреда от них быть не должно.

Знал бы Делагарди, что вот это старье Алексей Алексеевич специально притащил из Нарвы, чтобы замаскировать хорошие и скорострельные орудия…

Потом стоит пехотное каре, кавалерия… как-то ее подозрительно мало? Может, удрали? Всем известно, что русские трусливы! Немного пушек – и русский стяг. То есть государь находится неподалеку от кавалерии. У Магнуса аж слюнки потекли.

Да, захватить в плен русского государя, это ж… это такое… И войне конец – и милостям начало! И побольше, побольше милостей!

Подумать о том, что русские не особо трусливы, да и вроде как людей у них побольше было, и куда девалась кавалерия – не подумал. Хотя потому кавалерии и мало осталось, что большая часть пошла в обход, намереваясь в нужный момент ударить шведам в спину.

И Делагарди приказал наступать.

Если русские так глупы, что даже войска расставить нормально не могут, кто ж им лекарь? Грех вражьей глупостью не воспользоваться! Бить в каре – опасно, можно потерять много народа. А вот если ударить вдоль озера по стрелкам…

Ну да, пока до них пехота не добежит, потери будут. Но сколько будет тех потерь? Ничего, рискнуть можно. Сейчас мы опрокинем стрелков, захватим артиллеристов – и считай, война выиграна.

Магнус окинул взглядом свое войско. Ближе к озеру оказалась пехота, за ней – артиллерия. Кавалерия переместилась в арьергард – и отлично! В самый раз!

И отдал команду.

В атаку!

Гулко запели рога, и армия шведов двинулась на русских стрелков.

* * *

– Он что – идиот? – Алексей оглянулся на друга, не веря своим глазам.

Иван развел руками. Согласно данным разведки – неглупый тип, а вот такие поступки? Ох не от ума это сделано, не от ума.

С другой стороны, не работай русские над улучшением своего оружия вот уже больше десяти лет, мог бы план и удасться. А сейчас – простите. Стрелки даже команды не стали дожидаться. Первые ряды привычно припали на колено.

– Готовьсь! Цельсь! ОГОНЬ!!!

И приближающихся шведов накрыло залповым огнем.

Стрелять по команде русские умели. Немало времени в войсках отдали ради согласованности движений. А что такое залповый огонь? Это двигался ты, двигался, вроде бы и на врага, и в толпе, а потом вдруг просвистели пули – и оказываешься ты один, в чистом поле. А рядом корчатся на залитой кровью траве товарищи. И отчетливо понимается, что ты – следующий.

Какой тут, к черту, боевой дух?

Пехота заколебалась, но Магнусу было не до них. Он сосредоточил внимание на артиллерии, приказывая пушкарям накрыть огнем укрепления русских в центре войска.

Увы…

Шведы просто не достреливали до русских редутов. А с того расстояния, с которого они могли попасть, уже до них добивали русские пушки. Алексей Алексеевич приказал их развернуть и слегка передвинуть – и пушкари принялись развлекаться. Шведские пушки оказались весьма неустойчивы к обстрелу.

Артиллерийский огонь просто выкашивал шведов.

Магнус не верил глазами своим.

Бой еще не начался, а он уже несет потери! И в пехоте,

которая… Ч-черт!!! Пехотинцы просто колебались! А где натиск?! Где ярость?! Они по-прежнему надвигались на врага, но так неуверенно, что враг успел бы и пообедать за это время!

– Вперед!!! Вперед, свиньи!!! – заорал он.

Пехота послушно ускорилась. Магнус бросил бешеный взгляд на русские пушки и махнул рукой, отдавая приказ кавалерии. У русских ее нет – вот и отлично! Налететь, смять…

Кавалерия до врага доскакать не успела.

Кого Алексею было жалко до слез, так это коней, но что ж поделать? Надо было просто выждать, пока они подлетят достаточно близко. Старые, нарвские еще пушчонки и верно много вреда не причинили. А вот новые, замаскированные – уже интереснее. Да и сюрприз для шведов не подвел.

Конь – благородное и прекрасное животное. Но если над его головой с шумом и грохотом разрывается петарда, а потом еще осыпает жгучими искрами…

Все-таки лошади плохо относятся к пиротехнике.

А в Дьяково таких немало наделали… Что страшного? Где взрывчатка, там и фейерверк, там и бенгальский огонь, а кони к таким вещам непривычны. Это не пушки, это что-то жуткое…

Примерно половина кавалерии была выведена из строя. Какое там скакать? Всадники занимались важным делом: успокоить коней и не свалиться под копыта. А пока они пытались это сделать…

Пехотное каре чуть раздвинулось.

– Картечью… пли!!!

Беглый огонь…

Не бог весть какая идея, но… почему раньше до нее никто не додумался? Вот они втроем еще в Дьяково? Стрельба велась не одновременно, а так, чтобы не давать ни минуты передышки врагу. Не вразнобой, нет. По очереди. Есть ситуации, когда полезен огонь залповый. А вот в этом случае пушки стреляли друг за другом, беспрерывно, так, чтобы к моменту, когда выстрелит последняя, была уже готова к залпу первая. Пушкари сбивались с ног на тренировках, а Алексей сорвал когда-то голос, пока не объяснил, чего хочет. Но – получилось. И сейчас кавалерию просто выкашивали.

Магнус растерялся.

Ядра летели… Да, собственно, летели они с таким диким и жутким воем, что часть его пехотинцев просто развернулась и, вопя что-то про демонов, помчалась назад. О том, что это просто акустическая атака, а именно бороздки на поверхности ядер, никто не догадался.

Делагарди попробовал ударить во фланг пехотой, но и тут –

не судьба.

Русские-то стояли тут уже сутки! Успели и приспособиться, и… твари, негодяи, мерзавцы!!!

Вывести часть пехотинцев из строя, еще до начала честного боя!

А ничего особо сложного и не требовалось. Даже глубоких ям копать не надо. Заостренные колышки – шикарная штука. Пехота же… Кто их железными сапогами обеспечит? А кожаную подошву такие колышки пробивают на раз. Впиваются в ногу – и считай, одним бойцом меньше. И делается-то просто. Один взмах лопатой, снять дерн, установить колышек, вернуть дерн на место. Почва у озера подходила идеально – достаточно заросшая, не слишком мягкая, но и не настолько твердая, чтобы сложно было установить колья.

Так что торжественный марш шведской пехоты начал прерываться. То один, то другой пехотинец с воплем валился навзничь. Магнус не сразу и разобрался, что происходит. Но… не отступать же?

Может, и не отступил бы. А может, и отступил, если бы было куда. Но кто ж даст время и выбор?

В тыл шведам ударила русская кавалерия. Та самая недостающая часть. И шведы дрогнули. Враг был везде, враг был повсюду. Договорился с демонами, не иначе. Страх сковывал по рукам и ногам, страх вынуждал бросать оружие.

Сражение не заняло и часа.

В руки русских попали около пятисот военнопленных во главе с Делагарди, полковая казна, знамена, орудия… Но главное – Эстляндия оставалась без прикрытия. Иди и бери.

Чем Алексей и собирался заняться.

Ревель впереди.

Опять же, Рига, острова… В хозяйстве все пригодится. А кампанию надо закончить до осени.

* * *

Эдвард Говард был доволен. Поручение выполнено, к тому же…

Месть – благородное и священное чувство. А месть за отца – тем более. Да, лорду Карлейлу не досталась путевка в Сибирь, но ведь и остальное – тоже! Из-за наглого русского отец впал в немилость у короля! Этого было достаточно, чтобы обидеться.

И когда Эдварду предложили съездить на Русь и кое-что сделать…

Ну, дело-то житейское. Приехал, нашпионил, порошочек кому надо подсунул… Жаль, Софью отравить не удалось. Но ведь не все еще потеряно?

Повар, который яд подсунул, уже ничего никому не скажет, потому как со дна Москвы-реки говорить затруднительно. А яд еще остался. Найдется и другой человечек, обязательно найдется.

С этими мыслями Эдвард и вернулся домой. То есть в дом, хозяин которого приютил лорда на время выполнения важной миссии.

Дверь открыла хорошенькая служаночка, присела, улыбнулась, приняла шляпу.

– Чаю мне принеси в малую гостиную.

– Слушаюсь, господин.

В гостиной – тихо и уютно. Потрескивали поленья в камине. Эдвард уселся в кресло и предался размышлениям.

Конечно, жаль другую царевну, да все одно – *крапивное сьемя*, как говорят на Руси. Чем русских меньше, тем цивилизованным людям лучше.

Приятные мысли прервал стук в дверь.

Вошла девушка, мило улыбнулась.

– Чай для господина.

А хорошенькая. Раньше он ее и не видел.

– Неси.

И полюбовался покачиванием бедер под сарафаном.

Варвары, конечно, эти русские, но до чего ж красивые у них женщины! И мода такая… Что не видно, то всегда угадать можно!

Горничная вернулась, поставила перед мужчиной поднос, на миг мелькнула в вырезе рубашки белоснежная кожа груди.

Ну и что, что варварка? Он же с ней не детей делать собирается? А сам процесс…

– Тебя как зовут, крошка?

– Кэти, сэр.

По-английски девушка говорила с явственным акцентом, но это только красило ее глубокий грудной голос.

– Кэти… красивое имя. И ты красивая.

Эдвард отпил пару глотков. Поморщился, положил сахара, добавил молока. Все-таки сам по себе чай чуть горчит… И, подняв голову, наткнулся на взгляд служанки.

Ох!

Так не смотрят скромные горничные. Так смотрят на свою добычу большие хищные звери. Уверенно, спокойно, с легкой долей равнодушия.

В мозгу мелькнула страшная догадка.

Яд?!

Но сознание уже затуманивалось. Он не видел, как горничная метнулась к окну, как взмахнула платком, потом открыла дверь и помогла перегрузить бесчувственного англичанина на крепкие плечи слуг, а уж те дотащили его до кареты. Сцена была обыденная и удивления не вызвала. Русские-то вино старались не пить, а вот в Немецкой слободе бывало и такое, что благородные господа нарезамшись до бесчувствия… А теперь домой едет, тоже ничего странного.

Эдвард старался скрываться и на улице лишний раз не показывался, вот никто и не удивился.

Никто не удивился и тому, что все спали. Скромная служанка, проникнув в дом, подсыпала снотворного щедрой рукой. А вот Эдварду дать не удалось, он недавно вернулся и не успел поужинать вместе со всеми. Но когда людей государыни Софьи трудности останавливали?

* * *

Пробуждение лорда и графского наследника, между прочим, было очень неприятным. Голова разламывается, в горле сушь, подташнивает, да еще и руки-ноги болят. Впрочем, последние – по причине… Дыбы?!

Да. Именно на этом гуманном приспособлении Эдвард себя и обнаружил. И тут же попробовал возмутиться.

– Что происходит?! Я – лорд…

Удар получился знатным, только зубы лязгнули.

Откуда он взялся, этот громила в кожаном фартуке, который небрежно съездил милорду в челюсть?

– Молчи, холоп, покуда государыня говорить не позволит.

– Да я…

Второй удар, под ложечку, выбил из милорда остатки снотворного вместе с желчью. А пока он хрипел и прокашливался, в поле его зрения вступила женщина.

– Очнулся?

– Как есть очухался, государыня. В разум пришел.

– Я смотрю, сразу возмущаться начал…

Эдвард заледенел.

Слишком хорошо ему было известно, *кого* могут назвать государыней в пыточной камере. Только одну женщину на Руси. Про́клятую царевну.

– Прикажете, государыня, его от наглости железом полечить али веревку подтянуть? Так это мы быстро… – Палач явно не лебезил и не заискивал. Эти двое общались так, будто *уже*

работали вместе. И сейчас два хищника обсуждали, как удобнее жрать его, Эдварда, тушку. С какого конца, как свежевать…

– Надо подумать. Иголки под ногти у тебя остались?

– Так я их с прошлого разу и не прокалил…

– А это не страшно. Он и некаленым рад будет, – царевна усмехнулась. – Ну что, графенок? Поговоришь со мной добром, али железом спрашивать будем?

Английский у нее был, кстати, очень хорош. Только с легким таким горловым рычанием. Эдвард понимал, что все плохо, но это же не повод сдаться?

– Меня будут искать! Мой король…

– С радостью тебя похоронит. Вот беда-то, гулял англичанин по нашим улицам да татям попался. А уж что они с добрыми людьми делают – и сказать-то страшно. Мало не на части режут. А то и на части, чтобы убедиться, что пойманный ничего ценного не проглотил.

– Вы…

– Я, мальчик. И ты. Только я твоих родных не травила… Пока.

Спектакль удался на славу, хотя не больно-то и спектаклем был. И с палачом Софья уже работала, и насчет иголок не шутила, и готова была сама применить их к тому, кто лишил ее сестры.

Тварь!

Просто не хотелось на будущем трупе слишком явных следов пыток оставлять. Его ж еще обратно подбрасывать. Поэтому, и только поэтому (ну и потому, что исполнитель – лицо не главное, главное – заказчик) Софья решила потратить свое время. Да и репутация – великая вещь. Грех не попользоваться, если о ней столько жутких слухов ходит!

И, глядя в безжалостные темные глаза, лорд и будущий граф начал колоться, как сухое полено. До всяких конвенций оставалось еще несколько веков, о добродушии и милосердии эта женщина определенно не слышала, да и то сказать, убей кто его сестру…

Эдвард уверился, что выбор у него между быстрой и медленной смертью – и только. То, что выбора нет, он не понимал. А еще не понимал, что Софья многое знает о политике Англии. Так что Томас Осборн, граф Дэнби, тоже не прошел мимо ее внимания. Как и герцог Лодердейл.

Спустя четыре дня тело Эдварда подбросили в Немецкую слободу. Чем очень сильно расстроили бедного представителя Московской компании.

Ибо в таком виде… Без пальцев как на руках, так и на ногах, со вспоротым животом и следами ожогов… Определенно, он мучился перед смертью, но… это дикая Русь. Попался

разбойникам – вот и получил. Говорили ж не ходить при золотых украшениях! Или хотя бы с охраной…

Ох, горе-то какое!

* * *

Спустя две недели Софья вызвала протопопа Аввакума. И святому отцу досталось вдоль и поперек.

«Текло» действительно от Феди. Точнее – из его окружения, от сочувствующих Медведеву и Полоцкому. Все-таки Полоцкий был той еще змеюкой в сиропе. Пока докопаешься до истины – всласть сахара нахлебаешься. Вот кое-кто и хлебнул лишнего. Он же духовников обрабатывал, тех, кто имеет власть над умами и душами.

И ведь не со зла, нет! Просто поделились пару раз с друзьями, те – еще раз, ну и… дошло что не надо куда не следует.

Аввакум краснел, бледнел, багровел – и клялся, что он их всех! Библией по башке до полного просветления!

Софья с чистой душой спихнула ему список сочувствующих и попросила, чтобы им нашли дела поважнее, чем сплетничать. А то ведь языки без костей – они для бабушек у колодца хороши. А священникам такое и не к лицу.

Зная протопопа и зная его дружбу с Патриархом – найдут. Еще как найдут!

Федор так об этом разговоре и не узнал. Он вообще был сильно занят. Молился за душу невинно убиенной Екатерины.

У Шан бесилась, но что можно было сделать? Смерть сестры – это вам не кошка сдохла. Какие уж тут свадьбы…

Теперь оставалось учить Машку испанскому, а Феодосию, покамест, шведскому языку. Или немецкому тоже? Софья сильно подумывала насчет Курляндии… Алексей и так оторвал от шведов что им надобно, а отправлять сестру туда, где русских будут ненавидеть всеми фибрами души, – стоит ли? Уж точно не Феодосию, слишком добрая она девочка.

Присмиревшие сестренки покорно учились.

Пришло письмо от Илоны Зриньи. Чисто теоретически она согласилась на браки, только надо решить, кого и с кем. Либо Наталья отправлялась в Венгрию, а дочь Илоны – в Польшу. Либо – наоборот: Ферек женится на полячке, а Юлиана едет на Русь. К Владимиру.

Софья решила обдумать оба варианта на досуге.

Если все получится, будут у нее в меру сильная и зависимая Польша, сильная и зависимая Венгрия, ну и злая и завистливая

Европа.

Ну и пусть…

Начнем все равно с дона Хуана.

У нас, в Испании…[10] Куда вы денетесь? Будет и «у нас», и «в Испании».

* * *

Когда началась перестрелка, дон Хуан насторожился. Когда послышался шум боя – едва не взвыл. Да что ж такое?! Куда этих турок опять понесло?! Опять его кто-то перезахватывает?! Сколько можно?!

Теперь опять излагай легенду, ищи общий язык, договаривайся… И не факт, что к веслу не прикуют! Твою ж…

Ругаться в Испании тоже умели.

Когда крышка трюма открылась, он всмотрелся. Свои? Нет?

Спрыгнувший в трюм человек меньше всего походил на европейца. Не лицом, нет. Но одежда, прическа… Широкие штаны, бритая голова с клоком волос на темени, сабля в руке, с которой кровь капает.

– *А тут кто?*

Язык тоже был незнаком. Дон Хуан попытался развести руками и ответить по-испански.

– Простите, не понимаю…

Его понимать и не собирались. Отцепили и потащили наверх.

На палубе в лужах крови то там, то здесь валялись турки. Приятное зрелище. А вокруг галеры кружили мелкие кораблики. Вот на один из них и переправили благородного дона.

– *Кто таков?!*

– Простите, не понимаю…

Высокий русоволосый мужчина с короткой бородкой прищурился. И заговорил по-французски:

– Qui est-ce?[11]

Вот этот язык дон Хуан понимал. Хотя акцент был такой, что страшно и сказать, понять друг друга было можно.

– Маркиз Мануэль Алькансар. Испанский дворянин, был захвачен в плен.

– Степан Разин. Русский князь. Что ж, считайте себя моим гостем, дон Мануэль.

Дон Хуан поклонился. Как смог, цепи мешали. Князь Стефан нахмурился.

– Снять кандалы. У меня на корабле в цепях не ходят.

И перевел для дона Хуана:

– Идите за моим человеком, с вас снимут цепи, дадут поесть и переодеться. Потом поговорим. Надо еще сжечь…

Кивок на галеру был более чем выразительным.

Дон Хуан кивнул и последовал за одним из людей князя в трюм, где его быстро лишили кандалов, достали из сундука одежду, похожую на ту, в которой все здесь ходили, и повели в каюту. Принесли бочку с водой и мыло.

– Купаться… Потом лекарь.

Сопровождающий по-французски почти не говорил, но понятно и без перевода. Дон Хуан потер запястья со следами цепей и чуть не со слезами погрузился в воду. Хоть и не привыкли в Европах мыться, но есть предел и европейскому терпению.

Приятным было и зрелище дыма в окне. Там горела турецкая галера… Наверное. Ждать, пока она догорит, князь не стал, и кораблики быстро уходили с добычей.

Дон Хуан не был бы так спокоен, знай он, что все это лишь инсценировка. Казачьи «чайки» встретили в условленном месте галеру, от души постреляли, пооскорбляли друг друга, потом перегрузили товары, просто турки их спустили в трюм, а казаки специально выставили на палубу, вроде трофея, заплатили за доставку дона Хуана, часть турок спряталась, вторая разлеглась на палубе, обильно политая овечьей кровью, – и вывели пленника.

А горела на плоту за бортом солома, обильно пропитанная греческим огнем. Дымит хорошо, дым черный… да и кто там разглядывать будет?

Когда свобода, лекарь, обед…

Вот после обеда и настанет время для разговора.

* * *

Дон Хуан и не помнил, когда себя так великолепно чувствовал. После обеда не удивился, когда за ним пришли. Удивлен был, когда увидел каюту капитана. Ей-ей, клетушка для канарейки иногда больше. Ни золота, ни бархата… Дорогой секстант, карта на стене и портрет потрясающе красивой синеглазой женщины в странной одежде – вот и все украшения. Да ни один испанский гранд не согласился бы так жить!

Но дворянин ведь! Русский князь – один из высших титулов… Кажется.

Стефан предложил гостю устраиваться на единственном кресле, сам разлил по бокалам рубиновое вино, протянул один дону Хуану и принялся расспрашивать. Кое-как, на французском,

дон Хуан рассказывал «свою» историю. Испанский гранд, попал в плен к подлым турецким собакам, нельзя ли его как-то доставить домой? Он заплатит. Золотом.

Но князь Разин только покачал головой.

– Дон Мануэль, мы бы с радостью, но дальше уже турецкие воды. Мы стараемся туда не ходить.

– Но…

– Вы сами понимаете, обострение русско-турецких отношений…

Дон Хуан понимал. Да и нет гарантии, что удастся добраться домой. До Испании далеко, и воды там очень неспокойные.

– Как же мне тогда…

– Полагаю, маркиз, что у нас есть другие пути. Скоро будем в Азове. Там я передам вас с рук на руки коменданту города. А уж боярин Ромодановский отправит вас в Москву. Ну и из Москвы вам всяко проще будет домой добраться. Через поляков, например.

Дон Хуан задумался.

Что ж…

– Я с радостью заплачу.

– Ни слова более, дон Мануэль. Вы мой гость. На Руси от века не бывало, чтобы плату за спасение с человека требовать!

Дон Хуан молча поклонился, прижав руку к сердцу.

Русские – дикари?

Какие-то они подозрительно порядочные для дикости.

* * *

После разгрома Делагарди никто не мешал Алексею наводить свои порядки в Эстляндии. Ревель русские войска даже брать не стали, просто блокировали. Взяли бы, конечно, если бы захотели, но кому он нужен, когда там бушует чума?

Нет уж!

Разбирайтесь со своими болячками сами! А мы окружим город двойным кольцом, кордонами, кострами, построим побольше бань и будем ждать, пока перемрут самые стойкие[12].

Больше месяца город не продержался. А Алексей Алексеевич тем временем шел маршем по Эстляндии. Городки и деревушки сдавались одна за другой. Из Дании приходили письма.

Кристиан удерживать Карла просто не мог. Короленок рвался в бой так, что аж корона нагревалась, из ушей пар валил. Он был согласен на любые условия Дании, справедливо полагая, что с соседями и потом повоевать можно, а вот откушенная Эстляндия

– это да. Это тяжко…

Да и куда потом пойдет русский царь? Хорошо, если домой. А если в Финляндию?

А может, еще как может. Карл бы на его месте точно пошел. И что самое печальное – помощи шведам ждать неоткуда. Вообще.

Французы заняты, испанцам не до них, у англичан свои дела и заботы… Все заняты дележкой Нидерландов. А шведы и в ней поучаствовать не смогут.

Кошмар!

Кристиан предлагал устроить трехсторонние мирные переговоры. И даже готов был выступить примиряющей силой… за скромный процент территории. Алексей не возражал. Но – пусть переговоры начнутся не раньше осени. А то он не успеет взять все, что требовалось.

Хотя съедать Швецию он не планировал. Пока что присоединить ее сложно, но надо, надо оставить задел на будущее. Карл не вечен, мало ли какая случайность? Почему нет? Дайте время. А пока соединим две страны тонкими, но прочными ниточками.

Именно в Эстляндии Алексея настигло письмо Софьи.

Большой официальный отчет о происходящем в стране.

Софья себя не пощадила. Честно отписала про смерть сестры, про раскрытый заговор, про участие англичан в покушении, про свой ответ островитянам…

Мужчины восприняли это почти одинаково.

И бросить бы все, поехать домой, просто чтобы убедиться, что с любимой, с сестренкой все в порядке… Но нельзя. Война – ревнивая любовница и соперниц не потерпит.

Что ж.

Опасность на время избыта, а потом они сами добавят покушавшимся на Сонюшку. Так добавят, что те родной английский забудут!

Катерину жалко, ни за что пострадала девушка.

Официальный отчет был сух и логичен. Но еще в письмо были вложены две коротенькие записочки: для мужа и для брата. *Ждем, любим, целуем, молимся. Возвращайтесь живыми!*

Впрочем, если бы кто-то прочел их – в жизни не поверили бы, что пишет Про́клятая царевна. Столько тепла, столько любви и тревоги… Хорошо, когда тебя любят и ждут.

Из крупных городов Алексею оставалось взять Ригу. Высадить десант на островах – и можно отправляться на переговоры.

* * *

Дон Хуан осваивал русский язык. Хотя бы просто объясниться, спросить, где он находится, как называется тот или иной предмет. Было сложно, но он очень старался. По его представлениям, на Руси он застревал до следующего года. И надо как-то прожить все это время.

Князь Разин, правда, уверял, что проблем не возникнет. Русские рады оказать попавшему в беду маркизу небольшую услугу, но… бескорыстие?

Уж позвольте не поверить.

Азов понравился с первого взгляда. Белый город у моря. Красиво… Пристань с кораблями – и дворец правителя. То есть сейчас – русского наместника. Туда-то и отправились мужчины, высадившись на берег. Князя Разина явно знали. Ему махали, выкрикивали что-то приветственное, он шутил в ответ, и люди смеялись.

– Вас здесь любят, князь.

– Мы защищаем людей. Они это знают.

– У нас в Испании не так…

– У нас тоже бывало по-разному. Но я – князь. И государь меня любит. Я женат на его тетке…

Степан скромно умолчал, что стал примером для тысяч казаков. А еще – поводом для тысяч сказок, которые рассказывались по всей стране. А разве не было повода?

Храбрый воин за свои заслуги пред отечеством получил титул и царевну в жены. И это не где-то, это здесь, рядом… это и с тобой может быть! Лишь будь достоин!

Во многом его популярности и Софья поспособствовала. Уж очень история незаурядная получалась.

Ждать приема у боярина Ромодановского долго не пришлось. Похожий на медведя мужчина крепко сжал руку Степана, спросил, князь ответил, пояснил, кивнув на гостя…

Ромодановский что-то крикнул в дверь. Не прошло и пяти минут, как на пороге появился невысокий юноша в простой одежде. Вопросительно глянул, получил ответ и вежливо поклонился дону Хуану.

– Мы рады приветствовать вас в Азове, маркиз.

Вот этот юнец говорил по-испански так, что, ей-ей, мог родиться где-нибудь под Севильей!

– Вы – переводчик?

– Я сын князя Ромодановского. Дмитрий. Можете так и называть.

– Князя? – По-испански титул звучал как «prince».

Боярин опять что-то рыкнул, но на сына смотрел с любовью и уважением, это дон Хуан видел, и опять царапнуло по сердцу.

А ведь и у меня мог быть сын сейчас. Ему бы столько же было… наверное. *Если бы я вечно не давил в себе все, кроме долга.*

– Пойдемте, дон Мануэль. Я помогу вам устроиться и расскажу, где что. Полагаю, для начала вас надо отвести в баню?

– Почему бы нет?

Что такое баня, благородный дон знал. А мавританские бани в Гранаде посещал не единожды, заметив, что после этого чувствует себя намного лучше.

– Баня, новая одежда, достойная вашего титула, а еще отец хотел бы видеть вас через четыре часа на ужине.

– Передайте, что я буду весьма признателен, дон Димитри…

– Мое имя звучит на вашем языке как Деметрио.

– Дон Деметрио. Надеюсь, я еще увижусь с князем Разиным?

– Разумеется! Отец его так легко не отпустит, они хорошие друзья.

– Тогда не будем задерживаться.

Дон Хуан вежливо поклонился, Деметрио что-то сказал и так же вежливо пригласил гостя на выход.

– Отец попросил меня побыть при вас в качестве переводчика, но если мое общество будет стеснять – скажите об этом.

– Я не ждал, что кто-то говорит по-испански здесь…

– В стране варваров, не так ли? – В глазах Деметрио плясали веселые искорки. – Честное слово, все не так страшно, как о нас рассказывают. И язык у нас человеческий, и людей мы не едим…

– Я никогда так и не думал, – чуточку смутился дон Хуан. Он вообще о Руси не думал, не нужно было как-то…

– А язык ваш я изучал в царевичевой школе. Столько трудов лекарей есть на вашем языке…

– Лекарей?

– Да, мы все изучали лекарское дело. Может, я – более подробно.

Деметрио казался вполне дружелюбным. Он искренне не понимал, чему удивляется благородный дон, но…

– Царевичева школа?

В следующие полчаса дон Хуан был ошеломлен потоком информации, который на него вылился. Царевичева школа! А ведь какое великолепное решение! Сразу снимается вопрос интриг, предательства, на которые так богаты чиновники, некомпетентности…

Собрать ребят и воспитывать так, как тебе нужно! Великолепно!

– Наверное, вам было трудно?

– В жизни часто бывает тяжело, но никто из нас не жалеет. Родители дали нам жизнь, а государь – возможность прожить ее

достойно.

– Слова, достойные дворянина.

По губам юноши скользнула улыбка.

– Из ваших уст, дон Мануэль, это высокая похвала. Я наслышан об испанских обычаях…

И почему дон Хуан не почувствовал себя польщенным?

* * *

Ложился спать благородный дон в состоянии легкого ошеломления. Не ждал он такого, никак не ждал. Отлично знал, чего можно ждать от «цивилизованных» англичан, французов, голландцев. Но гостеприимство русских?

Обещание помощи, причем безвозмездной?

Вот ведь что удивительно – этим людям от него ничего не нужно! Вообще! Они слишком далеки друг от друга. Все, что он может предложить, им просто ни к чему. Что можно предложить тому же дону Стефано, у которого власть, громадный кусок земли и жена-царевна? Еще и дети, и счастлив ведь! Или боярину Ромодановскому, который правит почти самовластно, родные приближены к царю, да и сам он – лицо не последнее в государстве?

Его сыну?

А это вообще не смешно. Ради интереса дон Хуан попробовал прощупать юного Деметрио. Получилось, да. И заставило чувствовать себя еще более ущербным. В то время как испанское дворянство плело интриги, напоминая паучатник, этот юноша не мыслил себя без служения государю и отечеству. Это-то королевский бастард видел отчетливо, сам страдал от той же напасти.

Но разница между ним и этим мальчишкой имелась – и существенная.

Деметрио не предавали. Ни отец, ни мачеха, ни… да никто! Он вручил свою судьбу государю – и с тех пор ни разу не пожалел. Хотя по некоторым оговоркам дон Хуан понимал, что мальчишке бывало адски сложно, что ему и жизнью рисковать приходилось – и все равно. За поступок следовали похвала и награда. И юноша старался не за страх, а за совесть.

Он любил свою страну и своего государя. И с восторгом отзывался даже о его семье. Каково?! И это в то время, когда сам дон Хуан, кроме черных ругательств, ничего о Марианне сказать не мог? Да и вообще… сплетни о королевской жизни ходили такие, что лошади краснели и смущенно фыркали. А тут –

тишина?

Царица не блудит, царевны не меняют любовников, царевичи проводят время в трудах на благо родины? Это вместо того, чтобы интриговать в свою пользу?!

Такого не бывает!

А если бывает – надо подробно рассмотреть то чудо, которым это случилось.

Идея Софьи сработала на все сто процентов. Дон Хуан ехал в Москву не просто за помощью. Он поедет туда еще и ведомый своим любопытством. А дальше… дело техники. Благородный испанец еще не знал, что его судьбу решили варвары с края мира. И спрашивать его никто не собирался даже из вежливости.

Следующий пункт – Москва.

* * *

Примерно это высказал и Иван Морозов.

– Скорее бы! Пообщаться с Карлушей – да и домой!

Алексей ответил понимающей улыбкой.

Ревель, Рига – Ливонию полностью контролировали русские войска. И выводить их оттуда никто не собирался. К тому же русские, недолго думая, высадили с кораблей десант на острова, где взяв крепости, а где блокировав их. Да там и было-то тех Моонзундских островов… Пришлось до кучи Даго и Эйзель прихватить, а то даже плавать неловко было.

Например, Готланд русские не трогали… пока. Пусть его Кристиан воюет. Ну а коли не справится… Тем более Кристиан прислал письмо, в котором уже и сам просил о переговорах. Карл не сдался, нет. Но отлично понимал, что войну ему сейчас и здесь просто не потянуть. А потому…

Сейчас подписать мирный договор, а потом собрать силы – и расплатиться с врагами стократ. Ну… дело житейское, вполне обыденные планы. Алексей это тоже понимал, а потому каждую выигранную минуту собирался использовать для укрепления власти на берегах Балтики, для постройки флота, крепостей, для защиты… Пяти лет за глаза хватит. Планы уже разработаны, подробные, вплоть до того, сколько пушек и людей нужно в каждой крепости.

Переговоры должны проводиться как раз на Готланде, почти на нейтральной территории. В замке Висборг.

Но территория – это хорошо, а флот – лучше. Поэтому Алексей Алексеевич распорядился, чтобы его корабли далеко не отходили. Мало ли как пойдут переговоры…

Это на словах все благородные, а как поймут, что могут расстаться с хоро-ошим куском территории… Да и не могут, а расстанутся.

Людовику сейчас не до шведов, он сейчас Нидерланды делит и больше заинтересован, чтобы свеи туда не сунулись. Австрия при деле – им бы от турок отпихаться. Польша – союзник. Дания – тоже. В общем, в замке Висборг намечался самый беззастенчивый рэкет. Карлу собирались предложить на выбор: либо отдать добровольно и получить хоть что-то, либо получить еще раз поперек коронованного… лица и отдать все – а тоже добровольно! У нас на Руси даже собаки перец добровольно лижут!

Алексей хмыкнул, вспомнив смешную историю, которую рассказывала Софья, поделился воспоминанием с Иваном. И натолкнулся на тоскливый взгляд.

– Алеша, если б ты Соне братом не был… Она тебя куда как поболее меня любит.

– Ерунда! Она нас обоих любит, но по-разному.

Иван пожал плечами, но ничего говорить не стал. Домой бы. Скорее…

* * *

Время шло.

А потому в один прекрасный миг к русскому посольству в Португалии подкатило несколько десятков карет. Из одной выпрыгнул мальчишка двенадцати лет. Встряхнулся, оглядел каменный домище и решительно направился внутрь, где его с поклонами встретил боярин Куракин.

– Государь царевич!

То, что параллельно мальчишку встречала пара десятков шпионов, посол знал, но к чему такие подробности? Понятное дело, Педру обязан посмотреть на кандидата, составить мнение… Не козу продает! Дочь замуж отдает. Пока – единственную наследницу.

А вот бы она единственной и осталась?

Хотя для такого король еще слишком молод, успеет наклепать. А что делать боярину?

Как оказалось – есть что. Иван отдал несколько свитков и коротко пояснил:

– От моего брата. Важно. Ознакомьтесь, пожалуйста.

Чем боярин и занялся, пока царевич мылся в бане с дороги и ужинал.

И не пожалел. На нескольких свитках мелким острым

почерком были подробно расписаны условия брачного договора.

Что, как, сколько, какие территории, за что надо торговаться до последнего, что лучше уступить…

Насчет предложить взамен и договариваться – боярин только похмыкивал в усы. Что тут скажешь? Если он своего добьется, у Руси появится очень хорошая перспектива в ближайшие годы, а он точно получит государеву благосклонность. Но если нет…

Добьется, куда денется.

Боярин взялся за перо и со всем пиететом отписал королю, что так и так, жених прибыл, не желаете ли повидать? И отправил с посыльным.

Ответ пришел очень быстро. Его величество (ладно, пока еще не официальное, но сколько там тому Афонсу осталось? Двор так уже и привык именовать Педру королем) будет рад увидеть русского принца завтра к обеду. Так что надобно готовиться. Местную одежду для мальчика заказать, побеседовать – мало ли что…

Но боярин зря волновался. Сундуки мальчика и так ломились от одежды по последней моде, в этикете он тоже разбирался на совесть, оставалось отоспаться с дороги – и можно на прием.

* * *

Изабелла смотрела с интересом. Правда, за столом ее сегодня не будет. Если парень произведет на отца хорошее впечатление, если они договорятся – тогда, и только тогда их познакомят. Даже то, что ей разрешили подглядывать, – уже из ряда вон. Но Педру любил свою дочку.

Сама Белла была заинтригована.

Русь…

Далекая сказочная страна, где водятся ручные хорьки (рука привычно погладила хорька, названного Рикки), где добывают драгоценные камни и растут вековые леса. Где зимой вода замерзает в лед, а когда начинается метель, можно ничего не увидеть в шаге от себя. Где…

Анита постаралась на совесть, рассказывая девочке о Руси, и Изабелла часто думала о чудесной стране, сожалея, что никогда там не побывает. Хотя кто знает? Если у отца еще родится сын, то у нее будет братик, и она сможет… если позволит муж?

Виктора Савойского, кстати, Изабелла в этом качестве никогда не видела. Политический там брак или нет – женщины не прощают пренебрежения. Явись пред светлы очи женишок – мигом бы своих лишился. Выцарапали бы.

Кстати, русский принц Изабелле с первого взгляда понравился. Невысокий, чуть выше ее, мальчик со светлыми волосами и, похоже, голубыми глазами, с приятным умным лицом, одетый в роскошный синий камзол. Мечта девичья. Будет, через пару лет.

Изабелла невольно подумала, что они будут хорошо смотреться рядом. А остальное?

Принц безупречно раскланялся, поприветствовал ее отца на весьма неплохом португальском языке, тут же добавив себе ценности в глазах Беллы. Не каждый будет вот так… Она лично учила и французский, и испанский. Мало ли кто станет ее мужем? Русский тоже учила, просто из любопытства. Интересно, смогут ли они поговорить с принцем?

Пока Иван разговаривал с ее отцом и вполне справлялся. Вежливо отвечал на вопросы, улыбался, похвалил прекрасную страну, одобрительно высказался о политике ее мудрого правителя…

И перешли к торгу.

Тут уже говорил князь Куракин. И торговался не за страх, а за совесть. По результатам были достигнуты предварительные договоренности: помолвка заключается, но будущие супруги пока остаются при своих вероисповеданиях. В дальнейшем, если будет необходимо, царевич примет католичество.

А вот торговые вопросы обговаривались куда как тщательнее.

Русских интересовали португальские колонии, но – отстраненно. Своих они заводить не собирались, а вот помочь португальцам вернуть то, что с начала века откусывали у них голландцы, – со всем удовольствием. Благо Нидерландам сейчас не до войны, сами на ладан дышат. И если эти колонии пойдут в приданое принцессе, а русские торговцы будут иметь там равные права с португальцами – вообще великолепно.

На таких условиях Педру был согласен. И даже согласен отдать в ведение Руси острова Маврикий и Родригес. Прибавить Сокотру, если русские помогут вытеснить голландцев с Цейлона и Явы. Хорошие острова, но их пока еще отвоюй… Если союзники берут это на себя?..

Брали.

По принципу – с вас корабли, с нас материалы для постройки. Доставим по хорошей цене, поможем с военными. А ваше дело – обеспечить моряков. Ну и… на русских судах приняты свои порядки. Вот коли их соблюдать будете – точно договоримся.

Педру это казалось странным. Ну какая разница, чем кормить матросов? Классический рацион – галеты и солонина! К чему там

еще какая-то *квачёнайа капусьта*? Или *клиукьва*? Или что пить матросам? Ром, это же понятно! Вода есть, в бочках… К чему обговаривать, что бочки обязательно будут дубовыми, например?

Но русский посол настаивал. И буквально требовал соблюдения этих условий! Ей-ей, он к вере так не придирался. Педру это казалось странным, но это же русские! Они по определению варвары, они в банях моются! Зато когда он увидел цены на канаты, на лес… едва не прослезился! Чего уж там, лесов в Португалии было… маловато. И те, что были, для постройки кораблей годились мало. Можно возить лес из колоний. Но…

Когда ты находишься под пятой Испании – сильно не покрутишься. Это сейчас у Педру появился реальный шанс выдернуть лапы из капкана и больше туда не попадать. Сама по себе Португалия невелика, сил отстоять свое не хватит. Постоянные испанские, английские и французские войны вообще стояли поперек шерсти. А вот в союзе с русскими…

О, эти свое отстаивать могут! Стоит только посмотреть на последние войны! Педру вообще радовался победам русского царя. Турки ему друзьями не были, татары – тоже, а показанные новым родственником зубки давали понять, что он и свое защитит, и чужое без внимания не оставит. Очень, очень полезное качество в политике. Да и брат у него неглуп. Больше молчит, слушает, на прямые вопросы отвечает осторожно… Хорошая партия будет для Беллы.

Обговаривали и пиратов, и дележку трофеев, и участие в войнах – Педру с удовольствием пообещал не поддерживать врагов людей русских! А то как же!

Ни турок, если что, ни шведов, ни… англичан?

Этих – с особым удовольствием!

Конечно, Педру юлил и торговался, но боярин все равно был доволен. Он выторговал ровно столько, сколько надо. Остальное – дело времени и принца-консорта.

* * *

Кого видел перед собой Алексей Алексеевич, глядя на Карла Одиннадцатого?

Мальчишку. Высокий лоб, высокий парик, смешные усики над верхней губой, похожие на двух червячков, выпуклые темные глаза… Лицо человека неглупого, но избалованного и капризного.

Слабовольного?

Нет, вряд ли. По глазам видно: парень и неглуп, и силен. Но

даже орел в детстве – яйцо, не больше. Этот пока – орленок, а вот вырастет ли? Воспитывался-то властной матерью, которая вовсе не хотела допускать его к управлению государством. И сейчас не хочет, да вот беда – некому больше. Ее аристократия особенно не приемлет, Делагарди себя скомпрометировал дальше некуда, еще и в плен угодил, а кого тогда?

А больше и некому и некого.

Да и сам Карл вырос с полным осознанием своего «Хочу» и великого «Я». А вот «должен»…

Король должен править страной, но еще… король должен своей стране. И отдает он этот долг всей своей жизнью. Женитьбой на нелюбимой женщине, постоянным тяжким трудом, решениями, от которых потом коробит потомков и историков, – такая работа. А у Карла этого нет.

Он храбрый, неглупый, но мальчишка, которому должна его страна. Должна повиноваться, покоряться, принимать его решения… Ну-ну.

Алексей подумал, что мог бы стать таким. Не стал. Повезло. Спасибо сестренке, которая все время была рядом. И как ей удавалось? Сейчас-то он понимал, что Софья всю жизнь умудрялась осаживать его самодовольство, его амбиции, его… да все то, что кипело и бурлило в Карле! Только у него такой сестры не было, а то бы Швеция сейчас диктовала Руси мирные условия.

Карл смотрел с негодованием и не мог его скрыть. Нет, не мог. Не от Алексея Алексеевича. Интересно, кого видит Карл?

Алексей был бы польщен, знай он, что Карл смотрит даже с легкой завистью. К внешности – что уж там, русские цари брали в жены красивых женщин, так что мужчина обладал внешностью былинного богатыря, этакого Добрыни Никитича. Золотые волосы кольцами, которые грех прятать под парик, синие глаза, широкие плечи, легкая улыбка на губах – красавец. А вот о себе Карл этого сказать не мог. И немного, чуть по-детски, завидовал. Но ладно бы внешность! Так еще и полководец! И талантливый, и умный… И как?!

Даже невесту у Карла – и то этот русский перехватил! С полного согласия, между прочим, Кристиана. Уууу, предатель!

Кристиан чуть поклонился на обе стороны.

– Мои венценосные братья, предлагаю сесть за стол переговоров.

Говорили все на датском. На шведском принципиально не собирался говорить Алексей, русского не знал Карл, а потому – нейтральный язык. Больше на переговорах никого не было. Англичане… не то чтобы не пытались. Но… короля там не было, а допускать кого-то менее знатного – урон царской чести. Хотя…

нельзя сказать, что английский посол не настаивал.

Но чем он мог повлиять на переговоры?

Французы тоже были заняты, им не до окраины мира. Так что помешать драть на части Швецию никто не мог. Карл это понимал – и лучше ему не становилось. Понимал, что будет сопротивляться, спорить, но сила не на его стороне. Отнюдь не на его.

Первым переговоры начал Кристиан, на правах старшего.

– Мы собрались здесь, потому что никто не хочет продолжать тяжелую и кровопролитную войну. Она изматывает наши страны, разоряет казну…

Алексей и Карл вежливо слушали, но взгляды обоих прямо-таки горели. У одного – торжеством, спрятанным под густыми светлыми ресницами, у второго – яростью побежденного.

Но – куда деваться?

Соседи не пособят, а Русь с Данией просто раздерут Швецию, тут и флот не поможет. По земле-то корабли не ходят, а войска будут бесчинствовать именно там.

Карл взвился, когда Кристиан начал перечислять условия мирного договора. По этому договору Дании отходили все провинции, которые Швеция отторгла по Роскильскому мирному договору. Как бонус Дания получала еще и Готланд с Эландом. А Швеция теперь платила за прохождение ее судов через пролив Эресунн.

Мягко говоря, Карлу это не нравилось. Но…

Условия русского государя ему не понравились еще больше.

Ни Ингрию, ни Ливонию никто возвращать не собирался. Кроме того, русский государь требовал разоружения шведского флота и сокращения его численности. Разгорелся скандал, в результате которого Карл вылетел из зала, хлопнув дверью. Только вот беда – уйти-то некуда. И это отлично понимали все трое. Назавтра переговоры продолжились. И еще почти десять дней.

Вымотались все. Но… Для своих же стран торговались, не для чужих! Так что наконец Готландский мирный договор был подписан. Дания получала все, что хотела, – территориально. В конце концов, это ее провинции и были каких-то двадцать лет назад. А вот за проход через пролив шведские суда платить не будут. Это уже перебор.

Русские получали Ингрию и Ливонию – полностью. Рига отходила им просто так, по мирному договору. Остальное – Алексей не настаивал. И даже Моонзундские острова отдал – иначе Карл не соглашался вообще ничего заключать. Отдать-то отдал. Но настоял на строительстве на островах крепостей с

совместным гарнизоном. Русские, датчане, шведы – чтобы никто себя спокойно не чувствовал. Дайте время – сами прибегут. Шведский флот, конечно, никто разоружать не собирался. Но…

Что касается Алексея Алексеевича – он и требовал больше, чем надо, чтобы получить нужное. Да пусть не разоружает! Невелика трагедия! Греческий огонь – он и в Балтийском море гореть будет, и в Азовском… К следующей весне в залив столько кораблей запустим, что он в суп с фрикадельками превратится, всем шведам тесно станет. В море побоятся выйти!

В Архангельске их уже строят…

Контрибуции?

Нет, вот этого не досталось. Хотя пленных во главе с Делагарди Карл бы выкупил, скрипя зубами. Впрочем, Алексей предложил простить ему этот выкуп. И – породниться.

А что? У вас теперь невесты нет, зато у нас сестра есть. Заключим мирный брачный договор? И война вам подешевле обойдется. А сестра – красивая…

И верно – что Мария, что Феодосия пошли в мать. Это Софья выпадала из семейства, казалась в нем подкинутым кукушонком со своими резкими чертами и темными глазами. А вот остальные Романовы либо синеглазы и светловолосы в отца, либо синеглазы же и темноволосы – в мать. Красивы.

Карл желанием жениться не горел, шведы Русь теперь очень не любили, так что отговорился помолвкой с англичанкой. Алексей не настаивал. А пленные… да и черт с ними, с пленными! Сами виноваты! Карл просто махнул на них рукой.

В казне и так шаром покати, а он еще всяких болванов во главе с Делагарди выкупать будет?! Не будет. Не хочет.

Алексей тоже понимал, о чем думает несостоявшийся родственничек, но лишь усмехался про себя. Не знаешь ты Марию. И Феодосию тоже не знаешь. Жаль, конечно, что ты отказался, но, может, оно и к лучшему? Девочки – ресурс ценный, была бы честь предложена, а от убытка Бог избавил. Тратить сестер на тебя, болвана? Вот еще! Найдется, с кем их сосватать. Например, в Курляндию…

Это, конечно, не Соня, у той бы кто хочешь через два дня приучился через обруч прыгать и тявкать по команде, но девочки тоже очень неплохи. Полгода, месяцев десять – и ты сам не заметишь, как влюбишься. И будешь делать все, что нужно жене.

И мать тут не помеха.

Кристиан был откровенно доволен. Мог бы – точно бы обнял Алексея. Знал, знал, кому сестру отдавать! Может, он теперь в истории останется, как Кристиан Вернувший Земли? А почему нет?

На двенадцатый день все было завершено, подписано, заверено и опечатано государственными печатями в трех экземплярах. Хотя никто не гарантировал, что через пару лет не начнется очередная война. И войска двинулись домой. Карл со злости заслал Делагарди комендантом аж в Кируну, чтобы лишний раз мерзавца не видеть, а то так руки казнить его чешутся, аж свербит!

Кристиан приглашал любезного зятя погостить, но Алексею хотелось в Москву. Впрочем, он тоже пригласил в ответ Кристиана, заранее зная, что получит отказ. Но переписываться они договорились. Мало ли что, мало ли как…

Надо, надо грызть Карла следующие… дцать лет до полного проедания всей Швеции. Чтобы не расслаблялся. А то дай таким спокойствие и экономическую стабильность – через год войну получишь. Да еще французы подстрекать будут, этим вообще договор поперек горла. Англичане… У тех всегда свои интересы.

Не отравили бы…

Нет уж, спокойствия Карлу не увидать. Алексей еще не знал, что он точно сделает, но… Что угодно! Шпионаж, подкупы, доносы, убийства – лишь бы шведы были заняты внутренними проблемами и не пытались вернуть свежеоткушенные русские земли!

Кристиана Алексей предупредил, а сам надеялся не оплошать в нужный момент. Софья почему-то была уверена, что этот конкретный Карл долго не протянет. А в сестру Алексей верил[13].

* * *

Уже поздно вечером Алексей и Иван, как всегда, обсуждали прошедший день.

– Как тебе Карл показался?

– Не знаю. Сначала смотришь – мальчишка. Но в глазах нехорошее посверкивает, да еще как. При грамотном советчике далеко пойдет[14].

– Значит, нужно сделать так, чтобы советчик не появился.

– Надо поговорить с Соней, это по ее части. – На сестру Алексей надеялся крепко.

– Да, не хотелось бы тут следующим летом воевать…

– А придется, скорее всего. – В будущее царь тоже предпочитал заглядывать без розовых очков. – Вот смотри, сейчас Карл бросится к Людовику, тот либо войсками поможет, либо еще чего – и полыхнет…

– А если не поможет?

– Думаю, тогда лет пять у нас будет. Чтобы шведы собрали армию, нормально вооружили, построили флот взамен того, которому досталось от датчан, ну и от нас немного… Потом повоюем, мы ведь тоже не лыком шиты, тоже подготовимся, еще раз-другой наваляем Карлу, и можно окончательно присоединять эти земли. Еще и кусок Финляндии отгрызть. В дополнение к имеющемуся.

– М-да… если Соне удастся повлиять на Людовика – чудом будет.

– Больше надо в жену верить, – подколол друга Алексей. – Она у тебя – чудо и есть.

Иван спорить и не собирался. Вместо этого достал лист пергамента, придавил на столе…

– Давай посмотрим, на что еще можем рассчитывать в самом худшем случае? Сколько можно отдать, сколько удержать?

И мужчины склонились над картой.

Кто сказал про праздник в честь победы?

Это солдатам можно по рублю выдать и по рюмке выпить, а у царя – работа!

* * *

Думаете, царь домой возвращается – это так просто?

Ох не просто. Даже наоборот – сложно. Тоскливо и тяжко. Особенно тем, кто встречает. Организовать-то встречу надо? Надо. И войско кормить, и награждать, и отправлять по домам – хорошо хоть не все возвращаются. Нет, это не оговорка, именно что хорошо. Потому что примерно половина войска осталась гарнизонами по шведским крепостям. А то ж!

Захватить мало, ты еще удержи, окопайся, устройся, не дай бывшим хозяевам вернуть себе все это добро… а Карл попытается. Софья хоть про разговор брата и не знала, а действия Людовика просчитывала с точностью до миллиметра. Чего уж там, сама бы ухватилась за повод обрезать кое-кому шустрому ноги – по самые уши.

А что делать?

Физически устранить Людовика?

Черт его знает, получится или нет. Если кто не в курсе – данного короля всей Фрондой угробить не смогли. И в быту он тот еще параноик. Это уж потомки его расписали: этикет придумал, праздники закатывал… Ну было! Только ни один из потомков этому этикету следовать не смог. Сложновато-с для франко-королевских мозгов оказалось.

Угробить можно попробовать. Но и вляпаться тоже можно.

Ла Рейни, между прочим, не лаптем щи хлебает. Если хоть малейший след останется… даже в деле о ядах он подозревал уши русских. Только бездоказательно. А там они ведь только информацию слили, сами не действовали.

Сначала устранить слишком умного Николя?

Так половину Франции перебить придется. Не пойдет. Да и вообще, война – это не кто кого перестреляет, это кто кого передумает.

Людовик не должен влезть в русско-шведские дела?

Сказано! А чем его можно отвлечь?

Педру сейчас в эту заварушку не полезет, португальцев не приплетешь. Испанцы? Годом бы позже. Дона Хуана еще обработать надобно, сейчас он за Русь не впишется. То есть не Испания – тоже. А кто?

Чем сейчас занят Людовик?

Да Нидерландами! После смерти Вилли народ там живет весело и интересно. М-да, и убрала – проблемы, и оставила бы – вдвое. А если… Колесики в разуме Софьи завертелись почти физически ощутимо. А ведь можно, черт возьми, еще как можно! Нет Вильгельма?!

Так мы его создадим!

Оному Вилли было бы сейчас… да, он родился в пятидесятом году. Двадцать шесть – двадцать семь лет. Для внебрачного ребенка маловато. Но для брата?

Которого сделал, допустим, его отец, Вильгельм Второй. Как раз казнили Карла Первого, мужчина чуть охладел к жене, но бросить ее не смог, потому что та была в тягости… а вот сына на стороне сделал? Можно попробовать?

Только сына надо подобрать от коренной голландки, хорошей родословной – и уже помершей. Это, кстати, не проблема. Внебрачный деть – обыденность жизни, тем более любовников тут менять принято часто, а вот противозачаточные средства по Европе – зародышевые.

Итак, ребенок рожден от Вильгельма Второго и какой-нибудь Софии или Августины, там разберемся. Отдан на воспитание в чужую семью, и вот, только перед смертью, приемный отец раскрыл ему тайну рождения. А соболезнующие дали денег на священную борьбу с французскими захватчиками… Много денег.

Что нужно?

Несколько писем, медальоны родителей, какие-нибудь побрякушки… Не проблема! В Нидерландах у Софьи дураков нет, мигом подберут и борца за независимость, и соответствующий антураж. А народ…

А народ пойдет как миленький. Бегом побежит! Недаром, вон, в Англии полыхнуло (то есть скоро уже полыхнет, и десяти лет не пройдет) восстание Монмута, который уверит всех в своем королевском происхождении… Ох, господин Сабатини, спасибо вам за Питера Блада. Книгу, фильм, а главное – даты. Кстати – Монмута тоже надо будет поддержать, наглость заслуживает награды.

Может помешать только Нассау-Зиген, но… Это – не Людовик. Этому несварение желудка устроить проще простого. Или, по возрасту, сердечно-поганочный приступ. И объявить, кстати, что дядя знал, но молчал по просьбе Вильгельма Второго. Чтобы трон не позорить. Как-то так.

План складывался на глазах, и Софья довольно потерла руки. Если Нидерланды полыхнут – Людовику станет не до шведов. Сейчас начать организовывать, зимой как раз поднять знамя, по весне начать бить… Надо только устроить так, чтобы не класть в боях своих людей. Слишком дорого Софье дались парнишки и девчата из царевичевых школ, чтобы вот так ими разбрасываться. Да гори они огнем, те Нидерланды, свои люди дороже!

И Софья вдруг отчетливо поняла, что план может сработать. И полыхнет. А ведь там тоже люди. Чьи-то жизни, судьбы, близкие… Не боишься ответить за свои решения?

Софья боялась. Но знала, что все равно пойдет вперед. Черт бы побрал эту правительскую мораль. Знаешь, что мразь, понимаешь, что поступаешь мерзко, – и ничего менять все равно не станешь. Ибо – дорога правителя.

Судьба.

* * *

Дон Хуан пребывал в шоке.

Да кой дурак обозвал русских – варварами?! Этих людей можно было назвать как угодно – своеобразными, интересными, необычными, язычниками – даже! – но не варварами. Потому что все, все вступало в противоречие с этим названием.

Широкие дороги, засыпанные чем-то вроде мелкого камня.

Не размывает по весне или по осени? Нет, укладывали на специальное основание, предусматривали канавы, водоотводы, учитывали особенности местности. Делается по принципу римских дорог.

Дорого ли обходится государству?

Ну… средне. Тут сказывается война с крымским ханством, благодаря которой значительная часть рабочей силы попросту

бесплатна. Не жалеть же мерзавцев, которые русских людей в рабство угоняли? Вот пусть на своих шкурах теперь плетей отпробуют.

Так что каменоломни работают, а уж обеспечить доставку и укладку… Можно, еще как можно. И строительство тоже. Уже силами местных бояр и дворян.

Не воруют?

Пытались, как же без того. Но у государя Алексея Алексеевича не забалуешь. Один воевода от великого ума попробовал дорогу кое-как сделать, а камни присвоить. Так донесли ж. Нагрянули люди из Москвы и заставили несчастного под плетями все переделывать. Имущество в казну, самого, как вора, бить, да не нещадно – ишь ты, хитренький! Что от мертвого пользы? А ровно настолько, чтобы неба невзвидел, – и на работу! До сих пор, говорят, дороги мостит, коли еще не помер.

Кто донес?

Есть у государя глаза и уши по всей Руси, не без того. Он еще когда был царевичем это начал, а сейчас углубляет и расширяет. Ученость у людей повышает, по приходам детей чтению и счету учат, чтобы последний лапоть хоть чуть, а грамоте разумел.

Дорого ли? Да нет, дешево. Священники ведь так и так паству наставлять должны. Вот и наставляют. В том, что пастве пригодится. А там и Библию дети сами прочтут, все польза.

Дон Хуан вспоминал падре Мигеля – личного духовника, – пытался представить, как гордый иезуит учит крестьянских детей грамоте… Нет! Не получалось!

Хоть убивайте – не складывалось. Деметрио смотрел на его мучения с усмешкой, а потом подкидывал *рюсски поговьорки*. Что-то вроде: «Каков поп, таков и приход». Или: «Одна ложка дегтя бочку меда портит». Приходилось долго объяснять смысл фразы, потом разбирать непонятные слова, а потом только восхититься столь краткой и четкой мудростью.

Русский язык дон Хуан учить начал, сначала понимая, что надо как-то говорить с русским государем. И лучше бы хоть какое вежество соблюсти. А потом и любопытно стало. Красивый оказался язык, певучий, нежный – и чем-то схожий с испанским. На это, впрочем, у Деметрио тоже нашелся ответ.

– Так все мы от Адама и Евы, чего ж удивительного, что языки схожи?

Странные мысли у мальчишки, иногда более подходящие для столетнего старца, но разговаривать с ним интересно. Не зря боярин предложил дону Хуану своего сына в сопровождающие, мол, так проще. И поговорить с кем, и на вопросы мальчик ответит… Хотя какой там мальчик!

Мужчина!

Женить скоро надо, вон как с дочкой Мельина друг на друга поглядывают, скоро занавески тушить придется.

Тоже ведь… загадка!

Французский моряк Поль Мелье – и вдруг русский адмирал Павел Мельин! Как?! Дон Хуан просто в ум взять не мог, как так получилось! Да в Испании никогда бы… и в других цивилизованных странах… Вчерашнего каторжника, висельника – и в дворяне?

На такое разве что англичане способны, но то вообще мерзкий народишко! Пирата – в дворяне и губернаторы! Тут о них и все сказано! За деньги, сразу ясно – небось столько в Панаме награбил, что пятерых пиратов хватило бы от виселицы откупить! В испанских городах… С-сволочи![15]

А тут как?

Прояснилось достаточно быстро, сам Мельин и рассказал.

Был рабом на галерах. Когда освободили, решил отработать проезд до дома, не милостыню ж просить? Тут помог, там помог, а моряком был от бога, иначе и не скажешь. И что тут сделаешь, когда капитан – благородный офицер, который в морском деле ни уха, ни рыла. А плыть надо? Корабль-то жалко! Научился, благо грамоте разумел. Да и так поглядеть – не все флотоводцы дворянами были! Знаменитый де Рюйтер вообще из крестьянской семьи, дед у него землю пахал, а внук в адмиралы выбился! Чем Павел-то хуже? Вот и стал в какой-то миг капитаном корабля. И других учил. Русские благодарными оказались, не только денег дали, но и предложили повоевать остаться.

Остался.

А уж как бои провел с турками погаными, тут государь предложение и сделал. Оставайся, мол, Павел, дворянство дадим, дом дадим, флот муштровать будешь!

Грех не согласиться!

Вот еще бы де Рюйтера переманить, да не выйдет! Он свою страну не бросит, не тот человек. Хотя будь во Франции такая беда – Поль тоже б туда рванулся. А дети его уже Русь родиной почитают. Внуки вообще русскими будут… не исключено, что и Ромодановскими. А чем плохо-то?

Вера?

Так есть тут и для католиков храм, и для протестантов. Единственное условие – никакой розни! Любого, кто посмеет…

Случай был – трое католиков решили поглумиться над трупом гугенота, как привыкли. Из могилы выкопать, по городу проволочь…

Схватили сразу. Судили по всей строгости закона. Наказали –

и поркой, и каторжными работами на десять лет. Да не за веру, нет! Хоть изверься – не жалко. А за осквернение могил – раз! За разжигание розни – два. За разнесение заразы, ибо известно, что мертвые тела и нечистоты для нее первейшая радость – три. Как ни негодовали отдельные личности, а пришлось добрым молодцам законы через задние ворота превосходить. Ни родители не помогли, ни друзья.

Был и другой случай. Кабатчик, перебравшись, вздумал крепким вином людей спаивать, а кого потом и грабить. Тоже на галеры попал. И за грабеж, и за то, что людям здоровье рушил. Нет на Руси таких привычек, как винопитие или никотиана… Последнее – так особенно. Ежели кого с трубкой никотианы увидят – уж побьют точно. А могут и чего похуже придумать. Но это – крайности. А так на Руси жить можно, да еще как неплохо жить! Сподобьтесь, господин, по городу погулять, сами убедитесь. Тут и о калеках заботятся! Либо к делу приставляют, либо в специальные дома селят – известно ж, что от сумы и от тюрьмы не зарекайся.

Дону Хуану оставалось только качать головой.

И смотреть на красивых женщин, крепких мужчин, уютные, устроенные деревеньки, чистые трактирчики (государь приказал за каждого платяного зверя трактирщика не штрафовать, но коли у него такое поймают – все присутствующие ночь ночевать и кушать бесплатно будут), густые леса и могучие реки.

Красива и велика Русь.

Воевать?

А вот этого благородному дону хотелось все меньше и меньше. И с каждым днем он все чаще думал, что хорошо бы иметь Русь… да в союзниках. Ему нашлось бы что предложить, а им…

Интересно, что может предложить Русь? Дон Хуан не знал. Но не сомневался, что если предложение сделают, отказывать он попросту не захочет.

* * *

– Триумфальное возвращение – есть! Памятников никаких не надобно, нам еще со шведами грызться и грызться. Надобно медали начеканить, чтобы на всех хватило. Дальше… Алеша прислал списки – там раненых и увечных, то есть к строевой негодных – сорок два человека. Им – пенсию или работу. У нас как раз и места есть подходящие. Дома – обязательно. Погибших – почти триста человек. Семьям пенсии. Если есть сыновья или

дочери – приглядеться. Нам для Дьяково всегда кадры нужны.

Секретарь кивнул, поспешно записывая за царевной.

– Утешение?

– А как же.

Церковь Софья припахала бы в обязательном порядке. А то ж!

Памятны долбаные афгано-чеченские кампании… Эх, взять бы тех, кто их затеял, и по всей местной строгости! Через колесование!

Но даже если оставить в стороне мясорубку… Вот вернулся паренек с войны. Пенсия – копейки, делать ничего не умеет, квартиру – и ту от государства не получишь… Спивались, скалывались, в криминал уходили… Да много чего было в те годы. Софья видела.

И собиралась всячески этого избегать.

Что главное в войне?

Боевой дух! Вот если человек знает, что случись беда – и он не пропадет, что семья его на улице нищей не останется – это ж лев будет! Рыкающий! Любого врага порвет!

Вот Софья и проводила это все в дело. Медленно, постепенно… После польской кампании, конечно, возможностей много не было, а все ж что смогли – для семей погибших сделали. И деньгами помогли, и детей на казенный кошт взяли, кое-кто уж школу заканчивает.

После крымской кампании – тоже. Там, конечно, не до гласности было, едва с бунтом справились, но о людях позаботились. А это важнее шумихи.

В этот раз можно и покрасоваться на весь мир. Раненых наградить при всех, вдовам и сиротам со всем почетом грамоты вручить на получение пенсии, людей своих проинструктировать – и пусть несут вести по Руси.

Это ж понятно – копейку сейчас вложишь, потом она рубль принесет, да не один! Но такие проекты с детьми, с калеками – они долгосрочные, они для царя. А для временщиков вроде демократов – это ни о чем. Сами скороспелки-однодневки, где уж о людях думать! Сожрать бы, сколько успел, – да и в суп.

То же и с науками, с Университетом. Пусть он деньги жрет, пусть не все результаты годятся в дело – так дайте время! Все когда-нибудь окупится. Найдется свой Ломоносов. И до Галилея астрономы писали: «Основываясь на имеющемся, можно предположить, что земля вертится вокруг солнца. Хотя – бред сие…»

Так ведь *основываясь на имеющемся*!

А если ничего нет? Как в том старом фильме? Сел, задумался, открыл? А думать-то о чем, когда базы нет? Тьфу!

Софья потрясла головой, выгоняя остатки идиотских мыслей. Нашла когда вспоминать и о чем. Тут забот невпроворот…

Из Венгрии пришло письмо – Илона Зриньи (фамилию мужа та не взяла) согласилась на брак. Ференца Ракоци собирались женить на маленькой Наталье, а маленькую Юлиану выдать замуж за наследника польского престола. Михайло не возражал. Конечно, ему хотелось бы обоих детей Илоны пригрести под свою руку, но – перебьется. В политике так не бывает.

Софья подумала, что все складывается неплохо. Сестер почти всех пристроила, остался маленький братик Володя, найти ему невесту – и можно лет на десять вздохнуть спокойно. Политика – это и браки в том числе. Кого, куда, с кем родниться… Да кто знает – не женись в свое время Николай Второй на Гессенской мухе с наследственной гемофилией, может, и человеком бы стал? Страну не угробил? Но Алиса на Екатерину не тянула.

В дверь кабинета поскреблись.

– Да?

– Боярыня Морозова принять просит.

Софья едва не застонала вслух, вцепившись в конец косы.

Ну твою ж редьку медом! Вот как приличные женщины перерождаются в неприличных свекровей? Кто объяснит? До брака была просто прелесть, а не тетка, сейчас же… уши отгрызть готова!

И ведь не пошлешь ее вежливо. Ч-черт!

– Проси.

Секретарь понятливо вылетел за дверь. Боярыня вплыла лебедью, темные глаза блеснули искрами. Софья вежливо встала и даже чуть склонила голову. Первой. Все-таки невестка. Младшая по возрасту, но – царевна. И венец в темных волосах явственно напоминал об этом. Пришлось Феодосии скрипнуть зубками, но тоже поклониться.

– Поздорову ли, невестушка?

– Благодарствую, – пропела в ответ Софья. – А вы как поживаете? Подобру ли? Все ли ладно?

– Да не жалуюсь. Матюша дела ведет, я за детьми смотрю…

Ага, так Софья и поверила. Чтоб боярыня Морозова в дела не лезла? Да скорее крокодилы полетят!

За разговорами о здоровье и обязательными раскланиваниями прошло аж десять минут – ритуал. Никуда не денешься, обязанность. А еще – возможность оценить собеседника. Его настрой, благожелательность, расположенность к беседе. Не просто так ведутся светские разговоры, ох не просто. Наконец Феодосия перешла к главному.

– Ванечка скоро возвращается…

Софья вздохнула. И как в воду бросилась.

– Да. Надо бы мне молебен посетить, чтобы Бог нам детей даровал, да поскорее…

Феодосия даже рот от изумления открыла. Вот те на! Она-то думала, придется на невестку давить, уговаривать, а тут – получи! Проломилась в открытую дверь!

– Это хорошо, что ты задумалась. Очень хорошо. Чай, не девочка уже.

Софья едва не фыркнула про себя. У нее-то представления были «из оттуда», не местные. Двадцать лет! Понятно, не девочка, а только и рожать… В двадцать первом веке она бы с этим делом еще лет пять потянула.

– Алеша скоро женится, Бог даст – и у него с Улей дети родятся, вместе вырастим. – Софья называла царскую невесту на русский лад, пусть привыкают.

– С царскими детьми?! Соня!

Софья смотрела на Феодосию спокойно.

– И что тут такого? Ваши внуки тоже царской крови будут, боярыня. Не все, но будут. Почему бы им и не расти вот как мы с Алешей? Подмогой царям…

Феодосия расплылась в улыбке. Поняла и оценила идею.

Канцлер Морозов – или Морозова, каково? Это – в веках, это не забудут, это к чести семьи…

– Ульяна тоже не возражает.

– Дети не возгордятся ли?

– Постараемся, чтобы не возгордились. Тут на вас вся надежда. Вы нам в совете и помощи не откажете, правда?

Феодосия заверила, что не откажет, а то как же. И была обрадована еще одной новостью. Алексей решил, что его сестре быть замужем всего лишь за боярином невместно. Вот за князем Морозовым – дело другое. Так что готовится проект приказа, приедет государь – подпишет.

А вы, боярыня, подумайте насчет младших детей. Почему бы и их в Дьяково не пристроить? Может, тоже в люди выбьются? Вы-то им многое дадите, а все ж…

Проводив боярыню, Софья подумала, что разговор со свекровью обошелся малой кровью. А рожать все равно надо. Сначала Уле, а потом и ей.

Да, и последняя проблема – У Шан. Но… переживаемая.

Софья собиралась отправить Федю наместником. Аж на побережье Балтики! А что?

В Крыму хорошо устроились казаки. Там лезть не надо. В Сибири Строганову мешать ни к чему – и так разворачивается во всю ширь интеллекта. Рудники открывает, дерево гонит,

пушнину… Федя там – лишний элемент.

А вот в Риге или Ревеле – в самый раз. До Китая далеко, рассчитывать У Шан не на кого, пусть хоть вся в интригах запутается, словно паук – в паутине! Обвенчать их, чтобы вписать две свадьбы как одну (бюджет не казенный!), и пусть Федя отправляется к месту жительства. Для начала – в Выборг. И – без жены.

А та приедет по весне, как царевич обустроится. Лишняя гарантия, что раньше времени не залетит. Да и…

Лифляндия – место, где отложиться не удастся еще долго. Шведы – они с русскими тихие и милые. А коли Федя решит (по настоянию жены) объявить себя самодержцем – схряпают мальчишку за милую душу. Сам царевич, правда, пока ничего не знает, ну так дело житейское. Вот Алексей приедет – и сообщим. А Софья – что?

Вовсе даже она ни при чем. Она хорошая… наверное.

Ладно! Свекровь спихнули?

Вернемся к нашим баранам! Там дон Хуан скоро быть должен, аккурат через три-четыре недели, Алексей как раз через пару месяцев подойдет, так что есть время бравому испанцу познакомиться с невестой.

Все-таки лучше Марья. Эта постарше. А Феодосию – в Курляндию. Но языки пусть обе учат, на всякий случай. И оба – и обе.

Да, шведы…

Мало того, что она собирается провернуть с Людовиком, мало! Есть еще такое хорошее слово – диверсант!

Вот она и обеспечит шведам промышленную диверсию. На верфях, на складах, в казармах… Заодно ребятам практика! А шведам станет весело и интересно жить.

Составим план, снабдим взрывчаткой – и пусть едут в гости. Надо, надо помочь шведам в их священной войне с русскими.

Как можем – так и поможем!

* * *

Якоб фон Кетлер, великий герцог Курляндии, письмо от русского государя развернул с опаской. Умен был. Знал, что от могущественных соседей лучше держаться подальше.

Но ничего крамольного лист пергамента не нес. Просто предлагалось заключить союз.

Какой?

Вестимо, брачный. Между царевной Феодосией и одним из

сыновей Якоба.

Фон Кетлер задумался.

Такие предложения вообще-то принимать опасно. Сейчас ты сына с ней обвенчаешь, а потом в результате совершенно несчастного случая (перелетной мушкетной пули, падения куска черепицы) трон унаследует именно что родственница русского государя.

Может?

Да как в зеркало поглядеться!

С другой стороны, и польза великая от этого брака. Торговля, помощь, защита… Опять же, русская царевна – это не какая-то там Луиза Бранденбургская. Тут можно столько всего сделать! И экспедиции в Австралию отправить, и канал между Лиелупе и Даугавой достроить…

Нет, соглашаться, соглашаться! Но надо подумать, кого из сыновей обвенчать, что потребовать, что дать взамен. Старшего отдавать не след. Второй тоже не подойдет – слишком близко к трону. Фердинанд или Александр?

Александр?

Хоть и четвертый сын, а неглуп, в меру амбициозен… Зато трона ему точно не видать. Стоит подумать?

Стоит.

* * *

– Дуня, слыхала? Говорят, государь наш возвращается. Да с победой!

Где и поговорить бабам, как не у колодца? Симпатичная молодка в сарафане синего сукна улыбнулась. Весело, задорно.

– А то ж! Говорят еще, что свеев он посек – несчетно! Теперь дань платить нам будут!

– Наши б вернулись, – вздохнула еще одна молодка в волчьей душегрее.

Дуня быстро перекрестилась на старый манер, двумя пальцами.

– Бог даст, смилуется над нашими мужчинами. Но говорят, государь будет каждый месяц деньгу платить тем, кто кормильца лишился. А детей на казенное содержание брать.

– Да неужто?

– Мне муж рассказывал, а он своими ушами слышал, как то в Кремле обсуждали. Аккурат когда масло туда отвозил…

– И что говорили?

– Царевна говорила, что те, кто жизнь за родину сложил,

достойны памяти, а их семьи бедствовать не должны… вроде так? – наморщила лоб Дуня, гордая своим успехом.

Разумеется, все тут же принялись обсуждать ее слова, а коварная молодка наполнила ведра, перекинула коромысло через плечо да и домой пошла. На розовых губах играла веселая улыбка.

А что?

Чистая ж правда! Коли царевна сказала – так и сделают, никуда не денутся.

Дуня «царевниной девушкой» не была. Не годилась. Слишком тихая и домашняя. Так что вышла замуж за мелкого купца, детей рожала и была счастлива. Но разве ж откажешь подружкам, когда те забегают и просят рассказать людям новости?

Никак не откажешь. Да и не хочется. Невелика плата за счастливую жизнь.

* * *

Король Карл был в ярости. И орал так, что стены дворца дрожали.

На мать.

Ее величество Гедвигу Элеонору.

Вообще Карлу это было несвойственно, но уж больно зол он был. Безумно зол.

– По вашей вине, матушка!!! Кто, кто рекомендовал этого паркетного шаркуна Делагарди?!

Гедвига не оправдывалась. Стояла гордо, только ноздри раздувались.

Ну да, Магнус был ее кандидатурой. Но кто ж знал об этих русских мерзавцах?! Которые прошлись частым гребнем по побережью и затронули Финляндию?! Кто был готов с ними драться?!

– Вы тоже не победили, сын мой.

В стену полетела здоровущая ваза.

– Ваш риксдаг…!!! Ваши фавориты…!!!

Короли не ругаются. Наверное. Так что большую часть речи Карла стоило пропустить хотя бы из соображений дипломатии.

Наконец он выплеснул ярость и смог нормально разговаривать.

– Мы вынуждены уступить Руси. Дании. Бранденбург – и тот!!! Чертов Фридрих! Рюген! Штральзунд! А еще, дорогая матушка, можете готовиться ко встрече с невесткой!

– Что?!

– То! К нам приедет английская принцесса! Мне придется на ней жениться! И оказывать все почести, соответствующие титулу! Нравится?!

Не нравилось. Совсем не нравилось. Какой матери понравится женить сына?

С другой стороны – принцесса еще не королева. Да и стань она королевой – в чужой стране, среди чужих людей – это не более чем пленница. А далее… Кто знает?

Сколько женщин умирает родами…

Это весьма утешало и мать, и сына. Пусть для укрепления связей Карлу придется жениться на принцессе Марии – перетерпит. Не первый брак по расчету среди королей. А там… что еще впереди будет?

Так что, помирившись, мать и сын принялись вырабатывать совместный план. Изыскание средств на войну, ремонт и строительство флота, привлечение союзников… Даже подбор придворных дам для королевы. Чтобы ей жизнь медом не казалась.

Шведам предстояло много работы, прежде чем они смогут еще раз повоевать с Русью. Хватит ли им года? Должно хватить! Они обязаны справиться!

То, что у русских свои планы, им в голову не приходило.

Сентябрь 1676 года

– Государь в походе. Но я могу представить вас государыне.

– Ее величеству?

– Нет. Государыне Софье.

Дон Хуан не спросил, кто это. За время пути Деметрио много рассказал о русском дворе, а дон Хуан, в свою очередь, рассказывал об испанском. Юноша тщательно запоминал, а потом и записывал. Еще царевне отчитываться…

– Буду очень признателен.

– Тогда я в Кремль, а как приеду – расскажу.

Дона Хуана разместили в московском доме Ромодановских, и теперь он разглядывал обстановку. Да, Москва – странный город. И в первую очередь – чистый.

Никто не выливал нечистоты из окон, никто не кричал поберечься, под заборами не валялась разная дохлятина… Крыс – и тех почти не было! Ладно еще русская баня! Дон Хуан привык и даже начал находить удовольствие в парной и венике. А уж ржаной квас был точно выше всяких похвал.

То, что русские блюли чистоту тела, было странно, но это можно понять. Вот принято раз в неделю ходить в баню – и ходят. И платяные звери не заводятся, чесаться не приходится лишний раз. Но как они умудрились блюсти чистоту в городах?!

Непонятно…

Объяснил Деметрио.

Царевич Алексей сначала завел такой порядок в Дьяково. Потом уж, когда царем стал, принялся распространять на все города.

За выброшенную тухлятину – плети. За мусор – штраф и убирать его. А вылитые на улицу нечистоты могут вытереть наглецом, который их вылил. Очень даже запросто.

Зато люди меньше болеют. Известно же, что где нечистоты – там мухи. А где эти твари – там зараза. И эпидемий Москва уже лет пять как не видала. Испания может этим похвалиться?

Испания не могла. Увы…

Деметрио вернулся к вечеру и сообщил, что государыня примет дона Мануэля завтра же. Сразу после обедни Деметрио привезет его в Кремль и подождет, пока благородный дон не соизволит отправиться обратно.

Не уронит ли чести царевны свидание наедине с мужчиной?

Деметрио только усмехнулся. Не такова царевна Софья, чтобы о ее чести грязными языками судили. Да и не такова честь у наших русских женщин, чтобы их подобное запятнать могло.

Дон Хуан пожал плечами, мол, ваши обычаи – вам виднее, и принялся собираться во дворец.

Правда, придворного наряда у него просто не было. И парика. Даже пудры и мушек. Но Деметрио заверил, что царевна будет разговаривать с человеком, а не с его нарядом, как бы странно это ни звучало. Ее высочеству безразличны одежда и положение человека, ей важны душа и разум.

Дон Хуан пожал плечами и задумался уже над другим вопросом. Если ее высочество так проницательна – удастся ли ее обмануть? Он почувствовал бы себя полным идиотом, если бы знал о планах, которые строились в разуме Софьи. А если бы знал, кто стоит за похищением, покушением и прочими радостями, кому он обязан путешествием на турецкой галере…

Не исключено, что встреча закончилась бы смертью одной очень самонадеянной царевны. Но чего человек не знает, то не повредит окружающим.

Так что с утра дон Хуан, облаченный по-русски в праздничную рубаху и кафтан из лучшего сукна, шел по коридорам дворца вслед за сопровождающим.

Софья, против обыкновения, задерживалась. Обычно она была более пунктуальна, но в этот раз ее отловил патриарх, которому позарез требовалось решить один ма-аленький, но очень важный вопросик. Отказать не получилось, так что дон Хуан ненадолго задержался в коридоре.

И тут появилась *она*.

Много красивых женщин видел на Руси дон Хуан, но эта!..

Эта была прекраснее остальных во сто крат. Золото волос, синева громадных глаз, фигура, которую не прятал даже убогий сарафан… Появись такая в Эскуриале – и мужчины пропали бы для мира. Только бы видеть эту пленительную фею, дышать с ней одним воздухом…

Женщина проплыла мимо, едва касаясь ногами пола, даже не повернув головы. Дон был так поражен, что и поклониться не сообразил, потом уже понял, когда краешек черного платья скрылся за поворотом.

Только тогда дон Хуан смог перевести дух.

– Деметрио, кто это?!

– Вдовствующая царица.

Которая зашла к царевне на минутку, не застала ее и направлялась в свои покои. Дома, в Кремле, в покоях, отведенных для царской семьи, Любава позволяла себе ходить без части вдовьего наряда. Не покрывала голову, например. А что носила черное…

Черный цвет ей был безумно к лицу. В черном она казалась

хрупкой фарфоровой статуэткой. И, судя по лицу, дон Хуан проникся.

– Ты говорил, что она вдова, да. Но…

Деметрио пригляделся – и чертыхнулся про себя. Нет, ну надо же так попасть! Лицо у дона было такое…

Словно Любава его по голове поленом огрела, да не единожды.

Вот что это?!

Кажется, он знал. И в то же время не хотел знать. Дмитрий был немного посвящен в планы царевны касаемо дона Хуана. И если его предположения верны, одной из царевен точно придется искать другого мужа.

* * *

Долго Софью ждать не пришлось. Застучали каблучки – и пред очи дона Хуана явилась вторая дама.

И вот тут испанец напрягся.

Ей-ей, такого он никогда не испытывал, даже во время боя. Из темных глаз юной еще женщины смотрело что-то очень холодное и расчетливое. Чувствовалось, что для нее все – вплоть до самого испанца и даже Папы Римского – только пешки в большой игре. Ее игре и по ее правилам.

А пешку можно и смахнуть с доски.

Куда и улетучился любовный туман?

– Дон Мануэль?

– Маркиз Мануэль Алькансар, к услугам вашего высочества.

Поклон по всем правилам испанского придворного этикета. Хотя без шляпы и неудобно. В ответ царевна вдруг присела в реверансе. Так уж был сшит ее сарафан, что трудностей не возникало.

– Дон Мануэль, Деметрио рассказал мне о ваших затруднениях. Смею надеяться, что смогу помочь вам, пока моего брата нет в столице.

Дон Хуан молча поклонился.

– Прошу вас пройти ко мне для беседы.

Жест изящной кистью довершил приглашение, и испанец повиновался.

Какая она – эта царевна?

Не слишком высокая, достаточно крепкого телосложения, ничем не похожа на хрупкую придворную даму. Темные волосы заплетены в косу, на лбу – узенький венец как знак власти. Лицо… жесткое, спокойное, ничего не выражающее. Глаза – и те

сейчас спокойны. Та сущность показалась и спряталась, словно и не было.

Платье… Русская мода, что тут скажешь? При испанском дворе это смотрелось бы нищетой. Ни нижних юбок, ни корсета, ни воротников, ни золотого шитья… Ничего из того, что так любят испанские дамы. Темно-синяя ткань сарафана, чуть более светлая ткань рубахи, из-под подола носки шелковых туфелек – и все. Никаких украшений.

Диадема – да. И два кольца на руке. Одно простое, на безымянном пальце, обручальное. Здесь еще не было этого обычая, но Софья не удержалась. Заказала парные для себя и мужа. Чай, не мини-юбки, нареканий не вызовет. Второе – с большим рубином, ограненным в форме сердца. Подарок брата. Алексей бы засыпал сестру бриллиантами, но, зная, что она не любит драгоценности, не стал настаивать. Правда, против громадного, с ноготь большого пальца, рубина оттенка голубиной крови Софья устоять не смогла. Носила не снимая.

Кабинет был так же необычен, как и его хозяйка. Все легкое, достаточно изящное, аккуратное, из светлого дерева, без всякой позолоты и завитушек. Единственное украшение – резьба. Каждый предмет на своем месте. Два стола завалены бумагами, на стене растянуты несколько карт, рядом с большим окном – глобус, в углу – единственный предмет, не относящийся к работе. Нечто вроде подставки, на которой в беспорядке расположились несколько ваз с цветами.

Красиво.

– Прошу вас, маркиз.

Кресло мягко обхватило благородное седалище, чуть прогнулось и приняло наиболее удобную форму. Конский волос – неплохая набивка.

Софья уселась напротив.

– С вашего позволения, маркиз, я не стану тратить время на ненужные церемонии. Если желаете – налейте себе вина, мне не надо, мне сегодня еще работать. То, что написал боярин Ромодановский, – верно? Маркиз Мануэль Алькансар, был в турецком плену, желает добраться на родину?

– Абсолютно верно, ваше высочество.

– Похвальное намерение. Позвольте спросить прямо: как звучит ваше настоящее имя?

Дон Хуан резко выдохнул. Женщина смотрела с легкой иронией. Не дождавшись ответа, чуть ли не на ощупь взяла со стола одно из писем и протянула ему.

– Можете прочитать. Мой человек в Эскуриале пишет, что маркиз – на месте. И никуда не пропадал.

Письмо выпало из рук испанца. Софья фыркнула.

– Это от Крыма до Рима далеко. А от Москвы куда как ближе.

– При чем тут Рим?

– К слову пришлось. Итак, благородный дон, кто же вы?

Дон Хуан задумался. Царевна наблюдала за ним с легкой иронией. Она точно была в курсе его размышлений.

Солгать? Можно. Только ведь наведет справки. А единожды солгавшему дважды на слово не верят. И не помогают.

Сказать правду? А чем он рискует? Что его попытаются использовать в своих интересах? Ну-ну… Пока все делается в его интересах. Хотя…

– Как давно вы об этом знаете?

– Я узнала вскоре после вашего выезда из Крыма.

Софья не лгала. Узнав про «Мануэля Алькансара», она и правда решила навести справки о маркизе. Хоть и доверяла своим людям, да вдруг не того украли? И – да. Именно тогда по времени.

Мужчина же не уточнял, о чем именно она знает. А раз так – извините. Каков вопрос – таков ответ.

Дон Хуан подумал еще пару минут. Вздохнул и признался.

– Мое настоящее имя – дон Хуан Хосе Австрийский.

Царевна медленно прикрыла глаза. Помолчала пару минут, выдохнула и кивнула.

– Насколько я помню, вы внебрачный сын его величества от сеньориты Марии Кальдерон?

– Память вас не подводит, принцесса.

Испанским языком, кстати, царевна владела вполне прилично. Да, она говорила с акцентом, видно, что тщательно подбирает слова и делает паузы, но фразы строились очень грамотно. Как у дамы из высшего света.

– Дайте доказать, что меня не подводит не только память. Ваша мачеха имеет какое-нибудь отношение к вашему… путешествию?

Рука дона Хуана непроизвольно сжалась в кулак – и это не укрылось от внимания Софьи.

– Значит, да. Вы хотите знать о моих планах? Я равно окажу помощь и маркизу – и наследнику престола.

– Я не наследник.

– Ваш брат – пустота. Он не может иметь детей, не способен править страной. Хотите отдать страну Людовику? Вы теряете колонии в Новом Свете, вас нагло грабят англичане и французы… Если так пойдет дальше – от Испании не останется и плевка на карте.

Руки мужчины невольно сжались в кулаки.

– Не будь вы женщиной…

– Думаете, Руси – лучше? – Софья смотрела в упор, глаза были ледяными. – У нас вообще нет колоний, мы воспринимаемся как провинция с дикими медведями, Европа делает все, чтобы мы остались в изоляции. Вас превратят в ноль, а нас – в место, откуда будут возить лес и пеньку, расплачиваясь бусиками за золото. Что лучше?

Судя по мрачному взгляду – оба варианта были хуже.

– Поэтому я здраво смотрю на проблему. Я не могу позволить себе закрывать глаза на беды, иначе они утроятся. Я верну вас домой – и что вы будете делать?

– Служить своей стране.

– Как раньше? Второй раз вас убьют с гарантией. Не продавая туркам.

– Меня не… не важно. Что вы предлагаете?

– Вы не хотите становиться королем?

– Отец…

– Понятно. А о вашем сыне он что-нибудь говорил?

Дон Хуан вздохнул. Дети… да, дети. Больная тема. То некогда, то дама не та, то еще что-то… а семью хотелось. И детей… Он вспомнил синие глаза вдовствующей королевы и невольно вздохнул.

Какая же она красивая…

– Тогда стоит ли размышлять? Найдите себе жену, заведите детей и начинайте бороться за титул регента.

– Вы предлагаете убить королеву? – особого внутреннего протеста это у дона Хуана не вызвало, но хоть потрепыхаться для приличия.

– А у вас монастырей мало?

– Карл ее любит…

– Любить мать хорошо и правильно, но почему это должно оборачиваться гибелью вашей страны?

– Вы слишком давите, ваше высочество.

– Знаю. Впрочем, дон Хуан… ваше высочество, Князь морей, у нас еще будет время поговорить. Я надеюсь, вы задержитесь до весны, посмотрите, что творится без вас в вашей же стране, подумаете…

– Может, вы и невесту мне здесь подберете, ваше высочество?

– Если пожелаете. Вам удобно в доме Ромодановских, принц?

– Вполне.

– Если вас что-то не устроит – скажите Дмитрию. Я оставлю его при вас для разных поручений. Хотя мальчишка наверняка обидится, вы же ему врали…

Мужчина невольно вспыхнул:

– А вы жестоки, принцесса.

Ответом было равнодушное пожатие плечами. Да, жестока, да, знаю, да, мне плевать на это ценное мнение.

– Я знаю, дон Хуан, что вы не привыкли быть в долгу. Возможно, вы окажете мне помощь? Взамен нашего согласия переправить вас в Испанию?

– Какую помощь?

– Ничего особенно тяжкого для вас или унизительного. Если мой брат, когда вернется, пожелает побеседовать с вами о политике французов и англичан в колониях, вы пойдете ему навстречу?

– Но у Руси нет колоний…

– Это не значит, что их не будет.

– Надеюсь, не испанские?

– В войну мы не полезем. Но то, что будет валяться на дороге, подберем без угрызений совести.

Сказано было предельно четко и ясно. Дон Хуан вздохнул. Больше всего ему хотелось оказаться дома и напиться. И верно ведь – яма без просвета. Но где его взять? И что может он?

Служить руке, которая тебя казнит? А не хочется, ох как не хочется… Поднять бунт? Заточить Марианну куда подальше, в монастырь, взять власть и править от имени Карлоса?

Но силы, силы…

Софья чуть улыбнулась. Благородный дон явно поплыл. Задумался, сразу видно, так что примет он ее предложения. Никуда не денется!

– Ваше высочество, хочу предложить отдохнуть в царских садах. Думаю, вам там понравится. А потом захотите – придете поговорить, захотите – поедете домой. Дмитрия я предупрежу о любом исходе.

Дон Хуан механически кивнул. В голове бурлила полная каша.

Что делать? Кто сказал, что этот вопрос неактуален в семнадцатом веке? Да он был актуален еще когда Земля пустовала, а Святой Дух носился над водами и думал «Что делать?»!

Впрочем, проще он от этого не становится.

* * *

Его величество Карл Второй страдал с утра похмельем. Ну да, жестокая птичка «перепел» не облетала головы английских королей, тем более в Англии был виски. Это вам не разведенное

вино, это – градус! А может, не стоило после виски пить портвейн?

Сейчас вспоминалось уже с трудом.

Вечер-то удался, а вот утро…

Карлу больше всего хотелось казнить надоедливых просителей, но – обязанности короля, никуда не денешься. Вот и сиди куклой на троне, мечтай о холодном вине…

Хорошо братцу! Тот небось уже по дворцу гуляет, развлекается…

А это у нас кто?!

Это «кто» было баронессой Рейвенфилд, из мелкопоместных дворян. После смерти супруга баронесса крутилась при дворе. Слыла образцом нравственности, была остра на язык, к тому же достаточно богата, чтобы держать себя на должном уровне. Но не она сейчас интересовала Карла.

Куда там баронессе!

Чуть позади за ее плечом стояла девушка. И – без преувеличения – очаровательная. Белокурые локоны оттенка лунного света, громадные синие глаза, пунцовые от волнения щечки, алые губки – так бы и поцеловал…

Картинка?

Нет!

Ожившая мечта Старины Роули, иначе и не скажешь.

Нейл Гвин, последняя любовница монарха, тут же показалась ему вульгарной и неинтересной. Да разве можно их сравнить? Это… очарование и рыжую девицу из простонародья? Даже подумать смешно!

Платье на девушке было тоже достаточно простым, хоть и сшитым по всем придворным канонам. Но как оно подчеркивало тонюсенькую – пальцами обхватить – талию, как показывало грудь… После такого не то что перепел улетучится, королю на троне сидеть-то неудобно стало.

А что там вещает баронесса?

Да!!!

Оказывается, девушка – ее племянница, какая-то родня со стороны четвероюродной сестры мужа, сейчас осталась без родителей. И баронесса желает представить мисс Анну Марию де Бейль, леди Винтер, ко двору. Подстрочником – удачно выдать замуж, благо хоть и малое, но приданое у девчонки есть.

Был ли согласен король?

ДА!!!

Разумеется, юная леди Анна будет представлена ко двору. Возможно, для нее даже найдется место фрейлины у кого-нибудь из принцесс, еще бы оно не нашлось. А в остальном – все в руках

баронессы. Та ведь участвует в придворной жизни, вот и…

Кстати, и юная леди вполне благосклонно смотрела на короля. Даже не так. Что там – благосклонно?! Восторженно, наивно, восхищенно… Это так приятно! Богом себя ощущаешь! Так что, лишившись нежного взгляда синих глаз, король даже почувствовал себя немножко обделенным.

Озабоченно переглядывались придворные.

На всех королевских любовниц уже были сделаны ставки, расписаны ходы, никому не хотелось лишаться места или дохода из-за смены фаворитки… Что это за девица? Срочно, срочно навести справки!

А дальше?

А посмотрим, что будет дальше. Что выгоднее: договориться или отравить? Хотя второе сейчас сложно. Из-за той бури, которая поднялась на континенте, король перестраховывается трижды. Заставляет пробовать каждое блюдо, подозревает всех в злом умысле… Информации не хватает!

Откуда баронесса взяла эту девчонку?

И ведь не скажешь, что не понимает результата своих действий. Скалится вон, словно голодная барракуда! Но эту трогать – себе дороже. Те, кто попробовал, вынуждены были несколько лет в деревне просидеть. Язык у баронессы – что то жало…

При английском дворе никто и не догадывался, что баронесса также была русской. Просто с бароном в свое время заключили договор: деньги в обмен на имя. Полученные «сбережения» барон тратил с таким размахом, что и трех лет не прожил, а его вдова потихоньку обжилась в Англии, став совершенно обыденной деталью пейзажа. Ну и шпионила помаленьку и по-крупному, когда что удавалось. Дело житейское.

Спецслужбы (а такие были во все времена) на нее внимания особо не обращали, но если затея с миледи Винтер пройдет… Вполне возможно, баронессе придется покинуть Англию. Но баронесса об этом не сожалела. На родине ее ждут неплохое поместье, деньги, тихая жизнь… Разве плохо?!

Да и надоела эта Англия.

Сама Анна оглядывала зал и короля из-под опущенных ресниц. Чтобы никто не видел холодного блеска глаз. Король казался потрепанным и потасканным. Но играть с ним в древнейшую игру не роскошь, а жизненная необходимость. Понадобится – и такого соблазним, если он еще что-то может. Судя по перегару, там давно уже все в вине утонуло…

Двор тоже впечатления не производил. Кавалеры – облезлые, дамы – страшные, под косметикой – оспины, под париками – вши.

Зубов громадная недостача, зато вонь – хоть воздух ножом отрезай. В отхожем месте – и то так не смердит!

На нее косятся злобно, так бы и сожрали. Подавятся!

Выполнить задание царевны будет несложно. На фоне этого курятника она выглядит райской птицей, так что уложить короля – дело трех дней. Он уже на все согласен, чего там! А вот удержать? Быстро дается – дешево ценится, это любая женщина знает. Так что Старине Роули придется за ней побегать. Ой придется.

А есть ли у нас тут герцог Лодердейл?

Нет, пока не явился пред светлы очи.

Ну ничего, дружок. Никуда ты не денешься от справедливого возмездия. Или думаешь, островок станет помехой? За царевну Екатерину тебя вообще бы на кол посадить, но придется ограничиться гуманной местью. Убить без пыток.

Тело леди Анны послушно приседало в реверансе, восторженно глядело на монарха, бормотало, заикаясь от восторга, положенные слова…

Разум был ясен и холоден.

Кто сказал, что изобретение Екатерины Медичи должно быть заброшено за древностью лет? Летучий эскадрон вновь готов к действиям, хотя и не на благо Франции. Но тут уж французы сами себе враги. Кто мешал Людовику вспомнить прабабкин опыт?

Уже дома женщины позволили себе обменяться понимающими взглядами. И принялись готовить платья для следующего выхода ко двору.

У Карла не будет возможности устоять!

* * *

– Твою мать! Мать твою! Тьфу!

Софья не выбирала выражений наедине с собой.

– Ну надо же так вляпаться?! Любоф-ф-ф!!!

После доклада Дмитрия ей чуть дурно не стало. Значитца, у его величества (пусть дон Хуан пока высочество, это дело времени) случилось обострение чувства!

Увидел Любаву, всю такую очаровательную, и влюбился! Теперь через Дмитрия пытается навести справки, а то и увидеться. И как тут быть?

Да просто.

Спросить саму Любаву, чего она хочет. Потому что если любовь у нас только со стороны дона Хуана – это одно. А вот если любят оба…

Ох, елки!

Накрывается медным тазом план Софьи насчет Испании. Любава туда точно не поедет, у нее дети, да еще мелкие. То есть дон Хуан остается на Руси. А что ему делать на Руси – вот вопрос?

Алексей и сам отлично справится со всеми делами, ему помогать не надо. Опять же, серьезного флота нет, с тем, который есть, отлично справляется Поль Мелье, да и Испанию без присмотра не оставишь.

Сейчас бы Хуан очень там пригодился. Явился, запер в монастырь Марианну, сколотил свою клику, честно проправил до смерти Карлоса за его спиной, а там, глядишь, и сына на трон посадил. Но для этого что необходимо?

Сын от знатной жены. Сам-то герой – бастард, кровь у него, считай, грязная по испанским меркам. Жена, которая будет держать всех в кулаке и водить строем. Испания там, не Испания, а если королева сказала «лежать», то всем лежать. Иначе ее просто этикетом затопчут от доброты душевной. Любава этого просто не сможет сделать.

И результат будет печален.

Кажется, кто-то из испанских королей угорел, потому что просить передвинуть жаровню было против этикета?[16]

Любава бы тоже угорела.

А Машка?

О, та бы пнула жаровню, потом пнула придворных, построила бы всех, до кого можно дорваться… Боевой характер у сестренки в наличии! Да и честолюбия – ложкой ешь!

Итак, минусы Любавы? Дети, характер, незнатное происхождение. Плюс – один, но жирный. Ее дети от дона Хуана родней Романовым ни с какого бока не будут. А значит, и тех вариантов скрещивания, которые привели к появлению на престоле жертвы инбридинга[17], не будет тоже. Но объяснить это испанским грандам?

Минусы Машки – две штуки. Дон Хуан ее не любит. Гулять вряд ли будет, не тот возраст, чтобы распыляться, но и счастья в семейной жизни сестренка не дождется. Хотя… полтинник мужику, какое там счастье! Здесь это – как в России семьдесят! Спасибо, что еще что-то стоит, и не на полшестого. И второй минус уже сказан. Родственница.

Ну и что ты делать будешь?

Варианты были, но Софья решила так: подождать немножко. За зиму дон Хуан никуда не денется, будет время все повернуть в нужное русло. Просто Любава – она тот тип, на который любой испанец поведется. Волосы, глаза…

Машка же…

Ладно! Научить можно любую. Но вполне возможно, ситуация и сама рассосется. Когда возникает желание преодолевать препятствия?

Да когда есть запреты!

А если их нет?

Кушайте, не обляпайтесь?

Не случится ли так, что оба нагуляются – и успокоятся?

Вот Любаву чисто по-человечески жалко. Хоть и царица, а счастья у девчонки в жизни, считай, и не было… И мужика нормального тоже.

Но где его найти? Хм-м… а это идея! Искать, срочно искать! Не подставного Васечку Голицына, а серьезного кобелину, который будет делать царицу счастливой три раза за ночь, а иногда и шесть раз. Благо других способностей от него и не потребуется, брака – тоже. Царицы, особенно вдовствующие, замуж не выходят. Только в монастырь. Или все-таки подставить ей Васечку?

Нет, не хотелось бы. Как вольный герой-любовник он полезнее будет.

Софья многое ломала из старых обычаев, но грань старалась не пересекать. Допустимо простое платье, но недопустим, например, разрез на юбке. Или вырез на бюсте. Допустимо выдать замуж царевну. Было, было такое дело, у мужа на полке когда-то стояла «Анна Ярославна – королева Франции», как-то так. Но царицу?

Софья такого не помнила. Бояре озвереют. Патриарх хоть и ручной, но тут может и бунт начаться. Либо надо тут, на Руси, «убивать» Любаву, а там, в Испании, выдавать замуж под новым именем. Либо еще что… Да проще не заморачиваться! И поговорить, кстати, с самой Любавой, чтобы не воспринимала испанского мачо слишком серьезно. Нечего себе и сердце рвать.

Погулять-то они могут, вместе побыть, только тайно. А вот на всю жизнь…

Не получится.

* * *

А приятно, когда тебя встречают как героя.

Алексей Алексеевич, впрочем, поражений пока и не знал, Бог даст – и не узнает. Планирование, подготовка, вооружение, снабжение… не просто ж он так на войну ходил! Сколько в свое время пришлось трактатов прочитать, сколько выучить!

А результат – вот он.

Идут, поют…

Живые солдаты, спасенные жизни, соответственно, прирастет население в стране, они ж сейчас до баб дорвутся… А что? Не только ж население Швеции увеличивать? Эх, надо было с Карла еще и за это потребовать. Как Соня скажет – за улучшение породы.

М-да… а он свою породу портить собирается. Но жена – дело такое, серьезное.

– Думаешь, в следующем году воевать будем?

– Уверен, что нет, – отозвался Алексей.

– Карл не смирится.

– Да и плевать. Войска мы проредили, флот – датчане, к тому же на Моонзундских островах тоже закладочки остались…

Мужчины переглянулись и засмеялись.

А что, просто так уходить из крепости? И отдавать ее?

Не-ет. Умных много! А потому в нужные места тайно заложены пороховые заряды. Решит Алексей опять их штурмом взять – достаточно ночью фитиль поджечь. Заходи через новые ворота! И опять Карлу весело и интересно.

Справедливости ради такие закладки были установлены по всем взятым крепостям. Знали о них только десять человек, которые сейчас ехали на родину. Ни коменданты, ни кто-то еще. Чего человек не знает, то он и не выдаст, верно?

– Дали б нам лет пять мира…

– А это надо уже на твою жену надеяться. Но я в Соню верю, теперь она такое придумает, что никому не до войны с нами будет!

– Тебя жена к сестре не приревнует?

Алексей пожал плечами:

– Дело жены – рожать детей, воспитывать, строить придворных… При чем тут Соня? На ней внешняя политика, и сестрица с ней отлично справляется.

– Я вас – и то иногда ревную.

– Ты умный, сам все понимаешь.

– А где сказано, что твоя будущая жена – умная?

Алексей помрачнел:

– Будем надеяться на лучшее. С внешностью еще можно смириться, а вот с умом…

– Всегда можно завести любовницу.

– Сначала надо завести детей.

– Я бы тоже не возражал… Лет пять бы нам мира, как раз бы успели.

– Будет. Я уверен, что будет.

Октябрь 1676 года

Как встречала героев Москва?

Цветами.

Пусть уже осень – не важно! Софья приказала ободрать всю царскую оранжерею, в ход пошли разноцветные осенние листья, гроздья рябины, и все это сейчас летело под копыта коней. Кто-то кричал «Ура!», кто-то плакал, звенели колокола, все было торжественно и красиво.

Алексей Алексеевич – воплощение победоносного государя. Сияла кольчуга, сияли символы царской власти. Войска чеканили шаг, неся шведские знамена.

Царская семья ждала на крыльце Кремля.

Алексей спешился и, как в прошлый раз, принялся целовать родных. Но в этот раз было и дополнение. Ульрика тоже стояла на крыльце.

Алексей мягко отстранил царевну Феодосию и подошел к невесте.

Вгляделся – пауза заняла не более секунды – и протянул ей руку.

Ульрика опустила глаза, а потом медленно вложила свою руку в его ладонь.

– Все готово для свадьбы, – шепнула Софья, появляясь рядом. – Можно завтра же…

– Если невеста согласна?

Слова были тихими, так что их не слышал никто, кроме Софьи, Ульрики и самого Алексея.

– Да…

И Ульрику можно было понять. Лицом Алексей Алексеевич был куда как красивее бедняги Карла. Да и остальное…

Софья не зря трудилась эти несколько месяцев. Ульрика готова была под венец хоть сейчас.

Царевна кивнула и исчезла. А Алексей Алексеевич на глазах у всей столицы поцеловал в лоб свою невесту. Большего себе позволить не мог, да и не надо было.

Лицо Ульрики сияло такой любовью, такое доверие светилось в ее глазах – сейчас ее даже нос не портил. Именно в эту минуту Алексей принял решение не огорчать жену. Нельзя причинять боль тому, кто настолько беспомощен. Подло это.

Звенели колокола.

Впереди еще предстояли торжественные речи, на которых Ульрике, как будущей царице, надо было присутствовать рядом с Алексеем. На этом настояла Софья.

Хватит с них затворничества.

Подождите, придет время, еще и короновать цариц будем, и свою Шапку для них заведем. Пусть не Мономаха, но… Даешь публичность женщинам Руси? Хотя бы в небольших размерах.

* * *

Протокольная встреча отгремела, все разошлись по домам. И пришло время встречи настоящей. Бояре пируют, верные люди следят за ними, ибо на пиру можно многое о людях узнать, а Алексей, Иван и Софья уединились в кабинете. И только там позволили себе сбросить маски. Софья первая повисла на шее сразу у обоих, не зная, кого обнять сначала – брата или мужа. Оба родные и любимые.

– Вернулись!!! Господи, спасибо тебе!!!

И слезы закапали. Вернулись!!!

Живые, здоровые, вот они, стоят рядом, и можно до них дотронуться, живые!!! Все остальное – не важно!

Мужчины переглянулись с каким-то глубинным пониманием, мол, все равно – женщина, и наперебой кинулись утешать плачущую царевну. Но прошло минут десять, прежде чем Софья смогла нормально говорить. И тут же покаялась:

– Подвела я тебя, Алешенька.

– Катя?

Алексей Алексеевич знал единственную причину, по которой Софья могла считать себя виноватой. Сам он, кстати, сестру не ругал даже в мыслях.

Да, не уберегла. А как тут убережешь? Не она же англичанам яд в руки вкладывала, не она учила травить неугодных! Наоборот, оберегала родных что есть силы.

Сил не хватило?

Как это ни печально, но бывает, и Софья это понимала. Только вот виноватой себя чувствовать не переставала.

– Катя. Задурили девчонке голову, вот она и хотела замуж выйти за Петрушу Львова.

– Что за птица?

– Да так, среднего полета. Это все матвеевские последыши, чтоб ты знал. Щуку съели, да зубы остались, – Софья странно усмехнулась.

– И сейчас остались?

– Сейчас выбиты, да ведь время штука такая… Пройдет – новые щурята народятся.

– Вот и ладненько. Не будет щук – уху сварить не из чего

будет, – здраво рассудил Алексей. – Что со Львовыми сейчас?

– Осваивают Сибирь. Кто жив остался.

– В Сибирь больше никого ссылать не будем.

Софья кивнула:

– Согласна. Финляндия, Рига, Ревель…

– Именно. Туда и поедут.

И не зря. Для шведов сейчас любой, кто русский, – враг. А любишь ты царя или нет – их вообще не интересует. Главное – русский. Там-то все бунтовщики мигом научатся родину любить.

– Не кори себя за Катю. Ведь не она целью была – ты. Сама чудом уберeглась, – тихо произнес Ваня, обхватывая жену за плечи.

Софья откинула голову и улыбнулась. Вот ведь… В корень зрит муж любимый. Только правда от чувства вины не избавляет.

Не уберегла.

– А что у меня за невеста? – перевел разговор Алексей, видя, что на лице Софьи опять собираются облачка. – Ты с ней уже разговаривала, оценить успела – что она собой представляет?

– Очень порядочная девочка, даже удивительно, что принцесса, – Софья ехидно улыбнулась. – Я уж думала, таких сейчас не водится. Добрая, умненькая, но очень… тонкокожая. Так что поосторожнее с ней. Там, где я и головы не поверну, она долго от раны оправляться будет.

Алексей поморщился:

– Оранжерейный цветок?

– Да, можно и так сказать. Не обижай ее, ладно? Она этого не заслуживает.

– И не собирался.

– И цветник свой временно придержи. Пусть не пахнут слишком сильно… Ты понимаешь?

Алексей Алексеевич кивнул. И задал другой вопрос:

– Две свадьбы вместе? Не рано ли для китаянки?

Софья передернула плечами:

– Я бы и вообще ее домой отослала, но ведь не получится! Ты не представляешь, как эта зараза влезла Федьке в душу!

– Все так серьезно?

– Более чем… – Софья помолчала несколько минут и решилась: – Алеша, если бы случилось так, что ты… не вернулся… мне пришлось бы или срочно женить Федьку на другой, или травить его. Чтобы не допустить… этой к власти.

К чести Алексея, мысль, что Софье нужна власть и только, а У Шан она попросту приревновала к этой субстанции, он даже не отметал. Она просто не возникла. Сколько уж за эти годы он убеждался, что Соне власть нужна лишь как инструмент. На его

благо, на благо Руси.

– М-да… Тогда зачем? Давай уберем ее по-тихому?

– Нет. Пусть выходит замуж. И пусть привязывает к себе Федора. Ты сможешь отправить его к финнам?

– Вполне. Более того, будем создавать там княжество Финское и Угорское, вот и пусть закладывает основы. Он юноша умный, хваткий. Справится – получит земли во владение…

Соня усмехнулась:

– Алешенька, ты гений. Отличное место! И У Шан с интригами не размахнуться, и держаться за Русь они зубами будут, а то Карл их слопает, и когда есть дело – дури места нет… Ты чудо, братик!

Алексей гордо улыбнулся:

– На том стоим!

Решение было принято.

* * *

Царская свадьба праздновалась с размахом.

С бо-ольшим размахом.

Тем более – две свадьбы.

У Шан, крещенная под именем Авдотьи, выходила замуж за царевича Федора. Ульрика Элеонора, ныне Ульяна, венчалась с государем всея Руси Алексеем Алексеевичем.

Обе невесты были очаровательны, хотя Софья позаботилась об У Шан на свой лад. Подобрала одежду, которая придавала девушке болезненный вид, драгоценности похуже – сделала все, чтобы бояре, глядя на У Шан, покачивали головой.

Некачественную невесту китайцы подсунули, рядом с молодой царицей она смотрится как гадкий утенок рядом с прекрасным лебедем.

А Ульрика сегодня была прекрасна. Умело подчеркнутое косметикой лицо, красивое платье, украшения, но главное – сияние влюбленности. Так, что каждый, кто смотрел на эту пару, видел: царица будет мужа любить и почитать. А от любви и дети хорошие родятся.

– Она Алешу любит…

Софья, невидимая за занавесью, прислонилась головой к плечу мужа.

– Она не его пока любит, Ванечка, а то, что ей о нем рассказывали. Свое представление о царе. Если Алексей ее не разочарует, у них эта любовь на долгие года сохранится, ее на двоих хватит. Ну а коли сломает девочке красивую сказку…

– Тебе ее не жалко будет?

– Жалко, – покривила душой Софья. – Она неглупая, хорошая, они могут быть счастливы вместе. Хотя и не так, как мы.

– А ты со мной счастлива, Соня?

– Я бы себе другой судьбы и не желала, – честно призналась царевна. – Ты – лучшее в моей жизни.

И сейчас она не лгала. Иван видел, какая она, видел без прикрас, знал, на что она может пойти, – и все равно продолжал любить. Разве этого мало?

Даже слишком много. Софья на такое не рассчитывала.

– Я бы без тебя жить не мог…

– И я. И… Ванечка, я от тебя ребенка хочу.

Сияющие глаза мужа стали лучшей наградой царевне, и на миг она даже почувствовала укол совести. Все-таки легко манипулировать любящими.

Такими, как Ванечка, Уля, как Любава… м-да, тоже проблемка.

– Сонюшка, ты на себя слишком много берешь.

– Он тебе понравился или нет?

– Он… хороший.

– Любава, подумай. Можешь принять его, можешь оттолкнуть. Не скрою, мне был бы выгоднее первый вариант, при котором у вас завяжутся… отношения.

– А Маша?

– От нее кусок не отвалится. А дон Хуан спокойно перегуляет свое увлечение, женится и уедет поднимать Испанию. Или ты поймешь, что он тебе нужен… тогда уже иначе решать придется.

– Какие тут решения могут быть? Я детей не оставлю…

– Рано или поздно они оставят тебя. Поэтому думай…

– Соня… ты не боишься, что заиграешься? Судьба не любит тех, кто решает за нее. Рано или поздно ты за это серьезно поплатишься.

– Знаю. Но и выбора у меня нет. Подумай, Любава. Я тебе помогу, но решать ты сама будешь.

Разговор был очень неприятным. И – не последним. Наверняка. Но… нельзя ничего делать против желания Любавы. Здесь и сейчас – нельзя. Софье только партизанской войны в своем доме не хватало. На дела-то времени нет, еще их на разборки с обиженной женщиной тратить.

Нет уж!

Если поговорить правильно, каждого человека можно убедить. И он сделает то, что тебе нужно.

– Уйдем пораньше? – шепнул Ваня.

– Молодых проводим – и уйдем, – вздохнула Софья. Она бы тоже с большей радостью провела время с мужем, чем тратить его на церемонии. Но – надо.

Ваня качнул головой, но спорить не стал. И Софья подумала, что именно за это любит мужа. Он знает, что такое *необходимость*.

Наконец молодых еще раз осыпали зерном и хмелем для плодородия и принялись провожать. Софья на прощание чуть сжала ледяную от волнения руку Ульрики, подмигнула Алексею – и двери опочивальни закрылись.

Впрочем, видя на следующее утро сияющую от счастья Улю, Софья подумала, что не ошиблась в брате. Молодец, Алешка. Вот и еще один человек в их команду. На Ульяну тоже ляжет важная часть работы. Дети. Они все ими будут заниматься, но большую часть времени малыши проводят с матерью.

И возможно, ее малышей тоже придется доверить Ульяне.

А счастливая жена не станет настраивать малышей против отца или делать еще какие-нибудь гадости.

* * *

Свадьба – свадьбой, но дела никто не отменял. А потому на следующий же день, в послеобеденное время, вся компания собралась в кабинете у Алексея.

Алексей, Софья, Иван, Аввакум, Воин Афанасьевич, Ромодановский – самый ближний круг. Потом, уже потом сюда позовут и патриарха, и Разина, если тот окажется в Москве, и Ивана Сирко, который упорно собирается умереть в седле… Это – потом.

Сейчас же…

Первое слово, разумеется, держал государь.

– Со Швецией мы повоевали вполне успешно. Думаю, следующую войну надо ожидать лет через пять, раньше Карл не оправится. Но и тогда… мы можем попробовать избежать этой войны, если будем плодотворно сотрудничать с датчанами.

– Сие хорошо было бы, – прогудел Аввакум. – Война – всегда врагу на потребу.

– А еще – наша казна в ближайшее время никакой войны не выдержит. – Иван с утра уже успел проглядеть кое-какие отчеты. – Даже успешные походы – это все равно громадная нагрузка, а у нас куча проектов. Таких, как государевы дороги, как постепенный перевод крестьян в вольные люди, как освоение

Сибири и Зауралья, флот, Университет…

Алексей поднял руку:

– Вань, я понял. Денег нет.

– Абсолютно точно подмечено. Нет, не было, не будет. И так гадюками изворачиваемся.

– Тогда будем обеспечивать мир.

– На это тоже нужны деньги. Но меньше, – мягко заметила Софья.

– Насколько?

– Чем воевать со Швецией, намного выгоднее устраивать там диверсии. Люди уже направлены, если все будет хорошо и правильно, гарантирую: флот свой они в ближайшее пятилетие не восстановят. Да и в армии… Вы воевали успешно, потому что заботились о людях. А они до сих пор солдат палками гоняют и тухлятиной кормят. Интенданты так воруют, что у генералов ночные горшки стащить готовы. Мы это исключили – и выиграли. А у них… О, я постараюсь это еще и развить!

– Удастся?

– Потом покажу отчеты. Кроме того, шведы не полезут в драку, если их не поддержат англичане или французы, а тем сейчас некогда.

– И что там такого случится, государыня? – Ромодановский мог позволить себе легкие вольности, как-никак они с Софьей давно вместе работали.

– У Вильгельма Оранского был внебрачный сын. Вы знаете? Его вырастили верные люди, потом сообщили о его правах… Все доказательства есть. Гарантирую подлинность.

– И он будет бороться за дело своего отца?

– При правильном подходе Людовику этой борьбы лет на десять хватит, а там посмотрим.

– А в Англии?

– Там и воевать не надо. Там король – неудачный, братец его не лучше, они сами все развалят. С нашей скромной помощью… Зато прославятся прекрасными дворцами и парками. Обязательно!

Софья чуть улыбнулась. Леди Винтер еще не так английскую казну разорит! А почему это во Франции есть свой Версаль, а в Англии – нет?! Даешь Англосаль! Или Дворец Великого Карла!

– У нас с Англией и еще есть счеты, так?

Алексей смотрел серьезно – и царевна чуть развела руками:

– Да. За Катерину они мне кровью ответят. Но тут – прости, Алешенька. Я даже не могла подумать, что меня решат отравить так… нагло! По-английски! И не могла предположить, что яд достанется сестренке. Принесло ее поговорить не ко времени!

– Привыкли, с-суки, – процедил Иван.

Покушения на жену он спускать не собирался. Чуяло сердце…

– Отвыкнут. Некому будет. Лодердейл мне за это кровью ответит, как и исполнители, как и… Ладно! Карла трогать не будем, он там все равно ничего не решал, да и не стоит лишаться такого ценного союзника. Мы так Англии отродясь не навредим, как этот с-сынок короля-мученика. А вот остальных…

– Ты понимаешь, что яд мог бы достаться тебе?

– Я усилила меры безопасности. Федор Юрьевич оказал мне в том неоценимую помощь.

Ромодановский бросил благодарный взгляд на царевну. Признавать чужие заслуги она никогда не стеснялась. И хвалить, и благодарить, и награждать… Хорошо служить умному господину.

– Подумай, что мы еще хорошего можем сделать Англии?

– Флот. У нас сейчас на руках сильный козырь, который называется дон Хуан. Если окрутить его с Машкой и отправить на завоевание Испании – он там всех построит. Даже если будет регентом. Ему удастся. Опасный мужчина. Очень умный, очень преданный своей стране, вот только чуть прямодушен. Но это его бы с Марьей свести, той яда и хитрости на троих хватит.

– Однако?

– Наш идальго по уши влюбился в Любаву.

Отреагировали все по-разному. От тихого свиста (Иван) – до решительного «Нет!» (Ромодановский). Софья прищурилась, прикидывая в уме. А ведь – может? Или не может?

– Нам это выгодно? – спокойно уточнил Алексей.

– Решительно нет. Любава… Не та кандидатура, которая сможет со всем справиться. Тем более – с ролью королевы-матери. Ролью регента, если хотите. А об этом тоже надо задуматься. Сколько осталось нашему дону? Десять лет? При удаче – двадцать? Больше-то вряд ли, кровь не позволит.

– У него проблемы с кровью?

– Ужасные. По отцовской линии получить нормального потомка нереально. Если бы не мать – наш идальго вымер бы еще в младенчестве…

– А Машины дети?

– Там есть хорошие шансы на здоровых детей. Как и с Любавой. – Основы генетики Софья давно изложила в Университете и теперь ученые активно вгрызались в науку. – Но Любава – никто. Копни – и обнаружишь ее худородность. И характер. А вот Марья…

– Я тебя понял. Что будем делать, чтобы свести их с Марьей?

– Любава и сама не горит желанием уехать в Испанию.

Просто давить на них обоих сейчас – это гарантированно получить с обеих сторон попытку сопротивления. Помните английского драматурга Шекспира? Так вот, не запрещай родители Ромео встречаться с Джульеттой – они бы друг другу надоели за месяц и разбежались. И ни проблем, ни смертей. К тому же в Европе это распространено. Должны иметься дама сердца, жена и любовница. Вот пусть дамой сердца будет Любава, а две другие функции возьмет на себя Марья. В крайнем случае, любовницу найдем из своих. Лейла целый змеюшник дрессирует.

– Добрая ты, Сонюшка, – Алексей беззлобно подтрунивал над сестрой.

– Страсть быстро проходит и оставляет угольки и пепел. Долго горит только правильно разожженный костер.

– Ладно. Ты сможешь это сделать?

– Постараюсь. Так вот англичане сейчас главенствуют на море, несмотря ни на какого короля. А испанцы терпят поражение за поражением. Англичане оплачивают услуги каперов, возведя пиратство чуть ли не в ранг добродетели, а у испанцев за всю историю был один-единственный капер – и тот быстро помер.

– И ты предлагаешь?..

– Разумеется, наших людей. Корабли. Совместные действия. Но для этого дону Хуану придется кое-чем поступиться.

– А если не согласится?

– Нам хватит пока и того, что мы уже получили. Будем развиваться постепенно. Хотя в союзе с Испанией это было бы намного легче.

– Так и порешим. Испания на тебе. Что у нас еще хорошего? – Взгляд государя остановился на Аввакуме, и протопоп поднялся с места.

– Не могу пожаловаться, государь. Кое-где народ еще ворчит. Кто на старый лад крестится, кто на новый, а все одно: ни шума, ни бунта. Тут, как государыня и говорила, ежели б насильно всех под одну гребенку стригли, запрещали да наказывали – втрое б охотнее людишки бунтовали. А когда запрета нет, вроде и шуметь не из-за чего. Опять же, грамотность растет. Церковные школы открываются, дети учатся… Есть чему порадоваться.

– Отсутствие бунта – это хорошо. Федор Юрьевич?

Конечно, обращение по имени-отчеству было честью для боярина, но в ближнем кругу Алексей так и поступал. Это вон Милославские – Ванька, Илюшка. Голицын – Васька, а коли человек умен да полезен, что ж ему и уважение не показать? Пусть и не стар Федор Ромодановский, всего-то на четвертый десяток пошел, а все ж ему приятно.

– Спокойно все, государь. Народишко не бунтует, по кабакам,

правда, говорят, что хватит бы войн, ну так их же все равно быть не должно в ближайшее время?

– Пока – не должно. Пусть люди отдохнут.

– По англичанам мы с государыней кое-что сделали, по полякам, французам… Я расскажу вкратце?

Алексей кивнул и следующие полчаса выслушивал сжатое изложение интриг, которые плела его сестра руками главы Тайной Канцелярии. Надо отдать должное Ромодановскому: мужчина был умный, с жестокостью не перебарщивал и лишнюю кровь не лил. Что и требовалось.

Совет закончился примерно через час, и все разошлись по своим делам. А Алеша вернулся в свои покои. К жене. Пусть не красавица. Но все ж… им жить вместе.

А потому – букет цветов, коробка сладостей и улыбка.

– Уля, ты просто чудо. Не успел оставить тебя, а уже соскучился. Эти государственные дела…

И видя, как расцвела жена, понял: все правильно. Главное для женщины – внимание и забота, вот он их и будет выказывать. И поболее, поболее.

Да и детей делать надо. Займемся?

Ульрика чуть покраснела, когда супруг увлек ее на кушетку, но возражать не стала. Вот и правильно, все равно никто лишний сюда не войдет, дверь закрыта, а ханжество в святом деле получения наследников вовсе и ни к чему.

* * *

Надо сказать, Софья тоже времени не теряла.

Кто сказал, что кабинет – это скучное место, в котором только дела обсуждаются? Главное – дверь запереть. А сплетни…

И что?

Она же с собственным мужем занимается любовью на столе, не с чужим!

И смотрит в сияющие счастьем глаза, и ласково перебирает его волосы… она соскучилась, черт возьми! Она не железная!

– Ванечка…

– Соня, я думал, с ума сойду. Это…

– Это стоит ухмылок секретаря, – Софья тоже лукаво улыбнулась. – И пусть. Все равно сплетни не пойдут!

– Головы оторву, если что!

– Договорились! Как хорошо, что ты дома…

На языке вертелось то самое «вы», но Софья не стала упоминать Алексея. Все-таки Ваня чуть ревнует ее к близости с

братом. Как ни объясняй, что родная кровь ближе всего, как ни успокаивай…

– Сонюшка, я о тебе каждый день думал. Чуть с ума не сошел, когда про покушение узнал… Это Алешка как железный, а я бы и домой кинулся.

– Алешке не легче было. Только ты меня больше любишь, а он в меня больше верит. – Софья чуть кривила душой, но Иван был слишком счастлив, чтобы ловить ее на нестыковках.

– Я в тебя тоже верю.

– А я хочу от тебя ребенка…

Счастливые глаза мужа были хорошим ответом. И не так важно, что беременность может выбить из колеи, что токсикоз века не разбирает, что рожать в местных условиях бывает страшновато… Выживем! Все выживают… кто не умирает.

– Ванечка, ты уехал, а я думала, что хочу… Вот такого же, как ты, мальчишку, светловолосого, голубоглазого…

– А я бы девочку хотел. И чтобы она пошла вся в мать.

– Тогда придется сделать двоих. Ты не против?

– Обещаю постараться! Сегодня же!

– Только уже не на столе, ладно? А то спина затекает… И, кажется, мне куда-то чернильница впилась.

– Но не пролилась же?

– Единственное, что утешает, – фыркнула Софья.

Как же легко сделать счастливыми тех, кто любит. Почему люди так не поступают? Странные эти люди…

Хотя была бы она умнее, не будь у нее опыта той, другой жизни? Ей ведь все заново подарили, вот она и старается не совершать тех же ошибок, что раньше.

Нет, наверное. Не была бы. Легко судить людей с высоты опыта, но кто сказал, что ее опыт верен для всех и сразу?

Ладно, это потом. А сейчас хоть косу переплести, что ли…

* * *

При взгляде на русского государя дона Хуана одолел новый приступ тоски. И было с чего. Карлос, бедный малыш… ему бы хоть десятую часть такого здоровья, обаяния, красоты! А этот мужчина смотрит весело и дружелюбно.

– Рад видеть вас на Руси, дон Хуан. Хотя и предпочел бы, чтобы это случилось при более благоприятных обстоятельствах.

Вот когда поблагодаришь сестру за выученные в детстве языки. Учил-то он больше итальянский, но и испанский затронуть довелось.

Испанец поклонился и тоже заговорил по-русски.

– Ваше величество, я счастлив, что вы соизволили уделить мне ваше бесценное время.

Фраза вышла откровенно корявой, акцент был – хоть ножом режь, но учил ведь, старался! Как такое не поощрить?

Вечер был задуман как чисто семейный. Алексей с женой, Софья с супругом, ну и дона Хуана пригласили. Без спутницы, зато с Дмитрием в качестве переводчика. Мало ли…

Приглашать Марью или Любаву посчитали нецелесообразным. Всему свое время, и сватовству – тоже.

– Я тоже рад видеть вас.

Неспешная светская беседа – к чему она? Разговоры о погоде, природе, о русских и испанских обычаях, в сущности, ни о чем. Но в то же время… Ничто иное не позволяет так прощупать собеседника, определить его настроение, готов он к сотрудничеству или нет, его душевное состояние… спрашивать в лоб? Зачем? Будет еще время атаковать.

Дон Хуан и верно сначала чувствовал себя чуть скованно, как и Ульрика, но потом (усилиями четырех человек) и тот, и другая расслабились – и беседа потекла легко и непринужденно.

Самое серьезное началось уже потом, после ужина. Когда подали чай с разными закусками и заедками, и все перебрались из-за стола в уютную гостиную. Дон Хуан чуть косился на Дмитрия, но юноша вел себя безукоризненно, словно каждый день с принцами да королями обедал. Непринужденные манеры, великолепная осанка, улыбка, первым в разговор не лез, вмешивался, только если дон Хуан не справлялся (поди вырази свою мысль правильно, когда люди плохо знают испанский, а ты – русский! Тут и латынь не поможет), отвечал, когда к нему обращались – но и только.

Не слуга, нет. Но… кто?

Все прояснил Иван Морозов, подметив недоумевающие взгляды и переглянувшись с царем.

– Деметрио – наш друг и воспитанник. Почти брат. Как и все, кто учился в царевичевой школе. Все мы русские люди, и все работаем на благо Руси. Хоть царь, хоть псарь. А это… объединяет.

Дмитрий чуть склонил голову. И тоже дополнил:

– Каждый из воспитанников в свое время остался сиротой. Почти каждый. И мы твердо знаем, что наша мать – это Русь. А вместо отца у нас Алексей Алексеевич. Он дал нам новую жизнь, и мы с радостью отдаем ее на благо родины.

Пафосно это, кстати, не звучало. Скорее – убежденно. Юноша верил в сказанное, и от этого его слова были неотразимы.

– Хотел бы я, чтобы так говорили и в Испании, – вздохнул дон Хуан.

– Так кто же вам мешает? Открывайте приюты под покровительством короны, с воспитателями поможем, – Софья решила попробовать начать атаку. – Единственным нашим условием будет невмешательство инквизиции. Наши люди – православные и такими останутся, но обращать в свою веру они никого не будут. Просто учить письму, счету, естественным наукам. А в ваши школы нужны грамотные католические священники. Не фанатики, а истинно верующие и идущие к свету. Думаю, в Испании таких много.

Дон Хуан только улыбнулся. Горько и кривовато.

– У меня другая ситуация. Вы знаете, ваше высочество.

Софья пожала плечами:

– Кроме возраста у вас с Алексеем нет разницы. Вы наследник – и он был наследником, когда мы открыли первую школу.

– Я не наследник. Я… труп.

– Физически – нет. А политически – все зависит от вас, – Софья отступать не собиралась. А ответить ей резко не мог уже благородный дон. Не та женщина, не то место…

– Политически… Вы не все знаете. Я бастард, пусть признанный, но в глазах наших вельмож я навсегда останусь… не вполне…

– Высокого происхождения, – подсказал Дмитрий.

– Да, можно и так сказать.

– Осетрины второго сорта не бывает, – усмехнулась Софья. Выплыло ж вот. – Либо она свежая – либо тухлая. Сейчас ваша аристократия объедается тухлой рыбкой по уши. Думаю, к вашему возвращению они будут в тихом восторге от королевы-матери и сменяют ее хоть на кого. Лишь бы мозги были.

– Вы мне предлагаете поднять бунт?

– Нет!

– Нам это невыгодно, – спокойно вмешался Алексей Алексеевич. – Более того, если у вашего брата появится сын, будет намного лучше. Законные права на престол, подходящая невеста – и любящий дядюшка, который сумеет воспитать мальчика. Разве нет?

По губам дона Хуана скользнула горькая усмешка.

– Вы в это не верите?

– Не стану вам лгать. Не верю.

Дон Хуан горько усмехнулся.

А как бы хотел верить! Пока не поговорил с учеными из Университета, пока не посмотрел на опыты, не полистал отчеты, не посидел над ними ночами, осознавая, что вон она – гибель его

династии, в чернильных кляксах на хрупких пергаментах…

Русский паренек Алексей Лобанов сейчас проводил опыты по выращиванию гороха. Софья тысячу лет назад забыла про законы Менделя, а вот пришлось вспомнить. И пробовать подтверждать их практикой. Горох с зелеными и желтыми горошинами, с красными и белыми цветками…

Пусть здесь не слышали про генотип и фенотип, это не страшно. Свои термины изобретут – и за наследственностью следить будут. Еще как будут.

И дон Хуан потихоньку поверил. И пожалел брата.

Что же натворил отец в погоне за сохранением родовых владений?! Как он мог?! Пусть не знал, не догадывался, но все равно – больно. Видеть маленького Карлоса, такого беспомощного, чего уж там, уродливого, с отклонениями… И понимать, что это они, они сами!

Не кто-то другой – они!

– Ваша сестра, ваше величество, уже предлагала мне этот выход. Но…

– Вы дали кому-то слово?

Обдумав всесторонне поведение дона Хуана, Софья решила, что это может быть только клятва. Иного решения нет. Не самоубийца ж он, те до полтинника не доживают!

– Отцу. Перед смертью он взял с меня клятву, что я никогда не буду претендовать на трон Габсбургов. И я обещал.

– Для себя или для своих детей? – прищурился Иван Морозов.

– Я дал клятву.

Дон Хуан пожал плечами. Про детей сказано не было просто по причине их отсутствия. Двенадцать лет назад он и не думал о браке.

– Вот и отлично. Не претендуйте. Но поднимите Испанию с колен и дайте ей наследника, потому что ваш брат этого сделать не сможет. Ни с француженкой, ни с кем-то другим.

– У вас, русских, все слишком просто.

– Напротив, это вы все усложняете. Вам надо почистить Эскуриал, завести свою команду, вот как Алексей, родить сына, а когда настанет момент, передать бразды правления ему.

– Династический брак с ублюдком? Никто из королей не пойдет на это, а кого-то ниже мне не простят.

– Я пойду, – Алексей Алексеевич смотрел холодно и спокойно. – У меня две незамужние сестры. Марье семнадцать лет, Феодосии пятнадцать. Полагаю, что кровь дома Романовых достаточно чиста для самых закоренелых ревнителей традиций.

Тут крыть было нечем. Конечно, Русь – дикая страна на краю света, но по территории и богатству… поплевывал Алексей

Алексеевич на всех грандов сверху. И готов был это подтвердить военными победами. Над османами, шведами… В Европе о нем уже говорили.

– Мне почти пятьдесят, а вашей сестре семнадцать. Я не смогу сделать ее счастливой.

А подтекстом – *она пожалуется тебе, начнутся разборки… да как ни обзови, а от семьи, где постоянный раздор, – толку не будет. Нигде*.

– Можно быть счастливым и в договорном браке. – Царица очаровательно покраснела, видимо, ожидая, что ее сейчас одернут за вырвавшееся из самого сердца, но все вокруг просто расцвели улыбками, а государь вообще поцеловал руку жены, заставив ее зарумяниться еще сильнее.

– Мария умна и честолюбива. Она поймет все правильно и исполнит свой долг.

Так же, подтекстом, – *у нее будет время погулять. После твоей смерти*.

Дон Хуан не обиделся. Этому вообще не место в политике. Обиды – для слабых, а он – испанский идальго, принц страны, которая несколько сотен лет держала в кулаке Европу. Это сейчас… вот так. Но рыба тухнет с головы.

Сейчас ему и в голову не приходили мысли о Любаве. Любовь? Какая, к черту, любовь там, где решается судьба страны?! Дон был неглуп. Одно покушение не увенчалось успехом, так второе удастся. Третье, четвертое… кто знает, сколько исполнителей у Марианны. И, вернувшись, он будет один. А вот если русский государь поможет…

О, это совсем другая картина. Это вам не бастард с неясно какими правами. Тут и Марианниных клевретов можно потеснить. Но цена?

Дон Хуан не заметил взглядов, которыми обменялись Иван, Софья и Алексей. Если человек начал обдумывать перспективы, значит, он почти согласен! Он почти наш!

Зато взгляды заметила Ульяна. И тоже задумалась. Ненадолго. Ума у нее было не отнять. Эти трое вместе уже лет двадцать, а она пришла – и ей сразу такую же степень близости? Нет, так не бывает даже в романах. А если и бывает, то плохо заканчивается. Но рано или поздно ее тоже включат в этот круг! Она будет стараться, она очень-очень будет стараться! Вот!

– Как вы себе представляете наш союз?

У Софьи камень с плеч свалился. Все, клиент готов к диалогу. Правильно они дали ему все обдумать. Помариновали, потомили в собственном соку – все лучше, чем давить напропалую. Теперь дон Хуан свято уверен, что приносит себя в жертву ради страны…

тут и любовь не помешает. Наоборот… Эх, Мольера не уберегли, а какую пьесу он мог бы написать на эту тему! Несчастная любовь, самопожертвование… Почти «Юнона и Авось»! Черт побери! Нет, удержаться Софья решительно не могла. «*Я тебя никогда не увижу. Я тебя никогда не забуду*…»

Пусть эта песня родится на триста лет раньше! А Вознесенский с Рыбниковым еще что-нибудь придумают, они же гении! И потом, какой пиар-ход! Главное, Машку бессердечной разлучницей не выставить! Ну ничего, на то есть таланты! Года не пройдет после отъезда дона Хуана, а эта пьеса шквалом прокатится по всем сценам Европы!

Кто недооценит театр?!

В век, когда только зарождаются газеты, нет ни радио, ни телевизора, это весьма мощное оружие! И это вам не святые с их муками! Оно – здесь, рядом с вами. Только вот как назвать? «Любовь и родина»? «Любовь и долг»? А почему нет? Плевать на пафос, сейчас он в моде!

Спустя еще два часа четверо заговорщиков (Ульрику тоже пришлось пригласить, невежливо же) собрались у Алексея в кабинете.

– Фу-у-у… гора с плеч.

– Я думала – сорвется.

– Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда? Да, Соня?

Ульрика молчала. Пока она еще не своя, но ее уже пустили в тесную компанию. Это – хорошее начало, теперь все зависит только от нее. Так что молчать – и слушать.

Царевна лично налила ей чего-то красного, плеснула себе.

– Мальчики, вино?

– Квас.

– Сбитень.

Софья разлила по бокалам требуемые напитки, подмигнула Ульрике.

– Привыкайте, царица. Вино вам теперь не стоит, если хотите здорового наследника. Так что пока – вишневый взвар. Это вкусно.

Ульрика знала. Ей вишня нравилась, и забота тоже была приятна. Софья как бы показывала, что ее могут принять. Это – много.

Четыре бокала соприкоснулись с легким звоном.

– За сотрудничество с благородным доном!

– За дружбу Испании и Руси.

– За пятилетний мир.

– И детей побольше, – пискнула Ульрика, от которой явно

ждали тоста. И, кажется, не опозорилась, судя по улыбкам.

Софья одобрительно улыбнулась и осушила бокал.

Да, Испания. Дон Хуан был за дружбу. Выглядело это так. На Руси хватает ресурсов, корабли, матросы, войска, да и сырье тоже.

В Испании сейчас большие проблемы. Поэтому дон Хуан таки женится на Машке и отправится наводить порядок. С командой из проверенных людей сколотит свою коалицию, упрячет Марианну в монастырь… Хотя, может, проще ее отравить?

Надо дать Ибрагиму заказ на медленный яд. Вы забыли о Борджиа? Так мы напомним! Софья не была сторонницей силового решения, но к кому кинется лишенный властной матушки наследник? Да к старшему любимому брату. И если когда этим заниматься – то только сейчас. И – ей.

Ни Алексею, ни кому другому…

Софья ненавидела приговаривать людей, которые ей ничего не сделали, но один раз уже поступила именно так. И не пожалела. Без Вилли Оранского история развивалась куда как интереснее.

Что будет без Марианны?

Посмотрим.

* * *

– Федор Юрьевич, извольте объясниться.

Глаза Софьи были ледяными, и Ромодановский невольно поежился. Ох не к добру…

– Государыня?

– Вы не понимаете?

– Я и рад бы…

– Любава.

Слово упало камнем. Тяжелым таким, увесистым…

Ромодановский поежился, но запираться было глупо и бессмысленно.

– Да, государыня. Люба она мне.

Вопреки его ожиданиям, Софья не разозлилась. Но посмотрела очень внимательно.

– Она об этом знает?

– Я бы никогда не осмелился…

– Сказать – да. А остальное?

Софья отлично знала, как можно дать понять объекту своей любви о чувствах. Взгляды, улыбки, даже цветы…

Ромодановский опустил голову.

– Ну…

– Федор Юрьевич, не надо мяться. Вы не мальчик, да и невместно боярину. А то, что вы женаты?

Ромодановский пожал плечами. Мол, какие проблемы?

Жена в деревне, то брюхата, то после родов, сам он в Москве безотлучно, а царицы все равно замуж не выходят. Скандала не будет, а все остальное – разве важно?

Софья покачала головой, но правоту боярина признала.

– Ладно. Федор Юрьевич, поговорите с Любавой. Если она отвечает на ваши чувства, я буду только рада. А еще вам надо найти подходящую семью для своих детей.

– Детей?!

– Если вы с Любавой… Дети у вас могут быть. Разве нет?

– Усыновлю, – выдохнул боярин, настроенный на разнос, а вместо этого получивший карт-бланш.

– Я напомню.

Больше Софья к этому разговору не возвращалась, но счастливые глаза Любавы и довольная улыбка на лице Ромодановского были красноречивее любых разговоров.

Какой там испанский гранд?

Слабы они супротив наших русских богатырей!

Оставалось разобраться с другим влюбленным.

* * *

Дон Хуан честно раздумывал половину зимы и даже умудрился несколько раз увидеть Любаву в Кремле.

Но – увы.

Вдовствующая царица смотрела на него… с таким безразличием! Что он, что стенка… Идальго понимал это вполне отчетливо, чай не мальчик. И постепенно проходил любовный угар первых дней, когда он и в прорубь бы бросился ради прекрасных синих глаз. Оставалось странное чувство. Тоска?

Да, наверное, тоска по несбывшемуся. Ведь могло бы, могло… или нет?

А когда он услышал от Деметрио столичную сплетню (собственно, дальше дона Хуана сплетня и не ушла, но ему об этом знать было не обязательно), мол, у царицы есть амант (кто – неизвестно), благородный дон потерял последнюю надежду.

И согласился на планы царевны Софьи.

* * *

Зимний сад.

Красивые цветы – и красивая девушка рядом. Темные волосы, синие глаза, тонкий нос, прямая спина… Королева.

Царевна Мария.

Дон Хуан смотрел на нее с удовольствием.

Может, и будет он горевать о Любаве, но из песни слова не выкинешь. С Машей он сможет быть… довольным жизнью. Красивая девушка.

– Ваше высочество…

– Государыня…

О чем бы говорили люди, если бы не было погоды? Во всяком случае, для начала разговора подошло. Дон Хуан посетовал на суровость русской зимы, Мария сказала, что эта зима еще мягкая, вот бывает так, что птицы на лету замерзают, дон Хуан ответил, что в Испании такого не бывает, Маша вздохнула, что никогда не видела Испанию – и предложение прозвучало.

Руки и трона.

И Мария согласилась.

На том бы все и кончить, но идальго понадобилось расставить точки над «i».

– Государыня, должен сказать… Я пока не люблю вас. И не уверен, что смогу полюбить, поэтому не предлагаю вам сердца. Но моя рука и моя честь всегда будут у вас. Я не оскорблю вас, не изменю, не обижу. Это все, что я могу предложить.

Маша кивнула.

И заговорила сама, осторожно подбирая слова на испанском.

– Ваша честность радует меня. Я благодарна за нее. Верьте, я тоже пока не люблю вас, но постараюсь быть хорошей женой. Не предам, не обману, не ударю в спину, рожу вам здоровых детей и воспитаю их. Помогу в любых начинаниях. Это мой долг. А любовь… Я царская дочь. Мне говорили, что любви в моей жизни может и не быть.

Дон Хуан склонился над тонкой рукой девушки.

– Так вы согласны?

– Да, ваше высочество.

– Вам будет тяжело, государыня.

– Вам тоже, ваше высочество. Но я уже поняла на примере своей семьи, что вместе можно преодолеть все, что угодно. Говорили ведь вам о венике, который легко сломать по прутикам?

– О да.

– Надеюсь, мы будем прочной связкой.

Второй поцелуй руки вышел куда горячее первого. Синие глаза встретились с черными, и пакт был заключен.

– Я тоже на это надеюсь, Мария.

Пусть она не Любава, но она встанет за его спиной и вырастит его детей. Разве этого мало? У девушки сильный характер и крепкая родня, это важно. Да, вместе они справятся.

Так что весной протопоп Аввакум обвенчал еще одну пару. Тихо-тихо царевна Мария выходила замуж за дона Хуана Хосе де Астурия.

1679 год

– Ryska varelse!!!

– Skar dem!!!

– Lamna!!![18]

Шум, гам, крики…

Что такое бунт в городе?

Это страшно. Именно таковой вспыхнул в Риге. А и было от чего.

Русским городом Рига не была никогда. Ганзейским портом – была, вольным городом – была, польским городом тоже, с 1622 года – так и шведским, но не русским. Понятно, что русских там единицы, да и отношение к ним… своеобразное.

А как можно относиться к тем, на ком безбожно наживаешься, покупая задешево товары и перепродавая втридорога? С опаской, с неприязнью, с пренебрежением…

А тут – такое!

Русские завоевали Ригу, привели солдат и принялись насаждать свои порядки. Первым делом поставили несколько православных церквей. Организовали за городом какие-то площадки для обучения солдат, начали строить нечто вроде школы для детей, посещать которую было пусть не обязательно, но…

Школа все одно не пустовала.

Всегда найдутся люди, которые захотят приспособиться к новой власти и примутся мести хвостами. Нашлись такие и в Риге.

Но это бы ладно! И не такое переживали.

А вот другое…

То, что русские привели свои корабли, и русские купцы, вместо того чтобы, как от века заведено, перепродать свои товары и уехать, принялись отправлять пеньку, лес и прочее сами?! Поставили свои склады, кое-кто и лавки завести собрался?!

Разве ж можно такое спускать?! Никак нельзя!

Ради прибыли купцы готовы на все. А придавить конкурентов? Да милое дело!

Так что собрались десятка два почтенных купцов, подумали о жизни, скинулись деньгами на хорошее дело – и замелькали по городу то там, то здесь люди с бегающими глазами. Ходили по кабакам, поили народ, задавали неприятные вопросы про русских.

Например: «Доколе мы будем терпеть этих варваров?», или «Богаты ли у них дома? Сколь там на человека придется, коли

пограбить?», или «Какого цвета у русских кровь?».

Хорошие вопросы, жесткие…

Там крикнули, здесь подхватили – и понеслось.

Бей русских!

Att döda ryska![19]

Чего не учли купцы – это того, что царевич Федор Алексеевич мягкостью нрава не страдал. Романовская кровь, этим все сказано. И того, что когда договариваются несколько человек, один предатель среди них завсегда найдется. Уж какой у апостолов срогий отбор был, так и там Иуда влез! А тут-то сам Бог велел прогнуться перед новой властью.

Донос был получен, царевич прочел его и отреагировал как надо и вовремя.

Не так уж и много русских пострадало – человек двадцать. А потом на кораблях подошли войска, совершенно случайно оказавшиеся неподалеку на учениях, и по улицам Риги полилась уже шведская и немецкая кровь. Виновных вешали без суда и следствия, не слушая криков и не глядя на предлагаемые откупы.

Любой, кто поднимет бунт против русского государя – смерти повинен! Не нравится тебе – уходи с этой земли прочь. А коли не ушел – так исполняй его законы.

Бунт был подавлен, о чем Федор и отписал старшему брату.

А то ж! Нельзя допускать беспорядков на вверенной территории. У него жена нервничает. Первая беременность У Шан окончилась выкидышем, но китаянка так хотела подарить мужу наследника!

Естественно, царевичу было не до разбирательств. Подавить бунт так, чтобы никто впредь не посмел и носа высунуть, – и обратно, к жене.

Так-то.

* * *

– Курляндия. Так далеко…

Софья пожала плечами:

– Далеко. Но Испания не ближе. И Португалия. Радуйся, что вообще замуж выходишь, а не пустоцветом жизнь проживешь.

Феодосия скорчила гримаску. На мордашке появилось обиженное выражение.

– Страна чужая, вера не наша, муж не любит…

– Все от тебя зависит. Захочешь – полюбит, – Софья принялась отвечать с конца. – От веры ты все равно не отрекаешься. Даже если и сходишь в чужую церковь, Патриарх

тебе уже отпустил этот грех. И еще не раз отпустит. И священник православный в твоей свите будет. А страна чужая… Ты уверена, что ею не будут править твои дети? Или внуки? Рано или поздно?

Феодосия посмотрела на сестру. Все-таки она была Романова до мозга костей, и кровь в ее жилах так же отравлена навек ядом власти.

– Ты хочешь сказать?..

– Я тебе ничего не говорила и не скажу. Но все зависит от тебя. Сумеешь мужа очаровать и привязать – сумеешь и править через него, и детей у тебя никто не отнимет. Образ мы тебе слепили подходящий, этакая очаровательная глупышка, которую сложно принять всерьез, опасаться тебя сначала не будут, а потом и поздно окажется. Наши люди с тобой тоже поедут…

– А если их из дворца удалят?

– Из города все одно не выгонят, найдется способ с тобой связаться. Но думаю, пару доверенных служанок тебе оставить разрешат, а там посмотрим.

Феодосия кивнула.

Страшно ехать в Курляндию, страшно выходить замуж за сына старого герцога, страшно строить отношения с новой родней…

Выбора все равно не было.

Она справится!

1680 год

Герцог Курляндский в упор рассматривал стоящую перед ним девушку.

А ведь порода, иначе и не скажешь. Царевна. Другие под его взглядом смущались, начинали переступать с ноги на ногу, кусать губы, мять в руках платье, так или иначе выказывали свое смущение. А эта стоит, смотрит отстраненным взглядом, чуть улыбается – и совершенно не похоже, чтобы смущалась. Молчит, словно так и надо, руки неподвижны… Просто захотелось ей постоять и подумать, вот и все.

Кто же ее так выучил?

А хороша, чертовка! Волосы светлые, глаза большие, синие, тонкое лицо, мечтательная улыбка, и все это только подчеркивает весьма простой наряд. Простенькое светлое платье, казалось бы, совершенно не царского вида, но накинутый на плечи плащ исправляет впечатление. Роскошный бархат, соболя… Да и драгоценности в ушах и на пальчиках царевны посверкивают такие…

Якоб с грустью подумал, что у него в сокровищнице подобных сапфиров и не видывали.

А Феодосия действительно не смущалась. Софья давным-давно рассказала ей об этих приемах, и дрессировка была жесткая.

Смущаться?

Да она бы и сутки так простояла, не задумалась. И так же, только из-под ресниц, разглядывала стоящего перед ней мужчину.

Высокий, крепкий, не жирный, скорее плотный, на голове парик, на правой руке всего два перстня, по местным меркам – нищета, белоснежный воротник, шитая золотом перевязь, темный камзол.

Стоящий за его спиной молодой человек был одет гораздо роскошнее, но чувствовалось, кто тут главный. Якоб Кетлер был Мужчиной. Именно так, с большой буквы. Умным, сильным, властным. Его сыну и десятой доли отцовского разума не досталось. Во всяком случае, старшему. С Александром, Софья говорила, дело обстояло чуть получше.

Феодосия вежливо продолжала улыбаться, не спеша нарушать тишину. Да, она собирается войти в эту семью, но она – русская царевна. Если девушка с самого начала себя не поставит, потом ей будет куда как сложнее. Строго говоря, она выше своего свекра по рангу. Ну что такое Курляндия? Так, в угол карты высморкались, и не найдешь ее толком. А Русь?

То-то же…

Многое требовать она не будет, но и на уступки не пойдет. Перебьются.

Видимо, удовлетворившись результатом осмотра, герцог протянул руки Феодосии.

– Добро пожаловать, невестушка.

Феодосия ответила ему невиннейшей улыбкой и заговорила в ответ. Благодарна за гостеприимство, счастлива войти в вашу семью, искренне надеюсь быть достойной столь благородного семейства…

Все вежливо, все спокойно – и у Якоба начал потихоньку стихать неприятный свербеж в груди. Вдруг да напрасно он паникует? Ну к чему русским Курляндия?

Знал бы мысли Феодосии – точно убил бы. А девушка с невинным видом размышляла, что герцог, при всей его силе, стар. И болен, по лицу видно. Александр чуть ли не последний в линии наследования, так что надо срочно рожать ему сына и позаботиться об устранении двух старших братьев.

Интересно, сложно ли это сделать?

И царевна от души улыбнулась свекру, выказывая свою симпатию.

Поработаем!

1681 год

– Папа!!!

– Мама!!!

Радостный детский визг разорвал весенний щебет сада. Птицы – и те шарахнулись. Трое мелких детей бросились вперед и повисли на родителях. Двое близнецов-мальчиков – на Иване и Софье. Мальчик лет трех – на Алексее. Ульрика, держа на руках маленькую Ангелину, подарила супругу нежную улыбку.

– Родной мой…

Его величество, не спуская с рук сына, поцеловал супругу в щечку.

– Все в порядке?

– Геля чуть капризничает. Зубки режутся…

– Так. А эти друзья?

– Учатся. Александра от книжек не оттянешь, весь в отца.

Алексей улыбнулся.

– А языки как?

– Ох, как мы с ними разговаривать будем? То на русском, то на французском, то на испанском – на всех щебечут!

– Ты еще про датский забыла, родная…

Ульрика улыбнулась мужу. Ну да, на обучении языкам и чтению чуть ли не с колыбели настаивала Софья. Пусть в игровой форме, пусть шутя, но – обязательно! И, как ни странно, дети учились!

Трое старших уже читали, пусть и вслух, по слогам, но читали! В три года![20]

Роли распределились достаточно легко. И Ульрика, и Софья забеременели почти одновременно, хотя Уля родила Александра на два месяца раньше золовки, зато – одного.

Софья же порадовала мужа близнецами, Данилкой и Кирюшкой. Еще через два года Ульрика родила маленькую Гелю, а Софья пока выжидала. Первые роды дались ей не тяжело, но слишком часто рожать тоже ни к чему. Это она и Ульрике говорила. Пусть теперь передохнет, а годика через три посмотрим. Второй наследник тоже быть должен, так, на всякий случай. Мало ли что с первым случится…

Молодая царица неплохо вписалась в семью. В политику не лезла, но советы давала. И – неглупые. Старалась интересоваться делами мужа, а то как же! Дети – это хорошо, но одними детьми никого к себе не привяжешь. Должны быть еще и общие интересы.

Как-то естественно определилось, что Ульрика стала заниматься детьми. Это ведь важно, кому попало их не доверишь,

придворные из них такое вырастить могут, что потом смотреть будет страшно.

– Что нового?

– Боюсь, скоро Алешке опять придется повоевать. – Софья опустилась на одну из скамеечек.

– Как?!

Ульрика побледнела. Уж что-что, а отпускать любимого мужа на войну? Какой женщине такое по нраву?

– Швеция, – пояснила Софья. – Карл зашевелился.

И успокаивающе улыбнулась.

За четыре года утекло много воды.

Сложная обстановка была в Европе. Австрийцы с переменным успехом осаждали Вену, добившись, что народ оттуда бежал во всех направлениях. Турки сопротивлялись, и вполне успешно. У Леопольда сил не хватало, а помогать ему никто не рвался. Папа Римский плевался ядом, но…

Ватикан – сильное государство? А сколько у него дивизий?

Иосиф Виссарионович был прав в любом веке. Авторитет, не подкрепленный военной силой, стоит недорого. Ты отлучением пригрозишь, а тебе – дружеским визитом с пушками. Не прошли еще те времена, когда Пап Римских пинками с трона сгоняли. Хотя Бенедикт был слишком умен для прямых угроз. И понимал, что всем – не до него.

Во Франции Людовик, разобравшись с делом о ядах, построил свой двор, но передохнуть не успел. Объявившийся наследник Вильгельма Оранского, тоже Вильгельм, взбунтовал Нидерланды. Да так, что деньги туда полетели широким потоком. А вот Кольберу, единственному, кто их умудрялся добывать для монарха, было плохо и духовно – и физически.

Постоянные ссоры с Лувуа подрывали его здоровье, так что отставка была не за горами. Софья одно время рассматривала возможность его приглашения на Русь, но потом отказалась. От греха…

Так что сейчас Луи был занят по уши. Восстание пока не подавили, неуловимый, словно реактивная вша, наследник возникал то там, то здесь – и Нидерланды полыхали! Карл пытался добиться помощи, но куда там! Ему не помогла даже женитьба на английской принцессе Марии, дочери Якова. Женись не женись, а денег в английской казне попросту нет.

Да по здравому размышлению Софья решила не выдавать Феодосию за этого героя. Швецию надо было давить – и серьезно, несколько столетий, пропалывая аристократию что ту морковку. А пока – нет уж! Отдавать сестру на растерзание… можно! Только вот ничего бы это не дало! Даже если убить Карла и его мамашу,

ту еще гидру лернейскую, оставался риксдаг. А там пока еще всех не перевешали.

Ладно. Составим план и лет за сто – сто пятьдесят додавим. Не мы – так внуки. Все лучше, чем то, во что Швеция превратится в двадцать первом веке. Знал бы Карл, что знала Софья, – лично б в состав Руси рванулся вступать! Чего только одна сексуальная толерантность стоила… бэ-э-э…

Софье как-то было параллельно. По большому счету, с сексом – как с вином. Кому-то красное, кому-то белое, а у кого-то и вовсе язва. Но почему это надо выносить на всеобщее обозрение, да еще и привилегий для себя требовать на основании своих пристрастий? Не пинают – уже скажи спасибо! Хотя могли бы. В той же Библии секс идет средством для продолжения рода, а остальное – блуд. А за блуд там что-то увлекательное предусмотрено, с участием чертей и сковородок…

Зато с Данией была нежная дружба. Сестру Кристиан любил и, видя, что Ульрика счастлива, готов был поддержать ее супруга.

Так что строились корабли, обучались матросы, осваивалась Балтика… Вот Санкт-Алексбург не строился. Вместо этого Софья решила возвести небольшой замок на острове Котлин – и хватит. Город там ни к чему, слишком климат гнусный. А вот крепость – пригодится. Берег высокий, залить – не зальет, пушек поставим побольше – и облизнитесь, вражины. Опять же, Петруша под свое строительство сколько тысяч пленных шведов уложил? У нас столько нету. И людей жалко.

Да и вообще – зачем?!

Зачем строить новый город, если уже есть завоеванный?

Рига.

Ее даже переименовывать не стали. А вот перестраивать…

Постепенно в город потянулись русские купцы, принялись конкурировать со шведскими – тем, разумеется, такое дело не понравилось, и в городе вспыхнул бунт.

Попытался вспыхнуть.

И потух, обильно залитый потоками шведской крови. Федя был безжалостен, да и как поступить иначе? Допустишь хоть малейшую слабину – и тут же все полотно треснет, разлетится на ниточки, потом не соберешь…

Справедливости ради русские купцы охотно перехватили дела шведских, не особо вопия о гуманности. Кто-то сбежал, кто-то погиб, кого-то отправили на Русь в цепях, а в Риге все чаще начала звучать русская речь. Пройдет век, второй… когда-нибудь она окончательно обрусеет.

Карл возмущался, но кто бы его слушал? Это уже не его территория, а у недовольных всегда имеется возможность уехать.

Нет? Бунтовать решил?

Ну так и пеняй на себя!

Шведы, конечно, вредили по мелочи. То корабль потопят, то на крепость налетят, ну так ответно бить не запретишь. Софья и так оторвалась на диверсиях. Наверное, американцы в Ираке столько не гадили, сколько ее люди в Швеции. Диверсанты с радостью охватили своим вниманием металлургическую промышленность Швеции и ее же рудники. Такой полигон для отработки навыков! Такой простор для фантазии!

Так что Карл сейчас не знал, за что хвататься. То ли диверсантов ловить и давить, то ли русским пакостить, то ли свою аристократию приструнивать. На все ж деньги нужны, а откуда их взять? Не дают, нет, никак не дают…

Англия… О, в Англии было весело и интересно.

Денег не стало вообще, их тянуло из казны пылесосом. То есть их вытягивал оттуда и из подданных его величество Карл. При незаметном и скромном содействии своей последней лебединой (лябедь, тьфу!) песни. Той самой.

Леди Винтер и верно стала любимицей народа Англии. Скромная, набожная, к тому же протестантка – что еще надо для счастья? Ах, простите маленькое пятнышко на светлом образе – королевская фаворитка, за которую активно соперничают Карл и Яков. И чего это стоит девчонке – удерживать обоих, крутить интриги, не отталкивать никого, но и не выделять… Софья была просто горда собой.

Куда там Екатерине Медичи!

И кстати, Англии от Машки тоже сплошная польза, ибо Карл решил построить дворец в честь своего невинно казненного отца. Да не какой-то там, а чтоб круче Версаля!

Выписали архитекторов из Италии, мрамор, лес… Стройка уже обошлась в три раза дороже, чем расходы на содержание флота. И это – в текущем году. А дальше-то будет еще интереснее! Еще живее и веселее!

Помимо национального развлечения «католик с гугенотом опять сошлись в бою», там назревало нечто более любопытное. Кажется, народ собирался бунтовать. А еще…

Софья подумывала, не поддержать ли Монмута. Все-таки у того были и наглость, и харизма, и возможности. Но нужно ли ей такое счастье?

Машка пока вроде неплохо справляется…

Вот если поддержать Ирландию и Шотландию, а заодно отколоть Уэльс, чтобы те немножко ударили англичанам в спину – это можно, это нужно.

А что будет с Англией?

Да пусть остров хоть на части раздерут и сожрут друг друга! Лишь бы в континентальные дела не лезли. Софью больше интересовали английские колонии.

Вот Турция – там все сложно. Гуссейн-паша принялся активно реформировать устаревший бюрократический аппарат и создавать новые армейские корпуса. В итоге ни сезона без бунта не обходилось! Называется – отойди в сторону и дай врагу самоуничтожиться. Казаки даже заскучали! Просто отвратительно! Ни тебе набегов, ни тебе походов… Лови изредка турецкие корабли – и те почти не сопротивляются! Все вояки заняты! Кто бунтует, кто усмиряет! Людовик вообще без присмотра остался. Союзы, обязательства… Куда там! Свои б проблемы разгрести!

Софья уже всерьез рассматривала вопрос переброски казаков в теплые дали, например – Индийский океан. Остров Родригес и Сейшельские острова пока ничьи, остров Сокотра – турецкий, Маврикий – голландский…

Формально-то португальские, но сил отстоять их у Педру нет, так что договориться с ним вполне реально. И установить на островах совместный русско-португальский протекторат. А казаки будут развлекаться походами к туркам и арабам. Чтобы те не расслаблялись больше меры.

А что?

У нас тоже колонии есть, штук несколько. Почему бы ребятам и не объяснить местным флибустьерам, кто в этом пруду самый зубастый карасик? По кличке пиранья?

Испания поможет, если что! Ой как поможет!

Дон Хуан тогда все-таки принял правильное решение. Любовь – это замечательно, но кровь ублюдка надо смешивать с благородной, а не с дворовой. Состоялось тягостное объяснение с Машкой. Ну как тягостное… Для благородного кабальеро – весьма и весьма, а самой Маше разве что не улыбаться было сложно.

Кабальеро, потупив глазки, объяснял невинной девушке, что просит у нее руку и взамен предлагает свою. Сердца отдать не может, оно уже принадлежит другой, а вот рука, титул, верность и куча проблем – это вам будет в комплекте. Хоть солите с груздями.

Машка, так же опустив ресницы, чтобы не видно было торжествующего блеска глаз, отвечала, что она все-все понимает. Скромно не упоминая, что именно. Она, ей-ей, не собиралась становиться на пути Любавиного счастья, но и не встала! С чего бы? Счастье – оно ведь у всех разное. И Любава просто не хотела выбираться из своей золотой клетки. Привыкла, спокойно, уютно,

дети рядом, родные близко… Чего еще надо? Такая вот жизнь. Домашняя, сонная и спокойная. А ехать в Испанию, строить там новую, дрессировать придворных… э, нет. Перебор.

Так что Любава отговорилась детьми.

А Маша для себя посчитала в уме. Дон Хуан ее старше на тридцать с хвостиком. И время, чтобы погулять, у нее еще будет. И для любви – тоже. Но лучше ж, когда ты – испанская королева-мать, а не русская царевна?

Куда как лучше…

Так что пара обвенчалась и уехала сначала в Архангельск, а потом и на новую родину. В Испании в это время творился бардак. Править Марианна хотела, но ты поди сумей! С этим была напряженка. К тому же кто-то шептался, что Князя морей убили по ее указке, настраивал против нее народ, а сын… сына и настраивать не надо.

Он и так старшего брата обожал всей своей недоразвитой тушкой.

К тому же…

Дон Хуан не просто так пятьдесят лет своей жизни прожил. Имелись друзья, сторонники, сотоварищи, которым инициатива «Марианны» не понравилась. А уж когда они узнали о злоключениях своего лидера…

Особенно старалась Анна Франциска де Борха-и-Дориа, в браке графиня Лемос. Дама была вице-королевой Перу, управляла нехилым куском территории без оглядки на мужа и имела здоровенный зуб на Эскуриал. После нашествий, иначе и не скажешь, пиратов, во главе с небезызвестным Морганом, чтоб ему…

Софья мельком подумала, что у дамы к дону Хуану отнюдь не платонические чувства, но беспокоиться об этом не стоило. Слишком уж оная дама набожна и честна. Хорошие качества.

Так что когда дон Хуан с молодой женой высадился в Гранаде, почва для возвращения героя была подготовлена. И для донны Марианны монастырь нашелся.

Хороший, католический, а главное – с высокими стенами и сговорчивыми сестрами. Которые не собирались ни выпускать дамочку, ни передавать весточки с воли.

Жестоко, да. Но не убили ж! И даже родной сын слова против не сказал. Так что дон Хуан был регентом Испании при его величестве короле Карлосе Втором, а его жена успела уже родить горячему испанцу сына.

Интересно, что они сейчас поделывают?

* * *

Ее высочество принцесса Мария в данный момент вытирала краешком платка умело подкрашенный глаз.

Я тебя никогда не забуду. Я тебя никогда не увижу…

Привет из далекой Руси, от сестрицы, не иначе.

История любви его величества Хуана к русской принцессе Аманде обошла уже половину мира. Персонажи были легко узнаваемы, а вот историю подчистили. В ней имелись и коварная злодейка, которая покушалась на своего пасынка, и пираты, и принцесса, нашедшая на берегу раненого героя, но – увы! Принцесса оказалась замужем, и влюбленным пришлось расстаться.

Он женился на другой, но…

Я тебя никогда не увижу. Я тебя никогда не забуду…

Рядом раздался всхлип.

Проняло даже стальную донну Эстефанию, которую Машка про себя именовала Степанидой. То-то же! А как ворчала, а как шипела, мол, это простонародное зрелище, да еще и песни какие-то подозрительные… не баллады, не канцоны! Зато сейчас сидит, сопли за мантильей прячет! Так тебя!

Сколько же трудов пришлось приложить Марии, чтобы просто выжить! Вот просто – выжить в этой Испании, будь она неладна! Здесь регламентировали каждое движение, каждый чих и пук благородных сеньоров и сеньорит. Доходило до смешного.

Например. Дворцы делились на женскую и мужскую часть, и если после захода солнца кто-то из мужчин, кроме короля, оставался на женской половине – все, смертная казнь.

Регламентировалось все.

Как есть, как молиться, ходить в туалет… Вплоть до формы ночной вазы. Разве что в кровать к ним с доном Хуаном не лезли свечку подержать. И Маша понимала, почему так тревожились за нее старшие брат и сестра. Окажись она чуть слабее, чуть безвольнее – ее бы уничтожили.

Статс-дама, властная и стервозная донна Эстефания, попросту пыталась сломать юную женщину. Маша с неудовольствием вспомнила, как ее пытались третировать, как неодобрительно смотрели, как шипели в спину… Зря, все зря! Маша не собиралась ни молиться в отведенное время, ни вышивать, ни проводить целые часы в обществе своих дам.

Размечтались! Это когда не знаешь другой жизни или скован по рукам и ногам. А она – сестра русского государя! Она таких дам на завтрак без соли слопает!

Первым делом дамам досталось за вырезы на платьях. Потом – за неуместное украшательство. За сплетни, за любовные интрижки, за ханжество. Одну Машка просто выгнала из

фрейлин, заявив, что в ее свите не место особе, которая по ночам задирает юбки перед всеми желающими, а днем разбивает лоб в храме, надеясь кого-то обмануть. Либо не греши, либо пошла вон.

Тяжело?

О да. Было адски, каторжно тяжко. Утешало лишь одно – она не королева. Она лишь супруга регента. Королева появилась два года назад, кстати – тезка Маши. Только Мария-Луиза, французская принцесса. Муж наивно надеялся на наследника от любимого братца, Маша не спорила, но была твердо уверена в словах Софьи.

Раз та сказала – бесплоден, значит, хоть кабачками его обложи, а детей не будет.

Вот француженке было тяжко. До нее даже дотрагиваться не имели права. Искоренялось все. Ей-ей, Маше иногда казалось, что испанцам не нужны король и королева. Посадите пару кукол в кресла – и пусть правят! А что? Денег не просят, приказов не отдают, этикетные – насквозь! Но все верно. Работал и тянул на себе весь воз ее супруг. Ну и соратники.

Кое-кого Маша знала еще по временам царевичевой школы, по рассказам Софьи.

Шпионы?

Да, благородный дон отлично понимал ситуацию. Ну шпионы. Так от своих же, родных испанских дураков, вреда куда как больше, чем от заграничных врагов. А уж с Русью ругаться… Дон Хуан отлично видел, что Русь – его естественный союзник, особенно против Людовика.

Собственно, что пока сдерживало французского монарха, так это Нидерланды и отсутствие детей у Карла. Как ни старалась очаровательная француженка – увы! Поцелуи, ласки, сказки – пожалуйста. А вот сам процесс…

Королю это было не дано.

Так что пока наследником испанского престола официально считался их маленький Мигель. Мигель Хорхе Франциск, наследный принц Испании.

И Маша знала, что опять в тягости. Просто пока молчала. Еще месяц-полтора у нее есть, потом опять надо будет гонять лекарей, ругаться с придворными дамами и беречься убийц. Было, все было. И отравить пытались, и наемников подсылали… Если б не охрана, да не простая, а из русских, проверенных людей, давно бы ни ее, ни мужа не было. Сейчас-то чуть полегче, но в самом начале…

Маша вспомнила, поежилась… и бросила цветок на сцену. Там как раз закончился спектакль, раскланивались актеры, зрители утирали слезинки, а кое-кто, менее благородный,

шмыгал во весь нос.

Донна Эстефания еще раз всхлипнула, покосилась на Марию и промолчала.

То-то же. А года два назад – так точно б ляпнула нечто вроде: «варвары» или «поверить не могу, что эти медведи способны на такое…». И испанские гранды дрессировке поддаются, главное – правильно подойти к делу.

Но сколько ж еще предстоит работать! Сколько труда потребовалось Маше, чтобы у нее не отняли сына! По счастью, супруг был полностью на ее стороне. Насмотрелся на младшего братика Карлоса, потом на Руси добавил впечатлений – и первого лекаря вообще через окно выкинул. Жив тот остался, но спорить уже не мог. Со сломанной в шести местах челюстью это вообще сложно.

Так что…

Маша могла оставить ребенка часа на два-три под присмотром нянек и проверенных людей, но потом возвращалась – и горе тем, кто ее ослушался. На нахальную русскую смотрели косо, но что могли сделать придворные, если король к ней благоволил? Да и Мигелито, вопреки всем воплям и прогнозам, рос здоровым крепким мальчишкой, копией отца в детстве, свободно болтал то на русском, то на испанском, пытался читать и обещал в будущем разбить не одно девичье сердечко. Глаза ему, кстати, романовские достались. Ярко-голубые, как и у матери.

Но сразу Маше попасть к сыну не удалось. Пришлось идти к мужу.

– Что случилось?

– Вести из Англии. Умер Карл Стюарт. Наследником объявлен его брат Яков[21].

– И что теперь будет?

Лицо дона Хуана осветила улыбка.

– А теперь, дорогая супруга, мы будем писать твоему брату. Настало время расквитаться с подлыми англичанишками за все их происки. И вернуть себе хотя бы часть награбленного.

Маша кивнула:

– Я в вашем распоряжении, мой супруг и повелитель.

Дон Хуан кивнул, притягивая чернильницу. Такие письма пишут сами, не доверяя секретарям. А Маша нужна, чтобы перевести его на русский язык и переписать. Все же он не сделал тогда ошибки.

И пусть до сих пор перед глазами стоит синеглазая фея, в волосах которой запуталось солнце, пусть любить Аманду он будет до конца жизни, но… Это – не счастье, как пишут о нем поэты, но и несчастьем назвать нельзя. У него есть… Да

практически все, что нужно. Он плакал о судьбе Испании, не в силах ничего изменить? Вот ему и помощь, и деньги, и титул регента: меняй!

У него не было детей?

Теперь есть. И еще будут, он пока не настолько стар.

Не было жены?

Да, это не Аманда, и никогда ею не будет. Но Мария умная и сильная. Случись что с ним – вырастит Мигелито достойным. Разве мало? Верьте, у кого-то и того не было и не будет. Да, хотелось бы большего, но тогда… Ах, он мог бы. Мог остаться на Руси, жениться, навсегда забыть про долг, про обещания, данные отцу. И был бы счастлив?

Нет. Никогда. Рано или поздно он бы проклял и себя – и свою слабость. И Аманда не помогла бы. Он возненавидел бы все. Себя, ее, детей, саму Русь, Испанию… Чувство долга хуже кислоты. Разъест любую душу.

И, выбирая между долгом и любовью, Князь морей выбрал долг. И надеялся только на одно. Может, потом, после смерти… хотя бы там его душа встретится с ее душой?

Я тебя никогда не увижу. Я тебя никогда не забуду…

Как поэт мог так понять его чувства? Так сказать? Так искренне, сильно, точно… Дон терпеть не мог эту пьесу. И все же… она как нож, прижигающий рану. Больно, страшно – и очищает.

Он встряхнул головой. Супруга стояла рядом, молчала… Он видел, что она понимает. Но промолчит и на этот раз, и в следующий – и дон Хуан был благодарен ей за это. Не возлюбленная, нет. Соратница. Совсем как ее сестра, даже улыбка похожа. И это – хорошо.

Перо мягко побежало по бумаге.

Друг мой и брат, я получил сегодня неожиданное известие…

* * *

Анна Мария де Бейль вытерла слезинку со щеки.

Король Карл умер. Да здравствует король Яков!

Ах, бедный, слабый Старина Роули. Несчастный ты католик… Болван и тряпка, если уж называть вещи своими именами.

Сама Анна всячески подчеркивала свою приверженность англиканской церкви, одевалась подчеркнуто скромно, не носила роскошных драгоценностей, но тут ведь важно не что надеть, а как! И простенькие платья сидели на ней идеально, подчеркивая

фигуру так, что красоткам с декольте и бриллиантами оставалось только шипеть вслед.

Зато ее не ненавидели.

Между прочим, и по Лондону ездить можно было спокойно, и даже ходить, коли придет такое желание. Никто не кидался в нее гнильем, не орал «папистская шлюха» или еще что-нибудь такое же приятное, не пытался растерзать, как Нейл Гвин…[22]

О, бедная Нейли Гвин. Актрисулька умерла год назад. Карл утешился Анной и не вспомнил про свою любовницу. А вот не надо, не надо договариваться с Луизой Керуаль и пытаться травить новую фаворитку. Вот и пришлось леди Винтер ответить «апельсиновой девушке» любезностью за любезность. Хотела отравить?

Ну так приятного аппетита, дорогуша! Кушай грибочки, не обляпайся! Порошок из бледных поганок – это не вульгарный мышьяк, чесноком не воняет. И поди распознай его в блюде! В гибели Нейл обвинили Луизу Керуаль, еще одну надоевшую Карлу любовницу, и до эшафота француженка не доехала. По дороге камнями закидали. Анна честно погрустила два дня, посокрушалась о своем коварстве и сосредоточилась на главном.

Надо было стать фавориткой и Карла – и Якова. Видит бог, это удалось во многом благодаря натуре мужчин. Пусть братья, но Яков мечтал о том, что есть у Карла, а старший невольно подогревал эту зависть. Сейчас, конечно, станет сложнее.

Но Анна продержится сколько надо. И…

По красивым губам скользнула коварная улыбка. Она, в общем-то, дешево обходится Англии. Ей не дарят замков и не жалуют титулы, у нее нет незаконных детей… Все, чего она просит, – в Англии и останется. Например, мост через Темзу, такой большой, что под ним может пройти корабль. Без него Лондон существовать просто не сможет!

А то, что он обойдется дороже золотого… Ну, это уже детали. Зато там будут две громадные башни, куча фигур, статуй, ширина чуть не пятнадцать метров, а длина – двести пятьдесят. И главными статуями станут статуи Карла Первого и его жены Генриетты-Марии.

Разве не замечательное начинание?

Или здание театра. Настолько монументальное, что Тауэр рядом с ним не смотрится. Зато красиво! И выступить в нем будет громадной честью!

Или дворец! Да чтобы не хуже Версаля!

Деньги, правда, высасывает полностью, но это – мелочи жизни. Главное – след в веках останется! А деньги – прах. В этом уже убедились несколько десятков тысяч англичан. А не надо

вступать в разные непроверенные компании и оплачивать поиски алмазов на Берегу Скелетов, добычу жемчуга на островах Океании и прочую чушь! Что вы хотите?

Вложить пенни и заработать фунт? Это возможно, но неправильно сформулировано. Если сто дураков вложат пенни, умный заработает не один фунт, так-то.

– Леди Винтер, вы сегодня очаровательны…

Анна машинально ответила на приветствие графа Шефтсбери. «Кабальное» министерство давно распалось после мучительной смерти герцога Лодердейла, но Энтони Эшли был одним из его огрызков. Пока – непотопляемым.

А герцог Лодердейл… Да, ужасная трагедия!

В один из туманных дней оного герцога нашли в его доме. В таком виде, что страшно смотреть. Неизвестные поглумились над беднягой так, что опознать было трудно. Похоже, кожу с герцога по лоскутку обдирали тупым ножом. Выкололи глаза, переломали кости… Страшное убийство всколыхнуло весь Лондон.

Негодяев так и не отыскали. А леди Анна не торопилась никого просвещать. Месть – это хотя бы честно. Вот зачем подсылать убийц к государыне Софье? Да еще и государыню Екатерину травить? А не делал бы людям гадости – и жив бы остался.

И так случится с каждым, кто протянет гнусные лапы к русскому человеку.

* * *

Иван Сирко взмахнул саблей.

На миг казакам показалось, что впустую. Но потом кисти рук упали на землю, а по степи понесся дикий вой.

– Прижечь! А как очухается – пинками гнать! Чтобы впредь неповадно было!

Хоть и шел старому казаку восьмой десяток, а все одно рука не дрогнула. И приговор это вынести не помешало.

А то ж!

Всех путей не перекроешь. Весь Крым пока не заселен, плотно форпостами не обставлен, а потому случаются иногда налеты татарских шаек. Из тех, кто в Грузию да Армению удрал.

Оно и понятно, сразу всех не выведешь, остатки пропалывать приходится. Воевать по-честному – это не для таких «героев», а вот налететь, пошакалить и удрать обратно – самое татарское поведение. Вот и приходится старому казаку объезжать границы да за такими негодяями гоняться.

А хорошо здесь…

Особенно когда из Сибири воротишься.

Не оставил бы старый казак тех краев, да климат, лекари сказали, уж больно неподходящий. Ему где теплее надо бы пожить, тогда и суставы прибаливать к непогоде перестанут, и рука, держащая саблю, не дрогнет.

Пришлось вернуться в Крым, и сразу же дело нашлось.

Тогда, пять лет назад, еще не верил Иван, что и верно – их Крым станет, казачий. Но слово свое государь сдержал. Люди с Сечи пришли, расселились, кто из пленных остался, кто просто так приехал – и получилась этакая смесь из разных народов и племен.

Не обходилось и без трудностей, недавно сам на корабли несколько семей грузил… Решили, понимаешь, что можно на православной земле законы собственные устанавливать. Нет уж, раз ты тут – так ходи в церковь, Богу молись как положено, с батюшкой, опять же, словом перемолвись, детей на учебу отдай, сыновей потом – обязательно в учение, чтобы саблей владеть умели. А то как же?

Казачья станица – это тебе не холопская деревенька, здесь каждый мужчина – воин, защитник. А тут приехали, черт их разберет, откуда, вроде как из Голландии, беженцы, поселились, и начали требовать неясно чего.

Детей они в школу не отдадут, им Закона Божьего хватит. Да не православного закона, а невесть какого, о таком ни католики, ни протестанты не ведают. Что-то уж вовсе непонятное. Сыновей казакам на выучку тоже не отдадут – вот еще! Мы к вам приехали, так что вы нас защищать должны. А мы так поживем.

Батюшка с ними поговорить пытался, хороший поп, отец Федор. Иван его лично знает, так чуть не побили божьего человека. Бурчат что-то по-своему, глазами косятся… А суть одна. У нас свой бог, у нас свои дела – и не лезь в них. Вот куда это годится? Ты среди людей живешь, на чужую землю приехал, и ее ж законы соблюдать отказываешься? Точно отказываешься?

Ну, тут разговор с ними короткий и оказался. За шкирку – и на корабль. И куда подальше, в Турцию. Авось Бог милостив, не даст пропасть!

И умолитесь там на здоровье.

На Сечи, да и в Крыму, разные люди живут. Со своими богами. И католики, и протестанты, и православные… и вроде как в горло друг другу не вцепляются. Лет сто пройдет – все православными будут. Правда, и расселяли иноземцев – государь особливо просил – не более двух-трех семей на село. Переженятся потихоньку, кровь обновят, перемелются на русский лад…

Только потрудиться для этого придется очень много, может, и дети его конца не увидят, разве что внуки. Но ради своей земли – стоит.

Иван поправил перевязь, чуть сбившуюся на сторону, оглянулся на своих людей.

– Что с этой падалью?

– Сомлел.

– Ну и бросьте, где валяется. Если Бог милостив – выживет, нет – сдохнет.

Жалости к грабителям Иван и на грош не проявлял, вот еще! Со злом пришел – на своих двоих не уйдешь. Из десятка бандитов в живых осталось трое, но даже ложку ко рту им уже не поднести. Безруким-то…

– И поехали. Меня Мазепа видеть хотел. Приехал, разговора просит.

* * *

Иван Степанович Мазепа был из тех людей, которых Сирко не переваривал.

Вот посмотришь – и пригож, и хорош, и обаятелен, и гетманом абы кого не поставят, но!

Убивайте – не лежала душа у старого характерника к этому человеку. Черт его знает почему, а только ощущение, что на болоте с гадюками. Противно и тошно. Но выбирать не приходится.

Насколько помнил Иван, Мазепа раньше состоял при Дорошенко, но как пошел тот под турецкую руку, Мазепа вмиг откололся от предателя, прибежал к царю и был за то жалован еще Алексеем Михайловичем. А Алексей Алексеевич, видимо, проморгал угодливого мерзавца.

Хотя почему – мерзавца?

Ничем плохим Мазепа славен покамест не был, на своем месте был полезен, а что характернику не нравился… чутье к делу не пришьешь.

Так что и шести часов не прошло, когда Иван осадил коня у своего дома и полюбовался на Мазепину свиту.

Ох и разряжены, что те девки восточные. Камней налепили, дорогое оружие нацепили… С-соплячье!

Еще и по сторонам зыркают, мол, что это такое? Атаман, а в хате живет. Не во дворце. Да предлагали Ивану дворец, предлагали. Не захотел. Поздно ему уж переучиваться, да и ни к чему. Атаман – он со своими людьми жить должен, чай, не султан

турецкий.

Мазепа ждал в хате, мирно попивая чаек с плюшками. Кухарка Ганна улыбалась гостю, но тоже как-то натянуто. Иван-то видел, а вот Мазепа то ли предпочел не замечать, то ли…

– Поздорову, батько Иван. – При виде хозяина Мазепа встал и поклонился. Уважительно.

– И тебе, Иван Степаныч, подобру. А с добром ли?

Желтые глаза Сирко впились в гостя двумя клинками.

– А тебе решать, батько…

– Ну, рассказывай.

В изложении Мазепы было так.

В Турции что-то, да назревает. И может так быть, что скоро опять придется кровавить клинки.

Иван согласно кивнул.

Да… Турция. Тот еще прыщ на ровном месте. Османская империя, чтоб ей! Но сильны, отрицать нельзя. Даже с султаном Сулейманом.

Его недавно из Вены выбили.

Это Иван тоже слышал. Знал. Как же, турки ее, почитай, три с лишним года удерживали. Сколько там народу полегло – подумать тошно, но хоть не своих, и то хлеб. Наконец туркам просто перекрыли все пути поступления провизии и боеприпасов и взяли измором.

Леопольд то ли торжествовал, то ли плакал. Казна пуста, город чуть ли не на куски разнесли – и гарантии, что набег не повторится, попросту нет. К тому же за это время турки усилились. Реформировали армию, часть бюрократического аппарата – и стали опасны. И куда они пойдут?

Опять в Европу?

Ой ли…

А вот сюда – могут. Понимают, что есть чем поживиться…

Иван Сирко выслушал гетмана и молча кивнул.

– Государю отписывать надобно.

– И опять на пули турецкие идти?

– Так ведь за свою землю, не за чужую…

– За свою ли? Царь нас сюда посадил, царь и согнать может.

И будь на месте Ивана Сирко кто из его детей, тут бы разговору и конец. Молоды были, вспыльчивы. А вот старый характерник…

Невелик труд – выхватить шашку да рубануть от плеча до пояса. Это можно, это легко. Только и Мазепа не дурак, и его можно не положить, и сам здесь упадешь, и… главное-то иное! Неспроста ж он такие речи заводит! Ох неспроста.

А потому…

– Может. Только и выбора у нас нет. На Сечи мы не жили – выживали, а тут хоть дети спокойно расти могут.

– А мы, казаки вольные, царю служим что те шавки! Только хвостом не виляем!

– Ты, Иван Степанович, мне не это говори. Что, другой царь есть? Коли дело сказать можешь – вот о том побеседуем. А коли нет выбора, так приходится и хвостом вилять, никуда не денешься. Разве что на живодерню.

Мазепа немного помялся, а потом, видя, что старый характерник не хватается за саблю, принялся излагать свою мысль. Очень осторожно, аккуратно, окольными путями.

Татары в Крыму сколько держались? И сами себе хозяева были!

Ну так теперь казакам надо их путь повторить!

Послать… подумать русского государя и отделиться от Руси! Турки помогут, ежели им помочь в обратную. И будут у казаков и корабли, и люди, и города. Кто согласен – пусть остается, работает тут, живет. Кто не согласен…

Сабля – она острая. Хороший аргумент в переговорах.

Иван слушал, покусывая длинный ус. Думал. Потом прищурился на Мазепу:

– А мне тут где место?

– Как же без тебя, батько Иван? За мной люди пойдут. Но не так много, как хотелось бы. А ты…

Суть заговора окончательно стала ясна. Оно и понятно, Мазепа популярностью не пользуется, ему знамя нужно. А кто лучше Сирко?

Разин? Так тому не с руки, он на царской сестре женат, с Романовыми тесно завязан. А вот Иван Сирко всю жизнь был воином и бунтарем… За ним пошли бы. Да и стар он, долго власть не продержит, такие Мазепы вмиг выпавшее подхватят и, его именем прикрываясь, столько наворотят…

– Ты, Ваня, малый не дурак, – Иван Сирко с трудом проглотил «но и дурак немалый». – А только с султаном поговорить надобно, сам понимаешь. Что ж мы, глупее утки? Нам хлебушек показали, а мы и крякать? Кто сказал, что нам его еще и бросят?

– Переговорить-то несложно…

– Вот ты сначала переговори, бумаги какие получи… Фирман, кажись?

– Да, батько.

– Да осторожно, сам понимаешь. Узнает об этом русский государь – голов не снесем. Ни ты, ни я, ни дети наши.

Вот слова о детях Мазепу окончательно и убедили. Он покрутил носом.

– А я уж, грешным делом, думал, батько Иван, что ты меня…

– Думаешь, волку на сворке ходить легко? А только и выбора нету. Коли сорвемся – головы поотрывают.

Дальше беседа пошла уже намного легче. Под чаек с горилкой да под ватрушки с творогом.

Уезжал Мазепа довольный и спокойный. Поверил. И не таких старый характерник вокруг пальца обводил, а только нехорошее дело затевается. Ох нехорошее…

А что делать?

А грамотку писать царю.

* * *

Как хороша, как красива ночная степь! Только тот, кто бывал там, может передать всю ее торжественность, всю необъятность, всю загадочность.

Небосвод – опрокинутым куполом, громадные загадочные звезды, льющие холодный свет на землю, трепетный шепот ветра, отчаянный запах трав. Дурманящий, кружащий голову.

И – ночная песня.

Песня волка. Песня стаи.

Глухие и звонкие голоса переплетаются, взлетают к небу, приветствуя царицу-ночь. Хор выводит согласованную торжественную мелодию, то вплетая новые голоса, то выпуская на волю старые… И люди тут вовсе ни к чему.

Но куда спрячешься от этих отвратительных двуногих? Скоро в логово к порядочным волкам залезут!

– Скачи, Митька, сразу до Азова. А там проси своих – только своих, запомни! – переправить тебя к государю. Или к государыне Софье, вот уж толковая баба, ей бы атаманшей быть…

– Что на словах передать, батько Иван?

– Передай, что я постараюсь всех вызнать, да и ударю. Коли дурное обо мне услышат, пусть не верят. Я государю крест целовал и от слова своего не отойду. Но другой отошел – и коли дать ему развернуться, много крови прольется на нашей земле.

– Я передам.

Очередная волчья рулада взвивается к небесам. Митька передергивает плечами. Иван словно и не замечает ничего.

– Дай проверю. Пистоль, порох, пули – все на месте?

Все здесь.

– Вода, сухари, мясо…

– Все взял.

– Коней не жалей. Я тебе лучших дал, да и ты не тяжел. Бог

милостив, не загонишь. А и загонишь – пес с ними, известия важнее…

Дмитрий, он же Митька, кивнул. Он-то понимал, Иван Сирко дал ему прочитать письмо к государю, а после лично зашил его в шапку мальчишки. Благо в Крыму царевичевых воспитанников хватает, уследить за ними возможности нет, но именно этому приглянулась девчушка из села, в котором жил старый казак. Вот и пробирался Митька огородами к своей зазнобе, когда на его плече сомкнулись сильные пальцы.

– Поговорим, конек?

Атаману в Крыму не отказывают. Ясноглазая Оксана была забыта через полчаса разговора, а Митька готовился что есть силы лететь в Азов. Тут уж не до гулянок. Коли Мазепа так нагло явился к атаману – точно имелись у него кинжалы за пазухой. Кто еще с ним, сколько их – бог весть, а значит, и верить никому нельзя.

Митька и не собирался. Ему сейчас лететь по ночной степи, под волчий вой… бррр… Иван Сирко словно прочел мысли юнца.

– А ты не бойся, не тронут тебя волки.

– Жаль, они о том не знают.

– Я о том знаю – и тебе довольно.

Глаза атамана блеснули желтым. И выглядело это так… Тут любые сплетни попомнишь. И про его братание с волками, и про то, что рожден он с зубами был, а выкормлен волчьей кровью… Страшно.

А, плевать! Предательство страшнее волка, тот честно нападает, а эти из засады горло рвут. Так что Митька еще раз все проверил и взлетел в седло.

К царю, как можно более спешно – к царю.

* * *

– Дорогая маркиза, благодарю вас за сына.

Людовик XIV склонился над фавориткой и коснулся губами ее лба.

– Это я благодарна вам, мой повелитель, – прошептала мадемуазель де Скорай де Руссиль.

Очаровательная Анжелика по-прежнему была фавориткой Людовика. И знать не знала, что на Руси ее прозвали «Маркизой ангелов». Удержаться было выше человеческих сил.

Людовик, Анжелика, только графа не хватало, но кто сказал, что его еще не будет? В перспективе? Людовик-то уже немолод, а женщина должна устраивать свою жизнь… Даже у мадам де

Монтеспан был супруг, а очаровательная Анжелика чем хуже?

И ее выдадут…

Людовик вообще поступил как бизнесмен двадцатого века и поделил полномочия. Анжелику он любил в плотском смысле и во всех позах, а Франсуазу Скаррон вызывал для бесед. Одна для души, вторая для тела – чего еще надо? Обе терпеть друг друга не могут, но кого и когда волновали чувства фавориток?

Людовику – так точно было все равно. Он и этого сына собирался подсунуть Франсуазе, поскольку количество мозгов в голове Анжелики стремилось к нулю. Такая приятная розовая пустота…

Но – сын. Значит, он еще о-го-го, мужчина!

Людовик довольно улыбнулся. Здесь и сейчас жизнь его радовала. Версаль строился, фаворитка родила, политика… так. Не будем в такой хороший день о политике! Потому что она-то и не радовала.

Турок закономерно выбили из Вены, так что хотя бы Папа Римский отцепится.

Ненадолго.

Тут еще много всего. И Нидерланды, и Испания… вот где плохо-то! От мужа эта курица никак не родит, а от любовника… Да если б все было так просто!

Но все эти дуэньи да придворные дамы к испанской королеве и святого духа не пропустят. Вмиг на подушки ощиплют! Нет, любовник исключен.

А Испанию прибрать к рукам хочется! Но там же еще этот… бастард! И обойти дона Хуана не получается! Могла бы сыграть свою роль Турция, но в ней своих проблем хватает. Если турки куда и пойдут – только к русским. В Европу им ход сейчас заказан.

А вот что будет дальше – неизвестно. За эти несколько лет беспорядков отделились от Австрии и Хорватия, и венгры перешли под уютное польское крылышко, под шумок прихватив с собой Трансильванию. И им там вовсе даже неплохо живется. Помолвки заключают, с-сволочи!

Людовик аж оставшимися зубами скрипнул, как вспомнил! Значит, его дочки незаконные! А выдать русскую царевну за испанского ублюдка… Что ж он-то ему племянницу не предложил, их ведь две?! Не подрассчитал. Думал, убьют! И с Текели русские породнились…

Вот ведь, вроде на мировую арену и не лезут, а уши торчат. Не там, так здесь чувствуется: русские руку приложили! Подозрения не есть уверенность, и потому Людовик пристального внимания на Русь не обращал. Где там тот Крым! Где там те

шведы! Сидят русские себе в глуши – и сидят, в Европу не лезут. Или – лезут?

Сейчас, к гадалке не ходи, Леопольд будет воевать с Турцией. Как же, такая плюха по репутации! А вот когда это закончится, постарается вернуть отпавшие кусочки территории, а те возвращаться вовсе и не захотят. Им-то к чему? Они этой независимости сто лет добиваются, кабы не больше, они ее получили – и просто так не расстанутся. То есть поляки им помогут войсками, а там Ян Собесский… Эх, тоже упущенная возможность. Могли ведь через его жену влиять, но развелся, гад! И женился на другой, какой-то русской… Опять! Опять русские!

Он-то счастлив, но на интересы La belle France ему теперь плевать. С горы Арарат.

Папа Римский поддержит Леопольда, будет требовать помощи и от остальных, а к чему это Людовику? Нет уж, ему ослабление давнего врага только выгодно.

Англия? А что в Англии?

Умер Карл, пришел Яков. И как бы ни любил Людовик своих родственников через принцессу Генриетту, но помогать островитянам не собирался. Попросят помощи – получат. Может быть.

А может и не быть. Денег, например.

Мы еще посмотрим, что нам будет на тот момент выгоднее: поддержать Англию, или оказать помощь ее врагам, или отщипнуть кусок английских колоний…

Людовик хищно улыбнулся.

По справедливости, Франция должна быть первой из мировых держав. И самой богатой. Так что… нет, не будет он поддерживать Леопольда. Лучше выделит деньги на армию и флот. Тот больше в хозяйстве пригодится.

* * *

– Соня, ты уверена, что стоит поддерживать этого Монмута?

– Его – не стоит, – согласилась Софья, покачивая носком туфельки. – Да и не так у нас много денег и сил, чтобы их отдавать такому… наглецу.

– Клоун?

– Смазливый сопляк. Особенно ничего не представляет, но обаятелен – не отнимешь. Потому и легко находит сторонников. Это у него в отца.

– Которого? – уточнил Ваня.

– Карла. Он – его сын.

– Люси Уолтер спала со многими.

– Карл – отец Монмута, – спокойно повторила Софья. – Я знаю.

И скромно умолчала, что знала-то это из своего, двадцать первого века. Когда провели генетическую экспертизу и доказали родство Джеймса со Стюартами.

Мужчины переглянулись. Софья обычно отвечала за свои знания, что есть – то есть.

– И что ты хочешь?

– Людовик не поддержит Монмута, ему выгодна смута в Англии, но к Якову и Карлу он неплохо относится. Так что в драку не полезет. Но Монмут и сам справится.

– Думаешь?

– Уверена. А мы пока поддержим кого поинтереснее. Есть ведь и уэльсцы, и шотландцы, и ирландцы… Давно их островок со всех четырех концов не полыхал. А пока им будет весело и не скучно, Хуан под шумок захватит большую часть их колоний.

– А мы с этого что получим? – прищурился Алексей.

– Перспективу. Думаю, Князь морей поделиться не откажется. Сначала в малом, а потом и в большом. Ну что такое? Держава громадная, а колоний – шиш?! Я так не согласна. Прирастать надо, мальчики, прирастать!

Ни Алексей, ни Иван и не спорили. Дело нужное. А если еще и чужими руками, ну, почти чужими…

– Мы обеспечим беспорядки в Англии, а дон Хуан прижмет их на море. Почему бы нет… А Людовик?

– С ним мы пока ничего поделать не сможем. Надо будет делиться, – Софья развела руками.

Думала она об устранении Людовика, думала. Остановило одно – невыгодно. Кто сказал, что с его наследником договориться легче? Парень ведь неглуп, просто сейчас отцом придавлен до состояния тряпочки под плинтусом. А если выберется? Да крылышки расправит?

Сколько она ни напрягала память, но так и не вспомнила, какой из Людовиков был казнен на гильотине. Шестнадцатый? Восемнадцатый?

Она не помнила. Вот мушкетеры точно геройствовали при Тринадцатом, а потом?

Сын у Короля-Солнца вышел непонятным, факт. Но почему, как, насколько… Может, потому и не удавалось в нем разобраться, что привык жить под отцом и оказался неспособен к самостоятельности? Кстати, при таком *pere* лучше самостоятельность и не проявлять – целее будешь.

– Соня, а денег у нас хватит?

– Это к Ивану.

– Умеренно, но должно хватить. Правда, про театр извольте забыть.

Софья невольно вздохнула.

Театр ей хотелось. Большой, красивый, каменный… Сейчас было время и на искусство. А вот денег – не было.

– Ванечка, а может…

– Соня, или театр – или дороги. Выбирай.

– Сложный выбор.

– Отложим театр лет на пять – ничего с ним не будет. – Алексей почтения к Терпсихоре и Мельпомене не испытывал. – Турки еще…

– Да, турки меня беспокоят. У них сейчас выбора нет, только воевать.

– Гуссейн-паша человек умный, но для своей страны, – поддержал Иван.

– А если его устранить? – Алексей серьезно задумался над вопросом.

– А кто придет на его место? Что нам вообще выгоднее – Османская империя под боком, как противовес Европе, или она же, распавшаяся на множество голодных шакалов?

– Если подыхающий лев не будет кусать нас за бок, можно и потерпеть.

– А еще – мы пока слишком слабы. Если османы сейчас распадутся, кто протянет руки к их землям? Мы не сможем получить все, что хочется.

– А что хочется?

– Константинополь, – Софья смотрела удивленно. – Святая София зовет. Мальчики, вы так не думаете?

– Пусть не мы, но наши дети и внуки. – Глаза Алексея блестели.

– Для них и работаем, – подвел итог Иван. – Давайте? Детский час?

– Да, думаю, Уля уже заждалась.

– Ты там, главное, с Аришей поосторожнее, – Софья не смогла удержаться. Брата она любила и искренне хотела, чтобы у него в семье все было хорошо.

– Обещаю.

Что поделать, Алексей был нормальным здоровым мужчиной. И любовницы у него были, и бывали, и одна – вполне действующая. Просто раньше он их не сильно прятал – удаль молодцу не в укор. А сейчас…

Да, с тех пор, как в их круг оказалась допущена еще и Ульрика, пришлось стать осторожнее. Но… выбора не было.

Царица – это не ширма, не кукла из терема, которая сидит и вышивает целыми днями, регулярно рожая наследников. Это – вторая половинка государя Российского. И она должна соответствовать, а достигнуть этого можно только совместными усилиями Алексея и Софьи. Но – только в том случае, если Ульрика не станет ревновать мужа к сестре, работе, делам, государству…

Пришлось ввести жесткие условия. Например, Алексею – два раза в день захаживать к жене, раз в четыре дня обязательно дарить цветы или сладости…

Софья тоже старалась показать, что она просто помощница брата в государственных делах. Вот Ульрика еще поможет – и она вообще от дел отойдет. Потом, познакомившись и с Софьей и с делами поближе, Ульрика поняла, что другого человека, который будет так же бесстрастно, как Софья, копаться в навозной куче, Алексею не найти. Более того, что Софья не ищет выгоды для себя и действует просто из любви к брату.

Такое в нашем мире встречается крайне редко. Стоит ценить, особенно на фоне бестолкового Георга.

Ну и Софья всячески подчеркивала, что у нее свое место, а вот у Ульрики… о, тут все намного важнее и серьезнее. Софья-то не родит Алексею детей, не сможет их воспитать настоящими наследниками престола, не…

Даже если Ульрика и подозревала, что это немножко спектакль, она была достаточно умна, чтобы аккуратно подыгрывать авторам и получать удовольствие от своего положения.

А что?

Муж молод, красив, жену любит, детьми занимается – обязательно! Вот и сейчас все трое пойдут к детям. Поиграть, поцеловать на ночь, рассказать сказку…

Детьми надо заниматься – это Софья поняла на своем горьком опыте. Только тогда есть шанс вырастить из них правителей, серых кардиналов, полководцев, музыкантов – да кого угодно! Но развивать и воспитывать их надо, пока они помещаются поперек лавки.

Вот и займемся.

Все подождет, кроме детей.

* * *

– Людовик денег не даст.

Гедвига Элеонора вздохнула, глядя в окно.

– На тестя тоже рассчитывать не стоит?

– Королевские увлечения дорого обходятся Англии. Даже флот… даже флот он не даст! Пусть я женат на одной из его дочерей – Якову они безразличны! Обе!

– Лучше англичанка, чем датчанка. Сыновей у Якова нет, так что после его смерти права на престол могут перейти вашим детям.

– Детей у нас тоже пока нет.

– Это вы плохо стараетесь. Я поговорю с Марией. Вот русский государь женился – и ребенок появился неприлично быстро после свадьбы!

Гедвига скривила тонкие губы. На самом-то деле сын у Алексея появился почти через десять месяцев, но уж больно хотелось уколоть врага. Пусть даже тот об этом никогда и не узнает. Есть ли для матери более страшный враг, чем женщина, которая предпочла ее сыну другого мужчину? Ульрика и знать не знала о чувствах своей несостоявшейся свекрови, но это не мешало Гедвиге злиться.

Справедливости ради доставалось и Марии.

Любая женщина, покусившаяся на ее ненаглядное чадо, автоматически становилась врагом для вдовствующей королевы. А ведь покушение было не только на сына, нет! Еще и на статус!

Мария – и та начинала уже роптать, потому что Гедвига вела себя так же, как когда была супругой Карла Десятого. Исполняла обязанности королевы, унижала невестку своим поведением… Было на что злиться. Было.

Дочь Якова пока терпела, но напряжение копилось и готовилось прорваться.

Карл задумчиво кивнул.

– Все равно на два фронта мы воевать не сможем. Либо Русь, но тут же в войну вступят и пруссаки, и ганноверцы, либо Англия. В первом случае нас, скорее всего, опять разобьют. Во втором же… есть возможность добиться для наших детей права на престол. Или… даже для нас?

– Н-но…

– Здесь есть риксдаг. Есть ты, есть Юлленшерна – вы справитесь. Но с английским флотом, с их армией, мы могли бы поспорить и с этими наглыми варварами…

Да уж, наглости русским не занимать. Осваивали завоеванные территории, строили крепости, по заливу гордо плавали их корабли… И не было никакой возможности воспрепятствовать захватчикам!

– Если у вас появятся дети раньше, чем у Анны. Если одного из них потом отдать Англии. Слишком много «если»! – Гедвига

топнула ножкой. – Я не хочу, чтобы ты уезжал!

– Я тоже, мама. Но есть предложения, от которых грех отказываться[23].

Спорить было сложно, но очень хотелось.

Гедвига раздраженно захлопнула веер. Этим же вечером она попытается отыграться на невестке, а в ответ Мария устроит скандал и заявит, что если свекровь не понимает своего положения, то… кроме Дроттнингхольма существует множество мест, куда может удалиться вдовствующая королева. И – подальше.

Карл не примет сторону матери в этом скандале, но и жену не поддержит, за что Мария сильно на него обидится. Так что в ближайшее время появления на свет Карла Двенадцатого ожидать не стоит.

* * *

– Какими силами мы располагаем?

Гуссейн-паша знал все на память, но в свиток все-таки заглянул.

– Двадцать шесть галеонов. Пятьдесят две галеры. Восемнадцать шебек и шестьдесят одно вспомогательное судно.

– Хватит ли этого, чтобы огнем пройтись по берегам Крыма?

– Если не вмешаются русские. Их флот тоже строится и не бездействует.

– Их флоту пять лет, а нашему… Мы сильнее на море.

Гуссейн-паша мудро не стал противоречить повелителю. Может, и сильнее. Но в Крыму-то они тоже были сильнее! И татары! А чем закончилось?

Воевать с русскими сложно и неудобно. Слишком опасный и непредсказуемый противник. А придется. Вену пришлось оставить – не было возможности удержать. Теперь нужна хотя бы маленькая, но победа. И русские в Крыму подходят для этого как нельзя лучше. Еще не успели укрепиться, не набрали силы, не настолько опытны в морских битвах…

– Как прикажет мой повелитель. Во имя Аллаха наши воины разгромят неверных.

Сулейман ответил снисходительной улыбкой. По-своему он был даже привязан к визирю. Ценил его ум, опыт, знания – и менять не собирался, что бы ни нашептывали в уши то жены, то придворные.

– Я верю в это, Гуссейн. Наш флот готов?

– Месяц-полтора – и все будет готово.

– И мы вернем Крым, как и должно.

Гуссейн-паша мудро держал соображения при себе.

Может, они и разгромят русских в Крыму. Но только с помощью маленькой хитрости, которую некогда описал Гомер в своем произведении. И судя по донесениям, дешево она не обойдется. Не стоит недооценивать казаков. Как-то же они сдерживали татар, проходили по Крыму огнем и мечом, брали Азов…

Впрочем, предатели есть везде.

И это хорошо.

* * *

– Что у нас есть? Павел, что ты можешь выставить?

Что Павел Мельин, некогда Поль Мелье, что Григорий Ромодановский, давно сдружившись, не обращали внимания на чины и звания. Важно ли, что один – боярин, а второй – бывший раб с галер? Да нет… Оба Руси служат, оба на своем месте хороши, да и приемный сын Григория недавно обвенчался с дочкой Павла, так что, почитай, – свои, родные. Чего тут церемониться?

– Восемнадцать фрегатов, двадцать два брига, одиннадцать бригантин, девятнадцать галер. «Чайки» – те без счета. Есть пара десятков вспомогательных суден, но все упирается в другую проблему.

– Какую?

– Экипажи, – просто объяснил Мельин. – Чтобы появился сыгранный, хороший экипаж, нужно несколько лет. А у нас новичков полно. Как они себя под обстрелом покажут, тебе сейчас сам Бог не поведает.

– А как бы ни показывали, придется стоять насмерть.

Григорий Ромодановский себя не переоценивал. Полководцем ему не быть, но на то Разин есть. У Степана сие хорошо получается – на суше! А на море?

Шпионы доносят неладное. Турки готовят и снаряжают флот. И по некоторым намекам… сюда он пойдет!

Сюда!

В Крым!

Не ради татар, нет. Но люди тут уже расселились, обосновались, есть что пограбить, есть кого захватить, а то и вовсе пожечь. С турок станется… нехристи поганые!

– Ты понимаешь, Григорий, что такие экипажи могут и корабли палом пустить по глупости, и сами погибнуть? И не

помогут, и разве что навредят. На них рассчитывать будут, а они ничего в нужный момент и не сделают?

– А что – есть выбор?

Павел Мельин пожал плечами. Спорить он и не собирался. Да, придется. И стоять, и драться, и не отступать – турецкий флот коснется берегов Крыма только после того, как будет уничтожен флот русский.

– На что из арсенала… троянских коней мы можем рассчитывать?

– На складах есть то взрывающееся зелье. И есть греческий огонь. Хотя и немного.

– Отдашь?

– Отдам. Для защиты они не так хороши, а нам крепости не штурмовать.

Павел кивнул:

– Зато на море пригодятся. А еще… Знаешь, надо будет команды создать. Мне тут идея в голову пришла…

Григорий молчал, пока Павел задумчиво смотрел в стену. Спугнуть мысль намного легче, чем кажется, а если она дельная – это обидно.

Но когда на лице Павла заиграла шальная улыбка, не выдержал.

– Ну?

– Брандеры. Из «чаек» выйдут неплохие брандеры, все равно выбора у нас нет.

– Ага. И тебе нужны этакие горячие головы…

– Холодные. И чем холоднее – тем лучше. Чтобы и сами не пропали, и других не подвели. Тут горячиться ни к чему, тут сто раз отмерить нужно и пять раз отрезать.

– Десять раз отмерить – один отрезать, – привычно поправил Григорий. За время жизни на Руси появилась у Павла такая привычка – калечить русские поговорки.

– Пусть один. Но резануть от души, – охотно согласился Павел. – Чтобы впредь неповадно было…

Тут Григорий был полностью согласен с родственником. Надо сделать так, чтобы турецкий флот серьезно пострадал. Так, чтобы турки не смогли продолжать войну, сочтя, что понесли недопустимые потери. Чтобы убрались, поджав хвосты…

Удастся ли?

– Я отдам все приказы. Сколько потребуется времени, чтобы подготовить флот?

– Около месяца. И надо выйти из залива, мы тут как кошки в мешке.

– Действуй…

Павел кивнул. Мысли уже были далеко. Там, где на синей глади расправляли паруса корабли.

Бой. Да, и только победоносный! Другого выхода нет.

* * *

Софью Алексеевну разбирал истерический смех.

Мало кто видел ее в таком состоянии, но…

– О-ох… Мазепа! Слов нет! МАЗЕПА!!!

Брат и муж с удивлением смотрели на нее, но что делать – даже не представляли. Софья глянула на них и протянула руку к кувшину с водой. Кое-как ее удалось напоить.

– Вы просто не понимаете… Мазепа! Черт!

Слишком сильным оказалось потрясение для Софьи. В той жизни она была не последней в школе, и потому…

– Зачем он шапкой дорожит?
Затем, что в ней донос зашит,
Донос на гетмана-злодея…

Последняя строчка пушкинской «Полтавы» – «*Царю Петру от Кочубея*» – так и не прозвучала. Софья вовремя заткнулась. Поди объясни, что это за Петр и откуда взялся. И жил ли уже Мазепа с Кочубеевой дочерью? И вообще – рядом ли с ним Кочубей? Кто это, Софья, хоть убивай, не помнила, и про дочь-то рассказывал когда-то Володя, как про занимательный факт. Вот, мол, на что способны оскорбленные отцы.

– Соня, ты стихи пишешь? – искренне удивился супруг. Софья кое-как замотала головой.

– Нет! Это другое…

Алексей на стихи не разменивался. Тут не в стихах дело.

– Мазепа, значит? Да что он вообще такое?

– Один из множества атаманов на Сечи, сейчас в Крыму. – Софья уже достаточно пришла в себя, чтобы дать справку. Пошуршала бумагами на столе и уже более уверенно продолжила: – Иван Степанович – человек обыкновенной биографии. Отец – поляк из не особенно знатных. Мать – ныне монашка. Учился у иезуитов, был принят при польском дворе. В шестьдесят пятом году стал подчашим Черниговским. Через пару лет женился и активно прислуживал Дорошенко. Очень активно. Вовремя успел переметнуться к Степану, где и дорос до атамана. А дальше – все. Расти некуда.

– А если сдать Крым туркам, как пишет Иван…

Разъяснений не требовалось. Все трое понимали, что худшая тварь, которая может завестись в доме, – не таракан, а диверсант. Не орать же на весь Крым, что Мазепа предатель?

Софья, кстати, в этом и не сомневалась. Видимо, еще из той жизни…

Но что делать? Попробовать казнить? А кто сказал, что другие лучше? Что нет запасного варианта? Она бы на месте Гуссейна-паши троих таких подобрала. Минимум. Чтобы наверняка. Просто Мазепа оказался самым наглым.

Перетягивать на свою сторону Сирко! Это ж вообще ума не иметь нужно! Или наоборот?

При одной мысли Софья похолодела. А вдруг…

Согласится Иван – хорошо. А если нет… что бы предусмотрела она?

Да просто его ликвидацию. Возраст уже. Кто у нас застрахован от сердечных приступов? А если уж вовсе допустить самое страшное… Мазепу могут продвинуть вместо Ивана. У казаков же вольница, Степан вроде как ничего про Мазепу не говорил, но по донесениям…

Софья попробовала вспомнить.

Да вроде бы Степан неплохо относится к Мазепе. В меру равнодушно, в меру спокойно. А мог он – продаться? И мог Мазепа прийти не сам, а от Степана?

Самое мерзкое, что допускать приходилось – все. Хотя… не стоит уж вовсе давать воли паранойе. Степану не было бы нужды подсылать Мазепу к Сирко. Это глупо, а глупцом атаман никогда не был. Да и к чему ему? Он и получил все, что хотел. Землю, жену-царевну, детей… уже трое у них. Татьяна счастлива, Степан счастлив, и рисковать этим ради возможного союза с турками? Вряд ли. Степан не дурак, ой не дурак.

Ладно.

Степану можно верить. А кому – нельзя? Сам по себе такой умный Мазепа? Из грязи в князи? А ведь мог, мог…

Софья отчетливо помнила, что Петр наградил товарища орденом Иуды. Или собирался? Но уж точно не за добрые дела. Или вы хотите меня уверить, что человек прожил на свете семьдесят лет и только на восьмом десятке решился попробовать? А не предать ли нам Петра?

Ох, неубедительно…

Если кто подлец – так он с самого начала. В школе такие дети вдохновенно закладывают одноклассников, потом в институте стучат в деканат, а в зрелом возрасте пишут операм. Опер велел про всех писать. Итак, мог ли Мазепа стать предателем сам по себе?

Мог. Хотя и сомнительно.

Мог ли Гуссейн-паша принять его во внимание?

Да то же самое. Может, и мог. Хотя… Сколько вторых мечтало стать первыми? И вообще, кто там до перестройки Ельцина знал? А поди ж ты, пр-резидент!

Так что шансы были. И не такие, как Мазепа, атаманами становились, а у этого конкретного нельзя отнять обаяния. Ну и связей, не без того.

– Что делать с этой тварью?

Алексей, как всегда, зрил в корень, пока сестра предавалась размышлениям.

– Позволим начать действовать и выловим всех. – Софья даже не сомневалась.

– А если не выловим?

– Будет плохо. Но и ждать предательства изо дня в день, из года в год? Слишком накладно и нервно.

– Может, прижухнут, если мы Мазепу приговорим с особой жестокостью?

Софья пожала плечами:

– Алеша, а ты уверен, что получится? Мне кажется, у нас против казачьей фантазия бедновата.

После недолгого обсуждения приняли именно Софьин вариант. А и верно, орден Иуды – это Петр от злобы и бессилия. Казнить можно, но сколько казнокрадов перевешали, и что? Все равно воруют!

Так что и мучительная смерть не вариант.

Только длительная и кропотливая профилактическая работа, иначе никак. Главное – чтобы свои уцелели.

* * *

– Вечер добрый, батько атаман.

Мазепа кланялся, как и положено, а в глазах горело что-то такое… Торжество подлеца, как окрестил про себя этот свет Иван Сирко.

– И тебе не хворать. Почто пожаловал?

– Время, батько. Время.

И то верно, с первого разговора, почитай, месяца два прошло. Но Иван все еще был жив.

Почему?

Ну… имелась у него одна версия. Кто сейчас распоряжается? Да именно что он! А Мазепа кто? Серая скотинка! Приказы отдавать Сирко будет, его, как предателя, и вспомнят. А Мазепа

потом убьет его, займет место – и будет еще утирать лицемерную слезинку.

Может такое быть?

Иван-то знал, что не может. Он верил государю, знал Алексея Алексеевича лично, поэтому был уверен: его предателем и подлецом не посчитают. Ближний круг, этим все сказано. Но Мазепа этого не знает! Представить себе не может! Да кому сказать, что казак Сирко с царем за одним столом сиживал, не поверят ведь!

Иван и не говорил…

– И что ты делать хочешь?

– Батько, сюда турецкий флот идет. Вот как они наших разобьют, надобно, чтобы никто им высадиться не мешал.

– Это можно. А разобьют ли?

– Должны. У них силища – раз в пять кораблей больше русских! Так что потопят они Мельина и глазом не моргнут. А там уж и наше время настанет…

– Какие крепости надобны?

Мазепа достал из кармана карту и расстелил на столе. Сирко смотрел пристально.

– Да, хорошо задумано. Надобно в эти крепости своих людей вести… готовься. Тоже пойдешь.

Мазепа кивнул.

О нем можно было сказать многое, об этом невысоком худощавом человеке со светлыми волосами и длинными висячими усами на польский манер, но вот трусом его назвать никто бы не осмелился. В битву шел наравне со всеми, и в седле не плошал, и с саблей управлялся на редкость ловко… когда отвертеться не удавалось. Будь ты хоть трижды умным да хитрым лисом, а все ж на Сечи и когти, и зубы время от времени показывать надо. Так что мог Мазепа саблей помахать, мог. Просто… к чему?

– Коли все получится – наш Крым будет! Наш!

Иван Сирко не фыркнул, пусть и хотелось. Наш… Дали тебе турки! И добавили! Был русской собакой, станешь мусульманской. Только вот шавка – она везде шавка. И то – подобное сравнение собак оскорбляет.

Иван тоже не сидел на месте эти полтора месяца.

Тайно, втихорца, готовился, разведывал, узнавал…

Если все получится, как задумал он, – вряд ли живым уйти удастся.

А и пусть!

Жена ушла, дети выросли и тоже улетели из гнезда, жаль, волчьей крови в них мало. Нет в них того, что дано Ивану. Может,

во внуках когда проснется?

Он уже не увидит. Не успеет.

Жаль?

Нет. Лучшей судьбы себе и пожелать нельзя.

* * *

В середине лета 1681 года турецкая эскадра, до того курсировавшая неподалеку от Синопа, взяла курс на Керчь. Пять фрегатов, двенадцать линейных кораблей, пятьдесят галер и около пятидесяти вспомогательных суденышек вроде шебек. Это предварительный список. Позднее добавилось еще восемь галер.

Увы, Мельин не мог похвастаться тем же. Он располагал только прежними силами – и потому особенно тщательно выбирал место встречи. Вблизи берега, чтобы спрятать брандеры. Но такое, чтобы случись что – паруса не потеряли ветра. Это у турок галеры, им все равно. Рабы гребут! Ветер там, не ветер…

А вот русским потеря ветра может дорого обойтись. Очень дорого.

Павел понимал: пропускать турок в Азовское море никак нельзя. Придется встретить их неподалеку от крепости Керчь. Там решится, быть победе или не быть. И если флот разобьют, крепость сможет сопротивляться еще несколько дней. Выгадают время.

Не хуже Павла это понимал и Мазепа, назначивший себе именно Керчь. Ключевое место. Кто встанет там – получит особые заслуги. Это фактически ключ – один из – к Крыму.

Командовал турецким флотом капудан-паша Мезоморте. А кому еще султан мог доверить такой флот и такой поход? Только самому лучшему, самому проверенному…

Все шло неплохо, попутный ветер, казалось, благоприятствовал турецким кораблям, подталкивая их и раздувая паруса. Корабли шли вроде бы беспорядочно, пока не закричали впередсмотрящие.

Русский флот ждал.

Как такое может быть?

Мезоморте не раздумывал об этом. Да, султан был уверен, что серьезного сопротивления не будет. А это – какое?

Хм-м…

Пересчитав корабли врага, Мезоморте позволил себе чуть расслабиться.

Нельзя сказать, что русских много. Силы примерно равны, но у него больше людей, это видно даже сейчас. И наверняка его

матросы опытнее. Сколько тому русскому флоту?

Впрочем…

– Просигнальте, – распорядился бей. – Пусть сдаются.

Драться действительно не хотелось. Пусть русские получат возможность перейти на сторону сильного. Всегда можно принять мусульманство, Аллах милостив. Они обретут новые имена, кто-то, может, даже титулы, земли… И думать забудут о своей варварской родине. Ему это было хорошо знакомо.

Но в ответ… В ответ прилетело плевком презрительное: «Убирайтесь – или умрите!».

Ах так?! Вы сами выбрали для себя эту участь, христианские собаки!

Больше Мезоморте не колебался.

– Разворачиваем корабли в линию! Передавай мою команду!

Турецкий флот медленно разворачивался в две дугообразные линии, чтобы корабли переднего ряда не мешали стрелять задним. Мелкие суда толпились позади – их время наступит, когда надо будет вылавливать из воды русских матросов. Не бросать же тонуть удобных галерных рабов?

Русский флот ждал.

Чего?

Вот об этом паша и не подумал. А и подумал бы – что это могло изменить?

* * *

Корабли медленно маневрировали друг относительно друга. И русские, и турки старались занять наиболее выгодную позицию, но постоянно меняющийся ветер мешал обеим сторонам. Приходилось двигаться вдоль береговой линии, ожидая, пока он хотя бы чуть установится и можно будет сражаться.

Мезоморте тоже не торопился выпускать вперед галеры.

Известно, что у русских есть какие-то дальнобойные пушки (выкрасть секрет изготовления пока не удалось, но Гуссейн-паша не терял надежды), поэтому посылать своих солдат на верную смерть? Послал бы, но ведь не на бессмысленную же! О нет. Галеры пригодятся – но на своем месте и в свое время. А пока… Ждем определенности.

Так же ждал и Мельин. Турок было больше чуть не вдвое, а потому рисковать не хотелось. К тому же…

Они шли вдоль берега – и Мельин собирался загнать турок на скалы. Если ветер будет удачным и все получится…

Полдень. Без изменений.

Пять часов вечера…

– Впереди мели и скалы.

Мельин взглянул на адъютанта. Одного из «троянских коньков» на практике.

– Да.

– Будем сражаться ночью? Или завтра?

– Если Мезоморте не решит иначе.

А вдруг?

Место было выбрано не случайно. Не случайно Мельин оттеснял сюда турок, зная фарватер. Буквально в двадцати минутах хода щерились из воды темные каменные клыки.

– Вам надо попробовать поспать.

Мельин и сам понимал, что двое суток на ногах-то продержится. Но! А сможет ли командовать? Он ведь не матрос, чье дело ванты тянуть, он – адмирал, эти люди все на его совести. Все, кто погибнет.

А в следующий миг…

– Э, нет. Спать мы сегодня будем победителями или побежденными.

Ветер, словно по заказу, подул с нужной стороны. Надолго ли?

Не важно! Этого хватит, чтобы прижать противника к берегу – и пусть он сам себя рифами гробит! Мезоморте двигался вперед, то ли забыв про камни, то ли стараясь уйти, чтобы не атаковали при невыгодном ему ветре, то ли просто о них не зная.

Грех не воспользоваться! А потому…

– Передай приказ. Разбиваемся на три части согласно плану. Идем на них, жмем к скалам.

Адъютант кивнул. А в следующий миг на мачтах русского флота поочередно заплескались флаги, засверкали вогнутые металлические зеркала, передавая приказ. Что другое, а без знания азбуки Морзе (простите, государевой тайной речи) на флот было не попасть.

Мельин подозревал, что и у турок уже есть знатоки, но ты поди переведи в горячке боя, да с русского языка, да правильно… Ему – и то давалось тяжело.

Мезоморте правильно оценил ситуацию.

Пес с ним, с ветром. Если сейчас их прижмут к суше – проблем будет куда как поболее.

И принял бой.

Над морем гулко рявкнула первая пушка. Турецкая. Надо же попробовать пристреляться?

Ответом ей стало такое же утробное ворчание русской артиллерии.

Русских кораблей было меньше, но они старались прижать турок к отмели, а в идеале – и выкинуть турецкие корабли на берег.

Мезоморте покусал губы.

Да, дальнобойность у русских лучше. Так что либо его будут расстреливать с расстояния, либо…

– Брандеры!!!

Небольшие кораблики, залитые маслом и ждущие только щелчка, чтобы вспыхнуть, двинулись вперед.

– Брандеры!!!

Рык Мельина был слышен по всему кораблю.

– «Чайки»!!! Сигнал «чайкам»!!!

Другого метода борьбы сейчас было не придумать. Расстрелять?

Но при сильном ветре всегда есть опасность промазать. И подпустить брандер на опасное расстояние. Нет уж…

«Чайки» выметнулись из-за тяжелых тушек фрегатов и хищными горностаями закружили вокруг брандеров. Послышались частые выстрелы.

Один из капитанов брандера не выдержал и поджег его раньше времени. «Чайки» разлетелись, и теперь подгоняемый ветром огненный остров совсем не мирно дрейфовал в сторону турецкого флота. Мусульманам пришлось расстреливать кораблик из пушек.

Хуже того, один из турецких фрегатов, «Мескен-и-Гази», таки свильнул в сторону берега – и вдруг замер, словно вода вмиг обернулась льдом. Ни вперед, ни назад.

Скалы!

Остальные корабли шарахнулись подальше от страшного места.

Мезоморте грязно выругался и принялся отдавать приказы. Два мелких кораблика бросились на помощь. Снять хотя бы экипаж с тонущего фрегата – уж больно хорошо налетел! Остальные, заподозрив, что их не просто так гнали вдоль берега, принялись маневрировать. Если бы сейчас турецкому флоту удалось пройти за кормой флота русского, он мог бы, в свою очередь, зайти с наветренной стороны и получить пространство для маневра.

Но кто бы дал?

Русские всеми силами старались предотвратить такое развитие событий, нещадно обстреливали турок, и достаточно скоро бой разделился на дуэли. Нехватка русских кораблей отлично компенсировалась «чайками». Вот уж воистину – хищницы. «Чайки» нагло налетали и на крупные корабли, и на

мелкие, мешали обстрелу, забрасывали на палубы бутыли с «греческим огнем», те разбивались и вспыхивали веселыми язычками пламени, казаки лезли на абордаж…

«Морской волк», флагман Мельина, постепенно сближался с флагманом Мезоморте. Адмиралы собирались разобраться между собой, как и положено рыцарям. Один на один – и честный бой. Насколько честный? Ну… как получится, но лучше, если эта сволочь сдохнет.

Тут мысли адмиралов полностью совпадали.

«Рука Аллаха» и «Морской волк» медленно сближались. Два фрегата, примерно равные по количеству пушек, но не равные по их мощности.

– Цельтесь по корпусу! – рявкнул Мельин.

И русские первые плюнули ядрами.

Но и у Мезоморте не было выбора. Сейчас он старался подойти поближе. Пусть выиграть пушками не получится – можно пойти на абордаж! Людей у него определенно больше, а гибель адмирала – часто и гибель его эскадры.

Под ударами русских пушек корабль Мезоморте вздрогнул и чуть замедлил продвижение. Турок постарался развернуться носом к противнику, чтобы получить меньше пробоин, и ему это удалось.

Против русского адмирала играло то, что кораблей у него было изначально меньше. Пусть они сильнее, но – численность! Даже казачьи «чайки» не спасали положения. Турки просто пытались задавить русских количеством – и морякам приходилось туго.

Чуть повыше ватерлинии флагмана Мезоморте уже зияла пробоина, но турки сбросили в воду все носовые пушки и не сбавили хода. Мезоморте бесновался на мостике, мешая французские ругательства с турецкими. Здесь и сейчас он вспомнил о своей родине.

Команда турецкого флагмана работала с отчаянием обреченных: спущены паруса, обрублены веревки, поддерживавшие реи, выстроен на корме авангард абордажного отряда… Корабли были все ближе и ближе.

Турки стреляли из всех оставшихся пушек, русские, маневрируя, отвечали им тем же… Когда на палубу «Морского волка» забросили абордажные крючья, флагман уже собирался тонуть. Буквально на последнем издыхании два корабля оказались пришвартованными друг к другу – и на палубах разверзся ад.

Палили и те, и другие. Из пистолетов, мушкетов… И тут преимущество было у русских. Софья, памятуя про великого

уравнителя Кольта, всячески финансировала изобретение скорострелов. И их поступление в войска – тоже. Пусть до Азова добралось не так много – на турок хватило с избытком.

Но и турки были не худшими стрелками.

Что-то толкнуло Мельина в плечо – и на мундире проступило влажное пятно. Но позвать лекаря сейчас? Невозможно! Адмирал не может получить рану во время боя! Потом – хоть умри, но сейчас, когда вовсю идет перестрелка…

Хорошо, что мундиры черные. Кровь не так заметна.

Мельин выпрямился и продолжил отдавать приказы.

Турки ринулись на абордаж, навстречу им блеснули русские сабли. Применять здесь и сейчас греческий огонь было безумием. Вспыхнут оба корабля.

Оставалась рукопашная.

* * *

Роман Сирко стряхнул с сабли капли крови. Серебристая сталь дрогнула в руке, словно живая, покачнулась, выбирая добычу. Да, и такое бывает. Вот Петра любила земля, а Романа позвало море. Не река, нет. Море. Настоящее, громадное, переливчато-изумрудное, изменчивое и манящее.

Увидел один раз – и заболел. Понял, что лучше не бывает. Начал ходить по Азовскому морю на своей «чайке», команду сбил… Отец не препятствовал. Смеялся, что еще посмотрит, какие волки зубастее: морские али сухопутные. Да пусть смеется. Все одно они с Петром братья, так что раздору меж ними не бывать!

Казаки дорубали последних турок и поглядывали на капитана. Кого дальше резать?

А то что это такое? Хоть судно и было раза в два больше «чайки», а все одно – бараны турецкие! Оглядевшись, Роман заметил, что флагман сцепился с турком и басурмане лезут на абордаж.

Тут точно помощь лишней не станет!

* * *

Мезоморте шел на абордаж во главе своих людей. Резал, рубил, колол… Вокруг падали друзья и враги, но он словно заговоренный пробивался на квартердек, где стоял Мельин. Павел с радостью спустился бы ему навстречу, но…

Рана, проклятая рана!

Он чувствовал, как намокает мундир, как утекает кровь, а с ней и силы…

Ничего! Выстоит!

Обязан!

Бой продолжался, разбившись на множество схваток, и русские пока выигрывали. Не всегда Бог на стороне большой армии. Иногда он за тех, кто вооружен лучше.

В нескольких местах русские взорвали свои брандеры, и несколько реквизированных турецких торговцев решили, что лучше – подальше. Выбирались снасти, снова плескались на ветру приспущенные было для боя паруса… Торговцы разворачивались и уходили.

Таких даже «чайки» не преследовали.

Что-то на французском орал Мезоморте, да так, что перекрывал даже шум схватки.

Мельин вслушался.

Турок приглашал адмирала спуститься и решить, как подобает мужчинам. Капитанам. Один на один.

Спору нет, раньше бы Павел спустился. Но сейчас? Когда он ранен? Когда не может бросить командование эскадрой? Невозможно! Тем более русские вполне успешно отбивали атаку, не вытесняя покамест турок со своего корабля – многовато, – но и не пропуская к квартердеку.

С другой стороны к кораблю пришвартовались казаки на «чайке» и тоже полезли на борт. Это и переломило ход сражения. Турки попятились, что привело в бешенство Мезоморте.

– А ну стойте, шакалы!!!

Сам адмирал отступать и не думал. И сдаваться – тоже! Либо победа – либо смерть.

Но тут…

Перед ним на палубу спрыгнул парень в казачьей одежде, оскалился. Хищно, недобро, по-волчьи…

– Поговорим?

И хоть был тот вопрос задан по-русски, Мезоморте все равно его понял. И тоже оскалился.

– А то ж…

Двое мужчин кружили друг напротив друга. На квартердеке замер Павел, нащупывая пистолет.

Если Мезоморте начнет одолевать… да, он не пристрелил бы врага в гуще схватки – мог бы просто не попасть. Но вот так, когда все замерли и дерутся двое – запросто. Ах, неблагородно? О каком благородстве может идти речь с такими, как Мезоморте? Ренегат, предатель, вероотступник… Да за пулю в такого десять грехов снимется!

Роман двигался легко и весело. Столкнулись сабля и ятаган, прозвенели, скользнули, высекая искры…

– Ублюдок! Шлюхин сын, – бросил на пробу Мезоморте.

Противника он уже оценил и теперь старался вывести из себя. Ну и заодно разозлиться сильнее. По лицу Романа проскользнула улыбка.

Языков он не знал, но догадывался, что доброго слова ждать не стоит. Сжал зубы, качнулся вперед.

Удар, отвод, опять удар… и вскоре Мезоморте начала одолевать паника. Парень смотрел желтоватыми волчьими глазами, усмехался, молчал – и нападал. Да так… Казалось, любое движение Мезоморте он предугадывает заранее.

Шайтан!

Впрочем, есть еще и клинок в рукаве. Говорят, добрая сталь и на дьявола подействует.

Шаг, удар, уход, перекат – и нож летит прямо в горло противнику. Мезоморте уже видел, как расходится под острой сталью кожа, как хлещет кровь из горла…

Зазвенел по палубе отбитый кинжал. Роман оскалился и шагнул вперед. Все, игры кончились, пощады не будет. Шаг, другой, третий… Русский методично гнал Мезоморте к мачте. И только там позволил себе стремительный и беспощадный выпад.

Жестокий удар пришпилил вражеского адмирала к мачте, словно бабочку к картонке. Позднее окажется, что это событие стало для турок решающим. А пока Мельин с довольной улыбкой посмотрел на испускающего дух Мезоморте – и пошатнулся.

Последнее, что он запомнил из дня сражения, – чей-то тревожный возглас:

– Лекаря!!!

* * *

Иван Степанович Мазепа чувствовал себя… не очень хорошо. Что-то давило, свербело, саднило под ложечкой. Так, что к вечеру он решил плюнуть на все и напиться.

Не успел.

Скользнула за окном серая тень, постучалась в хату и обернулась Иваном Сирко на пороге.

– Поздорову ли, Иван?

– И тебе не хворать, батько. Что случилось?

– Да горе у нас, Иван. Горе-то какое…

Мазепа вскинул голову. Голос старого атамана совершенно не походил на голос горюющего.

– Что случилось?

– Турецкий флот затонул. Почти весь, спаслись единицы.

– К-как?!

– А вот так. Встретили их честь по чести, даже в пролив войти не дали, Ромка мне весточку прислал.

– Это же…

– Да. Предать тебе никого не удастся. Некому за это платить.

Мазепа поднял голову. Посмотрел на старого характерника. И – понял.

– Т-ты…

– Неужто думал, в моем роду предатели родятся?

Хотя странный вопрос. Думал, конечно. Сам предавал и полагал, что и другие тоже хотели бы, да не могут. Лжец видит везде вранье, предатель – предательство.

– Это все ты…

– Я, конечно. И на людей своих можешь не рассчитывать – помощи не будет. Уже всех повязали.

Мазепа затравленно огляделся.

А ведь старик здесь один… я бы услышал…

В следующий миг блеснула сталь.

– Пропусти, не то убью!

Иван показал в ответ клыки. Обнажил саблю.

– Попробуй…

Зазвенела, сталкиваясь, сталь.

Мазепа был моложе и сильнее. Иван – опытнее и лучше учен. Но молодость брала верх. Мазепа кое-как вытеснил старика из хаты во двор.

Удар, еще удар. Оглядеться вокруг…

Лошадь!

Это – шанс!

Мезоморте с кинжалом не повезло. А вот Мазепа лучше выбрал время. И Иван Сирко осел на землю, окропив ее кровью из пробитого плеча. Целил предатель в горло, да промахнулся.

Добивать противника Мазепа не стал. Прыгнул в седло, и лошадь чуть ли не свечкой взвилась с места.

Иван Сирко смотрел ему вслед. Ухмылялся. И глаза у него были совершенно желтыми, хищными.

Волчьими.

* * *

Как хороша ночная степь!

Уже нет жары, даже чуть прохладно. Перекатывается под

ветром трава, оживают ночные бабочки, выползают из глубоких нор звери, выходя на охоту…

А звезды?

А невероятная по своей красоте и внушительности полнобокая луна?

Всем этим приятно полюбоваться, когда ты просто едешь по делам, зная, что в безопасности. Хорошо показать эту красоту девушке.

Но если ты беглец… О, сколько ужасов таит в себе ночная степная жизнь!

Каждый крик кажется погоней, каждый шум – преследованием. И чудится, что на твой след уже встали. И погнать бы коня галопом, да нельзя – загонишь. И вообще останешься беспомощным.

Конь в степи – это жизнь.

Так что Мазепа волей-неволей остановился на отдых. Расседлал коня, вытер, разжег костерок, понимая, что если решат найти – и так найдут.

Проклятье!

Все ведь было продумано! Такой план!

Но турки даже не смогли высадиться с кораблей, Ивану Сирко в этом верить можно. А люди Мазепы… ведь сам, сам дал ему возможность! Но казалось бы – что может быть лучше независимости от османов и от русских? Под умелой рукой, конечно!

Да, под его рукой! Это же будет его хозяйство, а свою выгоду Мазепа чувствовал всегда! Крым процветал бы под его управлением, он знает…

Или Иван хотел посадить на власть одного из своих сыновей? Но они не такие… им словно власть и не нужна. Один вообще в море удрал – смешно!

– Ау-у-у-у-у-у-у-у-у!

Волки выли в темноте. Мазепа невольно поежился. Какие-то ноты они взяли… страшноватые.

И стая приближалась.

Он не испугался бы и дюжины. Но… в честной схватке. Лицом к лицу. А сейчас…

Они загоняли добычу.

Его.

Это была охота на человека.

Что ж, так просто он не сдастся. У него есть лошадь и оружие.

Поздно!

Конь, дико заржав, рванулся так, что повод не выдержал. Миг – и он скрылся в темноте. А через минуту оттуда послышался

крик. Высокий, тонкий, почти детский… Мазепа знал, что это. Так кричит загнанное животное, на холку которого вспрыгивает безжалостный голодный хищник. Они уже рядом?

Он вскочил, выхватил саблю.

Волки появлялись словно из ниоткуда. Вначале загорались глаза. Желтые, зеленые, беспощадные. А потом – потом из темноты начали выступать серые тени. Скользили, переливались… а рядом ни дерева, к которому можно прислониться спиной, ни…

И впереди скользил здоровущий седой волк с желтыми глазами. И смотрел так, что сразу вспомнились Мазепе истории про оборотней и про то, что Иван Сирко… Кажется ему, или волк и верно прихрамывает на переднюю лапу?!

Мазепа так и не понял, когда вожак метнулся вперед.

Кажется, пару раз еще успел взмахнуть саблей. А потом… Потом волчьи зубы впились в руку, кто-то прыгнул ему на плечи, повалил… И последним, что Иван Степанович видел в своей жизни, были волчьи клыки.

Желтые и кривые, со стекающей по ним кровью.

* * *

Героев встречали всем Азовом.

Гонцы оповестили о победе русского флота, и Ромодановский готовил торжественную встречу. С фейерверком, залпами пушек, делегацией на причале во главе с самим Ромодановским – и потребовались грандиозные усилия, чтобы удержать Павла на носилках.

Лекарь орал, что если адмирал решит пойти своими ногами – он ни за что не отвечает! И так кровопотеря слишком велика! Куда еще?!

Пусть идет!

Сначала на встречу, потом на погост!

С лекарями спорить сложно, особенно когда они из числа государевых воспитанников, так что Мельин поругался, но на берег выехал на носилках. И первыми – торжество там или нет – к его носилкам кинулись родные и близкие. Разрыдалась жена, схватил за руку сын…

– Да не умираю я! Не повезло немного!

– Ваш муж – герой, – Роман Сирко незаметно оказался рядом. – Только благодаря ему выиграно сражение.

– Ты лучше расскажи, как Мезоморте к мачте пришпилил, – ругнулся Мельин. – Втроем отдирали…

– Это я случайно.

– За такие случайности и награда должна быть достойной! – На шею казака опустился орден, а в руке оказалась небольшая грамотка. Ибо что толку в награде, если к ней ничего не приложить?

Нет уж.

Орден – для славы и памяти. Но для души и тела тоже хорошо бы что-то иметь. Деньги там или кусок земли, который можно передать потомкам… Титул, на худой конец. И у Романа все еще впереди.

Хотя больше всего сын Ивана Сирко мечтал о том, чтобы когда-нибудь тоже стать адмиралом. Водить в бой не одну «чайку», а всю эскадру, пугать турок, топить вражеские корабли.

Море – оно не отпускает своих возлюбленных.

Что ж.

Его время еще придет.

* * *

– Что у нас хорошего?

Софья посмотрела на брата Алешу. Подумала.

– Можно, начну с плохих новостей?

– А что у нас плохого? – насторожился государь всея Руси.

– У Феди жена умерла.

– У Шан?

– Роды. Ребенок родился, а вот мать от родильной горячки и того-с… Преставилась на третий день. Федя пьет. По крайней мере пил, когда письмо писали.

– Соня, ты тут точно ни при чем?

Алексей прищурился на сестру. У Шан ее давно раздражала как тот камешек в сапоге, так что могла, еще как могла…

– Могу поклясться, что я к ее смерти непричастна. Ну… Разве что как и ты. Может, рожай она здесь, исход был бы другим. Или рожай не от Феди…

Алексей кивнул. Поверил.

Впрочем, Софья и не лгала. Зачем?

Да и китаянку она не убивала. Не травила, не подсылала убийц, не… Хотя и понимала, что Федя все больше попадает под влияние жены и скоро может наступить тот момент, когда он взбунтуется против Алексея. Может ведь и такое быть. Предают почему-то только родные и близкие, у чужих это не получается.

Так что Федя был назначен в Финляндию. Туда, где требовался присмотр, а вот закрепиться было сложно и вряд ли возможно вообще. Хотя, останься У Шан в живых, она бы точно что-то да придумала.

Не успела.

Роды – процесс серьезный. Почему так высока детская смертность? И материнская тоже?

А так вот.

Потому что и в голову не приходило европейским медикам вымыть руки перед осмотром. Как на лошади проехался, в заднице почесал и кусок мяса сожрал, так и в пациентку полез. Теми же лапами, без салфеток и стерильности.

И долго ли тут ждать заражения крови? Особенно после родов?

Софья над этим долго размышляла, а потом поняла, что основы гигиены надо прививать через церковь. Да, именно так. Как католики считают, что мыться грех, ибо при этом смывается вода святого крещения, так православные должны считать, что

войти к кому-то в дом и не вымыть при этом рук – плохо. Что в грязных руках черт сидит, или что грязь телесная свидетельствует о грязи душевной – это пусть попы учат.

Патриарх на пару с Аввакумом обещали подумать.

А еще Софья старалась нейтрализовать повитух и прочую знахарскую заразу. Ввела медицинский курс в Университете, готова была из казны финансировать обучение священников хотя бы азам лечебного дела…

И тут церковь пошла ей навстречу.

Как сказал Патриарх: «Мы лечим души, но ежели при этом можно излечить и тело – почему бы нет?» Может, это противоречило Библии и догмату о том, что болезни посылает Бог. Но тогда чего ж он дал людям разум?

Да чтобы те могли найти еще и способ лечения!

Ибо что толку в неразумной и больной пастве? Кто ж будет держать больное стадо? Или доить больную корову? Это глупо, а церковь глупостью не отличалась.

Иногда Софья и сама себе поражалась, как ей легко удается находить общий язык со священниками – здесь. И как тяжело было там! В двадцать первом веке!

Хотя что тут удивительного?

Здесь – верили. А там?

А там… Пока церковь была гонима и отвергнута, семьдесят лет коммунизма, туда шли только подвижники. Те, кто верил и готов был служить. Через муки и страдания.

А когда вера стала модой…

Бэ-э-э…

Ты за сколько баксов свечу поставил? За сто? Ну и лох, мои грехи на триста потянули!

И пусть кто-то посмеет сказать, что это не мерзко.

Здесь такого отродясь не было. Если верили, то всей душой, не признавая полумер, верили искренне и неистово. И Софья намеревалась приложить все усилия, чтобы и не стало никогда здесь дельцов от христианства. Чтобы вера оставалась верой и не превращалась в модную религию.

Но это проект долгосрочный. А У Шан…

Роды у китаянки принимало четверо докторов. И все европейцы! Избежать при таких условиях заражения крови было бы чудом.

– А что у нас на Востоке?

– Чуть-чуть воюем, чуть-чуть прирастаем землями и обживаемся.

Медленно, постепенно, обживаясь, укрепляясь и строя остроги. А как еще? Лет через триста те края должны быть

заселены на совесть. Так, чтобы и в голову никому не пришло зариться на них. Например, китайцам, которые что саранча. Только пусти!

Софья знала, как после них остается только выжженная земля, – и не хотела здесь повторения. Благо пока Поднебесной было не до Руси.

Это в ее родном мире к этому времени уже завершилось противостояние династии Мин и династии Цин в пользу последней. А здесь осколочки отлично сопротивлялись.

С русским-то оружием, с Божьей и казачьей помощью… Пусть – агония! Лишь бы лет на сто хватило, а там поздно будет на нашу Сибирь губы раскатывать! Поленом закатаем!

– Проблем нет?

– Постольку поскольку. Серьезных точно нет.

А что?

Шахты на Урале строятся, Демидовых не будет, так Строгановы своего не упустят, а что надо делиться с государством, они уже поняли. Пары уроков хватило.

А остальное…

Ну, местные племена то клятвы верности приносят, то стрелы из-за кустов пускают. Но то дело вполне житейское. Бытовое, можно сказать.

– Что у нас еще нового?

– Ваня пишет. Они с Беллой нашли общий язык, теперь он просит ей в подарок штук пять живых белок.

– У нее пока брата не появилось?

– Пока – нет. Но все еще возможно.

– Феодосия?

– У нее сложнее. Тесть при смерти, после него на трон должен сесть Фридрих Казимир, но это та еще пакость. Безмозглая, чванная и обожающая пьянки и гулянки.

– А ее муж какой в очереди?

– Четвертый сын.

– Маша?

– Опять ждет ребенка.

– Молодцы они с Михайлой.

– Да кто б спорил. Илона Зриньи, кстати, тоже в тягости.

– Все-таки молодец Текели!

– Да уж.

Имре Текели за это время развернулся.

Как польский вассал, он укреплял границы, строил крепости, покупал оружие… И какая кому разница, что часть денег шла с Руси?

Но не просто так.

Помогать по доброте душевной Софье претило. В принципе. Сегодня ты им поможешь, а завтра тебя же за это грязью польют. Люди – существа неблагодарные. Знаем, проходили, еще после развала Советского Союза.

Нет уж.

В этой жизни она бескорыстно помогать не будет. И появляются в Венгрии аристократы с подозрительно русскими именами, или просто часть венгров роднится с русскими, с поляками. А то ж!

Поможем по-братски. Но для того сначала породнимся!

Да, это не гарантия мира. Но лучше, чем ничего. И уж точно она не станет помогать чужим людям в ущерб своему народу. Сначала Русь, потом все остальное.

– Кстати, опять денег просит.

– Не дадим, – отреагировал Алексей. – На свое не хватает.

– Да, скорее всего, не дадим. Я еще спрошу Ивана, но вряд ли он тоже что-то выкроит.

– Я думал, кстати, что он сейчас у тебя?

– Нет. К матери поехал. Внуков повез.

Феодосия хоть и смягчилась за последнее время, но Софья все равно предпочитала видеться с ней пореже. Лучше – по большим христианским праздникам. На Рождество и Пасху. И – хватит.

– А мне Георг отписал. В гости напрашивается.

– Ну так проси. Уля будет счастлива.

– Уже отписал. Пусть приезжает. Он хоть и шалопай, но человек хороший.

– Кстати – без жены.

– И это неплохо. Надо посмотреть, у тебя там никто из девочек не хочет?

– Я поговорю.

Софья чуть улыбнулась.

Миром правят не деньги и не сила. Миром правит информация. В том веке или в этом – выиграют не большие батальоны, а те, у кого больше знаний.

Вот их мы и будем собирать. Из обмолвок, писем, оговорок, официальных документов… И из чужих постелей – в том числе! В политике ангелов не бывает.

* * *

Татьяна редко видела мужа таким расстроенным. Но сейчас Степан сидел, повесив голову, а в глазах стыла почти волчья тоска.

Женщина молча присела на пол у ног мужа, взяла за руку, стиснула – и не отпускала, пока наконец Степан не соизволил вынырнуть из болота своей тоски.

– Что случилось?

– Иван Сирко умер.

– Как?!

Старого казака царевна знала и уважала. И – побаивалась.

Было в нем нечто такое… хищное, звериное, безжалостное. И как племянники с ним общий язык находили?

А вот поди ж ты!

Что Алексей, что Софья души в характернике не чаяли. Да и Степан тоже. А уж как его казаки уважали…

– Вот так. Заходят к нему, а в доме никого. Конь весь в мыле, глаза дикие, копытами по воздуху садит… Подойти никому не давал, словно на нем черти всю ночь катались.

– А *он*?

– Нашли его потом. В степи. Лежит. В небо смотрит, и лицо…

Степан даже замялся.

Ну как объяснить жене такие вещи? Радость на лице мертвеца, хищный оскал волка, настигнувшего добычу, – и даже струйку крови, стекающую изо рта?

– И кто теперь вместо него будет?

– Старший его. Петр. Казаки как один его имя выкрикнули.

– Теперь ему в Москву надобно?

– Обязательно. Я бы и сам, пожалуй, съездил, да не могу сейчас Крым оставить.

Татьяна кивнула.

Турки, надеявшиеся на маленькую победоносную войну, были отброшены резко и жестко. Флот разбит, а предатели, готовые поддержать их, – вырезаны. Не без участия Ивана Сирко, кстати. И было в этом что-то…

– Он до конца хранил Крым.

– Да. Все уже согласились, что его могила должна быть здесь. В степи. Поставим крест…

– Лучше часовню…

– Он был бы доволен.

Степан кивнул.

А перед глазами все стоял волчий оскал на лице мертвеца. И как тут скажешь Татьяне, что тело Мазепы, изрядно поглоданное волками, нашли неподалеку?

Как объяснишь?

Лично атаман Разин, да и почти все казаки были свято уверены, что Иван Сирко перекидывался в волка и бегал ночами в серой шкуре. И сейчас тоже… погнался за предателем. Горло-то

ему порвал, а вот на оборот сил не хватило. И расплатился характерник жизнью.

И Степану было жутко…

* * *

Белки были красивыми. Изабелла – тоже.

Иван смотрел на невесту с удовольствием, а та восторгалась симпатичными пушистыми зверьками.

– Жуан, а покормить их можно?

– Орешков насыпать. Можно.

– А это мальчики или девочки?

– И те – и другие, брат написал.

– И у них могут быть дети?

– Еще как могут, бельчонок.

В Португалии русское прозвище звучало странновато, но Изабелла привыкла. И даже начала учить русский язык.

Иван жил здесь уже несколько лет – и мог смело сказать, что не зря. Изабелла его любила, да и он сам привязался к симпатичной черноглазой девчушке.

Так что мальчик поцеловал подруге руку и принялся показывать, как кормить белок. Они и не подозревали, что из окна дворца за ними наблюдает отец Изабеллы. Педру тоже оценил вероятного зятя, и будь Изабелла чуть постарше, заключил бы брак немедля.

Плюсов добавляло и отношение русского царя к брату, а значит – и к его тестю. Отказов в своих просьбах Педру не знал. Правда, он и не зарывался, говоря только о самом необходимом. О дереве для флота, о людях, о поставках продуктов… В обмен на Русь шли товары из колоний.

Да, колонии.

Очень медленно, но процесс тронулся. Португалия вернула Аргуин и остров Святой Елены, присоединила Бисау, потеснив англичан, следующими должны стать Малакка и Тимор. Разумеется, на всех островах имелись и русские фактории. И торговали эти северяне ничуть не хуже, чем сами португальцы. Хотя Педру в претензии не был, справедливо решив, что лучше поделиться частью, чем гордо не вернуть ни монетки из утраченного.

А еще…

Был у русских один проект, с которым они не могли справиться без участия Испании и Португалии. Так что Педру, хочешь не хочешь, приходилось работать с доном Хуаном. И –

работал.

А что?

Мужчина умный. Это вам не истеричка Марианна или слабоумный Карлос, это Князь морей. К тому же почти родственник. Через русских.

Педру иногда думал, что если и не даст Бог ему сына – да пусть! Белла не пропадет с таким консортом, если парень хоть чуть в брата пошел. Русского государя начинали бояться в Европе. Как медведя, который вроде бы и спит – а тронь! Живым не уйдешь! Опасен, непредсказуем, страшен в своей мести… И при том – Русь процветает! Одержали несколько побед и успокоились. Никуда не лезут, разве что чуть прирастают колониями, но не самыми выгодными.

Кто-то думал, что это от слабости или глупости. Педру же считал, что неспроста. Русский государь неглуп и понимает, что двумя руками сорок кубков не удержишь. Поэтому наводит порядок у себя дома.

Но если русские решат что-то присоединить или завоевать…

Педру был рад, что они – друзья. А еще – что у русских крепкие родственные связи. Гарантия, что Португалия не пострадает от русских цепких рук. И сам Жуан – паренек умный. Склонности к интригам не проявляет, в политику не лезет, делами государства вроде бы и не интересуется, весь в науке. Ученых разыскал, собрал свой «научный дом», опыты там какие-то проводят, да так, что иногда полстолицы на вонь жалуется.

Но это – внешне.

А приглядишься – и такие зубки блеснут на милом лице, что волк позавидует. То Жуан охарактеризует Изабелле кого-нибудь из придворных так, что сам Педру диву дается. То словно бы ненароком выдаст расклад по событиям в Австрии. То… да мало ли случаев?

Ох, неглуп этот мальчишка, еще как неглуп.

Казалось бы, пятнадцать лет, самое такое время, кровь играет… Да себя стоит вспомнить! Ведь от каждого шороха юбок загорался! И этот мог бы, тем более Белла еще мала, двенадцать недавно исполнилось. Мог бы и покрутить на стороне – ан нет! Ни одна из придворных дам, которые охотились за русским принцем, успеха не имела. Наоборот, Жуан может так их обсмеять вместе с Беллой, что дамы красными месяц ходят. Блюдет верность. Или достаточно осторожен, чтобы хранить похождения в самой глубокой тайне? Возможно и то, и другое. И Педру не знал, что ему нравится больше. Умный паренек. В брата пошел, точно.

Брат, да…

Ах, если бы план русского государя удался! Большего при жизни и пожелать нельзя! Конечно, работать придется, и детям он ту еще каторгу в наследство оставит, но коли все будет правильно сделано – быть Португалии вровень с Испанией! И – в ведущих мировых державах.

Уж он постарается!

А Иван и Изабелла, не подозревая о мыслях короля, кормили белок орешками и весело обсуждали, какие опыты можно еще провести. Интересно же! Вот например, недавно прислали с Руси последний альманах Университета и там – уйма всего увлекательного!

Правда ли, что в капле воды можно увидеть мелких существ, которые там живут? Если смотреть в специальное увеличивающее стекло? И почему они там живут? А как действуют на людей? Обязательно надо самим посмотреть! Вот только линзы изготовят – и вперед! И можно даже опыты на мышах проводить. Одних, например, поить водой с этими, мелкими, а вторых – чистой водой. И посмотреть, что будет!

Педру знал, что Белла тоже интересуется наукой, в подражание жениху – и не запрещал развлекаться родной кровиночке. Не мужчинами же! Полезным делом занята! Пусть учится!

* * *

Царевич Федор чувствовал себя омерзительно.

И состояние не улучшилось, когда его куда-то поволокли, а потом сунули головой в бадью с ледяной колодезной водой. Царевич попытался орать и дергаться, но куда там! Пара затрещин – и опять купание!

И еще раз!

И еще! Не обращая внимания на вопли о смертной казни для негодяев, требования и ругательства.

Наконец его соизволили отпустить – и Федор воззрился на протопопа Аввакума.

За прошедшее время святой отец заматерел, но не жиром от привольной и сладкой жизни, а могутной медвежьей силой. И раньше была, да в плохих условиях не раскроешься. А сейчас… Понятное дело – двадцатилетний юнец не смог противостоять! Батюшка иногда и Степана Разина укладывал, на руках с ним побарываясь!

– Опамятовал, сыне?

Федор мрачно кивнул, мечтая вернуться в свои покои и

нажраться еще раз. Да так, чтобы и поленом хмель не вытряхнули. Шан мертва. Ее больше нет. Вообще нигде нет. Там, на небе – да, и она сейчас смотрит на него и ребенка, но это – там! А она нужна здесь! Он любил, в конце концов!

Любил, понимаете?!

Почему судьба так жестока?! За что ему это – потерять любимую жену?! За что?!

Аввакум смотрел понимающе.

– Вытрись вот. Весь кафтан водой заляпал… Хотя оно и к лучшему. И пошли, переоденешься.

Споры явно не предполагались. Да и не возражал Федор против переодевания. Самому тошно было от вонючей одежды и потного немытого тела. Слишком глубоко въелось…

Так что царевич безропотно проследовал в свои покои, где были видны следы многодневного пьянства, ополоснулся в лохани на скорую руку, переоделся и вышел к протопопу.

Аввакум оглядел его весьма скептически.

– Хоро-ош…

Федор ощетинился ежом. А то он сам не знает, что растрепан, бледен, красноглаз и перегаром от него разит так, что капуста сама собой сквашивается!

И что?!

– Ты на меня волком не смотри, сынок. Стар я уже для этого. Присядь, поговорим.

– А что, у меня есть выбор?

– Можешь меня, старика, и вовсе палкой на улицу выгнать – слова худого не скажу.

Ага, ему и не надобно. Такой одной левой приложит – на стене мокрое место останется. А вот что Федору потом скажут брат и сестры? М-да, лучше не думать.

– Слушаю тебя, отче.

В конце концов рано или поздно он уйдет, и никто не будет мешать царевичу сделать что пожелает. Например – напиться, уснуть и хотя бы во сне увидеть жену. Эх, Шан, жемчужина моя любимая…

Аввакум эти мысли читал вполне отчетливо. И ему они резко не нравились. Не так богато царевичами государство русское, чтобы ими раскидываться, словно пьяными свиньями.

Так что…

Либо ему здесь оставаться, либо Федора в Москву везти и там разум вправлять, коли уж раньше не сделали… Но куда везти? С грудным-то дитем?

Аввакум вздохнул, понимая, что до Дьяково он еще долго не доберется, и принялся за работу.

– А ты присядь, сынок. Горе у тебя… большое горе. Я и сам сына похоронил, врагу такого не пожелаешь. И ты жену свою любил, вижу. Вот не стыдно тебе перед ее памятью? Ребенок брошен, а муж свиньей в блевотной луже валяется?

Понятное дело, это было только начало обработки. Ну так дайте время! Сильно, конечно, парня смерть подкосила. Ну да ничего. Пастырское слово – оно и не с таким горем справлялось.

Аввакум говорил. Федор мрачно слушал. Жизнь – продолжалась.

* * *

В Англии жизнь так и вовсе била ключом.

– Ваше высочество, все готово.

Джеймс Скотт, герцог Монмут, поправил на широких плечах темный простой плащ. Да, именно простой и темный. Не подражая ни отцу, ни дяде, Джеймс делал ставку на протестантов, а у тех пышность была не в чести.

– Пойдемте, Джон. Мой народ ждет.

Джеймс высадился в Лайме в конце лета 1681 года. При нем было более трех тысяч людей, два десятка пушек и самое главное, что нужно для войны: испанское и португальское золото! Ключ, открывающий любые двери.

Да, и так бывает.

Прижил его величество Карл сына от Люси Уолтерс, вроде как даже в законном браке, только тайном. Признал сына, титул дал, но что титул, когда манит Англия?!

Яков сделал ставку на католиков. Джеймс – на протестантов.

А еще…

Однажды вечером в его дом постучался человек. Вручил верительные письма от государей и предложил помощь в святом деле.

Чего он хотел?

Пусть Джеймс займет трон своего отца. А они помогут. Разумеется, не просто так, за помощь и поддержку придется отдать часть английских колоний. Но ведь они и так… своеобразно принадлежат англичанам. Ни для кого не секрет, что в Новом Свете и свои законы, и свои порядки. На законы Света Старого там часто хотели… чихать. Это если вежливо.

Вам, ваше величество (пусть будущее, это как раз не важно), еще в своей стране порядок наводить, вам с колониями возиться некогда будет, там пираты расплодятся так, что никому жизни не будет. А мы поможем.

Наведем порядок, подбросим денежку, а там и торговля наладится. Да и – это уже додумывал сам Джеймс – кто мешает потом отвоевать все колонии обратно? Каперство еще никто не отменял. А вообще, поможете – спасибо. Денег подкинете – дважды спасибо. Но дружба – дружбой, а колонии врозь. Хотя… Может, кое-что и приданым взять можно? Сам Джеймс был женат, но у него уже пятеро детей! Хватит на все брачные союзы!

И на главной площади Лайма впервые прозвучали слова короля Джеймса:

– Народ мой…

Говорил он красиво. О загнивании церкви католической, о притеснении протестантов, о том, что король погряз в ненужной роскоши и одаривает шлюх, вместо того чтобы заботиться о своем отечестве.

Король Яков обвинялся в тирании, в отравлении отца Джеймса, короля Карла, якобы не поделив с ним любовницу, в извращении традиционных английских законов и стремлении отдать Англию под власть злобных католиков вообще и Папы Римского в частности.

Разумеется, доброму гугеноту стерпеть такое никак нельзя, и Джеймс собирается выступить против тирана. Титул и награду самому Монмуту после победы определят «*Мудрость, Справедливость и Власть законно избранного и свободно действующего парламента страны*»[24].

На голубом с золотом знамени Монмута было начертано: «Нет страха иного, чем перед Богом». Но если заглянуть в душу храброго герцога… Нет, не Бога он сейчас боялся, а поражения. Потому что смерть его будет медленной и жестокой. Удушение не до смерти, четвертование и колесование. А то и сожжение…

Нет!

Он обязательно победит!

А еще – он скромно упоминал о том, что в армию освободителей пока можно вступить. Есть вакантные места. Ну а поскольку у Джеймса имелись обаяние, незаурядный ум и главное – подходящая политическая платформа, в одном Лайме в его армию записалось более сотни человек. И еще два раза по столько же присоединилось из близлежащих деревенек и городков. Кромвелианцы, сектанты, крестьяне, ремесленники, подмастерья… Весьма неоднородная масса. Но как смазка для меча – сгодится!

Цинично? Ну уж как есть!

Положим, новобранцы тоже не горели желанием умереть именно за некоего Д. Монмута, считая его воплощением многих нехороших качеств. Драться и умирать они собирались именно за

возвращение доброй старой Англии, в идеале – времен королевы Бесс. При ней-то такой бардак никак твориться не мог!

Но и Монмуту было плевать, за какую идею станет драться вся эта шваль. Главное – пусть сражаются. На день и ночь они остаются в Лайме, а утром двинутся на столицу. Враг будет разбит, и победа будет за ними!

Джеймс не был до конца уверен в себе, но надежды-то были! К тому же в Шотландии действовал граф Аргайл, обещая взбунтовать страну, а если ударить с нескольких концов… они же обязательно победят!

Ну, почти…

* * *

Примерно в это время в Ирландии…

– Деньги. Корабль с оружием прибудет завтра. Я выполнил обещанное, мой лорд.

Лорд Финн О'Конахи сверкнул голубыми глазами.

– Да. Ты дал нам надежду, человек. И мы обязаны тебе. Когда Монмут схватится с тираном, мы поднимем восстание. И Ирландия опять будет свободна от английских захватчиков!

Мужчина в темном плаще почтительно поклонился. Со старым О'Конахи можно иметь дело. А еще с О'Мэлли, Финнеганами, О'Доннелами и множеством других ирландских лордов.

А как иначе?

Государь Алексей Алексеевич поставил перед своими людьми задачу. Англия должна вскипеть – и вариться до-олго. А значит, костер надо поджигать с нескольких сторон.

Иван, которого здесь называли Джоном, занимался, в числе многих «троянских коньков», Ирландией. Почему ирландцы раньше бунтовали неудачно?

Да в них просто денег не вкладывали! А дали людям средства, помогли оружием, и главное теперь – удержать их, чтобы раньше времени не начали резать англичан! А кому по нраву спесивые твари, жиреющие на твоей крови? Король им отдает твои земли, выживает лордов, душит ирландцев непомерными налогами… Смириться можно, только имея в жилах рыбью кровь! А у жителей Ирландии она отродясь таковой не была!

Страна готовилась полыхнуть – и отделиться.

Иван точно знал, что русские есть и в окружении графа Аргайла. И что Испания и Португалия помогли оружием и

золотом, а Русь – людьми. Потому что испанский и португальский короли знали, *что* надо сделать, а русский государь знал, *как* это надо сделать, чтобы добиться цели.

В случае победы Монмута Англия распадется на собственно Англию, Ирландию и Шотландию. Возможно, отделится Уэльс. Если повезет. А вернуть их под свою руку Монмут не сможет. Уж точно не сразу и с большими потерями. Останется только подбрасывать дрова, а остальное ирландцы и шотландцы сами сделают. Слишком долго в них взращивали ненависть, чтобы они смирились. Слишком страшно…

Хотя Иван иногда даже поражался этим людям. Умные, сильные, яркие – и такие беспомощные! Всегда ведь есть несколько выходов из ситуации, а они сидят, ругают короля и не знают, куда двинуться. Ничего, поможем! У каждого клана даже есть свой план передвижений. Кто пойдет, куда пойдет, зачем… Да, многое они испортят. Но многое и будет сделано, усугубляя сумятицу и неразбериху.

Впрочем, есть план и на случай провала Монмута. Эвакуация «коньков».

Своими людьми русский государь жертвовать не собирался. Слишком ценный материал. Это лордов с ледями хоть соли и ешь, а чтобы одного «троянского конька» вырастить, нужно не меньше десяти лет и уйма труда.

* * *

Граф Аргайл вел повстанцев на берега Шотландии. У него был отряд поменьше, чем у Монмута, всего лишь пятьсот человек. Но к чему больше? Шотландия тоже готова к бунту, он знал это лучше других. Со времен Якова Стюарта из несчастной страны выкачивают все, что можно! Сами шотландцы считаются людьми чуть ли не второго сорта. Стюарты, кстати, исконно шотландцы, забывают и про веру предков, и про свои корни, сев на английский трон. Пора с этим покончить!

Монмут хочет стать королем Англии?

А Арчибальд Кэмпбелл, девятый граф Аргайл, хотел править Шотландией! Вот!

И надеялся, что его поддержат! Виги, которых поддерживал он, пресвитериане… Правда, шотландцы равно не выносили и англичан и католиков, но, может, англичан-католиков они будут ненавидеть вдвойне?

Да и потом, вот если бы он высадился с голым задом и пытался вербовать народ в Шотландии – да, он был бы обречен на

поражение. Определенно.

Но у него есть войско, пушки, золото – к нему обязательно присоединятся сторонники! Люди вообще любят становиться на сторону сильного. А что им пообещать – он знает.

* * *

– Дорогой, стоит ли так волноваться?

Леди Винтер заботливо подала королю кубок с хорошим вином и вытерла платочком потное чело. Посмотрела на батистовый лоскуток – и украдкой швырнула в угол. Она этим вытираться точно побрезгует!

Фу!

– Этот щенок возомнил себя львом! Я ему вырву зубы!

– Конечно! Неужели кто-то может в этом сомневаться?

– Какой-то ублюдок, поганая тварь…

– Да он вообще не сын бедного Карла…

– Сын, – вздохнул Яков, – к сожалению.

– Но не законный же!

Яков промолчал. Леди Винтер подлила ему еще вина. Выходит, что-то у Монмута есть? Какие-то права? Люси и правда была женой Карла?

Анна де Бейль не удивилась бы. Зная, насколько легко крутить обоими коронованными братцами, странно было, что такой Монмут только один. Можно бы и десятка ждать!

– Ах, это безразлично! Подумай, кто его может поддержать? Всякий сброд! А ты такой умный, такой отважный, ты их легко разобьешь…

Песня сирены лилась в уши Якова. А обратно выливались интересные сведения.

Очень скоро Анна узнала, что против Монмута пошлют Джона Черчилля и графа Фэвершема. И если первый еще молод, то Фэвершем всерьез беспокоил Анну. Слишком жесткий противник.

Надо бы передать весточку своим.

Пусть примут меры.

А пока…

Анна с любовью поглядела на своего короля и любовника. Да-да, именно с любовью. Нельзя ведь играть роль, ею надо жить, любить, в нее надо врасти… Она и вросла. И обожала Якова.

Пока не придет иного приказа.

– Любовь моя, я всегда была уверена в твоей мудрости! Ты просто великолепен! Конечно, Фэвершем легко разобьет эту

шваль…

И самое приятное, для Анны в этом нет ничего опасного. В случае смерти Якова она уедет из Англии, а на родине давно ждут и поместье, и титул, и удачное замужество, если она пожелает. И никто никогда и не вспомнит рядом с ней об Англии.

А если выиграет… Ну, тогда как государыня Софья прикажет.

Анне нравилась придворная жизнь, ее развлекали балы и приемы, радовали драгоценности, но больше всего нравились интриги. И – управлять людьми.

Она подозревала, что после своей миссии в Англии уже не сможет оставаться на Руси. Но государыня, конечно, пойдет ей навстречу! Она мудрая, она поймет.

А пока…

Фэвершем, говорите?

Черчилль, говорите?

Что ж, посмотрим. Александр Македонский талантливее вас обоих – и то помер. А уж вы-то…

* * *

Софья об Англии пока не думала. Ей хватило и мужа с братом, и их переживаний. Второго она уже убедила в совпадениях, а вот муж… Иван все-таки был сыном Феодосии Морозовой и ушел от матери достаточно поздно. Основа у него не та, что у Алексея. Братом она сама занималась, так что ко всем чудесам Алешка относился достаточно скептически. А вот Иван…

Что один, кстати, что второй. Один верит во все сказки, а второй так помереть умудрился, что точно в легенду попадет! Вот о смерти Ивана Сирко царевна сейчас и толковала мужу.

– Звучит, безусловно, страшновато. Но все вполне объяснимо.

– Да неужели? Хотел бы я услышать – как?

Софья пожала плечами. Петр Сирко, приехавший на Москву с докладом, произвел на нее самое лучшее впечатление. Определенно, он унаследовал от отца такие замечательные черты, как решительность, ум, характер. Да просто Иван, только помолодевший лет на тридцать-сорок.

– Ваня, ну подумай сам. Мазепа вырвался, Иван, безусловно, пустился за ним вдогонку. И сердце не выдержало. Возраст-то какой! Уж почитай восьмой десяток завершил, девятый на подходе! А ярость? А азарт? Тут и кого помоложе скрутить могло, удивительно ли, что у Сирко сердце не выдержало?

– А конь?

– Если седок умирает прямо в седле? Ну… коня тут понять

можно. Ошалеешь и взбесишься. Тут и чертей приплетут, а на деле-то все куда как проще.

– И кровь на губах у Ивана?

– Может, он при падении язык прикусил. Да и с улыбкой все не так ясно. Бывают гримасы…

Иван пожал плечами. Может, и так. Но…

– Ты же не будешь разрушать легенду?

– Смеешься? Я ее еще и поддержу!

Софья уже обдумывала проект храма.

Над могилой Ивана Сирко обязан стоять храм. Большой, красивый… И замуровать тело, чтобы не добрались никакие стервятники!

Вот уж кого царевна на дух не выносила, так это мародеров и осквернителей могил. Мрази – и этим все сказано. А чем они себя оправдывают – не важно. Археологи ли это, коммунисты ли, простые мародеры – гадость!

Хотя ей бы хотелось волка. Памятник в виде волка, одинокого, закинувшего морду к луне, из серого камня… пусть надолго затянется, но память должна остаться на века. Чтобы над могилой характерника стоял зверь и тоскливо выл лунными ночами. Волков в Крыму хватает, антураж обеспечат.

Но – нельзя. Церковь взбунтуется.

Ничего. Она что-нибудь придумает с храмом. Или волки там на фресках будут, или еще что – надо поговорить с Аввакумом, когда тот вернется, пусть подскажет, что не вызовет раздражения у церкви.

Зато какая легенда!

Спорим – найдутся и свидетели-очевидцы, которые видели в степи какого-нибудь необычного волка? Сплетни пойдут, мол, выл перед налетом турок (эти ведь не успокоятся) или перед нападением пиратов. Умер, чтобы до скончания веков хранить свою землю. Пары лет не пройдет… Людям только дай прикоснуться к чему-то необычному. Да и можно ли упрекать их за это?

Она ведь и сама… Скажи кому – не поверят!

Может, это у нее сейчас предсмертный бред? А она, вылетев головой вперед из «Макса», доживает последние минуты на обочине автострады?

По спине пробежал холодок, и Софья тряхнула головой, отгоняя страшноватые мысли. Пусть бред! Но ведь и его прожить надо с толком!

– Обними меня, Ванечка. Что-то мне холодно…

Иван Морозов притянул жену и поцеловал в ухо. Кому-то она «проклятая царевна», кому-то «серый кардинал» и «тень за

троном». А он всегда будет видеть в ней вот эту девчонку. Где-то глубоко внутри, там, куда нет доступа посторонним, Софья все-таки позволяет себе быть слабой. Просто прижаться, обнять и забыть обо всем.

Потому что они вместе.

– Хочу, чтобы наша дочь была похожа на тебя.

– Надо над этим серьезно поработать.

Кто сказал? Кто ответил? Сейчас для семьи боярина Морозова это было совершенно не важно. Такая она, любовь.

* * *

Вторым пунктом на пути Монмута оказался Таунтон.

О, там Джеймса приняли с восторгом. Осыпали цветами, встретили салютом, а еще – преподнесли ему знамя.

Да какое!

Местные красавицы из школы благородных девиц сшили его, используя свои нижние юбки! Но Монмут принял знамя с благодарностью. Это ведь было признание народа! И собрался объявить о низложении Якова.

Едва удержали. И то пришлось сказать, что не хвалятся собой, не одержав ни одной победы. Вот этот довод Монмут понял. То, что коронацией он оттолкнул бы от себя кучу республиканцев, ему и в голову не приходило.

В сознании аристократа было намертво пропечатано, что чернь должна служить ему, – и он не допускал иного. Да и пример Людовика толкал на пышные лозунги. Как же! Король-Солнце уже более двадцати лет самый популярный монарх Европы!

Советники едва удержали Монмута, объяснив, что короноваться надо не таким образом, а как приличный человек. В Лондоне, короной древних королей, по полному обряду…

А пока рано.

Джеймс протестовал, но недолго. И покорился.

Очень хорош оказался довод, что бунтовщика одной с собой крови Яков может и простить в случае неудачи, а вот самопровозглашенного короля точно уничтожит. Монмут разгромил пораженческие настроения, но от идеи отказался. Таунтон – это еще не вся Англия.

А на следующий день произошла и первая стычка у деревни Бриджпорт.

Кавалерия под предводительством лорда Грея (точнее будет сказать – в его присутствии) разгромила отряд милиции и

обратила англичан в бегство. Лорд Грей искренне пытался помешать этому своим неумелым руководством, но скромный английский сержант Джон Смит вовремя перехватил командование – и милиция была разбита.

Сторонникам Монмута достались трофеи со стороны побежденных и награды от герцога. Джон Смит, в частности, стал капитаном. Тем временем королевская армия выступила в сторону Таунтона.

От него до столицы – около ста пятидесяти миль. Джеймс решил не ждать врага, а пойти навстречу и разгромить. И не так утомительно, и до Лондона все потом ближе идти будет.

Так что армия повстанцев выступила из Таунтона на север, намереваясь по дороге бить королевские войска и милицию, чтобы те не собрались под знаменами Фэвершема. С миру по нитке, а у них и у самих численность не так велика. Народишко-то сбежался, но сражаться?

Косами? Серпами? Молотками?

Тьфу!

Да разбежится тут половина при первом же пушечном залпе!

Монмут трезво смотрел на свою армию, а потому понимал: наслаждаться величием некогда. Надо уменьшать численность врага.

Этим он и собирался заняться.

* * *

В это же время шотландцы уменьшали численность его собственной армии.

Джеймс немного не принял в расчет, что Яков хоть и король, но Стюарт же! Клан! Шотландский! Связанный много с кем родственными узами!

А потому…

Граф успел высадиться в Данбаре.

Объявить его территорией Джеймса Монмута.

Кликнуть на помощь свой клан. И даже пройти по Шотландии примерно десять километров вместе со своим войском наемников.

А потом…

В Шотландии есть еще кланы Стюартов, Гамильтонов, Гордонов…

И Арчибальд Кэмпбелл, девятый граф Аргайл, достаточно быстро нашел свой конец. Аккурат когда столкнулся на дороге с засадой. Клан Гордонов не стал разбираться, чего там хочет

Кэмпбелл. Они просто собрали кавалерию и атаковали.

В холмах есть много удачных мест для засады, и местным жителям они были хорошо известны. Наемников для начала обстреляли, чуть ли не засыпав стрелами, а потом ударили им в левый фланг.

Можно выстоять?

Можно. Если дерешься за идею. Или хотя бы за крепкие деньги. А так…

Когда со стрелой в горле упал Арчибальд Кэмпбелл, граф Аргайл, наемники, решив, что погибать за Монмута – это уж слишком, просто разбежались.

Клан Аргайла оказался в буквальном смысле слова у разбитого корыта. Пришли, похоронили графа и пошли по своим делам.

Попытка поднять восстание в Шотландии провалилась, не успев начаться. А вот в Англии дела обстояли не так радужно для Стюартов.

* * *

В Таунтоне Монмут пробыл ровно два дня. А потом решительным маршем направился туда, куда подсказывало честолюбие.

На Лондон.

Через Бриджуотер на Бат и Ньюбери.

А там…

А там – кто знает? Королевские войска тоже не дремали.

Бриджуотер честно пытался сопротивляться, выставив на стены аж двести человек и две пушки. Да еще отряд милиции числом пятьдесят человек.

Увы…

Для армии Монмута это были семечки. Повстанцы смели их, даже не сильно заметив, потеряли двадцать два человека убитыми и около сотни ранеными, но через два часа ожесточенной схватки Бриджуотер пал к ногам победителя. И тут Монмут показал себя с лучшей стороны.

Громогласно объявил, что у горожан не было выбора. Они-де присягали Якову и обязаны были сражаться за его дело. Но теперь Бриджуотер его – по праву короля и завоевателя. Карать он никого не будет, но требует присяги на верность. И – пусть заботятся о раненых.

После такого заявления даже те, кто не одобрял Монмута, стали задумываться. А Джеймс тем временем двинулся на Бат.

Очень крупным городом Бат называть не стоило, так, среднее что-то. Не Бристоль, второй по величине город страны, но и не захолустье вроде Лайма.

Монмут собирался захватить Бат и уже оттуда послать гонцов в Бристоль, предлагая людям сдаться на милость *законного правителя*. Устраивать шествия? Парады? Красоваться перед людьми? Некогда, это все некогда, это потом…

Кто бы знал, каких усилий такие действия Джеймса стоили его советнику. Да, именно советнику. Кто такой этот молодчик в простой черной одежде, не знал никто. Голландец, определенно. Питер ван Хорн – и только-то. Протестант, что приятно. Вежлив, неглуп, расчетлив… Почему Джеймс приблизил его к себе, советуется и прислушивается? Вот этого не знал никто.

А тем временем…

– С Бриджуотером получилось отлично. Если мы так же возьмем Бат…

– Люди устали и им нужно отдохнуть.

– В петле отдохнут.

– Питер!

– Ваша светлость, я давно Питер. Не забывайте, стоит нам проиграть – и нас всех повесят. Хотя вас – нет, вам отрубят голову. А до того, наверное… что там положено делать с предателями? Колесование? Четвертование?

– Я не предатель!

– Якову вы этого не докажете. Или думаете, что он вас помилует?

Джеймс Монмут так не думал.

– Ваша светлость, покорнейше прошу вас прислушаться к моим словам. Отряды королевской милиции подтягиваются к Бату и могут перекрыть дорогу.

– Мы их разобьем! Мы уже одержали несколько побед…

– Это пока еще не настоящие победы… Маленькие городки, крохотные отряды…

Джеймс кривился, но делал, как велено. Оно и понятно. Кто платит – тот и музыку заказывает, а платили за все хозяева голландца.

Кто?

Джеймс думал, что знает. Французы, вестимо, которым никогда не нравились англичане. А потому Людовик, благосклонно поглядывая в сторону Якова, другой рукой сыпал золото в карманы бунтовщиков.

То, что из этого дела торчат русские уши, ему и в голову не

приходило. Да какие интересы могут быть у этих варваров с окраины мира?

Варвары тоже вежливо молчали и не торопились просвещать Монмута о том, что даже его штаны куплены на русское золото. Пусть выполняет свою задачу, играет роль вымпела и символа, разоряет Англию. А много знать ему ни к чему.

Определенно.

* * *

Армия его величества Якова выступала из Лондона. Звенели шпоры, сияли доспехи, звонко пели трубы и барабаны, развевались знамена – все было картинно красиво. Руководил армией граф Фэвершем. Яков смотрел им вслед. Не королевское это дело – за бунтовщиками гоняться. А еще…

Жить ему хотелось. И очень. А потому Яков заранее готовился к бегству. Выгребал что поменьше и поценнее из королевской казны, прикидывал, куда, когда и на чем бежать – памятны ему были детские скитания. Ой памятны. Одолеют Монмута?

Отлично, орденов людям понавесим!

Не одолеют?

А при чем тут его величество? Его тут и вовсе не было! Он во Франции, вдохновляет народ на борьбу с узурпатором! Вот!

Этими планами король и поделился с леди Винтер.

Анна де Бейль выслушала его, подумала и покачала головой. Мол, кто ты на континенте, любовь моя? Да ноль без палочки, приживал при Людовике. А надо не так!

Надо оставаться в Англии и драться за свой народ и свой трон! Через пролив это определенно неудобно. А вот из Шотландии – милое дело! Там тебя любят, ценят, поддержат… Не бастарда же от дешевой шлюхи им поддерживать?

Яков подумал и согласился. Видимо, владела миледи какими-то новейшими методами убеждения. А сама Анна в это время подбивала статистику.

Уэльс точно полыхнет. Отложиться не отложится, но проблем добавит. Шотландия? Ну, горцы народ своеобразный, им важно, что один из них на троне Англии, так что тут половина на половину. Может, и сыграет национальная гордость, а может, и притопят Якова в милом озере Лох-Несс, о котором говорила государыня Софья.

Ирландия? О, вот уж что полыхнет, так это она! И полыхнет, и отложится, и плевать горячим ирландским парням, кто там на английском троне.

И в это время… Пока Англия будет разбираться со своими внутренними делами, Русь спокойно подгребет ее колонии. Опять же, каперство изведем, гадость какая – пираты. Тати разбойные, коих за ноги вешать потребно, чтобы мучились подольше, а им титулы жалуют! Тьфу!

Нет, надо островок разбить на части, а пока части будут собачиться, подгрести под себя Шетландские и Оркнейские острова, Исландию и Гебридские острова. Тогда Русь сможет контролировать проливы и урезать английский флот по своей мерке.

Миледи примерно знала о планах государыни. Очень примерно, но этого хватало, чтобы планировать дальнейшие действия. А как иначе? У нее же нет возможности связываться с государыней каждый раз, когда нужны инструкции, вот и приходится многое делать на свой страх и риск, ориентируясь на главную цель…

Маша знала, что ни в один учебник истории не попадет. И добрым словом ее вряд ли помянут. И что? Не будь царевны, загнулась бы еще в детстве, в сточной канаве. А сейчас королями вертит. Стоит благодарности. Определенно стоит.

А потому Яков прикидывал, куда бежать, а миледи – куда бить. Она планировала удар – и этот удар будет нанесен в свое время.

* * *

В Бате Джеймса Монмута ждал первый неприятный сюрприз.

А именно – расстрел гонца, что по всем законам войны считалось невероятной подлостью. Стены Бата были достаточно высоки, а мэр готов к обороне. Поэтому Монмут решил сначала послать парламентера и предложить жителям почетную сдачу.

Послал… на свою голову.

Ровно через двадцать минут из города выпустили лошадь, к хвосту которой привязали то, что осталось от гонца. Расстрелянного.

– М-да, будем считать это отрицательным ответом, – пробормотал «Питер».

Монмут злобно выругался и приказал штурмовать город.

Сначала все свелось к перестрелке. Со стен стреляли в нападающих, нападающие не оставались в долгу. Потом под стены удалось прикатить пушки и установить за небольшой насыпью. Тут дело уже пошло лучше. Монмут приказал пушкарям сосредоточить усилия на одном участке стены и принялся

долбить по нему из всех орудий.

Это горожанам не понравилось, и они попробовали перетащить орудия по стене, чтобы достать пушки Монмута. Не вышло. Под непрерывным огнем это вообще плохо получается. Обстрел велся до темноты, потом Монмут прекратил его, чтобы дать отдохнуть людям.

И отправил еще одного гонца. Который вежливо (не приближаясь на расстояние выстрела) объявил, что за вероломство король Джеймс Монмут, конечно, обиделся на город, но губить невинные души ему не хочется. А потому – кто передумает, милости просим в его лагерь. А остальных… Остальных он сотрет с лица земли.

Понятное дело, если кто из наглецов, расстрелявших его гонца, захочет переметнуться – так этого не надо. Пусть вешаются сами.

Призыв подействовал.

Под утро армия Монмута пополнилась двумя десятками беженцев, которых тут же и привели к герцогу. И один из них, не будь дурак, указал потайной ход, по которому сбежал.

Остальное было делом техники.

Заложить в этот ход изрядное количество пороха и подорвать. И – на штурм.

Бат был взят с налета.

Мэра города и еще нескольких из городского магистрата повесили прямо на воротах. Монмут произнес торжественную речь, из которой следовало, что это – не за верность присяге! Вовсе нет! Сражались вы за Якова – умнички, детишки, так и надо, может, и за меня так сражаться будете! А вот чужих гонцов вешать – не комильфо. В приличном обществе так не поступают!

За то и покарал отдельных личностей.

Народ оценил речь по достоинству, поаплодировал и разошелся. Монмут же распорядился устроить своих раненых, передохнул ночь – и войска выдвинулись к Лондону.

Джеймса беспокоили что Черчилль, что Фэвершем – и у него были основания. Оба считались отличными полководцами, умными и хваткими, а насчет себя Монмут иллюзий не питал. Не дано…

Но деваться некуда.

* * *

– Кто устроил вот это… в Англии?

Людовик гневался. Не то чтобы он был сильно против, под

шумок и у него появлялись интересные возможности, но… Такие подарки, как бунт, и бунт успешный, короли делают себе сами. Или это конфетка с гвоздями.

Попроси Монмут денег у Людовика – он бы дал. Пусть с болью душевной, поскольку неплохо относился к Стюартам вообще и Якову в частности, но дал бы. А тут как?

Не просил, а получил?

Ох, непорядок.

Лувуа разводил руками. Ну да, одно дело заниматься прогибательством при короле и жрать Кольбера, другое – выполнять его работу. Серьезную и требующую не просто знаний – чутья.

Вот Кольбер мог. Как моряки по крику чайки могут предсказать грядущий шторм, так он, по движению малейших финансовых потоков, указывал автора. Кто, откуда, как…

Лувуа этого было не дано, как свинье – крыльев. А Кольбер…

Опала, болезнь, отравление, чего уж там… В настоящий момент бывший министр находился в своем поместье, и доктора только руками разводили. Какое там состояние? Да нестояния. На ногах. Тут речь уже шла о сроке жизни – полгода или, если очень повезет, год[25].

Что забавно, тут Софья была и вовсе не при делах. Не травила, не портила жизнь человеку, не лезла в интриги, справедливо полагая, что не с ее опытом. Информация – это одно, а вот плести нечто свое при дворе Людовика Четырнадцатого?

Нет, не пойдет. Выловит в момент и сильно обидится.

Травился Кольбер вполне самостоятельно, подцепив от одной из придворных дам нехорошую болезнь и лечась ртутью. В опалу попал тоже сам, вычитывая королю за избыток расходов. Да и вообще, добросовестным служакам в любом веке не везет.

– Вроде бы это Нидерланды. Деньги идут оттуда.

Людовик с сомнением покачал головой. Верилось плохо. Откуда в Нидерландах деньги? Там сейчас с хлеба на воду перебиваются! Да и ни к чему им, англичане их естественные союзники… Разве что Яков католик, а вот Джеймс – протестант.

– Это наверняка испанцы, сир! – Глаза Франсуазы Скаррон были самой красивой ее чертой. Большие, яркие, умные, угольно-черные…

Да, Людовик допускал ее на такие совещания – иногда. Вот как сейчас. И…

– Может, и так. Им это точно выгодно…

– Прикажите проверить, сир! Больше просто некому!

Аргумент хоть и звучал нелепо, но был очень точным. А кому еще в Европе так выгодно падение Англии, если не Испании?

Второго такого врага и не найти, пожалуй.

Лувуа поклонился.

Почему бы и не проверить? Окажется Франсуаза права – он ничего не потеряет. Скажет глупость – будет возможность ее подсидеть.

– Как прикажет ваше величество.

– Мое величество приказывает узнать. Если это Хуан… Ух!

Людовик стиснул кулак, отлично понимая, что пока ничего Князю морей сделать не сможет. При нем Карлос – как за каменной стеной. Не станет дона Хуана – и черт его знает, кто придет следом. А ребенок Марии должен получить всю Испанию после отца.

Когда же безмозглая девчонка забеременеет?

Но пока у Карлоса не появилось наследника, а у дона Хуана уже двое. Один – здоровый и крепкий мальчишка – и второй на подходе. Время играло против Людовика, а тут еще этот бунт, который неясно чем закончится…

Кто?! Кто стоит за сценой?!

Людовик пока не знал, но собирался найти и вычислить врага. И поступить… решительно. В паутине есть место лишь для одного паука, двоим будет тесновато.

* * *

Восстание набирало обороты.

Англии не нравились ни Старина Роули, ни Яков, так что мнения разделились примерно сорок на шестьдесят. Пусть не в пользу Монмута, который вообще был темной лошадкой. Но он был красив, неглуп, приятно говорил о справедливости, а народ любит, когда ему вешают лапшу на уши. Так что англичане толком и не оборонялись. Так, налетели пару раз небольшие отряды, каждый человек на сто, получили не особенно прицельные залпы из мушкетов и тучу камней и быстренько решили, что им тут делать нечего. Вот королевская армия подойдет…

И она подошла.

Две армии – повстанцев, которая к тому времени подросла примерно на десять тысяч человек, и регулярная английская королевская армия числом в восемь тысяч человек – встретились неподалеку от Ньюберри.

Английская армия была сильна кавалерией, армия повстанцев была в полтора раза больше, но это не то превосходство, которым стоило гордиться. Повстанцы чуть ли не

с косами и цепами – и вместо оружия?

Монмут понимал, что это пока лишь смазка для мечей, но не протестовал. Хотят они отдать жизнь за родину?

Отлично!

Все его людей больше останется. Позицию они заняли отличную, неподалеку от реки, мост снесли, любому врагу до них придется добираться вброд, пушки выкатили… Оставалось ждать.

И все же Монмут переживал. А вот его советник был спокоен. Все от него зависящее он сделал, теперь только надеяться на друзей.

* * *

Роялисты появились спустя день после повстанцев и встали лагерем на другом берегу реки Кеннет. Фэрфакс не собирался бросать своих людей в бой, пока те не отдохнут. А потому – палатки, укрепления, лагерь, пушки… Чтобы, глядя на это, Монмут начал нервничать. В прошлый раз при Ньюберри победили войска Кромвеля. В этот раз повстанцам не повезет.

Во всяком случае, Фэрфакс так и думал, приглашая Черчилля на военный совет. Ну и еще с пяток полковников и генералов.

Как проходят такие советы?

Карта, кубки, вино, нехитрая закуска, споры, ругательства. Раньше, во всяком случае, именно так. А в этот раз… Да и в этот раз примерно так же. Ели, пили, спорили, сходясь на одном и том же – что завтра надо на штурм, использовать кавалерию и бить самозванца в хвост и гриву.

Как вдруг…

Первым яд подействовал на самого молодого. Джон Черчилль захрипел, схватился за горло, повалился на пол. Остальные в ужасе смотрели на него. Потом поняли, бросились искать лекаря, но поздно, поздно…

В единый миг армия короля осталась без командования. А слуга, подсыпавший яд в вино, удалился в темноту, хитро улыбаясь. Ну, отравил он своего господина. И что?

Бог простит честного протестанта. А увесистые кошели с золотом немало в том помогут. Хватит и слуге, и его семье… Искать? Искать, может, и будут. А может, и нет. Ну кто обращает внимание на слуг? Это ж вечные подай-принеси, пошел вон, не мешайся! А что у них есть воля, разум, чувства… Это касается кого-то из благородных?

Когда, например, лорд и граф прижимает к стене смазливую служаночку и не слушает ее лепета, что она честная жена? А она-

то и впрямь – честная. И каково при этом ее мужу?

И ведь не поднимешь руку, не ударишь супостата! Остается только терпеть и смиряться!

Тут и червяк бы зло затаил. Только вот укусить червяку нечем. А процесс превращения его в полноценную змею прошел, когда на него вышли сторонники Монмута. И предложили много денег за пустяковую услугу. И даже помощь в переезде из страны.

Мэри с детьми уже была во Франции. Он тоже не задержится. Где Ньюберри, там и Бат, а оттуда – в Бристоль и на корабль. И прощай, Англия.

* * *

В это же время другой человек, поглядев на трупы, неторопливо раскурил трубку и, пока все бегали и переживали, вытряхнул по-простому из нее горячие угольки на край одного из шатров.

Долго пожара ждать не пришлось. Полыхнуло весело, активно и ярко. Что и стало сигналом для Монмута. А сам поджигатель по-английски растворился в истории. К чему известность?

Он – скромный герой неизвестной войны.

Джеймс Монмут, получив сигнал и напутствие от своего советника, ждать не стал. Первыми на штурм ринулись повстанцы из новоприбывших.

Прямо через заранее разведанный брод, с ревом и воплями.

Мягко говоря, королевская армия растерялась. Ну, толпа. Но… командир убит, командовать некому, а армия без головы – та же обезглавленная гадюка. Туловище еще извивается, а вот укусить…

Если бы нашелся кто-то решительный, крикнул бы, взял все в свои руки!

Но откуда?

Дефицит был в армии Якова на умных и решительных. Ибо «подчиненный должен вид иметь лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство»[26].

Так что в сторону ополченцев ядра не полетели. Не успели. Было сделано несколько десятков выстрелов, потом добровольцы переправились-таки через реку и началась жуткая в своей бессмысленности и беспощадности резня.

Тем временем Джеймс Монмут повел кавалерию в обход. Надолго ли хватит ополченцев против регулярных войск? Нет. Ненадолго. Но если войскам ударят в спину…

Что и произошло. С одного фланга ударила пехота, с другого

сцепилась с королевской кавалерией конница – и к утру армия Якова просто перестала существовать.

Монмут был горд и счастлив. И даже мысли о не вполне честной победе не омрачали его разум. Честь?

Да плевать!

Поверьте, историки напишут…

Они покрасят в белый цвет самую черную грязь, лишь бы та победила. А Монмут видел себя победителем…

* * *

– Государыня, письмо из Англии.

Софья быстро вскрыла трубочку голубиной почты. Проглядела. И расплылась в улыбке.

– Ах, как хорошо!

Теперь можно заслать еще больше агентов в Англию для вербовки. Можно вместе с испанцами и португальцами как следует начинать осваивать колонии. Можно…

Монмут, разбив королевские войска, победным маршем идет на столицу! Яков в панике!

Великолепно!

Секретарь опять поскребся в дверь.

– Государыня…

Второе письмо было уже обычным. Только по краю свиток оторочен красной каймой.

Срочно!

Софья сорвала ленту, пробежала глазами и чертыхнулась.

– Нет, ну как неудачно!

Вот уж воистину, все прибыли уравновешены убылями. Они и… того-с.

На пятьдесят третьем году жизни скончалась царевна Ирина.

Сердце[27].

Софья вздохнула. Нет, ну как она так? Молодая ж еще… Теперь все переживать будут, тетка Анна и тетка Татьяна – те особенно. Сестра…

Не утратишь – не сохранишь. А жалко.

Ладно. Будем строить два храма. Первый – для Ивана Сирко, Защитника Крымского. Второй – для царевны Ирины. Заступницы невинных женщин, как-нибудь так. Церковь придумает. Святость, мощи и прочее. Пусть канонизируют…

Хорошая она была. Пусть первую часть жизни и провела сидя сиднем в тереме, зато вторую – с лихвой искупила первую. Скольким помогла, скольким новую жизнь подарила!

Вот когда считать человека святым? Когда он принял мученическую смерть за веру? Здесь и сейчас этим никого не удивишь, это не подвиг, а печальная обыденность. Просто не про всех пишут.

Или вот так, как Ирину? Когда работала, помогала, пахала не покладая рук…

Может, второе – вернее?

Софья вздохнула. Давно ли она была крошкой, а царевна Ирина смотрела на нее сверху вниз? Кажется, не прошло и пяти лет, а сколько пролетело? Кажется, так давно… так странно… Оглядываешься и видишь ребенка, который играл с отцом в тавлеи, учил и воспитывал брата, пытался найти выход из терема…

И повторяешь за д'Артаньяном. Молодость, молодость. Ах, как давно это было… Всего лишь триста лет вперед.

Сейчас же…

Надо приглядываться к детям. Кто-то должен остаться вместо нее, и готовить ребенка надо с детства. Время слишком быстро летит.

Слишком…

* * *

Теперь армию Монмута встречали цветами в каждом городе. Если бы не советники, до Лондона Джеймс дошел бы через полгода. Но злобный Питер ван Хорн жестко пресекал все попытки «сына Карла Второго» напиться, отдохнуть и расслабиться. И тем более – насладиться заслуженными почестями.

Нет уж.

Пока не коронуют – никаких торжеств. Да и потом первый год – точно. Пуританский образ жизни. Втихорца – хоть угуляйся. Но не напоказ.

А если серьезно – Питер подозревал, что и не на что будет. Яков уже один раз поскитался, думаете, второй раз к бегству не подготовится? Да он из казны все выгребет, что сможет! А что не сможет – то спрячет. Не выйдет у Джеймса Монмута веселого правления? И пусть. Зато не проиграет. Может, даже на трон сядет.

Что будет с Англией?

А вот это Питера (Петра Васильевича Кроткого) вообще не волновало. Что-то Англия в заботе о сопредельных странах замечена не была, скорее – в хищническом желании то порвать,

то урвать. Вот и не жалуйтесь, когда вам чужие слезки отольются.

Второе сражение, решившее судьбу Англии, состоялось под Лондоном.

Примерно пятнадцатитысячная армия повстанцев против двадцати тысяч королевской регулярной армии. И тут уж на яд уповать не приходилось. Так что…

Питер заранее подготовил для себя и Монмута пути отхода. Коней, деньги, сопровождение. Знай он, что то же самое сделал Яков, посмеялся бы. И еще больше, когда узнал, что вместе с казной король вывез из Лондона и Анну де Бейль.

Любовь-с…

Две армии сошлись с утра.

Первыми атаковали солдаты Якова. Начался обстрел, в сторону ополченцев полетели ядра. Те ответили выстрелами. Пушек у них было намного меньше, зато боевого духа хватало. Кавалерия Якова ударила в бок армии Монмута, и неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не предательство.

Ну, или… что потом напишут летописцы?

Что ван Батон вонзил клинок предательства в спину своему королю? Или что он перешел на сторону законного правителя?

В самый неподходящий момент полк ван Батона ударил во фланг войскам Якова. Увидев, что ему грозит поражение, его величество Яков развернулся и доблестно ретировался, оставив свои войска сражаться. Монмут смял остатки сопротивления и вступил в Лондон. Где и короновался спустя два месяца.

Яков бежал в Шотландию и принялся организовывать там второй фронт.

Испанцы с португальцами перекрестились и усилили освоение колоний. Заодно подкинули денег Ирландии, которая тоже отделилась под шумок. Добрые ж католики, грех не помочь!

Уэльс бунтовал, но пока не отделялся. Впрочем, Монмуту от этого было не легче. В казне мышь повесилась от отчаяния, денег нет, а взять их можно только с народа. Повышать налоги? Это бунт…

Так что Джеймс сделал гениальный в своей простоте ход.

Он честно рассказал все народу. Мол, так и так, Яков, гад, удрал со всей казной, так что сейчас даже казначею украсть нечего. А потому – в стране пуританский режим. Ни балов, ни праздников.

И популярность себе поднял, и войска Якова теперь лупили в хвост и в гриву. Какое там возвращение?

Людовик очень сочувствовал и даже помогал деньгами, но – увы. Судя по настрою простого народа, в ближайшие лет десять Якову Стюарту соваться в Англию не следовало.

Раздерут в клочья.

1682 год. Зима

– Ох-х-х-х!!!

Софья смеялась так, что слезы текли из глаз. Она кое-как вытирала их, потом бросала взгляд на письмо на столе и принималась опять смеяться.

– Что случилось?

Иван напоил жену водой, отвел к окну, чтобы подышала, но ответ смог получить только минут через десять.

– Он женился!

– Кто?

– Яков!!!

– На ком?

– На Анне Марии де Бейль, леди Винтер!

– На КОМ?!

Иван был в курсе части планов любимой жены. Во все не вникал, справедливо полагая, что у него и так проблем хватает, но о леди Винтер знал.

– ДА!!! – почти взвыла Софья. – Именно!!!

– Но…

– Это в Англии Анна де Бейль – официальная метресса. А в Шотландии на таких жестче смотрят. Ну и посмотрели. Она поплакалась Якову, ну тот и женился. Еще и чтобы кланы не провоцировать, а то он мужчина холостой… Ох-х-х! Английская королева! Из сточной канавы!

– И чем это теперь грозит?

– Да ничем. Пусть правит сколько хочет. После смерти Якова у нее все равно власти останется с овечий хвост и придется из Шотландии куда-то удирать. Домой…

– А если ребенок будет?

– Значит, в Англии еще долго порядка не будет.

– Ты и на это готова пойти? Пожертвовать невинным ребенком?

Софья вздохнула. Иногда ее муж был ну очень сентиментален, в ущерб делу. А зря.

Даже в Библии сказано: грех твой падет на потомков твоих до седьмого колена. А уж нагрешили Стюарты – от души.

Но мужа расстраивать не хотелось, так что слова стоило подбирать очень осторожно.

– Конечно не готова. Но если Маша решит родить от Якова – это будет ее, и только ее решение. Не мое и не твое. Ее и ответ.

– Ты ей приказывать не будешь?

– Нет конечно. Она взрослый человек и сама решит, как

лучше. Захочет – пусть остается просто вдовствующей королевой, захочет – пусть будет с ребенком. Она умненькая, а я ей помогу в любом случае.

Софья умолчала о том, что и сама не знала, как лучше. В данном случае стоило проработать оба варианта – с ребенком и без оного. И в крайнем случае – родить даже и не от Якова. Найдется, уж наверное, подходящий шотландец?

А пока все складывается не так и плохо. Англия нейтрализована и деморализована, во Франции своих забот хватает, Нидерланды вообще рвут на части, в Турции султану самому бы отбиться, Испания и Португалия в союзниках… Что делать?

Да срочно позаботиться об Индии.

Перехватить голландские колонии, проторить дорожку на Гоа, наладить дружеские отношения…

Африка?

Торговцам «черным деревом» она уже помешать не сможет, слишком сложно. Но сделать так, чтобы английские завоеватели не уничтожили уникальную культуру, чтобы в Индии не было восстания сипаев и прочей гадости… Это она сможет!

Сделает!

Сибирь осваивается. Хабаров, Дежнёв, Поярков – эти фамилии много что говорили любому коммунисту. И сейчас кое-кто из этих титанов еще окаянствовал на Урале.

Пусть, дело полезное. А там и на Аляску дорожку проторим, и на Чукотку замахнемся, и вообще – Америка зовет! Французы там уже есть, англичане есть, а русских нет?

Непорядок!

Было бы время для спокойной и методичной работы…

Софья посмотрела на мужа:

– Ванечка, нам бы лет десять мира…

– Думаешь, будет?

– Не знаю. Будем над этим серьезно работать.

– А над увеличением семьи?

– А над этим – еще тщательнее.

* * *

Сказать оказалось проще, чем сделать. Софья на своем опыте поняла, что разжечь войну намного легче, чем затушить пламя. Австрия успокаиваться не собиралась ни под каким предлогом. Турок выбили из Вены, но теперь надо идти дальше, в гости к османам, и уже оттяпать что-нибудь у них. Требования

международной политики обязывали показать клыки.

А выстоят ли турки?

Сулейман был вынужден отправить в отставку Гуссейна-пашу. Пришедший на его место Селим-паша, может, и неглуп, но жаден сверх меры, и договориться с ним можно только за очень большие деньги.

По мнению Софьи, он столько не стоил, даже если его продать на органы. Проще подождать, пока советчик не надоест и самому Сулейману, а там посмотрим.

В любом случае Австрия воевать будет.

Венгрия?

Эту сейчас в войну и палкой не загонишь. Добившись своего – то есть хиленькой независимости, – венгры так задрали нос, что скоро небо проткнут. Имре Текели вообще отдавал все время укреплению границ, строительству крепостей, ну и жене. Недавно у них родилась дочь Жужанна, которую любящий отец готов был носить на руках, так что Алексею пришло письмо с предложением брака. Мало ли…

У вас в царской семье есть мальчики, у меня есть девочка, надо укреплять родственные связи. Уже укрепили? Ференц на Наталье женится? Ну и пусть еще один брак будет, больше не меньше. Семья хорошая, генетика отличная – что еще надо?

То мы Наташу отдадим туда, а то получим себе и сюда девочку. Почему бы нет? Москва большая, места хватит. Конечно, о женитьбе царского первенца пока речи не идет, а потом…

Если девочка пойдет в мать? В Великолепную Илону Зриньи?

В годы давние Илона Зриньи стяг свободы поднимала тут…

Слова венгерского поэта Шандора Петефи были хорошо памятны Софье. Великая вещь – советское образование.

Кровь не спрячешь, это отличная партия для многих. Так что ответим предварительным согласием и подождем лет до десяти. А там и помолвку заключать можно.

Нидерланды неспокойны и бунтовать продолжат еще до-олго. Но зато Людовику будет чем заняться. Пусть воюет.

Англия воюет.

А вот удастся ли Руси остаться в стороне?

Нет, никак не удастся.

Швеция.

Под боком очень активный Карл, который к тому же женится на англичанке. Так что войне быть. Вот как только, так и сразу.

Но они будут готовы. Надо просто при каждом явлении шведов на Русь отгрызать у них кусочки территории. Хотя бы и финской.

И строить флот, держать в готовности армию, делать

деньги…

Поляки – и те отправляют армию на помощь Леопольду. Ян Собесский отписал, пожаловался. Он-де так свою жену в глаза раз в год видеть будет. Она, конечно, ему не изменит и не бросит, но…

И детям отец нужен, а не герой, погибший в боях за родину. Тем более – чужую.

Что мог ответить Алексей?

Да ничего! Сам с трудом выкраивал время для детей. Хорошо хоть, Ульрика оказалась милой, умной и понимающей.

Предстояло весьма и весьма сложное время.

И вот в этот момент Софья поняла, что беременна. А через девять месяцев на свет появилась и милая дочурка, которую нарекли Еленой. Благо малышка и правда была светленькой, как тот одуванчик. Светлые волосы, синие глаза, очаровательная улыбка – даже в младенчестве. Красавица… Сама Феодосия Морозова смягчилась, глядя на внучку. И обожала девочку до безумия.

Время шло.

Люди воевали, а дети росли.

1683 год

– Кольбер умер.

– Жалость какая. – Иван искренне жалел о талантливом человеке, так что Софья тоже опустила глазки долу. Иногда проще притвориться, чем объясняться.

Кому талант, а кому – враг. Да еще какая вражина! Умный и талантливый человек на службе врага – хуже чумы.

– Зато Людовик с подачи Лувуа уже умудрился… Он хочет отменить Нантский эдикт[28].

– Что?!

Софья обернулась к брату:

– А вот именно то! Канцлер – Летелье, военный министр – Лувуа, ну и спелись! Раскатали губки на гугенотов! Те не бедствуют, ну и… кто перешел в католичество – останутся, кто нет – тех давить будут! Гнобить, отбирать нажитое, гнать из королевства…

– Бред какой!

Софья фыркнула.

Знал бы ты, милый братик, что у нас на Руси могло натвориться, если бы допустили церковный раскол! Как люди заживо горели, причем – сами! Не с легкой руки святой инквизиции, а просто – чтобы не становиться ближе к Антихристу, как-то так…

– Кому бред, кому вред. А нам надо подумать, как это использовать в своих интересах.

– Звать их на Русь?

Софья пожала плечами. Честно говоря, уже особо и не хотелось. С легкой руки царевны Ирины повысилась рождаемость, а благодаря церкви упала и смертность. И всего-то надо было пошептаться с Патриархом, чтобы тот издал указ. Мол, кто из лекарей, знахарей, ворожей не омывшись лечит – так точно с черными мыслями.

А вот коли лекарь чистенький да с чистыми руками – это явно от Бога.

Указом это назвать было сложно, но слова Патриарха быстро разошлись по монастырям, приходам, даже по самым отдаленным деревням. А что еще нужно?

Семьдесят процентов любой болячки – это грязь.

Опять же, кошек благословили, даже Патриарх себе пару завел. Ругался на царевну, но завезли – и стал мужчина котовладельцем. А где кошки – нет мышей и крыс, нет чумы… Мелочь, а приятно! Какое там ведьмино животное? Окститесь,

люди добрые, это в непросвещенной Европе ведьм на костры таскают, а у нас тут – Русь! Государство православное, а значит, мудрое и доброе. Коли лекарка никому вреда не причиняет, за что ж ее жечь-то? За то, что кошку завела, потому как мышей боится?

Ай-ай-ай, как нехорошо звучит… Совсем не по-православному. Стыдно!

Более того, Патриарх, как мужчина мудрый и не особо самостоятельный, отдал негласное распоряжение собирать рецепты у таких знахарок. Софья лично планировала – пусть не сразу, не сейчас, но на базах монастырей обязаны быть больницы!

Врачуете душу? Ну так и тело целить тоже надо уметь! А то поверьте, когда почечуй обостряется, человеку не до молитвы становится. Факт.

Но гугеноты все равно на Руси особо не нужны. Сколько Софья о них знала – народ очень упертый. Могут запросто не поделить с кем-то веру, ну и начнется…

– Можно, но в малых количествах.

– А в больших? Соня, ты что придумала?

Софья коварно улыбнулась.

В Англии полыхала гражданская война. Яков был весьма плох. Анна Мария писала, что на фоне стресса там вечные стрелки на полшестого и о детях даже мечтать нельзя. Разве что продолжить династию Стюартов от кого-нибудь из шотландцев. Но этого не хотела уже Софья, ни к чему.

Пусть будет, как суждено. Принцесса Анна вышла замуж за Георга, и Софья не сомневалась, кого пригласят на английский трон после смерти Якова.

Или – на Шотландский?

Монмут пока сидел крепко. Пуритане так соскучились по временам Кромвеля, что человек, говорящий им то же самое, пользовался большим успехом. Беда в другом. В отличие от Кромвеля, Монмут был всего лишь попугаем. Повторить мог, а сделать – нет. Но запас прочности у Англии пока еще имелся.

Яков активно писал Людовику, прося помощи, Король-Солнце колебался, не зная, как будет лучше.

А тем временем медленно составлялась коалиция.

Испания, Португалия, Нидерланды, Русь – всем хотелось колоний. Но вот как оттереть Францию? Можно ли поднять бунт? Варфоломеевская ночь уже была, почему нельзя организовать серию ночей? Чтобы Людовику жизнь медом не показалась?

Помочь оружием, деньгами?..

Над этим стоило подумать предметно. Сколько гугенотов во Франции? Много, очень много! И помогать им, кстати, будет не

она! Вот еще! Помогать будет Монмут! Никуда не денется! Правильно организованная пропаганда – великая вещь. Братья английские гугеноты, в то время как космические корабли бороздят просторы большого театра, наши братья – французские гугеноты подвергаются угрозам и гонениям. И только так!

Поможем в борьбе за правое дело!

Кто чем, кстати. Тут можно и на Якова наехать, мол, католик несчастный, не может братьям по вере помочь, да как не стыдно!

Ну не верила Софья, не верила, что отмена такого эдикта, как Нантский, может пройти безболезненно! Скажите, факела не нашлось, вот и не полыхнуло на всю страну. Но сейчас-то есть она! И она поможет…

Хотя не так уж Людовик и виноват, если честно. С одной стороны, ему на мозг капает Летелье, с другой – Франсуаза Скаррон, клиническая, чтобы не сказать матерно, католичка. Точных данных не предоставляют, вот и получается черт-те что. Она-то свои сводки получает со всей страны! Каждый – каждый! – царский воспитанник что-то да отпишет! Вон уже, двадцать человек сидят на систематизации и составлении отчетов, и то ребятам рук не хватает. А как иначе?

Правильная и точная статистика – первый друг любого короля. Хочешь строить нормальную страну – сделай все, чтобы у тебя не случалось «Потемкинских деревень», кои и в двадцатом веке были велики и изобильны. Какая разница – строят к приезду царицы избы или кладут асфальт к визиту президента?

Да никакой!

Вон, в родной области Софьи мэр был такой, что после него тараканы с голодухи вешались. Но сводки подавал наверх – зачитаешься! Поэма Пушкина! И кот на дубе том поет! Тьфу!

Надо, надо помочь прекрасной Франции. Нельзя же так со своими-то гражданами!

* * *

– Надо изыскать средства.

Людовик смотрел строго. Да уж, Лувуа – это не Кольбер, и рядом даже не стоял. Вот Кольбер на такое заявление только кланялся – и изыскивал. А этот…

Эх, рано он отстранил старого министра. Но теперь уж не вернешь. Умер так умер. Вообще, этот год выдался богатым на смерти. Скончалась супруга его величества – тихая и милая Мария-Терезия. Людовик горевал искренне.

Ну, не любил он жену. Но та родила ему детей, не доставляла

хлопот, не обращала внимания на любовниц, не лезла в государственные дела и не интриговала в пользу родной страны. Чем не идеальная королева?

А теперь…

Анжелика – очаровательное украшение его зрелости. Франсуаза – друг и наперсница. Но… Чтобы держать любовниц в кулаке, нужна жена, это знает каждый мужчина. А что начнется сейчас? Да интриговать будут красотки. В меру своих сил и умения оттирать друг друга, соперничать за его благосклонность, а это не всегда хорошо. Так могут заиграться, что про короля позабудут.

Ничего. Всегда можно завести еще одну любовницу, при дворе много очаровательных девушек.

– Ваше величество, я постараюсь.

– Постарайся, – темные глаза Людовика полыхнули гневом.

Лувуа, кланяясь, исчез за дверью.

Людовик смотрел задумчиво. Яков опять прислал письмо с просьбой о помощи – и его величество желал помочь. А почему нет? Он хорошо относился к Якову, благо родственник достаточно управляем и слабоволен. А еще лучше – к перспективе междоусобицы в Англии.

Если уж Софье пришла в голову мысль о колониях – кто сказал, что она не пришла Людовику? Дружба – дружбой, а кое-какие английские острова и Людовику не помешают. Разумеется, подаренные в благодарность! А как же иначе, нельзя ведь грабить родственника?

Людовик бы искренне удивился, узнав, что мысль о переделе пришла не только в его голову. Увы, если тебе сорок лет поют про твою гениальность и исключительность – нетрудно и поверить.

Только вот, в отличие от Софьи, он делиться не собирался. С кем? Зачем? Испания? Португалия? Пф-ф…

Перебьются!

* * *

– Жоао…

Изабелла плакала на груди жениха, не стесняясь чужих глаз.

За этот год в королевской семье было две смерти.

Ладно еще, когда скончался Афонсу Шестой. Помер – и помер, все равно от него ни вреда, ни пользы. Сидел себе, напивался в хлам и ждал конца. Ну и дождался. Педру благополучно короновался, даже не устраивая пышных церемоний. Все равно он этой страной правил уж сколько лет, и

все забыли о трагедии. Бесполезный человечишка был, хоть и король, стоит ли о таком горевать?

А вот вторая смерть…

Скончалась Мария-Франциска, мать Изабеллы.

Иван о ней не горевал. Ну ничуточки, если быть честным. Мария-Франциска, как ни крути, была француженкой, интриганкой и весьма властной дамой. В придачу к этому она была удивительно красива, что немало помогало ей морочить людям головы, а на Ивана посматривала с большим подозрением. Классический синдром вредной тещи.

Ваня старался изо всех сил завоевать ее расположение, но получалось плоховато. А теперь – все. Нет ее. И бог бы с ней, да Белку жалко. Так что Иван гладил густые черные волосы невесты и думал, что будет дальше.

Педру, безусловно, женится. Может, выдержит пару лет траура, жену он все-таки любил. И любил сильно, если отбил у брата. А потом…

И женится, и детей нарожать может. Вот второе и было бы некстати. Но на все воля Божья. А вообще – надо написать Соне. Сестер, конечно, всех пристроили, но, может, она кого еще посоветует? Потому что если второй женой будет француженка – плоховато. И англичанка – тоже. Испанку бы, но там дефицит принцесс, да и не каждый решится породниться с Габсбургами…

Надо подумать.

Белла рыдала, и Иван зашептал ей на ухо какую-то глупость. О том, что мама сейчас на небесах, с ангелами, что она смотрит на свою Белочку и печалится за нее, что смерть – это не страшно, это на секунду и как сон, а потом мы вновь просыпаемся для жизни вечной…

Только вот когда и кого это утешало?

Изабелла рыдала в голос, Иван утешал девушку, а Педру смотрел на обнявшуюся парочку и думал, что сделал неплохой выбор.

Даже если он второй раз не женится или наследник не получится, на консорта можно положиться. Беллу он любит и не обидит.

Это видно.

* * *

– Я – старшая!

Принцесса Мария нервно расхаживала по комнате. То есть уже королева. Только – шведская.

Супруг поглядывал на нее с иронией.

– Я понимаю, тебе хотелось бы усесться на трон отца, но Джеймс Монмут, боюсь, пришел надолго.

– Он не сын дядюшки! Он вообще неясно, чей выродок! – вспыхнула молодая королева.

– Это не доказано. И у него сила, его поддерживает народ…

– Карл, мы обязаны помочь отцу! Ты должен послать войска!

– Оголить границы? Оставить свою страну без защиты? Это когда от Швеции мечтают оторвать кусочки и Дания, и Русь? Невозможно.

– Но ты же такой умный! Такой талантливый! Ну придумай что-нибудь, пожалуйста! Отец один не выстоит, а Англия – это и мое наследство! И твое – тоже!

– Риксдаг никогда такое наследство не одобрит.

– Ты и так постоянно оглядываешься на них! – сверкнула глазами Мария.

– А тебе бы это тоже не мешало делать. – Гедвига Элеонора проскользнула в комнату неслышно, словно тень. – Мы не можем сейчас позволить себе ввязаться в проблемы твоего отца. У нас фактически война с Русью – и эти шакалы только и ждут, когда мы ослабим защиту! А ты хочешь, чтобы мы влезли в драку, которая нам ничего не принесет?

Карл кивнул, воодушевленный поддержкой матери.

– Да, Мария. Мама абсолютно права.

– Мама! Риксдаг! Да кто угодно – лишь бы не я! Почему?!

– Хотя бы потому, что ты до сих пор не подарила короне наследника, – Гедвига Элеонора презрительно сощурилась.

– Вы тоже не сразу родили, – прищурилась в ответ Мария.

Карл поморщился.

Жена и мать конфликтовали, начиная с медового месяца. И уступать никто не желал. Мария пошла в отца и дядю, да и вообще – кровь Стюартов… Иногда она оказывалась очень кстати, например в постели. Но чаще всего, вот как сейчас…

– Ошибаешься, милочка. Мой сын появился на свет меньше чем через год после свадьбы, – с достоинством сообщила свекровь. А вы уже несколько лет вместе! Ох, гнилая у вас кровь…

Мария зарделась и вылетела из комнаты. Карл покачал головой.

– Мама, ну зачем?

– Милый, так это ведь правда. – Гедвига Элеонора подошла к сыну, взъерошила ему волосы, ласково обняла за плечи. – Самое главное, что нужно Швеции, – наследник. А Мария – гнилое деревце, не иначе. Если еще пару лет не родит, надо будет от нее избавляться.

– Мама, я этих слов не слышал.

– Разумеется, милый. Да, ваш сын будет иметь права и на английский престол – если родится и если сможет его отвоевать. Но до этого еще так далеко…

– Ты думаешь, нам не стоит вмешиваться в эту свару?

– Ты и сам так думаешь. Пусть островитяне колошматят друг друга – какое нам до этого дело? Кто бы ни победил – мы будем только в выигрыше.

– Мама, ты у меня самая умная. И очаровательная.

– Льстец. – Гедвига наградила сына улыбкой.

И с раздражением подумала, что невестка и правда становится слишком наглой. Убивать пора.

Если не родит в ближайшее время – так точно[29].

* * *

– Федя, ты долго будешь дурака валять?

Софья не собиралась церемониться с братом.

Ну потерял ты жену! И что? Уж больше года прошло – это первое. И работу на благо страны никто не отменял – это второе. А вы как думали? Корона – это крест. И не только для царя, но и для его ближних. Федька мог бы поступить как приличный человек. Включиться в работу, как она в свое время, помочь брату…

Вместо этого означенный товарищ строит из себя гибрид между монахом и Гамлетом. Весь такой страдающе-молящийся принц.

Впечатление-то производит, кто бы спорил! Особенно когда в народ запущены соответствующие слухи. Ах, как он любил жену! Да в царской семье все такие, однолюбы. А батюшка их, говорят, женился два раза? Ну так то женился, а то любил. Зато погляди, как остальные его дети? Царь свою жену только что не на руках носит, царевна на мужа не надышится, да и старшие царевны…

Между прочим – не просто так распускалось. Софья была уверена, что основа любого государства – крепкая и правильная семья. А не так – дорогой, дай я у тебя рога померяю. Не растут? Кальция не хватает…

Нет уж. Никакой сексуальной свободы.

Может, и будут у Алексея любовницы, но настолько тайные, что даже Ромодановский об этом не узнает. А он-то почти все знает, должность такая.

Крепкая семья, брак по расчету, но дети – по любви. Странно звучит? Так самые крепкие браки – те, которые заключаются с

открытыми глазами. Между прочим, вот Ромео и Джульетта. Любовь фейерверком. И что?

Оба умерли. Не наш метод.

– Соня, что тебе надо?

– Чтобы ты выполз из своих покоев и делом занялся.

– И какое дело ты мне нашла?

– Полезное. Поедешь на Урал.

– Тебе Строганова там мало?

– Мало. Там найдено железо, медь, так что мы собираемся закладывать там заводы. И лучше – под твоим чутким присмотром.

– А мой сын?

– Ты его и так видишь раз в месяц…

– Ты не понимаешь. Шан…

– Все я понимаю! Но она мертва, а ты пока жив. Так что – вперед! И с песней! Я же от тебя не жениться требую, а просто присматривать за строительством завода!

– А могла бы и потребовать?

– Вполне. Если это нужно в интересах династии.

– Ты стала жестокой, Соня.

– Ошибаешься, Феденька. Я такой и была. Слово «стала» тут неуместно.

– Мне там делать нечего, я в этом ничего не понимаю.

– С тобой будут знающие люди. Помогут.

Сломать брата удалось достаточно быстро. Помогло еще и то, что протопоп Аввакум, вытащивший Федьку из пьянства буквально за уши, сильно напирал на долг перед державой и Божью кару за небрежение. Мол, тебе крест дан, а ты налакался, да в кусты его? Или сам в кусты?

Нехорошо, за такое вместо креста и вилы получить можно… После смерти и в плохом месте.

Вообще Федька последнее время сильно склонялся к монастырской стезе. Молился, постился, и все как-то истово. Но ведь не определился ж пока? Значит – используем.

Софья убивала сразу двух зайцев.

Уж простите, но Федя сейчас – самое слабое звено. Если сопьется – плохо, в царской семье алкоголиков и бездельников быть не должно. Но это полбеды.

А если ему что-нибудь предложат? Он ведь следующий после Алешки. Хороший брат, замечательный человечек, но – мягковат. Такое тоже бывает. Вот и удалим его подальше от соблазнов. Даже если иностранные агенты и полезут ради него в Сибирь, на Урал… Ну, дело вкуса. Закон – тайга, прокурор – медведь, и приятного аппетита, косолапик.

Туда пока еще доберешься да найдешь кого надо… Нет, это вам не Москва, где шпионы себя вольготно чувствуют. Слишком вольготно.

Ничего, укротим.

* * *

– Кража?! Как такое может быть?

Алексей Алексеевич и верно был в шоке. Случай был совершенно нерядовой. Кража – в царевичевой школе! Да это… это… Слов нет! Никогда такого не было, первый случай!

– Узнали, кто?

– Никак нет, ваше величество.

Алексей покачал головой, глядя на Воина Афанасьевича.

– Ай-ай-ай… И что же теперь делать?

– Всех допросили, государь, занятия остановили, ждем твоих распоряжений.

А какие тут могут быть распоряжения? Вот уж чего Алексей не знал, а потому… Серебряно прозвонил колокольчик.

– Пусть ко мне зайдут царевна Софья и боярин Ромодановский.

Секретарь поклонился и исчез. Алексей кивнул дядюшке на кресло.

– Ты присаживайся пока, расскажи, как тетка, как дети?

– Замечательно. Мальцы уж взрослые совсем, так я хотел тебя просить отправить их куда-нибудь послужить Руси…

– Крым подойдет?

– Почему бы нет? Турки там сейчас как – лютуют?

– Налетают иногда…

– Это плохо. Мне бы хотелось, чтобы они пороху понюхали. Ну что может вырасти из мальчишки, если он с врагом глаза в глаза не переведался?

– Не боишься отпускать?

– Боюсь. И Аня боится. Только вот опаснее, коли они глупыми боярскими детьми вырастут.

– Уже не вырастут, не те у них родители.

– Спасибо, государь, на добром слове.

Алексей смотрел на Воина Афанасьевича.

Да уж… За пятьдесят перевалило. Уж и волосы сединой выбелило, но спина все еще прямая, тут годы не согнули.

– Что случилось, государь?

При посторонних Софья строго следила за собой. Хотя все равно иногда оговаривалась, называя Алексея братиком. Ну,

бывает…

Ромодановский поклонился, молча перемещаясь в угол комнаты.

– Рассказывай, дядюшка…

Воин Афанасьевич послушно принялся рассказывать.

Школа работала как обычно, ничего беды не предвещало. А потом один из детей боярских, Михайла, шум поднял. У него подарок отца пропал – кольцо с лалом драгоценным. Мальчишка его оставил в шкатулке, потому как неудобно на занятиях да с украшениями…

– А что вообще он делал в школе с украшениями? – нахмурилась Софья.

Воин развел руками:

– Так день рождения у него был. Отец приехал, подарками засыпал, для всего класса стол накрыл, ну, как принято – и колечко подарил. На выходных Мишка все бы отцу отдал, в школе такое ни к чему, но…

– Понятно, – кивнула Софья.

– И опять же, десять лет мальчику исполнилось. Дата…

– Да, дата хорошая… кольцо в шкатулке лежало?

– Именно.

Софья коварно улыбнулась:

– А где та шкатулка?

– В спальне мальчишек. Я ее запер, чтобы никто ни к чему не прикасался – и в Москву.

Софья довольно улыбнулась. Ну да, она сама так составляла устав школы.

– Там никто ни к чему не прикасался?

– Нет. Я распорядился. Детей перевели в другую спальню, у комнаты охрана.

– Тогда все просто, – Софья улыбнулась. – Осталось только решить вопрос: нам съездить в Дьяково или лучше все привезти сюда?

– Нам, разумеется. Заодно и проветримся, – пожал плечами Алексей.

В отличие от отца, он в поездку год не собирался. Быстрый конь, отряд сопровождения… Кареты? Ближники? Подушки-одеялки?

Тьфу на вас! Может, еще и в нужник со свитой ходить?

Софья честно предупредила мужа и, получив благословение, отправилась вместе с братом. Кони споро несли их к Дьяково.

Брат и сестра молчали. Воспоминания захватывали в плен. Когда-то они были всего лишь царскими детьми, были свободны… Хотя – нет! Не были. Никогда они не были свободны

от своего креста.

Вот и школа.

Купола, терема, все красиво, как на картинке. А дальше – просто. Осмотреть шкатулку. Красивая, из полированного дерева – и на ней отчетливо выделяются отпечатки пальцев. Нанести на них угольную пыль и собрать группу.

– Пусть вор признается сам, – произнес Алексей Алексеевич.

Молчание.

Двадцать две пары глаз настороженно смотрят на царя.

– Последний раз говорю: если вор признается, казнить его не будут. Если не признается – все в моей воле. Но воровства в этой школе не будет.

Софья тем временем осторожно наносила на шкатулку угольную пыль. Конечно, без скотча сложно, но и так можно кое-что увидеть. Отпечатки пальцев владельца уже есть, оставалось сравнить. Долго, муторно, неудобно… Только вот остальные способы результата не дадут. Не пытать же детей?

И выгонять весь класс тоже не стоит…

Пока Алексей Алексеевич пытался воздействовать на совесть учеников, Софья еще раз пошепталась с Ромодановским. И они тоже вошли в комнату, где проводилось дознание.

– Государь, дозволь слово молвить?

Алексей кивнул, глядя на сестру.

– Не сознался тать?

– Молчит.

– Можно переходить к дознанию, государь?

– Да.

– Тогда… Сейчас все по очереди пройдут в ту комнату. – Дети с ужасом уставились на Софью, и царевна подняла руку. – Пытать вас и причинять вред никто не будет. У вас просто возьмут отпечатки пальцев.

Ответом были круглые глаза детей.

– Вам этого еще не рассказывали, но узоры на пальцах у каждого человека индивидуальны, именно поэтому в Китае вместо подписи часто ставят отпечаток пальца. Когда тать лез в шкатулку, он оставил на ней отпечатки. Вот чьи окажутся, тот и ответит. Или – те…

Ответом было молчание. Дети верили царевне, но… кто?

А если шкатулку несколько человек потрогало?

– Предупреждая ваши вопросы, отпечатки пальцев сохраняются последние. И не думаю, что наш ворюга был в перчатках…

Показалось Софье – или в глазах одного из мальчишек мелькнул страх? Но и Ромодановский сделал шаг вперед. И

Алексей впился глазами в паренька, и Воин Афанасьевич…

– Ты! С тебя и начнем!

– Ей-ей, ничего я не брал, – заныл мальчишка, но государь был неумолим.

– А что тогда нервничаешь? Сейчас отпечатки возьмем, сравним – и если ты к шкатулке не прикасался, то отпустим.

– А коли нет, – прогудел Ромодановский, – то пожалуй ко мне, в Разбойный приказ. Там у меня спрашивать-от умеют! Плеточками, щипцами, железом каленым…

Методика «злой-добрый следователь» не дала сбоев и в семнадцатом веке. И через пять минут воришка уже каялся, сваливая все на беса, бедность и любимого папеньку, которому денюжка нужна, а то бы он ни в жисть! Да никогда бы…

– Звать его как? – тихо спросила Софья.

– Алексашка. Данилы Меньшикова сын.

– Александр Меньшиков?

– Да, – не понял удивления царевны Воин Афанасьевич.

– А кто его родители?

– Отец в царских конюшнях работает, мужик крепкий, хозяйственный, вот и порадел сыну. В ноги мне бросился, просил за мальчишку, а тот…

– Гнилое семя, – фыркнула Софья.

Ромодановский тем временем дожал мальчишку и вызнал, где спрятан перстень. Посланный слуга там его и нашел – в одной из щелей между бревнами, законопаченный мхом.

Кольцо действительно было дорогим. Массивная оправа, алый камень…

– Что с сопляком делать?

Трое мужчин и женщина переглянулись. И чуть ли не единогласно вынесли вердикт.

– Пороть – и юнгой на флот. Пусть там научат… линька́ми.

И пороть – перед всей школой, чтобы знали, что не будет в ней воровства. И прощать такое не станут. Ни на первый, ни на единственный раз. Был бы боярский ребенок – все равно бы пороли и на флот. Потому что один сопляк такое дело загубить мог…

Софья смотрела и думала, что жизнь складывается очень причудливо. Не будет Александр в этом мире товарищем Петра. И министром не будет, и главным вором всея эпохи, и Екатерину не подберет где-то в обозе…

А что будет?

Лучше ли? Хуже?

Нет ответа. Но вперед идти надо.

notes

1

Филипп IV (прозвище – Фальшивомонетчик) даже заочно осудил Папу Римского Бонифация VIII и направил за ним войска, от которых оный Папа очень быстро унес ноги. – *Прим. авт.*

2

Lettres de cachet – в абсолютистской Франции приказ о внесудебном аресте того или иного человека в виде письма с королевской печатью. Эти письма были примечательны тем, что в уже подписанных документах оставлялось свободное место, где можно было указать имя и фамилию любого человека. – *Прим. авт.*

Любовника. – *Прим. авт.*

4

Строительство подобного завода планировал и отстаивал его сын, Василий Никитич Татищев, лет на двадцать позднее, но в этой реальности могли и пораньше подсуетиться. – *Прим. авт.*

5

В реальной истории сие деяние получило название Государева дорога. – *Прим. авт.*

6

У автора лично случилась такая экскурсия, на которой даже дали померить корсет. Из тех самых, которые ввела Екатерина Медичи, металлических. И последствия от него были именно такими. – *Прим. авт.*

7

Г-н де Мольер. «Тартюф, или Обманщик». – *Прим. авт.*

8

В реальной истории ремонт Нарвы и строительство бастионов начали в 1683 году по проекту Эрика Дальберга. В 1676–1680 гг. был построен только один бастион со стороны реки, а остальные укрепления только ремонтировались. – *Прим. авт.*

9

Царевна Феодосия в РИ (29 марта (8 апреля) 1662—14 (25) декабря 1713 г.) – *Прим. авт.*

10

Песня из к/ф «Благочестивая Марта». – *Прим. авт.*

11

Кто вы? (*фр.*)

12

В реальной истории примерно так и было. А поскольку эпидемии чумы в те века были регулярными, могла и в 1676 г. иметь место. – *Прим. авт.*

13

В реальной истории он прожил до 1697 года, но Софья этого не помнит. Она просто помнит, что Петр I сражался с Карлом XII, а вот по датам – увы… – *Прим. авт.*

14

В реальности советником стал Юхан Юлленшерна, он же организовал изъятие земли у дворян. – *Прим. авт.*

15

Имеется в виду Генри Морган, сэр. – *Прим. авт.*

16

Маршал де Бассомпьер рассказал этот анекдот в своих мемуарах. Речь шла о Филиппе III, дедушке дона Хуана. – *Прим. авт.*

17

Король Карлос. Вместо 16 предков по обеим линиям в четвертом поколении, у него было всего 8. Откуда и все его физиологические проблемы. – *Прим. авт.*

18

Русская тварь! Режь их!!! Бей!!! – *Прим. авт.*

19

Бей русских!

20

Уважаемые читатели, прошу не закидывать автора тапками за этот факт. Со мной поступили так же, дав книжку в руки года в два. Правда, первые две книги я съела, но уже третья по счету осталась цела и была прочитана. Как раз к трем годам. – *Прим. авт.*

21

В реальной истории это случилось на четыре года позже, после чего вспыхнул бунт Монмута (с этого бунта начинается история Питера Блада), но здесь и сейчас здоровье короля могли и подорвать. Пьянки, гулянки… – *Прим. авт.*

22

Был случай, когда ее карету окружили и принялись забрасывать камнями. Нейл высунулась и завопила, что она – английская и протестантская шлюха, после чего ее пропустили целой и невредимой. – *Прим. авт.*

23

В реальной истории после смерти короля Якова править пригласили его дочь Марию с супругом Вильгельмом Оранским. Полагаю, в этой истории шансы есть у Карла. – *Прим. авт.*

24

Автор пользовался книгой Ч. Поулсена «Английские бунтари», справедливо решив, что англичанам виднее, как и что там у них происходило. – *Прим. авт.*

25

В реальности Кольбер умер на два года позже, но у него не было таких тяжелых условий жизни. – *Прим. авт.*

Фраза принадлежит Петру Первому. – *Прим. авт.*

27

В реальности она скончалась на два года раньше. – *Прим. авт.*

28

В нашей реальности это случилось в 1685 году, но там была чуть другая политическая обстановка. – *Прим. авт.*

29

В реальности означенная свекровь так же гнобила Ульрику-Элеонору, но у той характер был намного мягче, поэтому до прямых конфликтов дело доходило редко. – *Прим. авт.*